

A. A. A.

АННА АХМАТОВА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 7

Дополнительный

Москва
Эллис Лак 2000
2004

АННА АХМАТОВА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

7

ПЕРЕВОДЫ

1910–1950-е годы

Москва
Элис Лак 2000
2004

УДК 882А1-14
ББК 84Ря44
А95

*Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»*

Составление, подготовка текста, комментарии, статья
Н.В. Королевой

Художник *А.А. Зубченко*

На суперобложке портрет Анны Ахматовой
работы художника *Г. Верейского*, 1929 г

Редакционно-издательский совет:

А.М. Смирнова

(председатель, директор издательства)

Н.Б. Волкова

С.А. Коваленко

Н.В. Королева

В.Н. Сергутин

С.В. Федотов

© Эллис Лак 2000, 2004

© И В Гумилева, 2004

© И В. Королева Составление,
подготовка текста, комментарии,
статья, 2004

ISBN 5-88889-020-0 (т. 7, доп.)

ISBN 5-88889-029-4

«И ВОТ ЧУЖОЕ СЛОВО
ПРОСТУПАЕТ...»

*О переводах
Анны Ахматовой*

В последнее десятилетие жизни Анна Ахматова говорила о себе, гордо причисляя себя к элитной группе российских поэтов: «Мы, переводчики...». В 1942 г. в Ташкенте, когда ее просили участвовать в коллективных трудах по переводу поэтов советских республик или польских поэтов-антифашистов, она отвечала столь же гордо: «Я не перевожу стихов!». О подобном же ответе Ахматовой вспоминала Наталья Роскина, ссылаясь на рассказ Наума Яковлевича Берковского: «Профессор Н.Я. Берковский, возглавлявший издание сочинений Гейне, рассказал мне, как, еще не знакомый с Ахматовой, он позвонил ей по телефону и предложил перевести что-то для этого издания. Она ответила не без надменности: «Я стихов не перевожу»*. Это было в начале 1930-х годов.

Известно твердое указание Ахматовой никогда не печатать ее стихи вместе с ее же переводами. Возможно, этот запрет был порожден тяжелыми воспоминаниями о многолетних мытарствах с изданием ахматовских книг в 1930-е и 1950-е годы, когда ей возвращались рукописи, изымались лучшие и новые стихи поэта, а навязывался (в 1950-е годы) обязательный набор текстов для пере-

* Роскина Н. Четыре главы. Из литературных воспоминаний. Париж: УМСА-Press, 1980. С. 30.

водов, то прославляющих Сталина, то воспевающих посе́вы кукурузы (при Хрущеве). Впрочем, в выборе авторов и текстов для переводов в советскую эпоху не был свободен почти ни один поэт. Многотомных изданий классиков мировой литературы выходило не так уж много, договоры предлагались главным образом на книги поэтов национальных республик. Список тех, кому предлагались такие договоры, утверждался партийным руководством, и Ахматова была внесена в этот список только после 1950 г. Следует отметить, однако, что переводы оплачивались высоко, давали возможность жить безбедно и не публикуя собственных творений, — такова была иезуитская политика «заботы» партии о литературе и партийного «руководства» ею. Широко распространено мнение, во многом опирающееся на высказывания самой Ахматовой, что переводила она — для денег. В 1963 г., в беседе с Михаилом Владимировичем Латмановым, преподавателем-политехником, которого Ахматова называла своим библиографом, она так ответила на его вопрос о своей работе переводчика: «Для поэта переводческая деятельность не является творческой, характерной, я ей не придаю большого значения». И на возражение собеседника: «Но все-таки на переводе сказывается и индивидуальность поэта, и его талант, и черты его творчества», — Ахматова ответила: «Да, но это не его творчество. Приходится заниматься переводами главным образом из-за материальных соображений»*.

Мнение, что переводы Ахматовой мало отражают ее литературный вкус, высказала в свое время состави-

* Ахматова А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М.: Эллис Лак, 2001. С. 274. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте (том, страница).

тель и издатель раздела «Переводы» во втором томе «Сочинений» Анны Ахматовой (М.: Худож. лит., 1986 и 1987), редактор Н.Н. Глен: «В чрезвычайно широком и разноликом списке поэтов, переведившихся Ахматовой, не следует искать отражения ее литературных пристрастий. В течение ряда лет профессиональные занятия переводами давали Ахматовой литературный заработок, а самый выбор имен и произведений для перевода определялся чаще всего просьбами издательских работников или самих поэтов»*.

Известно также, что некоторые переводы, опубликованные под именем Ахматовой, выполняла не она сама. Для того чтобы поддержать материально бедствующих своих коллег, или молодых начинающих поэтов, или только что вернувшихся из заключения и ссылки реабилитированных писателей, она давала им возможность зарабатывать, делаясь с ними частью полученных от издательств заказов. Об этом писал один из коллег и друзей Ахматовой, Николай Иванович Харджиев**. Перечислив в статье, написанной им для «Ахматовских чтений» в 1989 г., довольно много переводов, выполненных лично им, хотя и вышедших под именем Ахматовой, — он в дальнейшем, при анализе сохранившихся у него рукописей, в беседах с издателем «Ахматовских чтений» и составителем настоящего тома Н.В. Королевой, уточнил, что окончательную шлифовку текста они осуществляли совместно: Ахматова правила его переводы, предлагала свои ва-

* Глен Н.Н. Переводы // Ахматова А. Соч.: В 2 т. Т.2. Проза. Переводы. М.: Худож. лит., 1987. С. 435–436.

** Харджиев Н.И. О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой // Тайны ремесла. Ахматовские чтения. Вып. 2. М.: Наследие, 1992. С. 229–232.

рианты, которые, кстати, не всегда Харджиева устраивали. О совместной работе с Ахматовой над многими переводами рассказывал и другой ее соавтор, в 1960-е годы начинающий литератор А.Г. Найман, ставший за время работы под руководством Ахматовой квалифицированным переводчиком.

Большая часть переводов, выполненных Ахматовой, была издана при ее жизни. Они входили в собрания сочинений Виктора Гюго, Цюй-Юаня, Ивана Франко, Яна Райниса, Рабиндраната Тагора, Саломеи Нерис и многих других выдающихся авторов, в сборники «Китайская классическая поэзия» (М., 1956) и «Сербский эпос» (т. 1–2, М., 1960), где Ахматова была одним из переводчиков. В нескольких сборниках имя Ахматовой стояло на титульном листе как имя единственного переводчика — «Корейская классическая поэзия» (перевод Анны Ахматовой. М.: Гослитиздат, 1956; 2-е изд. — 1958); «Голоса поэтов. Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой» (М.: Прогресс, 1965). Два имени переводчиков указаны на титульных листах книг «Лирика древнего Египта» (М.: Худож. лит., 1965; второй переводчик — Вера Потапова) и «Леопарди Джакомо. Лирика» (перевод с итальянского Анны Ахматовой и Анатолия Наймана; М.: Худож. лит., 1967). Последняя книга вышла уже после смерти Ахматовой.

Переводы Ахматовой входили в антологии осетинской, армянской, грузинской, латышской, румынской, болгарской, польской, чешской поэзии. Ею переведены произведения свыше ста пятидесяти авторов с более чем тридцати языков (как правило, с подстрочника, что было обычной практикой переводческой работы в советские годы). Это тысячи страниц, многие тысячи строк. Од-

нако эти переводы ни разу не были собраны воедино и изданы в достаточно полном виде. Небольшие сборники — «Голоса поэтов. Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой» (М.: Прогресс, 1965), «Анна Ахматова. Классическая поэзия Востока» (М.: Худож. лит., 1969), «Анна Ахматова. Из армянской поэзии» (Ереван: Советакан грох, 1976), «Анна Ахматова. Соч.: В 2 т. Т. 2. Проза. Переводы» (М.: Худож. лит., 1987) — не дают представления о подлинном масштабе труда и дарования поэта-переводчика.

В 1980-е годы была начата работа над двухтомным изданием поэзии Анны Ахматовой в Большой серии «Библиотеки поэта», в котором второй том предполагалось составить из ее стихотворных переводов. Но это намерение не было осуществлено. Над томом переводов работали Эрнест Викторович Песоцкий (подготовка текстов, примечания) и Левон Мкртычевич Мкртчян (вступительная статья). Лишь спустя десятилетие Л.М. Мкртчян издал свою статью — сначала в 1992 г. в виде «Самиздата», с помощью компьютера и ксерокса, тиражом 100 экз., затем — под заглавием «Анна Ахматова. Жизнь и переводы» — в журнале «Слово — Word» (Нью-Йорк. 1993. № 15. С. 101–123). Подготовленные Э.В. Песоцким тексты хранились в его личном архиве и после безвременной смерти ученого были переданы наследниками составителю настоящего тома.

Два тома «Переводы» в Собрании сочинений Анны Ахматовой (М.: Эллис Лак, 1998–2002) являются дополнительными. Первый том содержит ранние опыты стихотворных переводов Ахматовой, переводы для академического издания А.С. Пушкина, прозаические переводы (с французского) писем Рубенса и Радищева,

знаменующие начало профессиональной переводческой деятельности, а также стихотворные переводы 1930-х годов, военных лет и начала 1950-х годов — драмы в стихах и стихотворений В. Гюго для пятнадцатитомного издания французского классика. Это был первый большой заказ на переводы, предложенный Ахматовой после постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград». Над ним Ахматова работала при активном доброжелательном участии М.Л. Лозинского, который был ее консултантом, а иногда и редактором.

Второй том, составленный с максимально возможной в настоящее время степенью полноты, включает в себя стихотворные переводы 1950-х — 1960-х годов, когда Ахматова работала уже как переводчик-профессионал. В этом томе использованы материалы, хранящиеся в Отделе рукописей РНБ (С.-Петербург), исследованные Н.В. Королевой и Э.В. Песоцким. Копии, сделанные Э.В. Песоцким, оказали неоценимую помощь составителю — для уточнения состава тома, его композиции и сопоставления текстов и вариантов с подстрочниками, которыми пользовалась Ахматова.

За предоставление материалов из архива Э.В. Песоцкого составитель и издательство «Элис Лак» выражают глубокую благодарность наследникам ученого.

При подготовке настоящих томов составителю впервые предстояло решить несколько сложных задач, связанных с композицией и составом книг. Стремление к возможно большей полноте было чревато опасностью включить в собрание не принадлежащие Ахматовой тексты. На каком-то этапе работы казалось, что отделить тексты, переведенные Ахматовой, от переводов, выпол-

ненных другими лицами, но вышедших под ее именем, во многих случаях не представляется возможным. Однако помощь в этом оказали хранящиеся в ахматовском архиве в Российской Национальной библиотеке, в Музее Анны Ахматовой «Фонтанный Дом» и других государственных хранилищах и частных собраниях сотни страниц подстрочников, вариантов переводов, беловые тексты, переписанные начисто рукой Ахматовой или отпечатанные на машинке с последующей правкой поэта. Многие из них завершаются фразой: «Перевела Ахматова». Эти черновики, чистовые рукописи с подписями в трудных случаях служили неоспоримым доказательством авторства Ахматовой.

Сохранилась обширная переписка Ахматовой по поводу ее работы над переводами, многочисленные записи разговоров с нею о том или ином переводимом ею авторе, воспоминания об Ахматовой-переводчице, опубликованные и неопубликованные интервью, где она рассказывала о своем понимании переводимого ею поэта. Все это положено нами в основу отбора текстов для настоящих томов.

Вместе с тем остается немало и спорных случаев, в частности, когда подписи Ахматовой под текстом перевода нет, но существует свидетельство кого-либо из литераторов о его участии в работе. В таких случаях можно предположить двойное авторство, соавторство или активную редактуру Ахматовой. Вопрос о включении такого перевода в основной текст ахматовского издания каждый раз решается с учетом всех известных сведений и фактов. Если роль Ахматовой-соавтора и Ахматовой-редактора была активной, то, не исключая из собрания подобные тексты, мы выделяем их в особые подразделы

под условными названиями: «Двойное авторство», «Редактура Ахматовой», «Выполнены в соавторстве с...». Эти подразделы помещены вслед за основным корпусом переводов Ахматовой. Обоснования таких решений приводятся в комментариях.

1. Начало переводческой работы: переводы «для себя»

Первые переводы «для себя», по некоторым сведениям, были выполнены Анной Ахматовой, тогда еще Аней Горенко, в годы учения в Мариинской гимназии Царского Села, в Киевской Фундуклеевской гимназии и на юридическом факультете Высших женских курсов, куда она поступила осенью 1908 г. Переводы, устные и письменные, входили в учебную программу. П.Н. Лукницкий записал слова Ахматовой: «Пиковую даму» — перевод на французский язык, в гимназии»*.

К этому времени Аня Горенко бегло говорила по-французски, хорошо знала поэзию французских символистов, могла читать наизусть несколько «длинных» немецких стихов, увлекалась античностью и латынью и свободно переводила латинские тексты. М.И. Алигер вспоминала, как в 1950-е годы Ахматова однажды «с листа» перевела ей басню Катулла про раба и его беспутного господина: «...взяв со стола открытую книгу, она прочитала мне по-латыни, переводя с листа, басню Катулла, написанную от лица раба, который жалуется на свою тяжелую долю и поносит своего господина»**. Читать по-

* Лукницкий П.Н. Асумиана. Встречи с Анной Ахматовой. Paris: YMCA-Press, 1991. С. 82.

** Алигер М.И. В последний раз // Воспоминания об Анне Ахматовой. М.: Сов. писатель, 1991. С. 354–355.

эзию на языке оригинала — правило, которое Ахматова усвоила с гимназических лет.

В 1910 г. в Царском Селе (очевидно, после возвращения из свадебного путешествия с Н.С. Гумилевым в Париж и погружения в литературную жизнь Петербурга) Ахматова перевела «для себя» шестистрочное стихотворение Р.М. Рильке «Одиночество»:

О святое мое одиночество — ты!
И дни просторны, светлы и чисты,
Как проснувшийся утренний сад.
Одиночество! Зовам далеким не верь
И крепко держи золотую дверь,
Там, за нею, желаний ад.

Принято считать, что Ахматова не перевела, а пересоздала, переложила немецкий текст, далеко уйдя от оригинала. Так ли это? Вот оригинал Рильке и его дословный перевод:

Du meine heilige Einsamkeit, du bist so reich und rein und weit wie ein erwachender Garten.	Ты мое святое одиночество, ты так богато и чисто и широко как просыпающийся сад.
Meine heilige Einsamkeit du — halte die goldenen Turen zu, vor denen die Wunsche warten.	Мое святое одиночество, ты держи закрытыми золотые двери, перед которыми ожидают желания.

Л. Мкртчян писал об этом переводе: «Ахматова пересоздала оригинал Рильке по-своему и на свой лад. Она привнесла в перевод «от себя» слова и выражения: дни просторны, утренний сад, зовам далеким не верь, желаний ад. Она максимально приблизила оригинал к себе. Одиночество Рильке — это его одиночество, его глубоко личное чувство. У Ахматовой — это ее одиночество. И это другое одиночество. Недолгое утреннее оди-

ночество молодой женщины, еще не вошедшей, как писал Николай Недоброво об оригинальных стихах ранней Ахматовой, «в свой испепеляющий опыт». И проснувшийся сад у нее другой. <...> И символика утреннего сада, символика строки «Крепко держи золотую дверь», при лексической близости к оригиналу, в переложении Ахматовой иная, далекая от оригинала»*.

Попробуем оценить первый опыт стихотворного перевода Ахматовой с других позиций. Стихотворение Рильке, как и ахматовский перевод, говорит об одиночестве святом, светлом и чистом, подобном просыпающемуся (утреннему) саду. У этого святого и чистого одиночества есть золотые двери, которые надо (лучше) держать закрытыми, потому что через них могут ворваться ожидающие возле дверей (перед дверьми или за ними) желания. В тексте Рильке два персонажа: человек и одиночество. Желания — это нечто, не принадлежащее к миру чистого одиночества. В стихотворении Ахматовой одиночество и течение прекрасных, светлых и чистых дней — это единый мир, прекрасный, как проснувшийся утренний сад. Золотую дверь, имеющуюся у этого мира, надо крепко держать (т.е. держать закрытой), чтобы охранить его и не пропустить извне в светлый мир одиночества «желаний ад», который к этому миру не принадлежит и, по-видимому, ему враждебен. Согласимся с Л. Мкртчяном, что это одиночества различные. Но вспомним, что стихотворение Рильке, как и ахматовский перевод, тоже было написано им в ранней юности (оно напечатано в сборнике «Канун рождества», 1898 г., когда поэту было 23 года!). И зададим себе вопрос: имел ли

* «Слово — Word». Нью-Йорк. 1993. № 15. С. 107.

право переводчик на свое уточнение зыбкого поэтического образа-оригинала? Думается, что да. Привнесение нескольких собственных деталей, не противоречащих общему эмоциональному строю подлинника, также допустимо, — не случайно великие мастера перевода Пастернак и Лозинский позже учили Ахматову, что основное правило стихотворного перевода — перевод всей страницы целиком, а не построчный, при этом можно жертвовать деталями во имя целого. Собственно, такую мысль мог высказать Ахматовой еще в 1910-е годы ее первый муж, Николай Степанович Гумилев, серьезно занимавшийся переводами в период их совместной жизни и создавший обстоятельную теорию перевода, так сказать, инструкцию для начинающих переводчиков: «...переводчик поэта должен быть сам поэтом и, кроме того, внимательным исследователем и проникновенным критиком, который, выбирая наиболее характерное для каждого автора, позволяет себе, в случае необходимости, жертвовать остальным»*. Это цитата из статьи «О стихотворных переводах», опубликованной в 1919 г. как итог многолетних размышлений и собственной переводческой практики. Гумилев сформулировал в ней девять заповедей переводчика, первыми из которых были: соблюдение числа строк оригинала, соответствие метра и размера, чередования рифм и их характера. Обратим внимание на то, как заботливо сохранила Ахматова число строк — шесть, передала ритм подлинника — четырехударный дольник, и систему рифмовки — а а в с с в.

Известно, что в начале 1910-х годов Н.С. Гумилев предлагал Ахматовой перевести прозой что-нибудь из

* Гумилев Н.С. О стихотворных переводах // Гумилев Н.С. В огненном столпе. М.: Сов. Россия, 1991. С. 314.

Теофила Готье, которого очень высоко ценил, о котором написал восторженную статью и стихи которого переводил сам. Мы не знаем, о чем именно шла речь — о романе «Капитан Фракасс», «одном из лучших образцов французской прозы по выдержанности языка и великолепию картин»*, о каком-либо другом романе, о статье либо фельетоне о литературе и театре (по словам Гумилева, собрание сочинений Готье могло бы составить триста томов). Ахматова не приняла этого предложения. Любопытно, что Гумилев говорил Ахматовой о переводе прозы, а не о переводе стихов, — не потому ли, что, по его глубокому убеждению, переводчик стихов «должен забыть свою личность, думая только о личности автора. В идеале переводы не должны быть подписными»**. Личность Ахматовой в поэзии уже в 1910-е годы была величиной абсолютной, и такой выдающийся знаток и ценитель поэзии, как Гумилев, не мог желать ей отказа от своей личности во имя занятия переводами чужих стихов.

Второй известный нам поэтический опыт Ахматовой-переводчика — стихотворение «Заре» португальского поэта Антеру ди Кенталя, написанное им в 1880 г. для надгробного памятника шестнадцатилетней девушки, сестры поэта Жуакино де Ароужо. Ахматова перевела его в июле 1920 г. и включила в свою книгу «Подорожник» (1921). Это единственный случай, когда она по своей воле опубликовала перевод вместе с собственными стихотворениями. Правда, в последующих книгах перевод в раздел «Подорожник» уже не входил, за исключением сборника «Из шести книг» 1940 г., куда, возмож-

* Гумилев Н.С. Теофиль Готье. Указ. соч. С. 316–322.

** Гумилев Н.С. О стихотворных переводах. Там же. С. 314–315.

но, он был включен не самой Ахматовой, а составителями этой книги, Ю.Н. Тыняновым и М.Л. Лозинским. Собирался включить перевод «Заре» и В.Н. Орлов, дополняя книгу Ахматовой 1946 г., тираж которой был уничтожен после постановления 1946 г. (см. об этом в т. 4 наст. изд.)

Итак, достоверно известны только два ранних перевода Ахматовой «для себя».

Между тем обстоятельства жизни неоднократно сталкивали поэта с переводчиками, позволяли вблизи наблюдать их работу, а частично и участвовать в их нелегком труде. В начале 1920-х годов Ахматова помогала своему второму мужу, ассирологу, переводчику и поэту В.К. Шилейко, как секретарь и переписчик его переводов. «Шилейко переводил клинопись, диктуя АА прямо «с листа» — даже стихи (переводы) АА писала под его диктовку. По шесть часов подряд записывала. Во «Всемирной литературе» должна быть целая кипа переводов ассирийского эпоса, переписанных рукой АА» (Запись П.Н. Лукницкого со слов Ахматовой 20 февраля 1925 г.)*.

Летом 1921 г., по совету друзей, бедствующая в ту пору Ахматова обратилась к М. Горькому с просьбой помочь ей получить какую-нибудь работу, — возможно, переводческую, в издательстве «Всемирная литература». Горький, предоставлявший такую работу многим писателям — Блоку, Гумилеву, Мережковскому, Э. Гиппиус и другим — не воспринял ее просьбу всерьез. Он предложил ей обратиться в Смольный к Венгеровой и полу-

* Лукницкий П.Н. Из дневников // Об Анне Ахматовой. Стихи. Эссе. Воспоминания. Письма. Л., 1990. С. 133–134.

чить от нее для перевода на итальянский язык прокламации Коминтерна. «Я тогда, не зная достаточно итальянского языка, не могла бы, даже если бы захотела, переводить эти прокламации. Да потом, подумайте: я буду делать переводы, которые будут посылааться в Италию, за которые людей будут сажать в тюрьму»*. Впрочем, именно в 1920-е годы Ахматова всерьез занялась изучением и совершенствованием своего итальянского языка. «Я всю жизнь читаю Данте», — скажет она на дантовском вечере в последний год своей жизни. Французские поэты оказывались нужны ей в процессе работы над биографией и углубленным изучением творческого пути Гумилева, французские, итальянские и английские, причем обязательно в подлиннике, — при изучении поэзии Пушкина. 11 марта 1927 г. П.Н. Лукницкий записывает в дневнике: «По просьбе АА я принес ей из Мраморного дворца ее Ariosto, который ей нужен был для работы по Пушкину. (АА нашла вчера моменты в «Евгении Онегине», написанные под влиянием Ariosto). АА читала мне отдельные места из Ariosto по-итальянски и переводила с листа. Я заметил, что читала АА с удовольствием еще и потому, что ей нравится самый звук итальянской речи в ее голосе»**.

С середины 1920-х годов в творческой судьбе Ахматовой начинается период первого государственного остракизма, — перестают выходить ее книги, не публикуются стихи, она попадает в «черный список» не лояльных по отношению к советской власти «попутчиков». Увлекающие ее и дорогие ее сердцу занятия — изучение

* Лукницкий П.Н. Указ. соч. С. 144.

** Там же. С.155.

творчества и биографии Пушкина, занятия языками — итальянским, английским — не могли обеспечить ее материально. Проблема получить какой-либо договор на переводы становится актуальной и жизненной необходимостью.

2. Переводы пушкинских текстов

Профессиональные занятия Пушкиным сблизили Ахматову с кругом ученых-пушкинистов, начавших работу над подготовкой первого академического Полного собрания сочинений Пушкина. Она была привлечена к этому труду в качестве переводчика и консультанта по переводу английских и французских текстов. Точно определить сегодня, какова именно роль Ахматовой в этой работе, не представляется возможным. Выходу первого тома Полного собрания сочинений Пушкина 1937 г. предшествовали фундаментальные академические издания, где было названо имя Ахматовой как переводчика. В книге «Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты» (М.; Л., Academia, 1935) в предисловии М.А. Цявловского, написанном 10 февраля 1935 г., говорится: «Все переводы, кроме одного, английских текстов сделаны А.А. Ахматовой. Один текст переведен Г.О. Винокуром»*. Это издание готовили М.А. Цявловский, Л.Б. Модзалевский, Т.Г. Зенгер, — т.е. крупнейшие пушкинисты того времени. Во второй вступительной статье (автор Татьяна Григорьевна Зенгер), предшествующей разделу «Изучение языков и переводы», перечислены переводчики: «Французский текст переведен (№ 1) М.Г. Муравьевой, английский (№ 1, 11 и 13) —

* Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., «Academia», 1935. С. 12. Далее страницы в тексте.

А.А. Ахматовой, немецкий (№ 5) — Н.Г. Зенгером, сербский (№ 12) — С.М. Бонди, старофранцузский (№ 7) — И.А. Лихачевым <...> (С. 26). Анной Ахматовой был переведен английский текст в отрывках из трех произведений — «Гяур» Байрона, «Экскурсия» Вордсворта и «Марциан Колонна» Бари Корнуола, которые в разные годы привлекли внимание Пушкина, которые он переписал своей рукой и дал свой, иногда неточный, прозаический перевод. «Гяура» Байрона Пушкин записал по-французски и с французского же переводил. Вордсворта переводил с английского, и, по мнению издателей, начало — перевод прозаической ремарки — сделан Пушкиным «безошибочно». С английского же, с включением многих английских слов и вариантов перевода, во время «Болдинской осени» Пушкин пытался переводить Бари Корнуола.

Эти рукописи Пушкина к тому времени уже неоднократно публиковались, но в 1935 г. издатели дали свое, более точное их прочтение, подготовили комментарии к ним, выверили английский текст и привели его современный дословный перевод. Ахматова делала перевод (тексты прочли Л.Б. Модзалевский и С.М. Бонди, комментировала Т.Г. Зенгер). Кроме того, в этом томе она участвовала и в общей коллективной работе, в частности в обсуждении некоторых комментариев к письмам Пушкина к Каролине Собаньской. М.А. Цявловский, готовивший этот раздел, писал: «Не Собаньскую ли надо видеть в «la cousine de M-de Lubomirska», слова которой Пушкин цитирует в своем известном письме о «Борисе Годунове» к Николаю Раевскому?» К имени Любомирской дана сноска: «Предположение, высказанное А.А. Ахматовой. «Cousine» по-французски означает не

только двоюродную сестру, но и вообще родственницу» («Рукою Пушкина». С. 201). В последнем разделе книги, в комментарии к публикации трех отрывков французского текста, записанных рукой Пушкина, Цявловский отметил: «А.А. Ахматова установила, что третий абзац французского текста представляет собою выписки отдельных фраз и выражений из письма Сен-При к Юлии из романа Ж.Ж. Руссо «La nouvelle Heloise» (часть 1, письмо восьмое)». Приведя полностью текст соответствующего отрывка письма Сен-При и выделив курсивом фразы из этого письма, взятые Пушкиным, Цявловский пишет: «А.А. Ахматова, сообщив мне о своей находке, поделилась со мною своими соображениями по этому поводу: ей представляется, что этот документ является подготовительным материалом для письма — личного или в художественном произведении. Пушкин, широко пользовавшийся французской литературой XVIII века для своего творчества, смело мог и личное письмо пронизать ставшими классическими словами великих французских образцов. И если Марья Гавриловна в «Метели» «вспомнила первое письмо St. Preux», то корреспондентке Пушкина пришлось бы вспомнить его восьмое письмо» (С. 884—886).

Через год, в 1936 г., в том же издательстве «Academia» вышел первый том Полного собрания сочинений А.С. Пушкина (в 6 т.) под редакцией М.А. Цявловского. Он же был обозначен как единственный ученый, готовивший том: «Подготовка текста и комментарии М.А. Цявловского». Французские тексты здесь переведены под строкой, но имя переводчика не обозначено. Можно предположить, что на этом этапе Ахматова в переводе французских текстов не участвовала.

В 1937 г. в первом томе — «Лицейские стихотворения» — академического Полного собрания сочинений Пушкина (в 15 т.; Издательство Академии наук СССР, 1937) имя Ахматовой как участника издания названо дважды. На с. XIV: «В издании принимают ближайшее участие: М.П. Алексеев, А.А. Ахматова, Д.Д. Благой, С.М. Бонди, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Н.К. Гудзий, Г.А. Гуковский, В.В. Гиппиус, Т.Г. Зенгер, Н.В. Измайлов, Л.Б. Модзалевский, П.С. Попов, А.Л. Слонимский, Б.В. Томашевский, М.А. Цявловский, Б.М. Эйхенбаум, А.М. Эфрос, Н.В. Яковлев, Д.П. Якубович». И на следующей странице: «Переводы французских текстов редактированы А.А. Ахматовой. Редакторы тома — М.А. Цявловский и Т.Г. Зенгер. Контрольный рецензент — Б.В. Томашевский».

Отметим для себя слово «редактированы» — так определена роль Ахматовой-переводчика в этом издании. Но сама Ахматова считала свою роль более значительной. В интервью корреспонденту газеты «Литературный Ленинград» 29 сентября 1936 г. она иначе сказала о своей доле участия в пушкинском издании: «...для первого тома академического издания Пушкина я перевела на русский язык все французские стихи, печатавшиеся в комментариях, а также французские стихи Пушкина». Возникает вопрос: что же делала Ахматова — редактировала чужие переводы или переводила сама? Попробуем сверить переводы французских текстов первых томов 1936 и 1937 годов.

Стихотворения, написанные до поступления в лицей (в издании 1936 г. они находятся в разделе *Dubia*):

1936

Скажи, за что «Похититель»

Освистан партером?

«Увы — за то,
что бедняга-сочинитель

Его похитил у Мольера».

1937

Скажи мне, почему «Похититель»

Освистан партером?

Увы, за то, что бедный автор

Похитил его у Мольера.

Перевод отредактирован Ахматовой. Он стал благозвучнее и удачнее синтаксически, Ахматова не стремится сохранить подобие рифмы «Похититель»-сочинитель.

1936

Пою тот бой, в котором Толи одержал верх,
Где немало бойцов погибло, где Поль отличился,
Николая Матюрена и красавицу Нитуш,
Коей рука была наградою победителю в ужасной схватке.

1937

Пою сей бой, в котором Толи одолел,
Где погиб не один воин, где Поль отличился,
Николая Матюрена и прекрасную Нитуш,
Рука которой была трофеем ужасной стычки.

И здесь мы имеем дело с редактурой Ахматовой, сделавшей подстрочный перевод более благозвучным и придавшей ему некоторую высокую архаичность («сей бой», «одолел»), и упростившей неловкие обороты: «рука которой» — вместо «коей рука». Перевод Ахматовой ритмизован и более музыкально звучит по-русски.

Перевод стихотворения «Стансы» 1814 г. не претерпел никаких изменений. А перевод стихотворения того же года «Мой портрет», так же, как и переводы произ-

ведений «Кж. В.М. Волконской» и «Куплеты», переделаны весьма значительно и могут считаться самостоятельными переводами Ахматовой. Вводим их в основной текст настоящего издания, а перевод, предшествующий ахматовскому, помещаем в комментариях.

В основной текст тома вводим также подстрочные переводы английских отрывков, выполненные Ахматовой для издания «Рукою Пушкина».

3. Письма Рубенса. Шекспир

Гражданский брак с Н.Н. Пуниным, крупным ученым-искусствоведом, укрепил и расширил связи Ахматовой с ленинградскими художниками и искусствоведами. Помогая Пунину готовить многочисленные лекции и доклады, она переводила для него французские статьи и монографии о художниках. «Три дня подряд прилежно переводила французскую монографию об одном из художников и составляла конспект лекций для Пунина. Занимается этим постоянно. Так подготовила старых — XVIII века — французов и французов XIX века. Раньше конспектировала с трудом две-три страницы. Теперь в один присест — страниц по сто пятьдесят. Об одной из школ, о которой были только английские и немецкие монографии, не могла прочесть и сделать конспекта по незнанию этих языков» (записи П.Н. Лукницкого). В ноябре 1927 г. Ахматова переводит монографию о Сезанне, — «она перевела еще очень мало, страниц 20—30, а в книге 400 страниц, и это отнимает у нее все время, и для себя уж ничего не может делать — не остается времени»*. Известно, что Ахматова переводила французские

* Лукницкий П.Н. Указ. соч. С. 154, 164.

статьи о художнике Энгре. К сожалению, эти переводы Ахматовой не сохранились.

В 1920-е годы в Ленинграде при Институте истории искусств развернуло работу издательство «Academia», созданное по предложению М. Горького. Оно было организовано в 1922 г. в Петрограде как частное предприятие, в середине 1920-х годов появилось его отделение в Москве, в 1929 г. издательство было переведено в Москву и реорганизовано, в 1938 г. слилось с Гослитиздатом. Цель издательства — выпуск фундаментальных книг об искусстве, прежде всего о живописи, литературе, театре, публикация серьезных литературоведческих и языковедческих исследований, издание выдающихся произведений мировой литературы в новых современных переводах. Одним из заказов этого издательства в начале 1930-х годов было предложение Анне Ахматовой перевести письма великого фламандского художника Питера Пауэла Рубенса для серии «Иностранные мемуары, дневники, письма». Она согласилась, работала с увлечением, радовалась, что переводит прозу, а не стихи. Н. Роскина записала с ее слов: «По доброй воле она никогда не занялась бы переводом стихов. В тридцатых годах она охотно переводила прозу — с французского: письма Рубенса, пушкинские тексты. «Я люблю переводить прозу, — сказала она мне. — И умею. От перевода стихов она когда-то отказалась наотрез»*. Работу Ахматова закончила к весне 1931 г. 17 марта Н.Н. Пунин писал в Москву Н.И. Харджиеву: «...Приезжайте. Анна Андреевна шлет привет, сдала Рубенса. «Петр-Павел», — сказали гости»**.

* Роскина Н. Указ. соч. С. 30.

** Тайны ремесла. Ахматовские чтения. Вып. 2. М.: Наследие, 1992. С. 200.

По свидетельству Э.Г. Бабаева, публиковавшего переписку Н.И. Харджиева, в январе 1931 г. Харджиев помогал Ахматовой редактировать ее переводы писем Рубенса; фраза «Петр-Павел», — сказали гости» — это употреблявшаяся в этом кругу вольная цитата из рассказа обэриута Ю. Владимирово о картежниках, столь увлеченных игрой, что их не удивило бы ничто на свете. Если бы вошел сам Рубенс, они ограничились бы лишь констатацией факта: «Петр-Павел», — сказали бы гости. Есть здесь и некоторая ирония в адрес Ахматовой, «русифицировавшей» имя фламандца. Книга была сдана в набор 25 марта 1933 г., подписана в печать 29 сентября 1933 г. На форзаце обозначена серия: «Искусствоведение. Под общей ред. А.В. Луначарского и А.М. Эфроса». На титульном листе — Петр Павел Рубенс. Письма. Перевод А.А. Ахматовой. Комментарии В.Д. Загоскиной и М.И. Фабриканта. Вступительная статья В.И. Лазарева. Редакция и предисловие А.М. Эфроса. Academia, М.;Л., 1933. На обороте титульного листа названо имя художника: «Заставки, титульный лист, переплет и суперобложка, гравюры на дереве М.В. Маторина».

В настоящее время сохранилось не много книг раннего этапа работы этого издательства. Почти все экземпляры, хранящиеся в библиотеках, имеют поврежденные титульные листы и обороты титульных листов: черной тушью вымараны фамилии авторов, составителей и редакторов, прежде всего — имя Л.Б. Каменева, какое-то время возглавлявшего издательство вместе с А.В. Луначарским. Иногда — такой же участи подвергалась фамилия переводчика. В монографии М.П. Сокольниково «М.В. Маторин» воспроизведен титульный лист изда-

ния 1933 г., где нет ни фамилии Ахматовой, ни фамилии А.М. Эфроса. Л. Мкртчян видел в Ереванской Публичной библиотеке экземпляр с тщательно замазанной фамилий переводчика — Ахматовой.

Выбор писем Рубенса из огромного его эпистолярного наследия не принадлежал Ахматовой. Редактор издания Абрам Маркович Эфрос (1888—1954) был и его составителем: он использовал отбор, произведенный французским ученым П. Колэном (P. Colin) для двухтомника писем Рубенса на французском языке. В русском издании Эфрос исключил огромную дипломатическую переписку Рубенса, как малоинтересную русскому читателю, но и сохранил «остроумный план колэновского издания» — семь тематических рубрик, по которым распределены письма. В предисловии «О письмах Рубенса» Эфрос дает ему характеристику как энциклопедической и противоречивой личности своего времени: это величайший художник, самый славный, самый международный живописец XVII века — и в то же время буржуа — делец, прижимистый торговец антиквариатом, способный за гроши скупать ценности и за огромные суммы сбывать подделки. Уличенный в обмане, он несколько не смущается, а радуется выгодной сделке, и все это отражено в его письмах. В них нет эстетических теорий, суждений о работах других живописцев, размышлений о собственном творчестве. Зато письма Рубенса «полны пафосом дел и многоцветностью происшествий. Но именно этим они драгоценны». Таково мнение Эфроса, который сопоставил Рубенса с Петром Первым, изображенным А.С. Пушкиным: «То академик, то герой, то мореплаватель, то плотник» — в этой формуле пушкинской влюбленности в своего Петра надо только менять про-

фессиональные обозначения, чтобы измерять ею и других героев того же склада. Так, Рубенс был то живописцем, то антикваром, то гуманистом, то дипломатом. Он был первейшим мастером искусства...»* Можно предположить, что сравнение с пушкинским Петром, обозначенное с помощью пушкинской цитаты, импонировало Ахматовой. Над изданием Рубенса работала целая команда специалистов высочайшего уровня. Ими на основании изданий Рюленса, Макса Роозеса и Колэна были составлены обширные комментарии, содержащие сведения о жизни Рубенса, его высоких покровителях, великих и малых художниках и граверах Европы XVII в., учителях живописца и его учениках, путешествиях, выполненных и не выполненных заказах, материальном положении семьи Рубенса и запрашиваемых им ценах за картины. Чтобы уравновесить деловую сухость писем, в книге помещены многочисленные репродукции картин Рубенса и его автопортреты.

Ахматова переводила тексты писем по французским изданиям, хотя многие письма в оригинале были написаны Рубенсом по-итальянски, многие фразы по-латыни. Заглядывала ли она в итальянский текст и в латинские словари, — мы не знаем. В своем переводе она стремилась передать высокий слог художника, тот колорит изысканности, которого стиль Рубенса не терял даже при изложении самых прозаических сюжетов. Например, в первом цикле писем рассказывается о путешествии Рубенса из Мантуи, где он служил придворным живописцем мантуанского герцога Виченцо I, в Испанию с дипломати-

* Эфрос А.М. О письмах Рубенса // П.П. Рубенс. Письма. М.; Л., 1933. С. 8.

ческой миссией и подарками для испанского короля Филиппа III, его министра герцога Лермы и других придворных. Рубенс докладывает министру финансов Мантуи и своему покровителю Аннибале Къеппио о том, что его расходы сильно превысили отпущенную ему сумму, потому что он послушал неверного совета при выборе своего маршрута. Художник просит заступиться за него перед герцогом и изложить тому его объяснения. Выглядит эта просьба в переводе Ахматовой так: «Я уверен, что и в обширном океане Ваших многочисленных и важных дел Вы не откажетесь заняться моей бедной ладьей, и донныне столь дурно управляемой благодаря советам какого-то неразумного человека». Думается, что оборот «дурно управляемой благодаря советам» не самый удачный в этом переводе, но — Ахматова еще не была мастером, она училась... В другом письме Рубенс рассказывает о приеме, который оказал ему великий герцог Тосканский Фердинанд I Медичи, дядя мантуанского герцога, обнаруживший во время их беседы поразительную осведомленность обо всем, что происходит при дворе племянника и даже о содержимом запечатанных тюков с подарками для испанцев. «Я был совершенно ошеломлен всем этим и принужден заподозрить действие какого-нибудь домашнего духа или же превосходную осведомленность наблюдателей, чтобы не сказать — шпионов, находящихся в самом Дворце нашего Государя. Это не может быть иначе, так как я не перечислял содержимое моих тюков ни в таможне, ни в каком-либо другом месте. Быть может, также моя простота заставляет меня принять за чудо вещи, весьма обычные в придворном обиходе. Да простит мне Ваша Милость и прочтет для времяпрепровождения мнения неопытного новичка, принимая во внима-

ние лишь мои добрые намерения и желание как можно лучше служить моим покровителям и в особенности Вашей Светлости!» Эта витиеватая лукавая фраза полна внутреннего сарказма, и Ахматова перевела ее с редкостным изяществом и мастерством.

Вновь вернемся к рассуждениям Н.С. Гумилева о принципах перевода и его девяти заповедям начинающему переводчику. Одна из них говорит об обязательности передачи стиля переводимого автора: «У каждого поэта есть свой собственный словарь, часто подкрепленный теоретическими соображениями. Вордсворт, например, настаивает на употреблении разговорного языка. Гюго — на пользовании словами в их прямом значении. Эредиа — на их точности. Верлен, наоборот, — на их простоте и небрежности и т.д.»*. Ахматова воссоздала на русском языке французско-итальянско-фламандский стиль придворного письма XVII в. Причем письма и официально-го, и дружеского, — сравним хотя бы стиль и «словарь» писем Рубенса со стилем и «словарем» выданного ему в 1600 г. в Антверпене путевого листа, т.е., говоря нашими словами, заграничного паспорта: «Всем и каждому, кто прочтет или услышит настоящее письмо, бургомистр и Городской совет Антверпена желают счастья и благополучия. Мы выражаем желание и сим подтверждаем, что в нашем городе и округе по благому промыслу Божьему можно дышать здоровым воздухом и что здесь не свирепствует ни чума, ни какая другая заразная болезнь. Далее, так как указанного ниже числа Петрус Рубенс, сын Иоганна, некогда магистрата этого города, заявил нам, что он в настоящее время намеревается ехать в Ита-

* Гумилев Н.С. В огненном столпе. С. 312.

лию по делам, то для того, чтобы он мог всюду беспрепятственно въезжать и выезжать, без подозрений в том, что он поражен какой-либо болезнью и в особенности заразной, так как он сам и весь этот город (по милости Божьей) пощажены чумой или какой-либо другой заразной болезнью, то вышеназванный бургомистр и Городской совет, вызванные засвидетельствовать истину, выдали ему настоящий документ, скрепив его печатью сего города Антверпена. Дано сегодняшнего дня восьмого мая 1600 г.».

Этот документ приводят в своих комментариях В.Д. Загоскина и М.И. Фабрикант (с. 294–295). Можно предположить, что Анне Ахматовой, с ее постоянным интересом к духовной жизни и быту великих и малых людей прошлых веков, к теме «поэт и царь», «художник и властитель», — было интересно погружаться в эпоху великого Рубенса и историю сложнейших взаимоотношений могущественной Испании и Фландрии, Испании и раздробленной на княжества Италии, Франции и Англии, следить за ходом Тридцатилетней войны, о событиях которой многократно упоминает Рубенс, за действиями и судьбой Габсбургов и Кемпбелов, Медичи и Гонзага, встречать имя испанского герцога Лермы, шотландского тезку которого любимой Ахматовой поэт Михаил Юрьевич Лермонтов считал своим предком. Заказ на перевод удачно сочетался с интересом личным, — выполняя заказ, переводчица немало получала сведений «для себя». Высокую оценку переводу Ахматовой писем Рубенса дал искусствовед Михаил Владимирович Алпатов в воспоминаниях о своей первой встрече с Ахматовой в доме Н.Н. Пущина:

«Я встретил А.А. Ахматову, когда пришел к ее мужу Н.Н. Пунину в Ленинграде на их квартиру на Фонтанке.

Говорили о книгах и, в частности, об одной новой биографии Данте. “Мы вместе читаем Данте, — сказал Николай Николаевич, — и нам очень хотелось бы иметь эту книгу”. В эту минуту дверь отворилась, и в комнату вошла она сама, неслышно и легко, точно сошла с портрета Альтмана.

Она держалась прямо, немного недоступно, но приветливо. Ее слова мне глубоко запомнились. Я выразил восхищение ее переводом писем Рубенса (действительно превосходным).

“Вы очень добры, — сказала она. — Переводить Рубенса суцая мука. Он совершенно пренебрегает орфографией и пишет нередко два слова в одно”.

Мы заговорили о личности Рубенса.

“Это — чудовище, — сказала Ахматова. — Я перечитала все его письма и пришла к заключению, что он был шпионом. Я не совсем согласна с Лазаревым. Зачем было так приглаживать биографию Рубенса?”

Я напомнил ей об эрмитажном “Портрете камеристки”. Только в этот день я восторгался этой сероглазой женщиной, которая одна могла бы опровергнуть все ходячие представления об рубенсовских идеалах красоты.

Ахматова как-то ушла в себя. “Да, камеристка, — сказала она. — В ее глазах отразился тот чудный день, когда ее писал Рубенс”»*.

Завершив работу над переводами писем Рубенса, Ахматова надеялась получить новые заказы того же издательства. В интервью 29 сентября 1936 г. для газеты

* Алпатов М.В. Воспоминания. М.: Искусство, 1994. С. 221.

«Литературный Ленинград» она говорила о намерении переводить для издательства «Academia» трагедию Шелли «Ченчи». В конце 1933 г. приступила к переводу трагедии Шекспира «Макбет».

Сохранилось письмо от 9 декабря 1933 г. Георгия Чулкова к Ахматовой, в котором речь идет о рекомендации этого ахматовского перевода Л.Б. Каменеву, тогда возглавлявшему издательство, переехавшее в Москву (РГАЛИ. Ф. 13, оп. 1, ед. хр. 32).

Ахматова начала свой перевод Шекспира с ключевой для сюжета трагедии сцены предсказания ведьм, породившего безумное честолюбие Макбета. Однако продолжена работа, по-видимому, не была. В это время были изданы переводы «Макбета» других авторов — Сергея Соловьева и Анны Радловой (1934). Возможно также, причиной прекращения работы явилось то, что убийства из честолюбия и жажды власти, запечатленные в «Макбете», «Гамлете» и других трагедиях Шекспира, ассоциировались в сознании Ахматовой с современной ей историей, в частности с убийством Кирова, — аллюзия была слишком явной. Об этом вспоминает актер В. Рецеттер, много беседовавший с Ахматовой о своем и ее понимании Шекспира. Ахматова говорила молодому актеру о том, что, по ее мнению, в основу сюжета «Гамлета» положена история Марии Стюарт и таинственного убийства ее второго мужа Дарнлея. «От казни Марии Стюарт до появления трагедии прошло не так много времени, — считала Ахматова, — событие не слишком отдалилось, примерно так, как от нас — убийство Кирова...»*.

* Рецеттер В. Это для тебя на всю жизнь // Вопросы литературы. 1987. № 3. С. 200.

4. Стихотворные переводы 1930-х годов

В 1935—1936 годах Ахматова впервые, если не считать юношеских опытов, решила переводить стихи. Она выбрала армянских поэтов — Даниэля Варужана и Егише Чаренца, — возможно, под влиянием увлеченности Арменией О.Э. Мандельштама и Н.Я. Мандельштам, что одновременно совпало с просьбой друживших с Ахматовой издательских редакторов — Георгия Шенгели и Игоря Поступальского, готовивших в 1936 г. в Гослитиздате «Антологию армянской поэзии» и однотомник Е. Чаренца. И вновь предложенный заказ соответствовал личным интересам поэта. Стихотворение Варужана «Первый грех» («Каждый день на горах...») было напечатано в журнале «Звезда» (1936. № 7. С. 3—4), перевод из Чаренца — «Газелла моей матери» — в «Литературном Ленинграде» 29 сентября 1936 г. вместе с заметкой-интервью Ахматовой «Над чем я работаю». Она говорит в этом интервью о том, что в последнее время много занималась переводами, — о выполненных ею переводах французских текстов Пушкина, о намерении переводить трагедию Шелли «Ченчи» для издательства «Academia», где недавно вышли ее «Письма Рубенса», и особо — о двух армянских поэтах: «Недавно в «Звезде» напечатан мой перевод большого стихотворения армянского поэта Даниэля Воружан (так! — Н.К.) — «Первый грех». Сейчас я закончила перевод двух стихотворений современного армянского поэта Чаренца».

Для почитателей Ахматовой появление ее имени в печати, хотя бы в качестве переводчика, было радостным знаком прекращения (или смягчения?) опалы, снятия запрета, наложенного на публикацию ее произведений после 1925 г. Но — выбор имен, текстов, самого вре-

мени переводческой работы не способствовал благополучному разрешению ситуации — конфликта «поэт и власть». Л.М. Мкртчян писал об этом: «С точки зрения литературной конъюнктуры 30-х годов Ахматова взялась переводить явно невыгодных поэтов, но поэтов выдающихся. Само имя западно-армянского поэта Даниэля Варужана было тогда не в чести, так как при одном его упоминании возникала раздражающая власти тема геноцида армян в Турции»*. Стихи Варужана предполагалось включить в антологию армянской поэзии, которая готовилась в начале 1930-х годов под редакцией М. Горького. Но в июне 1936 г. Горький умер, книга была задержана, состав включенных в нее поэтов пересмотрен, и она вышла лишь в 1940 г. под редакцией С.С. Арутюняна и В.Я. Кирпотина. В антологию включили стихи, прославляющие Сталина, перевод Ахматовой был изъят, и после единственной журнальной публикации напечатан лишь в 1979 г.**

Егише Чаренц был также замечательным армянским поэтом, другом Мандельштама, поклонником таланта Ахматовой. В 1933 г. на русском языке вышла книга Егише Чаренца «Страна Наири», в следующем в Гослитиздате готовился сборник избранных его стихов, в который предполагалось включить и переводы Ахматовой. Чаренц знал о привлечении к переводу его стихов Анны Ахматовой и писал об этом редактору Игорю Поступальскому в 1935-м или начале 1936 г.: «Уважаемый Игорь! Я очень благодарен тебе за то, что ты привлек к переводу моих вещей Анну Ахматову. Для меня переводы этой

* «Слово — Word». С. 110.

** Поэты Армении. Л.: Сов. писатель (Б-ка поэта, малая серия). 1979. С. 323—335.

большой, давно мне известной русской поэтессы — большая радость, тем более что они как будто очень верны? Пожалуйста, при случае передай ей мою благодарность. Я и сам написал бы ей, да пока как-то неудобно. Спасибо! Егише Ч.»*

Книга не вышла. Егише Чаренц был арестован в 1937 г. и умер 29 ноября 1937 г. в ереванской тюрьме. Рукопись книги сохранилась (РГАЛИ. Ф. 613, оп.1, ед. хр. 8159). «Избранное» Чаренца было издано в Москве только в 1956 г. В книгу вошли десять переводов Ахматовой, выполненных ею в 1930-е и в 1950-е годы.

Два стихотворения Чаренца, переведенные Ахматовой в 1930-е годы, явно выбраны ею не случайно. Тема матери, разлученной с сыном, всегда была близка ей. И строки ахматовского перевода звучат чрезвычайно остро:

Ты помнишь сына, давно он ушел от тебя.
Куда он ушел, родимая мать моя?
И где он теперь живет, он жив или умер давно?
В какие двери стучит, родимая мать моя?

Так же актуально звучал и второй перевод из Чаренца — «В подвале Зимнего дворца». Современный исследователь армянской поэзии Т.Э. Хзмалян обращает внимание на отступления от подлинника в ахматовском переводе. Например, строки 3—4 у Чаренца: «Один порфироносный царь-арлекин / Допрашивал декабристов». У Ахматовой: «Всю ночь сам царь — венчанный шут / Вел праведным допрос». У Чаренца: «Даже пробовал воздействовать величием, / Как некий сказочный царь». У Ахматовой: «Как в сказке некий государь / Велико-

* Чаренц Е. Неизданные и несобранные сочинения. Ереван, 1983. С. 46.

душен был / И милость обещал им царь...» У Чаренца: Царь, «заострив усы, / С холодной улыбкой пожимал их дрожащие пальцы. / На них из его синих глаз / Глядела непреклонная судьба». У Ахматовой: «Он им с улыбкой ледяной / Жал руки в страшный час. / Казалось, счастье волной / Лилось из царских глаз». Т.Э. Хзмалян объясняет изменения образной системы и стиля в ахматовских переводах ее сознательным стремлением внести в текст, во-первых, высоту пушкинского слога и, во-вторых, современную трагическую ноту противостояния поэта и тирана. «В 1937 год поэты вступали как бы в смертельный возраст», «...сквозь образы декабристов, мучимых царем, о чем идет речь у Чаренца, как бы просвечивают облики ее друзей и современников, замученных тоталитарным режимом». Ахматова снимает прямую аллюзию, указывающую на образ тирана Сталина, — усы, например, но убирает и деталь, уводящую от этого образа, — дважды повторенный Чаренцем эпитет — «синие глаза». Вывод исследователя — Ахматова стремилась к созданию тайного, суггестивного смысла в безобидном, казалось бы, тексте перевода*.

В самом начале 1940-х годов Ахматова перевела несколько стихотворений из обширной лирической драмы украинского поэта Ивана Франко «Увядшие листья». Одно из них — пятнадцатое стихотворение из «Третьей горсти», т.е. третьей части, — опубликовано в журнале «Звезда» (1941. № 5) — «И ты прощай...». Это и еще несколько переводов Ахматовой 1940—1941 гг. из «Увядших листьев» вошли в книгу: Иван Франко. Стихотво-

* См.: Хзмалян Т.Э. Два перевода Ахматовой из Чаренца в свете воздействия поэзии Мандельштама // «Царственное слово». Ахматовские чтения. Вып. 1. М.: Наследие, 1992. С. 194—202.

рения (Л.: Сов. писатель, 1941. Б-ка поэта, малая серия). Можно ответить на вопрос, почему именно это стихотворение Ахматова отдала в мае 1941 г. в «Звезду». Оно было чрезвычайно «ахматовским» по сюжету, ложилось на события личной драмы — воспоминания о первой попытке разрыва с Н.С. Гумилевым в 1914 г., о гибели Гумилева, от имени которого она когда-то написала стихи, обращенные к самой себе, о разрыве с любимым человеком (в 1930-е годы это был Н.Н. Пунин). Стихотворение переведено так, как в поздние годы Ахматова-профессионал переводить стихи уже не будет — в 1940—1941 годах она переводила Франко, обнажая собственный, ахматовский стиль и слог, приближая чужой текст к собственным трагическим стихам:

И ты прощай! теперь тебя
 Не назову вовеки я,
 В лицо твое не гляну!
 Чтоб ты не знала никогда,
 Ушел я от тебя куда,
 И чем лечу я рану.

Ты позабудь меня скорей,
 Люби, воспитывай детей,
 Будь верною женою!
 И не читай стихов моих,
 И не веди бесед ночных,
 Как с призраком, со мною.

А вспомнят люди обо мне,
 Будь безразлична ты вполне,
 О роза, что увяла!
 И не бледней и не дрожи,
 А собеседнику скажи:
 «Нет, я его не знала!»

В этих стихах в переводе Ахматовой звучит лермонтовская интонация, которой также она не будет пользоваться в переводах поздних лет: «Ты Расскажи всю правду ей, Пустого сердца не жалея; Пускай она поплачет... Ей ничего не значит!» («Завещание», 1840).

5. Переводы военных лет

Ахматова была эвакуирована из блокадного Ленинграда в Москву, затем в Ташкент. В столице Узбекистана она оказалась окруженной большой группой писателей — московских, ленинградских, украинских, белорусских, а также ташкентских, пишущих на узбекском и на русском языках. «А мне переводить Лютфи / Под огнедышащим закатом» — строки из стихотворения Ахматовой о Ташкенте «Еще одно лирическое отступление» 8 ноября 1943 г. Вопрос о переводах — с узбекского, украинского, белорусского — и национальной классики, и современных поэтов, пишущих о войне, — вставал очень остро. Ахматову приглашали принять участие во многих сборниках и антологиях, она отказывалась. Без ее участия вышли книги: «Поэты Узбекистана» (1942, под ред. К. Чуковского и И. Уткина; в числе переводчиков Н. Ушаков, Л. Пеньковский, В. Левик и С. Сомова); Хамид Алимджан. «Зейнаб и Аман». Поэма (1943, пер. С. Сомовой); Гафур Гулям. «Иду с Востока». Стихи (1943. Пер. Л. Пеньковского, В. Державина, С. Сомовой). Переводить Лютфи, узбекского поэта-классика (1366—1465), Ахматова согласилась почти сразу после приезда в Ташкент — в декабре 1941 г. Об этой работе есть несколько записей в дневнике Л.К. Чуковской, общавшейся в это время с Ахматовой почти ежедневно.

19 декабря 1941: «Она была задумчива и не в духе. Скоро я поняла, в чем дело: переводы Лютфи никак не

даются ей. Она надеялась на помощь Кочеткова, Городецкого, — но и это не вышло. «Я не могу переводить. Я никогда не могла. Теперь узбеки обидятся. Ведь все, кто берется, — переводят. Я одна верну стихи, ничего не сделав, и они решат, что это от гордости. <...> А я никогда не могла перевести ни строки»*. Ахматова не сразу вернула тексты и подстрочники. Летом 1942 г. в санатории в Дурмени, где она поправлялась после тяжелой болезни, она училась узбекскому языку и «разбирала Лютфи». По словам Л.К. Чуковской, в стихах Лютфи Ахматова нашла эпиграф для своего стихотворения «Последний тост» — «что-то о чаше»**.

Ташкентская поэтесса и переводчик, литературный консультант Союза писателей Ташкента, Светлана Сомова вспоминает, как однажды Ахматова перевела строки Омара Хайяма «Если пьешь ты вино, только с умным дели его, друг...». С.А. Сомова рассказывает о том, как узбекский поэт Гафур Гулям, стихи которого в ее переводе знала и любила Ахматова, пригласил Анну Андреевну в кишлак на праздник пуска первой воды только что построенного канала. «Ехали по летнему городу... Гафур <...> нараспев, очень музыкально, читал на фарси Омара Хайяма; Ахматова попросила перевести.

Гафур прочел еще раз, а Саида (Саида Зуннунова, молодая узбекская поэтесса. — Н.К.) строку за строкой, как подстрочник, переводила на русский, объясняя что-то по пути. Вдруг я заметила, что губы Анны Андреевны безмолвно шевелятся. Саида заметила, замолчала, и Гафур, обернувшись, заметил и замолчал. Это было

* Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. Т. 1. М.: Согласне, 1997. С. 356.

** Там же. С. 481.

чудо — три поэта своей особой интуицией почувствовали поэтическую волну поэта четвертого. Она пошептала что-то и внезапно прочла вслух:

Если пьешь ты вино, только с умным дели его, друг.
Иль с красавицей тюльпаноликой, стыдливою, друг.
Много лучше не пей и грехов своих не открывай,
Пей один, пей тайком эту чашу счастливую, друг.

Это было удивительным примером сотворчества, того, что я называю дружбой вдохновений. Ритмичная, прелестная по своей певучей пластике мелодия персидского рубая, русский с узбекским акцентом язык Саиды Зуннуновой и, наконец, мягкий, удлинённый по-восточному, на нежном русском языке перевод Ахматовой, точный по смыслу и с редифом, как было у Хайяма»*.

Анна Ахматова не переводила с узбекского, и после неудачи с Лутфи не брала заказов на переводы. Однако в одном коллективном начинании — переводе стихов польских поэтов о разгромленной фашистами Варшаве, о страдающей Польше — она участвовала. Это было связано с домом А.Н. Толстого, его вечерами и литературными чтениями, на которых бывала и в которых принимала участие Анна Ахматова.

5 мая 1942 г. Л.К. Чуковская записала в своем дневнике: «На днях, вечером, NN рассказывала мне о вечере у Толстых, на который она была приглашена. Там был поляк и читались польские стихи — Слонимского и еще чьи-то. Она говорила о них с восторгом, пыталась вспомнить строки»**. Поляк — граф Йозеф Чапский, польский

* Текст впервые — в ст.: Сомова С. Анна Ахматова в Ташкенте // Воспоминания об Анне Ахматовой. М.: Сов. писатель, 1991. С. 373.

** Чуковская Л.К. Т.2. С. 437–438.

офицер формирующейся на территории СССР армии генерала В. Андерса, журналист и писатель, человек высочайшей европейской культуры. В штабе Андерса, расположенном вблизи Ташкента в поселке Янги-Юль, Чапский ведал «культурной работой» и связями с общественностью. Ему позже будет посвящено стихотворение Ахматовой «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...», во всяком случае одна строфа этого стихотворения: «То мог быть Стамбул или даже Багдад, / Но увьи! Не Варшава, не Ленинград, / И горькое это несходство / Душило, как воздух сиротства». Позже Л.К. Чуковская встречала этого поляка у Анны Ахматовой и сама один вечер провела у него — в номере гостиницы, закрепленном за командующим польской армии Андерсом, где Йозеф Чапский предполагал устроить прием для желающих еще раз послушать польские стихи, но куда ни один из приглашенных не явился, — «Я подозревал “дипломатические болезни”, запрет»*.

Чапский вспоминал об этом вечере с Л.К. Чуковской: «Я читал стихи для нее одной и переводил их на русский язык, а затем еще раз читал по-польски. Чувство пронзительной близости меня не оставляло. Она не произнесла ни слова и лишь после чтения попросила кое-что уточнить, вслушиваясь в звучание слов, требовала точно передать значение по-русски. А затем вдруг сказала: “Значит, вы уже нашли выражение тому, что пережили... а мы... еще ничего...” — И умолкла. Глаза ее были опущены, уголки губ дрожали».

В доме А.Н. Толстого было принято решение издать под эгидой работавшего в Ташкенте в годы войны

* Вестник Русского Христианского Движения. 1989. № 156. С. 162. Далее — ВРХД.

отделения издательства «Советский писатель» во главе с А.Н. Толстым и А.Н. Тихоновым-Серебровым — сборник польских стихов в переводе на русский язык — стихов о страданиях и борьбе оккупированной фашистами Польши (1942). Именно об этом плане издания говорили в доме Толстого весной 1942 г., в тот вечер, когда Анна Ахматова познакомилась с Йозефом Чапским. Присутствовали, кроме супругов Толстых и Тихонова, известные ташкентские переводчики, а также невестка М. Горького, вдова его сына, Н.А. Пешкова (Тимоша) и Анна Ахматова, которую хотели привлечь к работе над переводами.

Чапский писал: «Мы договорились, что Тихонов возьмет на себя издание сборника польских поэтов, что сборник этот будет разбит на три части: стихи из оккупированной Польши (они дошли до нас через Лондон), стихи польских поэтов из Лондона, а также стихи, написанные в формирующейся в Советском Союзе польской армии. Так же, как и на вечере в Юнги-Юль, я читал лондонские стихи»*. Был ли 1942 год удачным временем для издания этой книги? Генерал Андерс, с личного одобрения Сталина, формировал из пленных польских офицеров будущую народно-освободительную армию Польши для борьбы с Германией. В процессе формирования выяснилось, что 15 тысяч поляков бесследно исчезли в советских лагерях. По распоряжению Андерса Чапский, сам прошедший лагерь под Старобельском и под Вологдой, пытался выяснить их судьбу, но это ему не удалось. В 1943 г. сформированные части польской армии переправились в Иран и вступили в войну с Германией на итальянском фрон-

* ВРХД, 1989. № 156. С. 157. Другой перевод текста Чапского, выполненный К.М. Поливановым, — в кн.: Анна Ахматова. Requiem. М.: Изд. МПИ, 1989. С. 170–174

те. После окончания войны Польское правительство лишило гражданства солдат и офицеров армии Андерса, Чапский оказался в Париже. Собранная и переведенная в 1942 г. книга польских стихов получила две резко отрицательные рецензии в Москве, с рекомендацией составить ее заново и перевести на более высоком профессиональном уровне. Но — с течением времени и с усложнением отношений советского правительства и «белой», буржуазной Польши книга становилась все менее созвучной политическому моменту. Книга не вышла.

Польские стихи в чтении Чапского, сопровождаемые его подстрочным переводом, потрясли присутствующих. «Я до сих пор вижу слезы в огромных глазах молчаливой Ахматовой, когда я неловко переводил строфу “Варшавской колядки”:

А если ты хочешь родить его в тени
Варшавских пепелищ,
То лучше сразу после рожденья
Брось его на распятые.

“Баллада о двух свечах”, “Отчизна Шопена” Балинского, а также “Воздушная тревога в городе Варшаве” Слонимского произвели на всех потрясающее впечатление. Мне пришлось прочитать все его стихи, мне не позволили пропустить ни одного». Чапского просили переводить дословно каждую строчку.

«Ахматова согласилась взять на себя перевод “Варшавской колядки”, хотя, по ее словам, стихов она никогда не переводила. Толстой рычал: почему никто в Советах так не пишет о России, почему стихи о родине “пишут у нас застенчиво и неестественно” (ВРХД, 1989, № 156. С. 158). К.М. Поливанов перевел слова Толстого иначе:

“Почему наши сегодня пишут такие холодные и такие искусственные стихи о родине” (Анна Ахматова. Requiem. М.: Изд. МПИ, 1989. С. 172). Почувствовав, что собравшиеся плохо знают классику польской поэзии, Чапский стал читать Словацкого и Норвида. “Я стал переводить отрывки из стихотворения “Фатум” Словацкого:

Диким зверем пришло несчастье к человеку.
Вонзило в него свои роковые очи.
Ждет,
Покуда человек не собьется.

Толстой так заинтересовался этими стихами, что помог мне перевести их на русский язык, а потом переписал и спрятал в карман» (ВРХД. С. 159). Для Чапского — для *такого* человека, знающего *такие* стихи, — в доме Толстого читала Ахматова свою “Поэму без героя” и стихи о ленинградской блокаде. Именно с ним она совершила в ту ночь долгую прогулку по ночному Ташкенту, которая отразилась потом в стихотворении “В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...”. Чапский написал о том же после смерти Ахматовой, когда его слова уже не могли ей повредить: “Мы с ней совершили длинную прогулку, во время которой она совершенно преобразилась. Ахматова с болью и горечью говорила о том, что она целовала сапоги всех знатных большевиков, чтобы они ей сказали, жив или умер ее сын, но ничего от них не узнала. Мы были удивлены, что стали вдруг так близки друг другу, а это оказалось возможным из-за того, что я был в польском мундире, и она мне абсолютно поверила, что я не шпион. Об этом я, конечно, не мог написать в книге, которая вышла еще при жизни Ахматовой»*.

* Русская мысль. 1989. 10 марта.

В апреле 1946 г. Ахматова напечатала в журнале «Звезда» (№ 4, с. 58) свой перевод стихотворения о Ташкенте белорусской поэтессы Эди Огнецвет, с которой познакомилась в Ташкенте, — «Узбекское небо»:

Ты спасла, приютила меня,
Одарила и солнцем, и хлебом.
Буду помнить до смертного дня
Золотое восточное небо.

Выбор этого стихотворения, очевидно, принадлежит Ахматовой, — оно созвучно ее отношению к Узбекистану и воспоминаниям о доброте к ней ташкентской земли.

*6. После постановления
о журналах «Звезда» и «Ленинград».*

Письма Радищева

Анна Ахматова вернулась из эвакуации в Ленинград в 1944 г. После опубликования в центральной партийной газете «Правда» стихотворения «Мужество» и выхода в 1943 г. ее книги стихов в ташкентском отделении издательства «Советский писатель» она обрела новое для себя положение советского поэта, причисленного к элите. Ее трагические стихи о войне потрясали даже переживших блокаду ленинградцев. При ее появлении на трибуне зал вставал. Уже был написан «Реквием», продолжалась работа над «Поэмой без героя». Писались стихи — не героические и не веселые: о разрыве с человеком, которого она готовилась назвать мужем, о пустом и разрушенном городе, где половина ее друзей лежит в братской могиле на Пискаревском кладбище, о неожиданной встрече и беседе с «человеком из будущего», за которую ей грозит неизбежная расплата, — «Те-

перь меня позабудут / И книги сгниют в шкафу. / Ахматовской звать не будут / Ни улицу, ни строфу». На ее столе, как и на протяжении многих лет, — Пушкин, Данте, Байрон, Шекспир, Библия. О сиюминутном она пишет вечное:

Кого когда-то называли люди
Царем в насмешку, Богом в самом деле,
Кто был убит и чье орудье пытки
Согрето теплотой моей груди...

Вкусили смерть Свидетели Христовы,
И сплетницы-старухи, и солдаты,
И прокуратор Рима — все прошли.
Там, где когда-то возвышалась арка,
Где море билось, где чернел утес, —
Их выпили с вином, вдохнули с пылью жаркой
И с запахом блаженных роз.

Ржавеет золото и истлевает сталь.
Крошится мрамор, — к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней — царственное слово.

Быт Ахматовой беден. Она живет в коммунальной квартире, где прописаны в двух комнатках она и вернувшийся с войны (после тюрьмы и ссылки) сын Лев, а за стеной — Н.Н. Пунин, разрыв с которым произошел еще до войны, семья И.Н. Пуниной и еще одна семья — чужие люди. Но ее дух могуч и не сломлен, и в строках стихов — «Ржавеет золото и истлевает сталь» — угадываются вечные истины «Нагорной проповеди» Евангелия от Матфея: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют...». Три книги стихов сданы Ахматовой в издательства, все они получили блестящие

внутренние рецензии, две из них вышли в 1946 г. После постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 г., где Анна Ахматова объявлялась чуждым советскому народу поэтом, тиражи изданных книг были уничтожены. Формулировки партийного постановления крайне жестки, за ними могло последовать все что угодно, вплоть до ареста. Слежка, прослушивание комнат в Фонтанном Доме, доносы и отчеты обо всех посетителях и беседах с Ахматовой стали повседневными явлениями. Ахматову и Зощенко исключили из Союза писателей, их книги были изъяты из торговой сети и библиотек. На месяц писателей лишили рабочих продуктовых карточек. «Она лежит, аритмия сердца, предполагают грудную жабу; в общем, замучили. Сократили сына, ее работу о Пушкине не приняли. Никаких средств к существованию. Все это я знаю со стороны. Сама А.А., конечно, ни на что не жалуется», — записала в дневнике посетившая Ахматову 17 февраля 1948 г. Л.В. Яковлева-Шапорина*.

В конце 1947-го — начале 1948 г. Г.П. Макогоненко предложил Ахматовой принять участие в издании, которое он готовил к двухсотлетнему юбилею со дня рождения Александра Николаевича Радищева (1749—1802) — одготомнике «Избранные сочинения» Радищева. В него он собирался включить и письма. Ахматовой предлагалось перевести с французского несколько писем Радищева к графу А.Р. Воронцову из сибирской ссылки. Она согласилась. 11 января 1948 г. с нею был заключен договор государственным издательством «Художественная литература» на перевод с французского (без подстрочника) писем Радищева в объеме 4 авторских лис-

* Ахматовский сборник. Париж, 1989. С. 208—209.

тов с оплатой 1000 руб. за авторский лист. (Отдел рукописей РНБ. Ф. 1073, ед. хр. 53.)

В марте 1949 г. Ахматова принесла Георгию Пантелеймоновичу Макогоненко готовый перевод, объяснив принцип своего подхода к поиску нужного стиля: «Я избегала модернизации и пыталась сохранить стиль Радищева. Прочла “Путешествие”. Там, рассуждая о стиле своей оды “Вольность”, он признавал, что трудность и негладкость стиха порождались стремлением передать таким образом трудность самого действия, рождения мысли. То же и в письмах»*.

Перевод был одобрен, принят к печати. Ахматовой выплатили гонорар, что было для нее очень важно в то время. В сентябре 1949 г. книга с переводами Ахматовой вышла в свет, но имя переводчика названо не было. Только в 1952 г., во втором издании — Радищев А.Н. Избранные сочинения (М.: ГИХЛ, 1952) — Макогоненко удалось восстановить справедливость, — на странице 610, перед примечаниями, сказано: «Письма А.Н. Радищева 6, 9, 16—18, 20, 23, 24, 27—32, 34—63 переведены с французского А.А. Ахматовой».

Г.П. Макогоненко рассказывал о том, что привлекло Ахматову в переводах Радищева — его невероятное умение ощущать себя счастливым в самых невыносимых условиях. Высланный в Сибирь, лишенный всякой возможности духовной жизни, испытывающий физические муки, писатель способен радоваться — приезду сестры с двумя его малолетними детьми, приезду брата, — Ахматова сопоставляет его судьбу со своею — государственная «анафема», физические страдания, арест сына в

* Макогоненко Г.П. Из третьей эпохи воспоминаний // Об Анне Ахматовой. Л., 1990. С. 278.

1949 г., арест Н.Н. Пунина, который, несмотря ни на что, оставался дорогим для нее человеком, — и спрашивает: «Неужели после всего случившегося и я когда-нибудь вслед за Радищевым скажу, что могу быть счастлива?..»*

В начале 1950-х годов Институт русской литературы Академии наук (Пушкинский Дом) приступил к работе над академическим Полным собранием сочинений Радищева. Было бы естественно предположить, что будет использован ахматовский перевод французских писем Радищева, но этого не случилось. Перевод был поручен другому автору.

В 1949—1950 годах Ахматова была вынуждена написать и напечатать несколько стихотворений во славу советской власти и Сталина. Она рассчитывала смягчить этим участь сына, — однажды, в 1930-е годы, ее личное обращение к Сталину помогло, и в считанные дни Лев Гумилев и Николай Пунин оказались на свободе. Сейчас, в новую эпоху репрессий, Ахматова сама была «провинившейся» перед советской властью и перед партией, — поднадзорной, почти врагом народа. Сын был наказан не за свою, а за ее вину. Л.Н. Гумилева не освободили. Даже в середине 1950-х годов, после смерти Сталина и начала массовой реабилитации, он был возвращен из лагеря лишь в 1956 г., одним из последних. Но — после 1950 г. — издательство начало работу над новой книгой стихотворений Анны Ахматовой «Слава миру!» (после смерти Сталина, с 1953 г., книга будет называться «Избранное», в 1958 г. выйдет под заглавием «Стихотворения»). Ей предложили договоры на переводы. Это было в 1951 г.

* Макогоненко Г.П. Указ. соч. С. 280.

7. Начало 1950-х годов

Драма «Марьон Делорм» и стихотворения В. Гюго

Договоров на переводы после 1950 г. было много. Ахматовой предлагали перевести с азербайджанского по подстрочнику 90 строк Р. Рзы, с армянского — 171 строку А. Исаакяна, с грузинского — 248 строк И. Гришашвили, с якутского — 158 строк Л. Попова, 416 строк нескольких осетинских поэтов для сборника «Осетинская литература», с литовского — 350 строк для сборника «Литовские поэты XIX века», с французского — стихотворения В. Гюго и его драму «Марьон Делорм». И еще многих и многих других поэтов. Она не отказывалась, — это был вид заработка почетный, не требующий унижительного насилия над своими нравственными и гражданскими убеждениями. Оплата — по 14 рублей за строку, доплата за массовый тираж, за первую публикацию и проч. — была щедрой. Подстрочники готовили специалисты, знатоки поэзии соответствующего автора и народа, с которыми Ахматова консультировалась о просодии, образной системе автора, его личности и судьбе.

В книгу ее собственных стихов, которая поначалу называлась «Слава миру!», на протяжении 1950—1958 годов также включались переводы — китайские и корейские поэты, отрывки из «Марьон Делорм», осетинский поэт А. Цурукаев, румынский поэт А. Тома, П. Маркиш, писавший на идиш, Р. Тагор, писавший на бенгальском. Состав раздела «Переводы», который даже в окончательной редакции книги заполнял одну ее треть, менялся с 1950 по 1958 г. весьма значительно — все восемь лет он подвергался критике «внутренних рецензентов», а их было немало. В первых вариантах книги в нее входили «Слава Вождю» И. Гришашвили, «Московские ку-

ранты» О. Сарывели. Эти тексты исключили из книги после смерти Сталина, о чем Ахматова, естественно, не жалела. Но входили в первую редакцию и переводы, отвечающие внутренним переживаниям самой Ахматовой, — «Клич» Юлиана Тувима, например, перекликающийся с темой Варшавы и Польши, вошедшей в стихи Ахматовой с ташкентских лет:

Вернитесь, позабытые слова,
 Обычные и стертые! Скорее
 Во мне зарею новой запылайте,
 Чтоб больше не шептал я, но чтоб крикнул:
 «Варшава! Гордость! Улица! Народ!» <...>
 О счастье дивное, что гражданином стал я
 Освобожденной Речи Посполитой!

Близки внутренним переживаниям и собственным стихам Ахматовой были и строки Маро Маркарян «Мое богатство» — «Родина и сын милее жизни...», и стихи белорусского поэта Максима Лужанина «Верблюжий караван» и «Вечная жизнь». Ахматова перевела последнее, передав глубокое чувство скорби поэта, вспоминающего Пушкина, день его дуэли, и предрекающего поэту вечную славу:

Морозный день, Санкт-Петербург, гулянье.
 В последний раз осмотрен пистолет.
 И к Черной речке быстро мчатся сани.
 Что будет там? Не ведает поэт.
 Утоптан снег, блеснул огонь, и смерти
 Глаза певца уже покрыл туман.
 Он привстает, как бы в корону метит, —
 Наемник ранен, жаль не сам тиран!

И — забытье... Сугробы снеговые...
Под шелест хвой, под ветками берез
Как будто в даль он едет по России,
А слава вслед, не утирая слез. <...>

Рецензентка В. Смирнова отметила строки Лужанина

«Невольник тот же он, хоть и на воле, —
Следит за ним увенчанный жандарм» —

и потребовала снять этот перевод. Впрочем, в однотомник Лужанина 1952 г. он вошел, — видимо, именно в книге Ахматовой текст приобретал некий особый, политически опасный современный смысл.

Были в первых вариантах сборника Ахматовой переводы стихов С. Нерис, П. Усенко, Н. Грига, Л. Попова. Их отбирал занимавшийся составлением и пересоставлением книги А. Сурков. В следующие собственные книги — 1961 и 1965 годов — Ахматова переводы уже не включала. Тогда она сформулировала и свой категорический наказ будущим издателям — никогда не печатать ее стихи вместе с переводами.

Среди заказов на переводы начала 1950-х годов, пожалуй, самым значительным и трудным был заказ на перевод Гюго. Чуждый ей гражданский декламаторский пафос, драматическая форма, — не «лирическая драма», как у Ивана Франко, которая по сути своей и форме была поэмой-циклом, а настоящая драма, предназначенная к постановке на сцене. И хотя французский подстрочник Ахматовой был не нужен, но ей был необходим советчик, опытный переводчик и друг. Таким стал для нее друг многих лет, блестящий мастер перевода Михаил Леонидович Лозинский. 21 ноября 1952 г., в день своих именин, Лозинский получил телеграмму: «Сорок лет тому

назад в этот день я в первый раз поздравила вас дорогой Михаил Леонидович. Ахматова». Из воспоминаний жены поэта, Татьяны Борисовны Лозинской: «Ахматова оказалась хорошим и верным другом. Материально долго жилось тяжело и нам, и ей. И вот, при первом большом заработке А.А. поспешила принести тогда больному М.Л. огромный торт. Боюсь, что этот торт поглотил значительную часть ее гонорара! Когда М.Л. бывал арестован <...>, А.А. неизменно проявляла внимание и заботу, не боясь неприятностей. <...>. Во время повальных арестов и высылки она после ареста М.Л. не побоялась приехать ко мне, чтобы вместе обсудить, что предпринять...». Эти слова Т.Б. Лозинской приводит в своей неопубликованной статье «Лишь голос твой поет в моих стихах...» (по материалам литературного архива М.Л. Лозинского) хранитель и наследница уникального архива своего свекра Ирина Витальевна Платонова-Лозинская. Она же — по неопубликованным материалам архива — подробно излагает историю совместной работы Ахматовой и Лозинского над переводом «Марьон Делорм», о которой сама Ахматова в воспоминаниях о Лозинском сказала кратко: «...последняя его помощь мне — чтение рукописи «Марьон Делорм»...»

Дадим слово И.В. Платоновой-Лозинской:

«Занимаясь переводами из Гюго — пьесы «Марьон Делорм» и стихотворений из сборника «Лучи и тени», — Анна Андреевна знала, что и в этом деле квалифицированная поддержка ей обеспечена.

Записей с указанием даты, когда А.А. впервые обратилась к нему с просьбой посмотреть ее перевод, в архиве найти не удалось, но имеются пометки Лозинского о том, что перевод первого действия (I-Д) получен им 31 октября 1952 г. Сохранена бумажная обложка, на ко-

торой рукою Ахматовой карандашом, без даты и, как она часто писала, наискосок написано: «Марион Делорм 1-ое Действие». С присущей ему тщательностью во всем, за что бы он ни брался, Лозинский обратился к оригинальному тексту Гюго и, следуя французскому тексту на протяжении всей пьесы, записывал возникающие у него варианты перевода параллельно соответствующим стихам, предложенным Анной Андреевной. Иногда особо помечал принятый вариант. За три дня, с 1 по 3 ноября 1952 г., им внесено в перевод I-Д не менее двадцати пяти различных изменений, согласованных затем с А.А. и вошедших в окончательный текст (опубликованный в третьем томе Собр. соч. В. Гюго. М.: ГИХЛ, 1955, с. 14—166). Закончив работу над I-Д, Лозинский пишет Ахматовой 3 ноября 1952 г.:

«Дорогая Анна Андреевна, не осудите мою попытку найти какие-нибудь пятна на солнце. Вы сами поручили мне эту астрономическую задачу. Кое-где я, вероятно, «переписах». Это значит, что от яркого света у меня темнело в глазах.

Вашей лучезарности заштатный астроном

М. Лозинский».

В это же время, т.е. осенью 1952 г., и в январе 1953 г. (до 31 числа) Лозинский занимался и переводом пьесы Шекспира «Сон в летнюю ночь». Перевод Ахматовой он просматривал параллельно своей работе. В письме Лозинскому 8 февраля 1953 г. Ахматова пишет, в частности, следующее:

«Вот два действия моей Марион, ошибок смысловых не должно быть, но в прочем хаос! Стыдно затруднять Вас чтением моих попыток перевода, но предстоит свидание со Смирновым, и я должна быть готова ко всему...»

(Смирнов Александр Александрович (1883–1962) — литературовед, переводчик, медиевист, шекспировед. — *И.П.*)

В бумагах Лозинского, относящихся к работе над вторым действием (II-Д), сохранился тетрадный листок без даты, на котором рукою Ахматовой карандашом выписаны пять фрагментов из текстов Гюго и ее перевод, по поводу которого она хотела бы получить советы М.Л. Так, например, представляя перевод королевского указа о дуэлях в устах Глашатая (персонаж пьесы), она спрашивает: «Довольно ли официально и торжественно?» Лозинский предлагает варианты перевода, несколько подправив в тексте официального указа обороты речи и устранив шероховатости в переводе отдельных реплик действующих лиц. В тексте перевода королевского указа М.Л. счел неудачными такие речевые обороты: «Всем, кто прочтет сие, — привет от короля!» или «К всем нашим подданным мы обращаем речь...», и Анна Андреевна согласилась на поправки: «...монарший наш привет!» и «К любезным подданным...».

Строки в переводе указа:

А чтобы сей указ принес всем пользы много,
Мы права миловать себя лишаем строго.
Угодно нам сие, —

также с согласия А.А. заменены на предложенные Лозинским:

И ни один из тех, кого наш суд осудит,
Монаршей властью помилован не будет.
Так повелели мы.

Или еще. В реплике маркиза де Бришанто о разбойниках, напавших на маршала Саверни (в сцене 1) две стихотворные строки:

И по его часам узнать хотели время,
И, кошелек отняв, с него снять это бремя —

заменяли на предложенный М.Л. вариант:

Чтоб кошельком его с долгами рассчитаться
И по его часам о времени справляться, —

вставив в окончательном тексте слово «золотом» вместо «кошельком».

После первого прочтения Лозинским перевода всего второго действия (II-Д) в окончательный текст вошли измененные им 35 стихов, после второго прочтения — еще 14. В записях, касающихся сроков работы над переводом «Марион Делорм» в феврале 1953 г., Михаилом Леонидовичем отмечено с подробностями, что работа эта происходила с 9 по 25 число.

Я не буду далее перечислять все поправки и изменения, с благодарностью принятые Анной Андреевной. Их более 150. Приведу лишь одно забавное замечание Лозинского, сделанное им к строке Ахматовой (III-Д. сц. 10): «Все б сделал я для вас, но он убийца...»:

«Это катастрофический недосмотр! Точно такой был в одном шекспировском переводе, и Чуковский печатно четвертовал переводчицу. М.б. заменить так: «Я счастлив вам служить, но он убийца...»

Эта строка и вошла в окончательный текст.

Над переводом Ахматовой четвертого действия (IV-Д) Лозинский работал 12, 14 и 15 февраля 1953 г. 16-го числа (именины Анны) он пишет Ахматовой:

«Дорогая Анна Андреевна, вот мои робкие замечания к IV действию. Простите резкий слог (он технически удобнее), почерк и карандаш (приходилось работать лежа). В былые года я в этот день являлся в Царское Село, а к обеду возвращался в СПб, на именины моей мамы.

Ваш всегда М. Лозинский».

После того как был просмотрен текст перевода пятого действия (V-Д), он пишет Анне Андреевне 20 февраля 1953 г.:

«Дорогая Анна Андреевна, простите мой неряшливый грифонаж. Но может быть и он на что-нибудь полезен (Вы приучили меня мыслить александрийским стихом).

Ваш М. Лозинский. Прилагается Le Cardinal.

Концовка великолепна!»

А через несколько дней, 24 февраля, М.Л. отослал Ахматовой просмотренный им текст перевода третьего действия (III-Д), снабдив его письмом, в котором были такие слова:

«Дорогая Анна Андреевна, возвращаю Вам III, с добавлением моей мазни. Вы наверное скажете: “Пошли дурака Богу молиться...”».

И в тот же день получил от нее написанную карандашом записку, где относительно «Марион Делорм» говорится: «Благодарю Вас, дорогой друг, мне очень больно, что Вы потратили столько времени на чтение моей Марьоны...» — и впервые упоминается о готовящемся ею «большом письме», которого М.Л., вероятно, так и не дождался, ибо в архиве Лозинского такого письма нет.

Надо заметить, что работа над переводом «Марион Делорм» в феврале 1953 г. для М.Л. не закончилась. Из письма Ахматовой к Лозинскому 13 марта 1953 г.:

«Мой дорогой друг, простите, что задаю Вам еще несколько вопросов. Звонил Смирнов и сказал, что признает свою ошибку в вопросе о ремарках. Он вернул мне III-Д. Меня начинает беспокоить его критика: вообще замечаний много, но на десятках страниц ни одной пометки, а на его листах длинные и довольно обидные объяснения, кто был Великий Могол, Химена и т. п. Не знаю, чем все это кончится.

Если позволите — я еще раз попрошу Ваших советов по III—V действиям <...>. Еще раз спасибо, милый Михаил Леонидович, мое большое письмо к Вам все растет. Я пришлю его до отъезда в Москву. Ваша Ахматова».

И через две недели, 27 марта, снова обращение к Лозинскому:

«Дорогой Михаил Леонидович, поздравляю Вас с окончанием работы. Вчера не успела расспросить, сколько времени Вы трудились над Гюго. Ведь Вы его любите, правда? Я снова прошу Ваши мудрые советы, но теперь уже виден конец работы, и я повеселела. А.А. [Смирнов] крайне любезен и хвалит перевод. Сегодня переписала все поправки на этот экземпляр, что посылаю Вам, и очень устала. Надеюсь весной повидаться с Вами. Благодарю. Ваша Ахматова».

Последний просмотр всего текста перевода проводился Лозинским 28—31 марта и 1 апреля 1953 г., и из его записей видно, что в целом «Марионой» он занимался в течение девятнадцати дней. Вызывает восхищение деликатность Лозинского в письмах к Ахматовой — 30/31 марта он пишет ей:

«Дорогая Анна Андреевна, посылаю Вам I, II, III, V. Боюсь, что на досуге, после работы над Marion, Вы напишете басню о сапожнике, пытавшемся чинить сандали богини. Ваш Лозинский».

И, наконец, 1 апреля 1953 г. сам Михаил Леонидович говорит о завершении им работы над «Марион Делорм» в письме к Анне Андреевне:

«Дорогая Анна Андреевна, сегодня я закончил свой смиренный труд. Благодарю вас за возложенную на меня почетную обязанность и за данную мне возможность внимательно вчитаться в Вашу поистине прелестную Marion. Мне даже как-то жаль отсылать последнюю

папку. Эта работа давала мне много радости, а она была не из легких: шутка ли сказать — давать Вам советы...

Ваш незапамятный друг М. Лозинский».

Ровно через две недели, 15 апреля, Лозинскому передали письмо от Анны Андреевны, написанное ею 12-го числа перед отъездом в Москву. В нем опять упоминается «большое письмо»: «...оно живет во мне и все хорошеет и становится еще вернее...», а касательно перевода «Марион Делорм» написано следующее:

«Благодарю Вас за все, что Вы сделали для меня этой весной. Конечно, я была должна отказаться от перевода Гюго — мне это не по силам, но... Вы сами все знаете. Позвоню из Москвы...

Toujours cette folle*».

О продвижении перевода по издательским лестницам сведений в архиве Лозинского нет, но в письме Ахматовой к М. Лозинскому от 15 декабря 1953 г., где она обращается теперь уже с переводом с китайского («Призыв души»): «...оригиналу 2300 лет. Один Бог знает, как это должно звучать. Простите, что снова докучаю вам своим бредом...», — о «Марион Делорм» упоминается так: «Еще раз благодарю Вас за напоминание А.А. [Смирнову] о Марион. Вы не можете себе представить, как меня тронула ваша заботливость. Завтра позвоню...» И опять та же подпись: «Toujours cette folle».

Галантнейший М.Л. Лозинский отвечает Ахматовой через два дня:

«Дорогая Анна Андреевна, спасибо за огромное удовольствие, которое я испытал, читая Ваш перевод Цюй-Юаня. Он поистине прелестен. Замечаний, как видите, у меня почти нет. Это так, полузамечания. Един-

* Всегда эта безумная (фр.).

ственно существенный вопрос — о мужеском роде китайской души. Тут я мог высказать только свои догадки.

Ваш всегда М. Лозинский.

Пожалуйста, извините чудовищную внешность предлагаемых листов!»

Кроме пьесы «Марион Делорм», как видно из материалов архива Лозинского, Ахматова переводила из сборника стихов Гюго «Les Rayons et les Ombres» («Лучи и тени») стихотворение XXXIX, «Toute esperance, enfant, est un roseau...». В начале осени 1952 г. М.Л. Лозинскому был передан машинописный текст стихотворения на русском языке, состоящего из трех строф, по 6 стихов в каждой. В строке 10 рукописная поправка — синими чернилами зачеркнуто слово «сияющий» и чернилами же печатными буквами исправлено на «и огненный». Личной подписи Анны Ахматовой нет. Машинописью: «Перевела А. Ахматова». Свои соображения, поправки и замечания, касающиеся просмотренного им перевода, Лозинский записал для себя и предложил 24.IX.52 варианты Анне Андреевне по телефону. Изменения, внесенные ею, тоже были по телефону сообщены М.Л., о чем имеется краткая пометка: «тлф. 25.IX.52». Этим же числом датирован и окончательный вариант согласованных с Лозинским изменений (подчеркнутое предложено Михаилом Леонидовичем):

- Строфа 1 — ст. 5: В е д ь колыбель и смерти ложе
6: О т века на земле сродни.
- Строфа 11 — ст. 1: Я некогда впивал душою
ослепленной...
- 3: Звезду на небесах, над
морем Альциону
- 4: И пламенный цветок среди
лесных теней.

- Строфа 111 — ст. 1: И если близ тебя, дитя, рыдает кто-то,
2: Не спрашивай его, о чем он
слезы льет
3: Слеза всегда смывает что-то
4: И утешает средь невзгод.

В тексте, напечатанном в 1 томе указанного выше С.с. Гюго (на стр. 557), стихи 2 и 6 третьей строфы несколько изменены:

ст. 2: Не спрашивай его, зачем он слезы льет...

ст. 6: И утешение несет.

Из материалов архива М.Л. Лозинского не видно, кому принадлежат эти последние две поправки».

Составитель настоящего издания благодарен И.В. Платоновой-Лозинской за подробный рассказ о той помощи, которую оказал Лозинский Ахматовой в первые годы ее работы в качестве профессионального переводчика стихов. Вспоминая о Лозинском, Ахматова говорила о его уроках и советах: переводить терцины не по строчке, а сразу целую страницу, не читать чужие переводы того произведения, которое переводишь сам, пока не закончишь свою работу.

31 января 1955 г. Лозинского не стало. Трудно сказать, сколько времени Ахматова нуждалась бы еще в его советах. Пьес она больше не переводила, а в передаче на русский язык стиха, тем более, когда была нужна не дословная точность, а адекватно звучащий по-русски, полноценный русский стих, Ахматова и сама была МАСТЕРОМ. Не случайно в ее собственном творчестве после упорного переводческого труда появлялись свои оригинальные стихи «на тему» — «Подражание армян-

скому», «Подражание корейскому»... Это была победа Ахматовой-поэта, и в области перевода постигшей глубинные «тайны ремесла».

В Отделе рукописей РНБ (СПб.) хранится еще несколько драгоценных свидетельств тщательности работы Ахматовой над переводами стихотворений В. Гюго. Они содержатся в письмах к Ахматовой февраля — июня 1954 г. и декабря 1957 г. А.А. Смирнова, крупнейшего знатока французской литературы и, в частности, поэзии Гюго, курирующего работу Ахматовой. В первом из этих писем — от 3 февраля 1954 г. — Смирнов сообщает Ахматовой о выходе тома драм Гюго с ее переводом «Марьон Делорм» и просит сразу же дать ему для переиздания в издательстве «Искусство» два экземпляра машинописного текста или четыре экземпляра печатного для «расклейки». Тут же уточнение списка тех стихотворений Гюго, которые Ахматова согласна перевести для XII и XIII томов, — очевидно, к этому времени Ахматова их еще не перевела, во всяком случае не сдала в издательство эту часть своей работы (400 строк). Смирнов просит Ахматову начать с перевода стихотворения «Несколько слов другому», 164 строки, из сборника «Созерцания», так как этот текст нужен для тома XII, который должен быть вскоре представлен в издательство. В середине мая 1954 г. А.А. Смирнов получает от Ахматовой из Москвы телеграмму, что переводы готовы, а 25 мая 1954 г. — письмо и тексты ее переводов из Гюго. 26 мая он отвечает ей: «Ваши чудесные переводы прочел залпом, с увлечением. Имею только крошечное количество замечаний, которые пишу для удобства на отдельном листке. Поправки (очень несложные) не представляют спешности, кроме «Несколько слов другому»,

который идет в т. XII. Все остальное — для т. XIII, значит, еще не скоро». Тут же А.А. Смирнов передает издательскому работнику, переводчику М.С. Трескунову «записку, необходимую для перевода Вам гонорара» — что свидетельствовало об «одобрении» работы. Далее следуют замечания и оценки переводов Ахматовой:

«I. Несколько слов другому (из «Созерцаний»).

Изумительный перевод! тут только одно замечание: в конце страницы 2 рукописи строка:

Что нам грозит, друзья! Ришле глядит мрачней

S'obscureit значит *не глядит мрачней*, а «затмевается», т.е. его забывают, уже меньше чтут, сдают в архив. Ведь это говорит ретроград, оплакивающий забвенье, в которое пришел Ришле (умерший давным-давно).

Вместо Геронт я ставлю Жеронт (Гюго говорит о персонаже Мольера).

II. Новые дали — никаких замечаний!

III. Двое нищих — тоже.

IV. Брак Роланда (кстати, я предложил бы «Женитьба Роланда» по образцу «Женитьбы Фигаро» или гоголевской «Женитьбы», а может быть, даже и «Свадьба Роланда»: см. франц. *demande en mariage* — свататься. Учтите, что брак Роланда с Одой так и не состоялся — они обручились, но он до свадьбы был убит в Ронсевале). Тут есть сложность как из-за средневековой специфики, так и из-за того, что Вы местами даете уж слишком приподнятые и архаические обороты, которых у Гюго, собственно, нет.

1) 1-я строка *На берегу встретились и бьются*. Немного дальше у Вас есть еще *огнь*. Пожару, слишком славянизует. Может быть, здесь что-нибудь вроде: *На берегу сошлись* (или *Сошлись на берегу*).

2) Строка 3. Может быть: на о с т р о в к е? На Роне больших островов нет, и вообще такие поединки бывали на маленьких островках, с ограниченным «полем» битвы.

3) Строка 21. *Затем, что из д е т е й* — это неверно. *Enfant* могло значить (и здесь значило): молодой человек, юноша. Ср.: инфант, серб. юнак, наше мо́лодец. Мы слово «детей» в этом значении не употребляем. (Кстати, я всюду пишу Оливьер — *Olivier*. Оливер — англизирует без всяких причин).

4) Стр. 2, 7 сверху: *И гонит бог вина всех, кто от в е д а л сидра. Отведал для buveurs* — мало! Вариант: ...кто привержен сидру или что-либо в этом роде.

5) Там же, пониже: *Сей надевал д о с п е х... и благословил д о с п е х*. У Гюго разные слова. Во втором случае м.б. благословил б р о н ю, или как-нибудь иначе.

6) Стр. 3, 6—8 сверху. Отсутствие имени отвечающего делает диалог темным и рваным. Тут важно стройное чередование эпических реплик. Что-нибудь по схеме:

Ответил Оливьер: Спасибо. Принесут!

Сказал Роланд: Спешите! и т.д.

Заодно: *С покорностью сыновней... лодочника шлет* — немного странно. Чутьочку лучше: *И с п р о с ь б о ю сыновней*, но может быть Вы найдете лучше.

7) Стр. 3 внизу: *Высокой Кларой* — не совсем то. *Haute Cloire* — высокая и светлая (ясная), вроде *Chantecler* — (*cloire*) — звонкою, поющей.

Но в общем все это — пустые выдумки Гюго, и если трудно, можно оставить как есть.

8) Стр. 4, 4 сверху. Строчка *Сверканием мечей блеск глаз м е ш а я ярый* — тяжело!

9) немного ниже: может быть — *Уж день кончается?*

V. *Таким мой создан дух.* Тут меня смущает только своим значением:

1) и в о ж д е л е н и е. Это слово по-русски первым и основным своим значением уводит в сторону. Гюго, конечно, имеет в виду: жадность, корыстолюбие, жажду наживы и т.п. Подберите что-нибудь, если будет Ваша милость.

2) *Не сдвинут н и к о г д а меня т е п е р ь, друзья.* Слова *теперь* у Гюго нет, и оно (да еще в соединении с *н и к о г д а*) наводит на мысль, что *раньше* он бывал податлив, неустойчив, а Гюго этого совсем не хотел сказать».

Анна Ахматова внесла в текст соответствующие поправки. Ознакомившийся с ними А.А. Смирнов писал ей 14 июня 1954 г.: «Ваши поправки привели все в окончательный порядок. Как легко и быстро Вы все это сделали! Я все вписал. Хочется еще поработать с Вами! Том драм Гюго (с Вашей «Марьон Делорм»), вероятно, сдам в «Искусство» только осенью».

Это издание драм Гюго было набрано в середине ноября 1957 г., в декабре Ахматова вычитывала верстку. «Итак, Гюго ожил, слава Богу!» — писал ей А.А. Смирнов 2 декабря 1957 г. К этому времени Анна Ахматова была уже признанным переводчиком-профессионалом.

Н.В. Королева

ПЕРЕВОДЫ

Рейнер Мария Рильке

ОДИНОЧЕСТВО

О святое мое одиночество — ты!
И дни просторны, светлы и чисты,
как проснувшийся утренний сад.
Одиночество! Зовам далеким не верь
и крепко держи золотую дверь,
там, за нею, — желаний ад.

1910

Царское Село

Антеру ди Кенталь

ЗÁРЕ

Тот счастлив, кто прошел среди мучений,
среди тревог и страсти жизни шумной,
подобно розе, что цветет бездумно,
и легче по водам бегущей тени.

Так жизнь твоя была чужда заботе,
как тонкий сон, но сладостный и нежный:
проснулась... улыбнулась... и небрежно
вернулась ты к нарушенной дремоте.

Июль 1920

ПЕТР ПАВЕЛ

РУБЕНС

ПИСЬМА

ПЕРЕВОД
А.А.АХМАТОВОЙ
КОММЕНТАРИИ
В.Д.ЗАЛОСКИНОЙ И М.И.ФАБРИКАНТА
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
В.Н.ЛАЗАРЕВА
РЕДАКЦИЯ И ПРЕДИСЛОВИЕ
А.М.ЭФРОСА

А С А Д Е М И А
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
1933

Петр-Павел Рубенс

ПИСЬМА

I

ИСПАНИЯ – РИМ

I

*Рубенс к Аннибале Къеппио**

Милостивейший

Государь мой и досточтимый Покровитель!

Во-первых, чтобы повиноваться Его Светлости, который решительно приказал докладывать ему, как совершается мое путешествие с места на место, и, кроме того, ввиду важного происшествия, случившегося со мной, решаюсь докучать Вашей Милости скорее чем кому бы то ни было другому, ибо полагаюсь на Вашу доброту и любезность. Я уверен, что и в обширном океане Ваших многочисленных и важных дел, Вы не откажетесь заняться моей бедной ладьей, и доньине столь дурно управляемой благодаря советам какого-то неразумного человека. Я буду говорить учтиво и не с целью обвинить кого-нибудь или оправдать самого себя, но чтобы разъяснить

* Подлинник по-итальянски.

Его Светлости, как случилось, что из-за чужой ошибки он терпит ущерб.

Дело в том, что, быстро доехав до Флоренции [*приписка на полях: 5 марта*], причем, как это будет объяснено дальше, я понес большие расходы на переправе через Апеннины клад и в особенности каретки, я вручил письмо господина Козимо Гранфиллиячи господину Капони, а письма других лиц — господину Пьеро Бонси, первейшим здешним купцам. Узнав, в чем дело, они были поражены и чуть не перекрестились от изумления перед такой ошибкой, говоря, что нам было нужно ехать прямо в Геную, чтобы там сесть на корабль, а не отваживаться столь неосторожно на долгий кружной путь через Ливорно, не узнавши заранее, есть ли там галеры, готовые к отплытию. Они оба утверждают, что я прожду, может быть, три или четыре месяца напрасно, рискуя потерять столько времени и, в конце концов, отправиться в Геную сухим путем. К счастью, на следующий день несколько купцов, ехавших прямо из Генуи, прибыли во Флоренцию и сказали мне, что в Генуе стоят готовые к отплытию галеры и, кроме того, один корабль берет груз в Аликанто и останется в порту еще восемь или десять дней.

Следуя совету вышеупомянутых флорентийцев и генуэзцев, я тотчас же решил немедленно ехать в Ливорно, сесть там на корабль, идущий в Геную, и сделать все возможное, чтобы с помощью Бога и доброго гения нашего государя прибыть туда еще вовремя. Я очень спешу и уже уехал бы, если бы меня не задержала каретка, которая еще не доставлена сюда, потому что за отсутствием мулов ее везут волы. Кроме того, меня задерживает и наш экипаж с носилками, по заказу сделанный в Мантуе; он был привезен оттуда в Болонью и брошен

там, причем погонщики мулов смеялись над нами, утверждая, что даже пустой, без всякой клади, этот экипаж превышает вес, который может везти наша запряжка. Только перевозка каретки из Болоньи во Флоренцию, — не говоря уже о семи других выюках, — обошлась сорок дукатов, и это была еще пониженная плата, которой я добился при содействии господина Андреа де Росси и других купцов. Все они были весьма любезны и предупредительны благодаря письмам господина Козимо, который помог нам также получить защиту господина Мартеллино в Ферраре, где Граф Балтассар Лангоско, чтобы доставить удовольствие Его Светлости, хлопотал перед Кардиналом и просил его защищать нас от придирок таможенников, во что бы то ни стало хотевших открыть наши ящики. Его Высокопреосвященство не только соблагволил охранить нас от их насилия, но, кроме того, даруя еще более полную милость, избавил нас от всяких неприятностей и расходов. Так что и в Болонье таможенники, быть может, побужденные к этому столь прекрасным примером, удовольствовались лишь небольшой подачкой, и я надеюсь, что они поступят так же и во Флоренции, хотя Великий Герцог уехал в Ливорно. Это не пустяк — быть избавленным от пошлин. Если бы пришлось их платить, то они одни обошлись бы дороже, чем все путешествие. Один феррарский счет превышал сто пятьдесят скудо [*приписка на полях*: а между тем, благодаря заступничеству господина Мартеллино, надсмотрщики понизили пошлины еще до вмешательства Кардинала].

Уже и теперь мои расходы много выше тех, которые в чрезмерной бережливости предусмотрел Маршал Двора со своими прислужниками. Я, конечно, сделаю все, что можно, для пользы Его Светлости, но если мне не дове-

ряют, то дали мне слишком много денег, а если доверяют, то слишком мало. Если я останусь без денег (да не случится этого!), то репутация Его Светлости будет этим задета. Между тем, если бы Герцог дал мне больше денег, — видит Бог, он не подвергся бы никакой опасности, потому что я всегда охотно соглашусь представить мои счета на самое строгое рассмотрение.

Разве оставшаяся сумма не вернулась бы Двору, сколько бы денег мне ни было выдано на руки? И какая потеря времени тогда была бы избегнута!

Но я заставляю Вашу Милость терять много времени над этим длинным и скучным письмом. Я не замечал этого, но вдруг сейчас мне стало страшно, что я дал своему волнению слишком увлечь себя. Доброта Вашей Милости простит меня, и мои ошибки не поколеблют Вашей благосклонности. Я попрошу Вашу Милость соблаговолить осведомить Его Светлость о самых важных предметах этого письма и особенно существенных для благополучного завершения моего поручения. Во всяком случае, мои требования и жалобы могут показаться Вашей Милости чрезмерными и слишком громкими. В таком случае я всецело полагаюсь на Вашу мудрость. Вы скажете и сделаете то, что сочтете нужным, и будете располагать мной по своему желанию. Я всегда готов служить Вашей Милости и покорно целую Ваши руки.

Вашей Милости верный слуга

Петр-Павел Рубенс.

<Март 1603>

Мне бы очень хотелось, если это возможно, получить при содействии Вашей Милости рекомендательное письмо к какому-нибудь агенту или другу господина Герцога в Генуе.

II

*Рубенс к Аннибале Кьеппио**

Милостивейший Государь мой!

Я только что заключил условие с Гамбургским судовладельцем, который, как я прошлый раз писал Вашей Милости, оказался в Ливорно и доставит меня в Испанию. Я с Божьей помощью надеюсь отплыть на третий день праздников. Великий Герцог призвал меня сегодня после обеда; он в самых дружеских и учтивых выражениях говорил о господине Герцoge и нашей Светлейшей Госпоже; он с большим любопытством осведомлялся о моем путешествии и о вещах, лично ко мне относящихся. Этот Государь изумил меня, доказав, насколько он хорошо осведомлен о малейших подробностях качества и числа подарков, предназначенных тому или иному лицу; кроме того, он весьма польстил мне, сказав, кто я, откуда родом, каково мое ремесло и какое место я занимаю в нем. Я был совершенно ошеломлен всем этим и принужден заподозрить действие какого-нибудь домашнего духа или же превосходную осведомленность наблюдателей, чтобы не сказать — шпионов, находящихся в самом Дворце нашего Государя; это не может быть иначе, так как я не перечислял содержимое моих тюков ни в таможене, ни в каком-либо другом месте. Быть может, также моя простота заставляет меня принимать за чудо вещи, весьма обычные в придворном обиходе. Да простит мне Ваша Милость и прочтет для времяпрепровождения мнения неопытного новичка, принимая во внимание лишь мои добрые на-

* Подлинник по-итальянски.

мерения и желание как можно лучше служить моим покровителям и в особенности Вашей Милости!

Вашей Милости покорнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Пиза, 29 марта 1603

III

*Рубенс к Аннибале Кьеппио**

Милостивейший

Государь мой и досточтимый Покровитель!

Мне кажется, что с моей стороны теперь сделано все для благополучного окончания моего путешествия. Молю Господа Бога довершить остальное. Лошади, люди и поклажа погружены на корабль. Нам не хватает только попутного ветра, но мы ждем его с часа на час. У нас есть запасы на месяц, и мы заплатили за проезд. В общем все в порядке благодаря господину Дарио Таманьо, ливорнскому купцу флорентийского происхождения, личному другу господина Козимо и великому почитателю Его Светлости. Я был бы счастлив, если бы господин Герцог во время одного из своих проездов через Ливорно наградил господина Таманьо улыбкой и ласковым словом. Он стремится к почестям и мечтает завоевать милости государей; если господин Герцог соизволит сделать то, о чем я прошу, то господин Таманьо убедится в том, что Его Светлости известны услуги, оказанные мне.

Что касается денег, которые господин Герцог приказал выдать мне, к великому неудовольствию хулителей этого путешествия, то их не хватит на переезд из Аликанто в Мадрид, не говоря уже о налогах, пошлинах и

* Подлинник по-итальянски.

непредвиденных расходах. Господин Козимо сказал мне, что речь идет о трех-четырехдневной прогулке, но теперь я узнал, что в действительности там 280 миль. А чтобы беречь лошадок, нам придется делать каждый день короткие переходы. Из сумм Его Светлости у меня остается около ста дукатов.

Впрочем, я не беспокоюсь об этом, потому что в случае надобности я воспользуюсь деньгами, которые господин Герцог дал мне для моего личного пользования. Никто не смеет заподозрить меня в небрежности или расточительности; я с полной очевидностью докажу обратное, предъявив безупречные счета.

Я бы не держал эту речь, столь тягостную для меня самого, а еще более тягостную для слуха Вашей Милости, если бы меня не побуждало к этому воспоминание о словах, слышанных мною из уст Его Светлости и от толпы придворных и лжезнатоков, слишком занятых моим путешествием. Все они состязались в восхищении перед тем, что они называли щедростью Его Светлости, и утверждали, что сумма, которую он мне дал, намного превосходит издержки такого небольшого путешествия. По их мнению, все было предусмотрено: случайности, происшествия и даже повышенные пошлины. Для доброй славы Его Светлости они хотели, чтобы все пошлины были заплачены без отказа и чтобы я даже не старался от них избавиться. Пусть говорят, что им угодно, но я уверен, что соблюдал нужное достоинство как в этом, так и во всех ничтожнейших вещах.

Ныне клянусь честью верного слуги Его Светлости и Вашей Милости, что с нами не случилось ничего особенно неприятного (слава Богу!). Наоборот, нам удалось без замедления сесть на корабль, мы были по милости властей

освобождены от уплаты всех пошлин и давали только небольшие подачки чиновникам таможни. Жалование моих людей достаточно и состоит из определенной поденной платы, как это было условлено в Мантуе. Расходы на лошадей, конечно, огромны, но они необходимы (в них входит, между прочим, и ванна из вина). Цены за провоз клади были все время сходными, в чем убедятся, просматривая счета; контракты заключались: Мартеллини — в Ферраре, Росси — в Болонье, Каппони и Бонзи — во Флоренции (они также разменяли деньги) и Рикардо — в Пизе, и по большей части собственноручно ими написаны. Наем корабля, — который вместе с закупкой съестных припасов обошелся дороже всего остального, — был произведен господином Дарио Таманьо очень выгодно, — нам повезло встретить здесь три пустых судна, берущих груз в Аликанто. Вообще везде, где дело шло о чести господина Герцога, я поступал по-купечески, и все же расходы достигают названной мной суммы.

Великий Герцог поручил мне передать его кобылу Ахинею и прекрасный мраморный стол господину Джованни де Виш, капитану его католического Величества в Аликанто. В настоящую минуту мне больше нечего сказать Вашей Милости. О дальнейшем я напишу Вам из Испании.

Я прошу Вашу Милость не отказать мне в любезности передать господину Герцогу все, о чем я пишу, и дать ему прочесть это письмо [*приписка на полях*: я предпочел бы, чтобы Вы сделали устный доклад, потому что моему письму в некоторых местах, быть может, не хватает учтивости и почтения, приличествующих по отношению к Его Светлости. Я всецело полагаюсь в этом на Вашу Милость, так как Вы мой единственный покровитель при Дворе],

дабы он изгнал из своей души все клеветнические измышления, какие он мог бы слышать относительно моих чрезмерных расходов на это путешествие.

В заключение я прошу Вас сохранить мне Ваше благорасположение, а также милости Его Светлости, на которые я притязаю не в силу моих заслуг, а из чистой и искренней моей к нему любви.

Вашей Милости покорнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Ливорно, 2 апреля 1603

IV

*Рубенс к Аннибале Къеппио**

Милостивейший

Государь и досточтимый Покровитель!

Несправедливый рок слишком завидует моему благополучию и по своему обыкновению не перестает подмешивать горечь ко всем моим радостям; он вызывает несчастья, которые даже величайшая заботливость и все предосторожности бессильны предвидеть и предупредить и последствия которых очень тяжелы. И вот теперь картины, тщательно уложенные и запакованные мной самим в присутствии Его Светлости, досмотренные в Аликанто и найденные в прекрасном состоянии, появились из ящиков в доме господина Иберти в таком испорченном виде, что я отчаиваюсь в возможности их спасти. Дело идет уже не о внешних только повреждениях, не о пятне плесени, которое легко снять, — самые полотна, покрытые листами жести, завернутые в двойную клеенку и уложенные в деревянные сундуки, испорчены двад-

* Подлинник по-итальянски.

цатипятидневным ливнем, — неслыханная в Испании вещь! Краски облупливаются. Под действием воды они вздулись и образовали во многих местах не поддающиеся исправлению комки. Придется снять их ножом и затем снова наложить на холст.

Да, таковы повреждения (ах, если бы этого не случилось!). Янисколько не преувеличиваю их, дабы затем хвалиться, что я их исправил, но во всяком случае я не премину этим заняться, раз Егго Светлости было угодно сделать меня сторожем и перевозчиком чужих картин, которых я даже не коснулся кистью. Не обида заставляет меня говорить об этом, но то предложение, которое сделал мне господин Иберти: он хочет, чтобы я написал здесь на скорою руку множество картин с помощью испанских художников. Я скорее могу исполнить такое желание, чем одобрить его, ибо нужно учесть краткость срока и значительность поправок, в которых нуждаются испорченные картины, не говоря уже о невероятной неумелости и лени местных живописцев, а также и о другом не менее важном обстоятельстве, — именно: что манера письма у этих людей совершенно отлична от моей (сохрани меня, Господи, быть в чем-нибудь на них похожим!). В общем, «*Pergimus pugnancia secum cornibus adversis componere*»*.

Кроме того, это дело не может быть сохранено в тайне вследствие нескромности тех же художников. Они или с презрением отнесутся к моей помощи и к поправкам, которые я сделаю, или присвоят себе этот труд, объя-

* «Мы продолжаем бросаться из одной крайности в другую» (лат.; несколько измененная цитата из Горация: «...*Pergis pugnancia secum Frontibus adversis componere*...» (Hor. *Serm.*, I, 1, 102). В переводе: «...за сравнение крайностей, вовсе несхожих ни в чем...»)

вив его делом своих рук. Увидев, что картины делаются для Герцога де Лерма, эти люди без труда догадаются, что картины предназначены для общественной галереи. Меня это мало интересует, и я охотно уступил бы им всю славу, но этот неприглядный обман непременно откроется: будет ли работа сделана ими или мной, живопись все равно будет слишком свежей (я не хочу подвергаться этому, так как всегда следую правилу не смешивать мою работу с работой другого художника, как бы он ни был велик); смешение разных манер письма будет иметь те же последствия. Кроме того, я бы напрасно опозорил мое небезызвестное испанцам имя, подписывая посредственные и недостойные меня произведения.

Между тем, если бы господин Герцог соблаговолил дать мне подобное поручение, я мог бы с большей честью для него и для себя гораздо лучше угодить Герцогу де Лерма, большому знатоку живописи. Он с особым удовольствием ежедневно любит многочисленные и великолепные Рафаэлями и Тицианами, количество и совершенство которых поразило меня во Дворце Короля, в Эскуриале и в других местах, между тем как среди современных картин нет ни одной достойной внимания.

Я совершенно чистосердечно утверждаю, что при этом Дворе у меня нет иной цели, кроме службы Его Светлости, которому я посвятил себя в тот день, когда увидел его впервые. Пусть он приказывает, пусть он распоряжается мною в этом случае, как и во всех других, и да будет он уверен, что я ни в чем не переступлю границ, поставленных мне его приказаниями! Равным образом и господин Иберти имеет надо мной такую же власть (хотя и не непосредственную); я убежден, что если он не принимает мои советы, то поступает так, руководствуясь

лучшими намерениями, — я буду ему повиноваться. Я сообщаю об этом не с целью осудить его, но чтобы показать, сколь мне будет неприятно, если меня узнают здесь иначе, чем по произведениям, достойным меня и моего Светлейшего Покровителя, который, если Ваша Милость ему об этом расскажет, несомненно благосклонно истолкует изложенные мною мысли.

Вашей Милости покорнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Валладолид, 24 мая 1603

V

*Рубенс к Аннибале Кьеппио**

Милостивейший

Государь мой и досточтимый Покровитель!

Я не писал, потому что писал господин Иберти, который восполнял все пробелы, причиненные моей небрежностью. Я не скрою от Вашей Милости, что эта небрежность не имела никакой иной причины, кроме многословия резидента, потому что мне всегда совестно заниматься чужими делами (исключая необходимейших случаев); отнюдь не будучи ленив, я все же очень сдержан. Но сегодня я не могу удержаться, чтобы не сказать Вашей Милости, как я счастлив, что благополучно закончил данное мне поручение. Я оставляю подробности для правдивого донесения, которое сделает господин Иберти; от него Вы с большим удовольствием услышите обстоятельный рассказ об этом событии. Поэтому было бы излишним заставлять Вашу Милость выслушивать то же самое второй раз, если бы господин Иберти не ссылался на меня как свидетеля, присутствовавшего при обе-

* Подлинник по-итальянски.

их церемониях. Ибо я действительно присутствовал при передаче каретки и принимал участие в передаче картин; та и другая церемонии мне весьма понравились; они были отлично проведены разумнейшим господином Аннибале. Правда, он мог разрешить мне сделать хотя бы безмолвный поклон Его Величеству, что не помешало бы ему сохранить первую роль. Для этого представлялся удобный случай, так как мы находились в общественном месте, куда доступ открыт всем.

Я не хочу этого истолковывать в неблагоприятном смысле, — все это не имеет никакого значения; но я поражен таким внезапным оборотом дела, ибо господин Иберти несколько раз показывал мне письмо господина Герцога, в котором ему решительно приказывалось [*приписка на полях*: особая милость Его Светлости] представить меня королю. Я не мелочный или тщеславный человек и пишу Вашей Милости не для того, чтобы жаловаться; и я не огорчаюсь, что был лишен этой чести. Я только со всей искренностью рассказываю Вашей Милости об одержанной нами победе и уверен, что у господина Иберти были свои основания поступать таким образом, если только память не изменила ему, хотя, очевидно, такой вещи случиться с ним не могло, пока все это происходило. Наконец, несмотря на то, что он не имел случай это сделать, он не принес извинений, что изменил план, составленный нами полчаса назад [*приписка на полях*: он не сказал мне ни слова об этом].

К Герцогу я был допущен. Я вошел в состав депутации. Он весьма восхищался достоинствами и числом картин. Благодаря удачным исправлениям они были в прекрасном состоянии, и все происшествия даже придали им видимость старинных произведений, и господин Герцог без малейшего подозрения принял многие из них за

подлинники. Между тем, мы не сказали ни одного слова, которое могло бы зародить в нем такое мнение. Король, Королева, многие придворные и некоторые художники также осматривали картины и любовались ими.

Теперь, когда у меня нет больше забот такого рода, я могу заняться заказанными мне господином Герцогом портретами и прерву мою работу только в том случае, если буду отвлечен от нее для исполнения какой-нибудь прихоти Короля или Герцога де Лерма, который уже сделал господину Иберти какое-то предложение. Я готов повиноваться, так как убежден, что великая скромность этого последнего помешает ему приказать мне сделать что-либо недостойное наших Господ; во имя их я подчиняюсь всему, что он прикажет. Затем, в надежде, что господин Герцог будет настаивать на этом, я отправлюсь во Францию.

Я прошу Вашу Милость прислать распоряжение в частном письме господину Иберти или мне.

Пусть меня пошлют туда или сюда и все равно за чем, только бы служить Вам.

Вашей Милости преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Валладолид, 17 июня 1603

VI

*Рубенс к Аннибале Кьеппио**

Милостивейший

Государь мой и досточтимый Покровитель!

Из последнего письма Вашей Милости я, кажется, могу заключить, что Его Светлость продолжает настаивать

* Подлинник по-итальянски.

вать на своем решении отправить меня во Францию, о чем он говорил перед моим отъездом. Если господин Герцог желает этого путешествия только для того, чтобы я написал несколько плохих портретов, то да будет мне позволено высказать мнение о моем таланте. Я несколько смущен тем, что в ряде писем к господину Иберти господин Герцог торопит меня вернуться и что Вы делаете то же в письме от 1 октября. Это дело не спешное, и, кроме того, при исполнении поручений такого рода всегда возникает множество неизбежных препятствий. Я убедился в этом на личном опыте моих Римской и Испанской миссий, когда назначенные мне сроки постепенно из недель превращались в месяцы. Господин Иберти знает, какая безжалостная необходимость принудила его и меня *ad jus usurpandum** за отсутствием приказаний. Поверьте мне, что французы никому не уступят в любви к художествам, особенно оттого, что их Король и Королева не чужды искусству, что доказывают великие работы, ныне прерванные *inopia oreratioum***.

Обо всем я имею частные сведения, равно как и о попытках набрать ценных людей во Флоренции и Фландрии и даже, вследствие плохой осведомленности, в Савойе и Испании. Я бы не сообщал Вашей Милости подобных новостей, если бы (пусть Ваша Милость простит меня) я уже не выбрал своим покровителем Его Светлость и если бы не хотел сохранить его доверие, пока он разрешает мне считать Мантую моей приемной родиной. Я соглашался на поездку для писания портретов как на предлог, — впрочем, мало почтенный, — для получе-

* действовать самочинно (лат.).

** из-за недостатка рабочих (лат.).

ния более возвышенных работ. Но, принимая во внимание издержки, которые вызовет это путешествие, я не могу понять, почему Его Светлость старается внушить Их Величествам столь неблагоприятное представление о моем таланте. По моему разумению, было бы гораздо надежнее и выгоднее в смысле сбережения времени и денег заказать эту работу через посредство господина Карла Росси или господина де ла Бросс кому-нибудь из придворных живописцев, мастерские которых всегда заполнены портретами, сделанными заранее. Для меня же это представляло бы потерю времени, денег и наград всякого рода (чего щедрость Его Светлости никогда не возместит мне). И все это для того, чтобы работать над произведениями, на мой вкус низменными, — над произведениями, которые каждый может исполнить к удовлетворению Его Светлости.

Конечно, я, как хороший слуга, всецело полагаюсь в этом на волю Господина и буду исполнять его приказание, но я умоляю Его соблаговолить пользоваться мною в Мантуе или в другом месте для работ, более свойственных моему дарованию; например, для окончания того, что я начал.

Несомненно, я добьюсь этой милости, если Вы согласитесь быть моим ходатаем у господина Герцога. Я верю, что это случится, и почтительнейше целую Вашу руку.

Вашей Милости покорнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Валладолид, 1603

VII

*Рубенс к Аннибале Кьеппио**

Милостивейший

Государь мой и досточтимый Покровитель!

Я нахожусь в величайшем затруднении вследствие внезапного решения Его Светлости относительно моего возвращения в Мантую. Срок, назначенный для моего отъезда, слишком близок, и я не буду в состоянии так скоро покинуть Рим из-за некоторых важных работ, исполнение коих я вынужден был взять на себя (признаюсь в этом Вашей Милости), ибо я посвятил все лето на изучение моего искусства и не в состоянии был прилично содержать дом и двоих слуг в течение года на 140 скудо, полученные мною из Мантуи за все время моего отсутствия. Мне представился прекраснейший и великолепнейший случай, какой только может представиться в Риме, и честь побуждает меня извлечь выгоду из моего ремесла. Речь идет о главном алтаре нового храма священников Оратории, называемом Санта Мария ин Валличелла, ныне, без сомнения, самого знаменитого и посещаемого из всех римских храмов, так как он расположен как раз посредине города и его украшали все искуснейшие живописцы Италии. Хотя вышеупомянутая моя работа еще не начата, но лица столь высокого звания интересуются ею, что я не могу, не заслужив порицаний, отказаться от этого заказа, славно отвоеванного у лучших художников Италии. Кроме того, я причинил бы этим величайшее зло моим защитникам, и они имели бы основание быть на меня в обиде, потому что, если бы я выказал некоторые сомнения в связи с моей службой в Мантуе, они взяли бы ходатайствовать за меня перед господином Герцогом и доказали бы Его Светлости, что

* Подлинник по-итальянски.

он должен быть счастлив, когда один из его слуг приносит ему такую честь в Риме. Кардинал Боргезе, например, не преминул бы действовать в мою пользу; но в настоящее время мне кажется ненужным прибегать к помощи кого бы то ни было, кроме Вашей Милости. Потому что никто не способен лучше дать понять господину Герцогу, какой великий интерес представляет это дело как для славы моего имени, так и для пользы Его Светлости.

Я уверен, что заступничество Вашей Милости в соединении с благосклонностью господина Герцога позволят осуществиться моей надежде.

Тем не менее, если моя работа в Мантуе не терпит отлагательства, я предпочту это всему на свете и тотчас же примчусь в Мантую, умоляя Его Светлость дать мне за это свое монаршее слово, что будущей весной он разрешит мне вернуться в Рим на три месяца, дабы я мог удовлетворить моих римских покровителей. Одна из двух уступок была бы для меня величайшим благодеянием Его Светлости и Вашей Милости: или чтобы я мог теперь отложить на три месяца мое возвращение, или чтобы весной мне было разрешено поехать в Рим на столько же времени.

Таково в общем мое дело; я передаю и поручаю его Вашей Милости, полагаясь на Вашу доброжелательность. Пусть Ваша Милость простит меня, если я осмеливаюсь слишком льстить себя надеждой; но Ваша любезность и готовность дают основание подобной назойливости. Я могу отблагодарить Вашу Милость, только моля Небесное Величество быть к Вам столь же благосклонным, сколь Вы благосклонны по отношению ко мне. С таким чувством я покорно целую руки Вашей Милости.

Вашей Милости преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

VIII

*Рубенс к Аннибале Кьеппио**

Милостивейший Государь мой!

Мой светлейший хозяин в письме к Филиппу Персио решительно требует, чтобы я вернулся домой и служил ему во время его фландрского путешествия. Я тотчас же повинуюсь, чтобы доказать Его Светлости, что у меня нет интересов, которые бы я предпочел его службе. Итак, я покидаю мою картину, даже не показав ее и не получив за нее вознаграждения, потому что с подобными делами нельзя обращаться столь торопливо. Между тем, причина такого долгого промедления не исходит от меня: Монсиньер Серра, Генеральный Комиссар Церковной области, который с самого начала занят моим делом, находится в отсутствии и еще не возвращался сюда за все время распри с Венецианцами. Истинная дружелюбность, с которой Монсиньер ко мне относится, запрящает мне желать, чтобы его заменили другим лицом. Кроме того, святой образ Мадонны дела Валличелла, который будет помещен над моей картиной, может быть перенесен в храм не раньше половины сентября. Его поставят на место одновременно с моей картиной, так что открыть их можно только вместе. Наконец, нужно, чтобы я во избежание ошибок сделал некоторые поправки в моей картине, когда она будет уже поставлена на место, но до того, как ее выставят перед публикой. Я рассказываю все это Вашей Милости потому, что надеюсь, что Его Светлость примет во внимание мое желание верно служить ему и, признавая весь вред, который этот незапланированный отъезд причинил моим делам, разрешит мне после возвращения из Фландрии снова поехать на месяц в Рим.

* Подлинник по-итальянски.

Мне нужно устроить там мои дела, так как из-за моего отъезда они дьявольски запутаны, к неудовольствию знатных особ, покровительствующих мне. Я хотел дать Вашей Милости отчет в этих делах, чтобы Вы могли помочь мне, заинтересовав ими господина Герцога и расположив его в мою пользу до моего приезда. Я уеду отсюда с Божьей помощью через три дня и сделаю все возможное, чтобы приехать в Мантую за несколько дней до 25-го. Для меня будет большим утешением лично служить Вашей Милости и поцеловать Ваши руки. В ожидании этого препоручаю себя Вашему благорасположению.

Вашей Милости покорнейший и преданнейший слуга
Петр-Павел Рубенс.

Рим, 9 июня 1607

IX

*Рубенс к Аннибале Къеппио**

Ввиду расположения, с которым Ваша Милость относится ко мне, и живейшего интереса, всегда высказываемого Вами по отношению к моим делам, мне не кажется неуместным сообщить Вашей Милости о происшедшем со мною странном случае. Я делаю это тем более охотно, что, по моему убеждению, это мое личное несчастье может принести выгоду Его Светлости. Да будет известно Вашей Милости, что моя картина для главного алтаря в Къеза Нуова отлично удалась и чрезвычайно понравилась Отцам и (что редко случается) всем, которые видели ее вначале.

Но над этим алтарем она оказалась столь дурно освещенной, что едва можно различить фигуры, не говоря

* Подлинник по-итальянски.

уже о том, чтобы оценить совершенство колорита и выписанность лиц и тканей, тщательно сделанных с натуры и, по общему мнению, прекрасно удавшихся.

Итак, видя, что все достоинства картины должны остаться неизвестными и что даже нельзя разобрать, каких трудов она мне стоила, я подумываю о том, чтобы не открывать ее вовсе, снять оттуда и найти для нее лучшее место, хотя цена за нее была назначена в 800 скудо (по 10 джулио в скудо) или дукатов, что может засвидетельствовать господин Магни, который точно знает условия договора.

Но Отцы не согласны, чтобы картина была у них отнята, если я не обязуюсь сделать с нее собственноручную копию для того же алтаря, написав ее на камне или ином материале, поглощающем краски, дабы они не блестели под этим неверным светом. Я же считаю недостойным моей чести оставлять в Риме две одинаковые картины моей кисти.

Но, вспоминая, что господин Герцог и Наша Светлейшая Госпожа несколько раз говорили мне о своем желании иметь мою картину для своей Галереи живописи, признаюсь Вашей Милости, что, раз Их Светлостям угодно оказать мне такую честь, я был бы счастлив, если бы они приобрели вышеупомянутое произведение. Это, без всякого сомнения, самая лучшая и самая удавшаяся из всех моих картин, и я не легко решился бы взять на себя еще раз такой большой труд, а если бы даже захотел, то навряд ли бы это удалось мне так же хорошо. Во всех отношениях она была бы на месте в этой Галерее, исполненной соперничества и соревнования стольких искусных художников. Я не буду устанавливать стоимость картины по римской оценке (хотя здесь она была оцене-

на в 800 скудо) и в этом, как и во всем, положусь на усмотрение Его Светлости. Кроме того, господин Герцог расплатится со мной, когда это будет ему удобно. Я попрошу только сто или двести скудо в счет платы теперь же, чтобы я мог сделать копию, которая будет закончена очень скоро, самое большее — через один-два месяца, потому что мне не придется делать эскизов. Так что я непременно вернусь в Мантую до Пасхи.

Если Ваша Милость соизволит и на этот раз оказать мне любезность и передать мое предложение господину Герцогу, то хотя мои обязательства перед Вами уже не могут возрасти, один этот случай еще раз возобновит их все. И я прошу Вашу Милость сообщить мне, как только это представится возможным, мнение Его Светлости о моем предложении, потому что до тех пор я буду держать картину закрытой и пока приостановлю все дело.

В том случае, если Его Светлость примет мое предложение, я тотчас сниму мою картину и выставлю ее в той же церкви, но при более выгодном освещении, к удовлетворению римлян и своему собственному. Копию же мне не нужно делать с таким совершенством и законченностью, потому что все равно будет невозможно наслаждаться ее видом, как следовало бы. Но, чтобы Вы были хорошо обо всем осведомлены, я скажу, что композиция картины прекрасна благодаря числу, размерам и разнообразию фигур стариков, юношей и дам, очень богато одетых. И хотя, конечно, все они святые, но ни один из них не имеет атрибута или признака, который может иметь всякий другой святой того же чина. Наконец, эта картина не слишком велика; узкая и очень высокая, она не займет много места. В общем, я убежден, что когда Их Светлости увидят ее, они останутся ею так же до-

вольны, как и множество людей, видевших ее в Риме. Пусть Ваша Милость простит меня за то, что я так дерзко тревожу Вас из-за безделицы, имеющей так мало значения по сравнению с делами Вашей Милости; я знаю, что злоупотребляю Вашей любезностью, но так как это дело не терпит отлагательства, я позволю себе поручить его Вашему доброму вниманию и прошу верить, что Вы никогда не одолжите кого-нибудь, более ценящего Ваши благодеяния, чем я. Покорнейше целую Ваши руки.

Вашей Милости преданный слуга

Петр-Павел Рубенс.

Рим, 2 февраля 1608

X

*Рубенс к Аннибале Кьеппио**

Милостивейший Государь!

Хотя мое предложение не было принято Его Светлостью, я так же благодарен Вашей Милости, как если бы мои желания были исполнены, ибо я точно знаю, что Вы сделали для меня больше, чем можно требовать от особы Вашего чина. Кроме того, говоря по правде, я уже не так тороплюсь с тех пор, как моя картина была выставлена в течение нескольких дней в той же церкви, но в хорошем месте. Ее видел и ею любовался весь Рим. Теперь я уверен, что могу хорошо продать ее в самом Риме, и, так как Отцы позволили мне внести в копию какие мне угодно изменения, у меня больше нет затруднений с этой стороны. Между тем, я полагаю, что в связи со спешными расходами, которые были вызваны свадебными празднествами, я причинил бы немалое затруд-

* Подлинник по-итальянски.

нение Вашему Мантуанскому казначейству in re rescipiāgia*, если бы ему пришлось меня удовлетворить; и не меньше хлопот я причиню ему, когда оно будет платить мне мое давно задержанное жалованье. Вот почему я начинаю смотреть на неудачу моего предложения как на счастливый случай.

Единственная вещь, которую я еще попрошу у Вашей Милости, — это настоять, чтобы госпожа Герцогиня распорядилась оплатить картину для ее личной часовни, написанную здесь господином Христофором Померанчо по прямому предписанию Его Светлости. Я писал по этому поводу господину Филиппу Персио, сообщая все подробности этого дела, и несколько удивлен тем, что он уехал, ничего не ответив мне, так что я принужден теперь еще раз докучать Вашей Милости.

Обстоятельства дела таковы: благодаря моим настояниям, желание госпожи Герцогини было исполнено быстро и хорошо, хотя Померанчо очень занят. Его Светлость несколько раз просил меня договориться с художником о цене, но я остерегся принять это поручение. Между тем, я сделал так, что Померанчо, который до тех пор довольствовался обменом любезностей с Его Светлостью, решился, наконец, попросить 500 золотых скудо. Эта сумма показалась чрезмерной госпоже Герцогине, которая, конечно, не знает обычаев первых мастеров Рима и полагает, что с ними можно обращаться по нашему мантуанскому обыкновению. Несмотря на это, она снова обратилась ко мне. Я показал картину многим знатокам, равно как и господину Маньи, с которым мы решили, что Его Светлость не может заплатить меньше 400 золотых скудо.

* в денежных делах (лат.).

Поэтому я умоляю Вашу Милость не отказать мне в любезности настоять перед госпожой Герцогиней, чтобы этот долг был оплачен без промедления. Если это не случится, я буду посрамлен в глазах всех и, конечно, больше никогда не отважусь принимать поручения вроде того, которое было возложено на меня Его Светлостью, как доказывают его бесчисленные письма. Меня пугает малая поспешность, с которой Ее Светлость собирается платить за эту картину теперь, когда ей так превосходно услужили.

Если я привык прибегать к Вашей Милости, когда нахожусь в затруднительном положении, то только потому, что я по опыту знаю, с какой горячностью Вы всегда берете меня под свою защиту. Покорнейше целую руки Вашей Милости и молю Бога даровать Вам всевозможное счастье.

Вашей Милости преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Рим, 23 февраля 1608

XI

*Рубенс к Аннибале Кьеппио**

Милостивейший Государь!

Хотя господин Герцог не находится в Мантуе, я полагаю, что должен сообщить Вашей Милости о необходимости, вынуждающей меня совершить почти дерзость, продолжив мое и без того долгое путешествие в чужие края. Я надеюсь по крайней мере, что это путешествие будет кратким. Позавчера я получил очень дурные известия о моей матери: больная тяжелой астмой, к которой присоединяется бремя ее семидесяти двух лет, она нахо-

* Подлинник по-итальянски.

дится в таком состоянии, что нельзя ждать ничего, кроме исхода, общего для всех людей. Мне тягостно ехать, чтобы присутствовать при таком зрелище, тягостно также уезжать без разрешения моего Светлейшего Покровителя. Поэтому я посоветовался с господином Маньи, и мы решили, что я должен постараться встретить Его Светлость где-нибудь в пути и для этого выбрать ту или иную дорогу, смотря по известиям, которые получу.

Меня весьма утешает то, что во время пребывания Его Светлости в Антверпене мои родственники, вероятно, настаивали на моем приезде и вполне осведомили господина Филиппа Персио и господина Аннибале Иберти о необходимости моего присутствия. Благодаря заступничеству этих последних они, должно быть, получили надежду на сочувствие господина Герцога. Но тогда больная не была так безнадежна, как теперь, и поэтому близкие не влагали в свои письма той настойчивости, которую я теперь нахожу в них.

Умоляю Вашу Милость сообщить о моем несчастье госпоже Герцогине и просить ее извинить меня за тот случай, если я, — чтобы выиграть время и нагнать господина Герцога, — не заеду в Мантую, а отправлюсь со всей поспешностью прямой дорогой.

О моем возвращении я скажу только, что мною всегда будет исполнена малейшая воля моих светлейших покровителей и соблюдена как нерушимый закон везде и всегда. Моя римская работа (три большие картины в Къеза Нуова) закончена, и, если я не ошибаюсь, это наименее неудачное из всего, что я когда-нибудь сделал. Но я уезжаю, не открыв ее (мраморное обрамление еще не готово), потому что поспешность гонит меня и потому что это не имеет значения для произведений, написан-

ных на камне и на глазах у всех. Так что по моем возвращении из Фландрии я могу ехать прямо в Мантую, что будет мне приятно по многим причинам и в особенности потому, что я буду в состоянии лично отдать себя в распоряжение Вашей Милости.

Вашей Милости преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Рим, 28 октября 1608

[Приписка на полях: садясь на коня.]

II

ХУДОЖНИК

XII

*Рубенс к Иоганну Фаберу**

Милостивейший Государь мой!

Я получил от Вашей Милости два письма весьма различного содержания: первое веселое и забавное, а второе, принесшее мне жесточайшую весть о смерти нашего дорогого Адама Эльсхеймера, причинившую мне великое огорчение. Конечно, после такой потери вся наша корпорация должна облечься в глубокий траур, потому что нам будет не легко заменить его, и, по моему разумению, в мелких вещах, пейзажах и еще во многом другом он не имел себе равных. Он умер в расцвете сил, *et adhuc sua messis in erba erat***, так что от него следовало еще

* Подлинник по-итальянски.

** «И жатва его еще не созрела» (лат.) — видоизмененная цитата из Овидия: «*Sed ninium properas, et adhuc tua messis in herba est*» (Ovid. *Heroid.*, XVII, 263). В пер. Зелинского: «Слишком торопишься ты, не созрела еще твоя жатва».

ожидать того, что ныне не будет никогда осуществлено; судьба только показала его миру.

И мне кажется, что скорбь никогда еще так жестоко не раздирала мое сердце, как в минуту получения этой вести. Я никогда не взгляну дружеским оком на тех, которые довели его до столь жалкого конца. Я молю Господа Бога простить Адаму грех лености, из-за которой он лишил мир прекраснейших произведений, причинил самому себе много несчастий и, так сказать, сам довел себя до отчаяния, между тем как он мог собственными руками создать свою фортуна и заставить мир уважать себя.

Но довольно жалоб. Я сожалею, что в нашей стране нет ни одного его произведения, весьма желал бы, чтобы картина (о которой пишет Ваша Милость) «Бегство Богородицы в Египет» попала в руки одного из моих соотечественников и была привезена во Фландрию, но опасаясь, что столь высокая цена (30 скудо) помешает этому. Однако я посоветовал бы вдове в том случае, если ей не удастся быстро продать картину в Италии, отправить ее сюда, где имеется так много любителей художеств, не смея, впрочем, заверить ее, что здесь окажется возможным получить такую сумму; во всяком случае, я с великою охотой займусь этим делом из уважения к памяти господина Адама.

Кончая на этом мое письмо, от всего сердца целую руки Вашей Милости и от себя, и за брата моего, который удивляется, что не получил ответа на письмо, посланное им господину Скиоппио. Последнего можно было бы поместить среди римских древностей, если бы он не был известен как современный автор. Я бы охотно написал Вашей Милости кое-что о приключениях

дона Альфонса и Мартиллано, если бы эти приключения не казались мне предметом, несовместимым с трагедией господина Адама, которая по праву заслуживает, чтобы ей было посвящено письмо, где бы не было смеха и шуток. Я снова препоручаю себя благоволению Вашей Милости и молю небо даровать Вам все возможное счастье.

Преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Вдова хорошо бы сделала, отправив эту картину на меди («Бегство в Египет») прямо в Антверпен, где бесчисленное множество людей интересуются произведениями малого размера. Я же займусь продажей картины и постараюсь сделать это как можно лучше. Если же она не будет продана сразу, я устрою так, что вдова получит вперед хорошую сумму, разумеется, без ущерба для продажи картины.

Антверпен, 14 января 1611

XIII

*Рубенс к Якову де Би**

Господин де Би!

Мне весьма приятно заметить, что Вы доверяете мне, так как просите меня оказать Вам услугу. С великой неохотой я принужден упустить этот случай доказать Вам мою дружбу не на словах, а на деле. Я действительно не могу принять к себе молодого человека, которого Вы мне рекомендуете. Я до такой степени осажден просьбами со всех сторон, что многие ученики уже не-

* Подлинник по-фламандски.

сколько лет ждут у других мастеров, чтобы я мог принять их к себе. И только с величайшими трудностями мне удалось обещать господину Роккоксу (который, как Вы знаете, мой друг и в то же время мой покровитель) место, о котором он хлопотал для одного молодого человека; пока же он содержит его и платит за его уроки другому живописцу. Я могу сказать с полной правдивостью и без малейшего преувеличения, что я был принужден отклонить более ста кандидатов, хотя многие из них мои родственники или родственники моей жены, и некоторые из этих отказов, как мне известно, обидели лучших моих друзей. Извините же меня, Милостивый Государь, если я не могу сделать того, о чем Вы меня просите. Я не премину во всяком другом случае дать Вам все доказательства моей приязни. От всего сердца поручаю себя Вашим добрым помыслам и желаю, чтобы Бог послал вам счастье и здоровье.

Ваш слуга

Петр-Павел Рубенс.

Я полагаю, что Вы не будете на меня сердиться, если я воспользуюсь представившимся мне случаем продать за хорошую цену мою картину «Юнона и Аргус», так как я надеюсь рано или поздно написать другую картину, которая Вам больше понравится. Тем не менее я непременно хочу предупредить Вас, прежде чем сделка будет окончательно заключена, потому что я хочу быть исправным в делах и, в особенности, дать полное удовлетворение моим друзьям. Но я знаю, что с Государями не всегда делаешь то, чего хочешь, и я бесконечно благодарен Вам за Ваши добрые намерения.

Антверпен, 11 мая 1611

XIV

Рубенс к Эрцгерцогу Альберту*

Благодаря своей превосходной памяти Эрцгерцог, наверное, помнит, что видел два года тому назад подкрашенный рисунок, сделанный мной и служивший эскизом к триптиху, который должен был украсить собой главный алтарь Гентского собора. Я сделал этот рисунок по просьбе преосвященного Мааса, епископа Гентского (упокой, Господи, его душу!), который хотел, чтобы это произведение было исполнено со всем возможным великолепием, — и несомненно, что оно было бы величайшим и прекраснейшим во всей стране, если бы смерть не поразила прелата. Капитул Собора одобрил проект, но, тем не менее, дело продолжало оставаться в неопределенном положении, и я не получил никакого вознаграждения за всю работу, сделанную мною как для мраморных частей, так и для живописи. Я надеялся, что Монсиньер новый Епископ, принимая епископский престол, примет также и проекты своего предшественника; но это было с моей стороны совершеннейшей ошибкой. В самом деле, он уступил дурным советам и, не бросив ни одного взгляда на мои рисунки [*приписка на полях*: между тем, он до сих пор не заключил ни соглашения, ни контракта со скульпторами и не закупил мрамора], решил соорудить нелепейший главный алтарь без всякого запрестольного образа и украшенный только статуей св. Бавона в мраморной нише с колоннами, а позади алтаря — дарохранительницу, которая, по моему замыслу, должна была, несмотря на существование образа, находиться на самом алтаре и в ее подножии должны были храниться мощи.

* Подлинник по-итальянски.

Очень существенно, что Монсиньер новый Епископ решил истратить на это дело приблизительно ту же сумму, что и его предшественник. Я поистине в отчаянии, видя, как таким образом рушится прекрасный проект. Я не принимаю в соображение мой личный интерес, который ничтожен, и думаю только об ущербе, который это решение наносит городу Генту. Но, быть может, Его Высочество, движимый любовью, с которой он всегда относился к живописи вообще и к моей в частности, и желая увеличить великолепие этого собора, доходы которого покрывают эти издержки, соизволит уведомить Гентского Епископа, что видал и одобрил мой рисунок и что Его Преосвященство хорошо сделает, если будет придерживаться моих планов или, по крайней мере, ознакомятся с ними, прежде чем примет иное решение.

Я бы, со своей стороны, был бесконечно счастлив, если бы господин Эрцгерцог соизволил оказать мне эту милость, написав Монсиньеру Епископу Гентскому в том смысле, который я позволил себе указать Ему. Я заверяю Его Высочество, что отнюдь не движим мыслью о барыше, который мог бы получить в этом случае. [*Приписка на полях*: теперь я имею больше чем когда бы то ни было важных заказов. Так как это — картины, писанные на холсте, я позволю себе, когда они будут готовы, направить некоторые из них в Брюссель, чтобы показать их Его Высочеству.] Но я, по совести, могу утверждать, что мой Гентский проект — наипрекраснейшая из вещей, когда-либо сделанных мной. Мое великое желание видеть его осуществленным заставило меня писать Его Высочеству в дерзких, быть может, выражениях. Но я прошу Бога сохранить Его Высочество в добром здравии.

Его Высочества преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

XV

*Рубенс к Петеру де Висхеру**

Милостивый Государь!

Я получил через господина Аннони точные размеры картины, которую я должен сделать для господина Эрцгерцога Леопольда, и холст совсем готов, чтобы начать работу, за которую я примусь в самом скором времени, если Бог даст мне жизнь и здоровье. Я употреблю все мое мастерство, чтобы доставить удовольствие такому благородному принцу, в чем Вы можете заверить кавалера, находящегося от лица Его Светлости в Брюсселе. Я надеюсь, что картина будет совершенно готова через два месяца, и если окажется возможным окончить ее раньше, то я не премину сделать это. Но следует принять во внимание, что картины должны сохнуть два или три раза, прежде чем их можно довести до совершенства. В ожидании я покорнейше целую руки Вашей Милости и остаюсь навсегда, Милостивый Государь,

Вашим преданнейшим слугой

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 27 апреля 1619

XVI

Рубенс к Герцогу

*Вольфгангу-Вильгельму Баварскому***

Я видел проект алтаря, посвященного св. Михаилу. По моему разумению, он превосходит во всем, исключая пропорций, — я нахожу чрезмерным делать его в два раза больше в вышину, чем в ширину. Вот почему я реши-

* Подлинник по-французски.

** Подлинник по-итальянски.

тельно не одобряю полупилястры, прикрывающие его с боков и бесполезно уменьшающие и без того обуженную площадь, оставленную для картины. Если их снять и вернуть занимаемое ими место живописи, можно, несомненно, добиться лучших пропорций. Я спешу добавить, что эти пилястры сами по себе совсем неплохи, и если бы не вопрос места, они бы придали произведению больше монументальности. Я прошу Вашу Светлость сообщить мне по этому поводу Ваше окончательное решение. Что же касается Вашего замысла картины «Св. Михаил», то этот замысел так же прекрасен, как и трудно осуществим. Я не думаю, что мне удастся найти среди моих учеников человека, способного, даже по моим эскизам, хорошо выполнить такую задачу, и, во всяком случае, мне придется самому прописать всю картину.

Я не премину послать Вашей Светлости инвентарь коллекции покойного Герцога Арсхотского, но в настоящее время хранитель путешествует, и я не могу достать инвентарь. Я добуду его, как только хранитель вернется. Мне больше нечего добавить, кроме того, что я почтительнейше целую руки Вашей Светлости, умоляя не лишать меня Вашего благорасположения.

Вашей Светлости преданнейший и покорнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Обе картины для боковых алтарей почти закончены, и мне остается только отделать их. Я надеюсь с Божьей помощью скоро отправить их Вашей Светлости, и я потружусь над ними со всем возможным тщанием.

Антверпен, 1 октября 1619

XVII

*Рубенс к Герцогу Вольфгангу-Вильгельму**

Ваша Светлость!

Я уже писал Вашей Светлости то, что я думаю об убранстве алтаря св. Михаила и проекте, представленном мне и тотчас же мною возвращенном; я указал изменения, по моему разумению необходимые для красоты этого произведения. С тех пор Ваша Светлость ничего не дали мне знать, но в этом я всецело полагаюсь на Ваше благоусмотрение, зная, что Ваша Светлость может быть отвлечена более важными делами.

Между тем, я не переставал работать над двумя картинами — «Рождеством Христовым» и «Святым духом» — и, слава Богу, закончил и ту, и другую. Они находятся в распоряжении Вашей Светлости, и я надеюсь, что Ваша Светлость останетесь довольны не только рвением, с которым я старался услужить, но также и плодами моей работы. Ваша Светлость может распорядиться, чтобы их взяли, когда угодно, просто указав мне имя посланного, который их примет. И я умоляю Вашу Светлость пользоваться мной, как Вам будет угодно, потому что я не премину, пока я жив, верно служить Вашей Светлости.

Я уже писал Вашей Светлости о коллекции покойного Герцога Арсхотского, которая продается в Антверпене. По правде сказать, мне кажется несвоевременным заниматься теперь такими пустяками, но я хочу повиноваться Вашей Светлости, так как в своем последнем письме Ваша Светлость прямо приказали мне доставить спи-

* Подлинник по-итальянски.

сок и каталог вещей, входящих в это собрание; я прилагаю оба эти документа к моему письму. Цена, которую хотят за него получить, — сорок тысяч фландрских флоринов, т.е. считая по двадцати су во флорине. При такой оценке покупатель не много выиграет, потому что это — приблизительно цена, за которую собрание было приобретено.

Мне нечего добавить, кроме того, что я почтительнейше препоручаю себя милостям Вашей Светлости и от всего сердца целую светлейшую руку.

Вашей Светлости покорнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 7 декабря 1619

XVIII

*Рубенс к Герцогу Вольфгангу-Вильгельму**

Ваша Светлость!

Во время моего недавнего пребывания в Брюсселе я с радостью узнал от комиссара Обергольтцера, что две картины, посланные мною Вашей Светлости, прибыли благополучно. Наоборот, я был весьма огорчен, когда узнал, что они слишком малы и не прилаживаются к орнаментальной раме, уже поставленной на место. Я не несу никакой ответственности в этом деле; я не совершил никакой небрежности в расчетах и имею доказательство этого в проекте, который Ваша Светлость соблаговолили мне прислать и который хранится у меня. В этом проекте указано, что картина должна иметь 16 нейбургских футов в высоту, 9 в ширину, размер же нейбургского фута точно обозначен на самом рисунке. Таковы как раз

* Подлинник по-итальянски.

размеры подрамников, на которые были натянуты холсты и которые еще существуют. Чтобы утешить себя, я надеюсь, что разница ничтожна и что этому горю будет легко помочь, прибавив к верхнему или нижнему краю рамы несколько завитков, чтобы приладить картины, не портя гармонии целого.

Если Ваша Светлость соблаговолит дать мне знать, какова в точности разница, я очень охотно сделаю рисунок, показывающий, каким образом, по моему мнению, можно это исправить.

Мне остается только почтительнейше поцеловать руки Вашей Светлости и принести уверение в моей верной преданности.

Вашей Светлости покорнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Всем, кто видел обе картины в моей мастерской, казалось, что они слишком узки и что они выиграли бы, если бы их укоротить. Но это вызывается необходимостью.

Антверпен, 24 июля 1620

XIX

*Рубенс к Герцогу Вольфгангу-Вильгельму**

Ваша Светлость!

Я замедлил поблагодарить Вашу Светлость за щедрое вознаграждение, пожалованное мне за две картины, которые я недавно написал по заказу Вашей Светлости. Я выдал расписку в получении трех тысяч флоринов брюссельскому агенту Вашей Светлости господину Рен-

* Подлинник по-итальянски.

го, который всегда обходился со мной весьма учтиво и, кроме того, сообщил мне, что имеет приказание передать мне от лица Вашей Светлости подарок моей жене. Я истинне смущен чрезмерной добротой и щедростью, с которыми Ваша Светлость обращается со своим покорнейшим слугой, но приписываю это не своим малым заслугам, а величию души Вашей Светлости. И как иначе я мог бы отблагодарить Вас, как не посвятив себя всего и навсегда служению Вашей Светлости! Смирненнейше приветствую Вашу Светлость и молю Господа Бога о ниспослании Вам счастливого Нового года.

Вашей Светлости покорнейший и преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, начало января 1621

XX

*Рубенс к Фрарену**

Я прошу Вас сообщить господину Жану Соважу нижеследующее: прошу вас, друг, устроить так, чтобы оставить за мной на третью, следующую за этой, неделю двух дам Капайо с улицы Вербуа, а также маленькую племянницу Луизу, потому что я рассчитываю сделать три этюда сирен в натуральную величину, и эти женщины бесконечно помогут мне в этом благодаря чудесному выражению их лиц, а еще более по причине их роста и таких чудесных черных волос, которые вообще редко встречаются.

Господину Ксаверию Феррари, меняле, против хор церкви св. Медерика в Париже.

* Подлинник по-французски.

XXI

*Рубенс к Фабрицио Вальгуарнера**

Я удивляюсь, что Вы еще не написали мне по поводу сюжета и размеров картины, которую я обязался собственноручно написать для Вашей Милости. Сейчас я работаю над картиной «Поклонение волхвов», которая почти квадратна и имеет от 7 до 8 футов вышины. Она еще не совсем закончена и могла бы служить украшением алтаря домово́й часовни или камина большой залы. Поэтому я хотел узнать, одобряет ли Ваша Милость такой сюжет, и я прошу Вас во всяком случае высказать мне свои желанья со всей откровенностью и совершенно свободно. Я хотел бы действительно услужить Вашей Милости к Вашему полному удовольствию и согласно заключенному нами договору.

Вашей Милости преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Я посылаю это письмо наугад, не зная, в Палермо ли Ваша Милость, в Неаполе или еще где-нибудь. Во всяком случае я надеюсь, что мое письмо дойдет по адресу, потому что особы Вашего ранга известны повсюду.

Антверпен, 20 июня 1631

XXII

*Рубенс к Георгу Гельдорпу***

Милостивый Государь!

Я благополучно получил Ваше любезнейшее июльское письмо, которое вывело меня из заблуждения. В са-

* Подлинник по-итальянски.

** Подлинник по-фламандски.

мом деле, я никак не мог постичь, почему Лондон нуждается в запрестольном образе.

В смысле времени, которым я должен располагать, чтобы услужить Вашему другу, не торопясь и не стесняя себя, — мне понадобилось бы полтора года. Что касается сюжета, то, для того чтобы поступить правильно, следовало бы выбрать его согласно с размерами картины, потому что одни композиции требуют больших полотен, другие — средних, третьи — маленьких. Однако, если бы мне пришлось выбирать по моему вкусу сюжет, относящийся к св. Петру, я бы взял распятие вниз головой, так как мне кажется, что я мог бы извлечь из этого нечто необычайное и в то же время находящееся в границах моего таланта. Во всяком случае окончательный выбор должен быть сделан согласно с вкусами того, кто платит за картину, и прежде всего мы должны ждать указаний относительно размеров произведения.

Я очень люблю Кёльн, где я воспитывался до десятилетнего возраста. Мне часто хотелось вернуться туда после такого долгого отсутствия, но я очень боюсь, что политическое положение и мои занятия помешают исполнению этого желания — как и многих других.

От всего сердца поручаю себя Вашему доброму воспоминанию и навсегда остаюсь, Милостивый Государь,
Вашим верным слугой

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 25 июля 1637

XXIII

*Рубенс к Георгу Гельдорпу**

Милостивый Государь!

Услышав от господина Леменса, что Вашей Милости угодно узнать, в каком положении находится картина, которую я пишу по Вашему заказу для одного из Ваших кёльнских друзей, я спешу уведомить Вас, что картина уже очень подвинулась и что я надеюсь сделать из нее одно из лучших произведений, которое я когда-либо создавал. Вы можете смело сообщить это своему другу. Однако я бы очень хотел, чтобы меня не торопили с отделкой картины и предоставили это моему усмотрению и удобству, что позволит мне закончить ее с удовольствием. Я, конечно, завален работой, но не интересуюсь до такой степени ни одной из картин, которые теперь пишу. Я не писал самому заказчику в Кёльн, потому что незнаком с ним, и полагаю, что для меня предпочтительнее обращаться к посредничеству Вашей Милости.

В заключение прошу Вашу Милость сохранить мне свое расположение и навсегда остаюсь, Милостивый Государь,

Вашим верным слугой

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 2 апреля 1638

XXIV

*Рубенс к Юстусу Сустермансу***

Милостивейший Государь мой!

Я надеюсь, что Вы получили мое письмо после 10 февраля (дата Вашего последнего письма). В этом

* Подлинник по-фламандски.

** Подлинник по-итальянски.

письме я уведомлял Вас о получении трагедии и горячо благодарил за нее.

Я должен вам сказать, что сегодня меня посетил господин Шутгер, который заплатил мне 142 флорина и 14 су — остаток платы за картину, написанную мной по заказу Вашей Милости. Я навел справки у господина Аннони, чтобы точно осведомить Вашу Милость. Господин Аннони сказал мне, что он три недели тому назад отправил картину в ящике до Лилля, откуда она будет продолжать путь в Италию. Да будет угодно Богу, чтобы она дошла до вас скоро и благополучно, как мне хотелось бы, потому что я боюсь, что после взятия Ганнау и Веймарского поражения дороги Германии стали почти непроезжими.

Что же касается сюжета картины, то он настолько ясен, что некоторых объяснений, которые я дал Вашей Милости вначале, будет совершенно достаточно, и Вы лучше охватите все подробности, смотря на картину, чем читая мои описания. Однако я кратко объясню сцену, раз Ваша Милость желает этого. Главный герой — это Марс, который выходит из открытого храма Януса (Ваша Милость знает, что римский закон требовал, чтобы в мирное время этот храм был заперт) и шествует со щитом и окровавленным мечом, угрожая народу великими бедствиями и не обращая внимания на свою возлюбленную Венеру, которая, окруженная амурами и гениями, силится удержать его ласками и поцелуями. С другой стороны фурия Алекто, с факелом в сжатой руке, увлекает Марса. Рядом с ними неразлучные спутники войны — Голод и Чума. На землю повержена ниц женщина с разбитой лютней, это — Гармония, которая несовместима с раздорами и войной. Мать с младенцем на руках свидетельствует, что чадородие, материнство и милосер-

дие задушены войной, развратительницей и разрушительницей всего. Ваша Милость найдет там также зодчего, упавшего со своими орудиями, ибо то, что мир воздвигает для красоты и изящества больших городов, насилие оружия разрушает и повергает ниц. Далее, если память не изменяет мне, Ваша Милость увидит на земле под ногами Марса книгу и рисунки; этим я хотел указать на то, что война презирает литературу и другие искусства. Кроме того, там должен быть развязанный пучок копий и стрел с соединявшей их веревкой. Это фасции — эмблема согласия, равно как Меркуриев жезл и оливковая ветвь — символ мира; они также отброшены прочь. Скорбная женщина в траурной одежде, под разодранным покрывалом, без драгоценностей и пышных уборов — это несчастная Европа, которая уже столько лет страдает от непрерывных грабежей, насилий всякого рода, неисчислимых бедствий — всех невыразимых мучений каждого из нас. Она несет земной шар, поддерживаемый ангелом или гением и увенчанный крестом — символом христианского мира.

Вот все, что я могу сказать Вашей Милости. Конечно, это более чем достаточно, потому что Вы, при Вашей проницательности, угадали бы это и сами. Но так как больше нет ничего, что бы я мог Вам рассказать или чем бы я мог Вам докучать, я остаюсь...

P.S. Я боюсь, как бы долгое пребывание в ящике не повредило краскам этой совсем свежей живописи, в особенности белым и телесным, которые могли слегка пожелтеть. Я надеюсь, что так как Вы сами такой великий мастер нашего дела, то Вам будет нетрудно помочь этому, выставляя время от времени картину на солнце. Впрочем, если вмешательство Вашей Милости окажется необходимым, я очень охотно разрешаю Вам подправить

мою картину всюду, где какая-нибудь случайность или моя небрежность сделают это нужным. И я снова целую руки Вашей Милости.

Антверпен, 12 марта 1638

XXV

*Рубенс к Жербье**

Милостивый Государь!

Это правда, что господин Норгет, находясь у меня в доме, рассматривал картину «Сен-Лоренсо в Эскуриале», особенно не останавливаясь на остальных вещах, и мне показалось ненужным выводить его из заблуждения, дабы не причинять ему неудовольствия. Но, видя себя принужденным сказать правду, чтобы не обманывать Его Величество Короля Великобритании, которому я стольким обязан, я сознаюсь, что вышеназванная картина не моей кисти, а вся написана одним из самых посредственных живописцев [*приписка на полях*: которого зовут Вериульст] Антверпена и исполнена по моему рисунку, сделанному на месте. Поэтому она совершенно недостойна занять место среди чудес собрания Его Величества, который может всегда располагать всем, что я имею на свете, а также и мною самим как своим покорнейшим слугой. Я прошу Вас сохранить мне его и Ваше благоволение и удаивать меня Вашими заказами во всех случаях, когда я могу вам услужить, пребывая от всего сердца, Милостивый Государь,

Вашим покорнейшим слугой

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 15 марта 1640

* Подлинник по-французски.

XXVI

*Рубенс к Жеррье**

Милостивый Государь!

Вот картина «Сен-Лоренсо в Эскуриале», законченная по мере сил художника, хотя и не без моих советов. Дай Бог, чтобы необычность сюжета могла развлечь Его Величество. Гора называется Сиерра св. Иоанна в Малагоне; она очень высока и отвесна, так что подъем и спуск были затруднительны; облака были у нас низко под ногами, в то время как небо оставалось светлым и ясным. На вершине стоит высокий деревянный крест, хорошо видимый из Мадрида, а в стороне находится небольшая церковь, посвященная св. Иоанну, которая не изображена на картине, потому что она была за нашей спиной. А вот и пустынный со своим осликом, живущий там. Можно не упоминать, что внизу расположено великолепное здание монастыря «Сен-Лоренсо в Эскуриале», с деревней и аллеями, Фриснедой, двумя озерами и дорогой в Мадрид, видимой наверху, у самого горизонта. Гора, покрытая облаком, называется Сиерра-Токкаде, оттого что ее вершина почти всегда как бы окутана покрывалом. Поблизости есть несколько башен и домов; я в точности не помню, как они называются, но знаю, что король ездил туда на охоту. Гора напротив, по левой руке, — это Сиерра-и-Пуетро-ди-Бутраго. Вот все, что я могу сказать по поводу этого сюжета и остаюсь всегда, Милостивый Государь,

Вашим покорнейшим слугой

Петр-Павел Рубенс.

* Подлинник по-французски.

Я забыл сказать, что на вершине нам встретилось много дичи, что и изображено на картине.

Без даты. По-видимому, начало апреля 1640

XXVII

*Рубенс к Дюкену**

Сеньеру Франческо Ди-Кеснуа.

Я не знаю, как выразить Вашей Милости мою благодарность за присланные Вами модели и слепки двух путти с гробницы Ван ден Хюффеля в церкви дель Анима; тем более я не знаю, как мне хвалить их красоту по заслугам. Эти произведения кажутся скорее созданными природой, чем искусством, потому что мрамор нежен, как жизнь. Я также восхищаюсь достоинствами только что освященной статуи св. Андрея. И лично, и как Ваш соотечественник я радуюсь успеху Вашей Милости и принимаю участие в Вашей славе. Если бы я не был прикован к месту старостью и подагрой, которые держат меня в заключении, я бы совершил путешествие в Рим, чтобы созерцать столь совершенные и уже знаменитые произведения и любоваться ими. Надеюсь, по крайней мере, что увижу Вашу Милость в нашей дорогой Фландрии, которая будет некогда гордиться Вашими произведениями, и очень хотел бы, чтобы это свершилось до того, как смерть сомкнет мои очи, дабы я мог созерцать чудесные произведения, рожденные Вашей рукой, которую я целую с глубочайшим почтением, моля Бога о ниспослании Вашей Милости долгой жизни и всяческого благополучия.

Вашей Милости верный и преданный слуга

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 17 апреля 1640

* Подлинник по-итальянски (хранится в Государственном Эрмитаже).

XXVIII

*Рубенс к Луке Файдгербе**

Любезный Лука!

Я надеюсь, что это письмо застанет Вас еще в Антверпене, потому что мне спешно нужна доска, на которой я написал три головы — яростного солдата в черном колпаке и двух людей: одного смеющегося и другого плачущего. Мне будет весьма приятно, если Вы пришлете мне эту доску или же, в случае если Вы можете приехать к нам, привезете ее сами. Во всяком случае нужно покрыть ее одной или двумя досками, чтобы с ней ничего не случилось и ее не было видно. Мы жалеем, что ничего не слышно о бутылках вина Аи; те, которые мы взяли с собой, уже пусты.

Желаю Вам доброго здоровья, так же как Каролине и Луизе, и от всего сердца, любезный Лука, остаюсь Вашим верным другом

Петр-Павел Рубенс.

Когда будете уезжать, присмотрите, чтобы все было хорошо заперто и чтобы в моей верхней мастерской не оставалось ни картин, ни эскизов. Напомните Вильму, садовнику, что он должен при случае прислать нам груш и фиг, если они будут, или вообще каких-нибудь плодов из сада. Приезжайте же как можно скорее, чтобы, наконец, запереть дом; пока Вы там, невозможно выпроводить остальных. Я надеюсь, что согласно с моим распоряжением Вы спрятали золотую цепь в сохранное место, дабы она оказалась в целости, когда мы вернемся домой.

Стен, 17 августа 1638

* Подлинник по-фламандски.

XXIX

*Рубенс к Луке Файдгербе**

Милостивый Государь!

Я с радостью узнал, что первого мая Вы посадили майское дерево в саду Вашей дорогой жены. Я надеюсь, что оно будет хорошо расти и некогда принесет Вам плоды. Я же сердечно желаю Вам как от своего имени, так и от имени моей жены и обоих сыновей — много счастья в браке. Ребенок из слоновой кости — не спешная работа; ныне вам предстоит сделать ребенка позначительнее.

Ваш приезд доставит нам большое удовольствие. Я полагаю, что, отправляясь в Стен, моя жена заедет в Малин, и ей будет весьма приятно лично поздравить Вас. Тем временем передайте мои самые сердечные поздравления Вашему тестю и Вашей теще. Я надеюсь, что, видя Ваше хорошее поведение, они будут с каждым днем все больше радоваться Вашему браку. Приветствуйте также от моего имени Вашего отца и матушку Вашу, которая, должно быть, втайне смеется, видя, как рушится проект Вашего итальянского путешествия и которая нашла дочь в ту минуту, когда боялась потерять сына. И эта дочь с Божьей помощью скоро сделает ее бабушкой.

Остаюсь всегда, от всего сердца...

Антверпен, 9 мая 1640

XXX

*Рубенс к Питеру ван Веену***

Милостивейший Государь мой!

Быть может, Вашей Милости покажется странным получить мое письмо после моего столь долгого молчания,

* Подлинник по-фламандски.

** Подлинник по-итальянски.

но я прошу Вас принять во внимание, что так как я сам не привык питаться дымом тщетной лести, то весьма склонен думать, что так же рассуждают все порядочные люди.

До сих пор я мог обращаться к Вашей Милости лишь с приветствиями и любезностями, которыми принято осыпать случайных приятелей. Но теперь я хотел бы получить от Вас совет, как взяться за то, чтобы добиться от Генеральных Штатов Соединенных Провинций разрешения напечатать несколько гравюр на меди, сделанных в моей мастерской, а равно и грамоту, охраняющую их от подделок в Голландии. Мне со всех сторон советуют начать это дело, а я — невежда и новичок в этих вещах и хотел бы знать, нужна ли, по мнению Вашей Милости, такая грамота и будет ли она иметь силу в столь свободной стране, как Соединенные Провинции. Какие я должен предпринять шаги и не затеваю ли я что-то очень трудное? Я был бы счастлив узнать обо всем этом Ваше мнение, так как решил следовать мудрым советам Вашей Милости.

В заключение я от всего сердца целую руки Вашей Милости, моля Господа Бога о ниспослании Вам счастья в Новом году.

Вашей Милости преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 4 января 1619

XXXI

*Рубенс к Питеру ван Веену**

Я бесконечно благодарен Вашей Милости за любезное предложение оказать мне помощь в моем хода-

* Подлинник по-итальянски.

тайстве. Признаюсь Вашей Милости, что Вы подвергаетесь опасности быть пойманным на слове, потому что я — один из тех, кто злоупотребляет любезностью других, соглашаясь принимать все их услуги. Хотя гравюры еще не совсем закончены, но, чтобы выиграть время, все же можно начать дело, определив их сюжеты в письменной форме. Я же обязуюсь представить в надлежащее время все гравюры, совершенно соответственные описанию, которое я дам. Я не премину вести счет всему, что Вы при этом заплатите, дадите или обещаете господину Секретарю Арсенсу и другим.

Что же касается сюжетов, то они не могут доставить Вашей Милости никакой неприятности: в них нет ни малейшего намека на государственные дела, ни скрытого смысла, ни тайного значения. Впрочем, Ваша Милость может убедиться в этом, рассмотрев прилагаемый список.

Говоря по совести, мне бы очень хотелось внести в мой список некоторые, еще не конченные вещи, чтобы не начинать все хлопоты заново: это было бы слишком скучно. Вот почему я полагаю, что лучше начать дело в письменной форме, не представляя на рассмотрение ни одного образчика до решения дела (разумеется, если такой путь возможен, потому что я не хотел бы быть дерзким), принимая во внимание, что все сюжеты совершенно обычны и лишены всякой двусмысленности. И я обязался бы послать оттиски в нужную минуту и все без изъятия.

Большая часть этих эстампов почти закончена и может быть скоро напечатана. Я настоял на том, чтобы гравер тщательно воспроизвел подлинник, и мне кажется, что менее трудно заставить работать при себе благонамеренного молодого человека, чем поручать дело выдающимся мастерам, поступающим, как им заблагорассудится.

Я жду на все это ответа Вашей Милости, который Вы соблагovolите мне дать, когда Вам будет угодно. И если окажется невозможным осуществить наше намерение таким путем, повременим до тех пор, пока мы не будем в состоянии действовать по всем правилам. Тем временем я от всего сердца препоручаю себя благоволению Вашей Милости, моля небо о ниспослании Вам отличного здоровья и благополучия. Кроме того, я покорнейше целую руки господина де Гейна.

Вашей Милости преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 23 ноября 1619

Битва Греков с Амазонками.

Лот, который выходит со своей семьей из Содома.

Св. Франциск со стигматами.

Рождество Христово.

Мадонна с младенцем Иисусом, св. Иоанном и св.

Иаковом.

Святое семейство, возвращающееся из Египта.

Несколько портретов знаменитых людей.

Поклонение волхвов.

Рождество Христово.

Воздвижение креста.

Снятие со креста.

Истязание св. Лаврентия.

Низвержение Люцифера.

Жизнь св. Игнатия Лойолы.

Жизнь св. Ксаверия.

Сусанна.

Св. Петр, вынимающий статир.

Миф о Леандре.

XXXII

Рубенс к Карлтоу*

Ваше Превосходительство!

Я нисколько не ошибался, когда думал, что только с великим искусством Вашего Превосходительства можно благополучно заканчивать дела, которые нельзя разрешить никаким другим путем. «Охота» на диких зверей (данная Вами этим господам!) действительно оказалась удачной, равно как и «Апостолы-рыбари», как Вы тонко даете мне понять, были для нас *piscatores hominum*** . Это не кажется мне странным, потому что все вещи особенно действенны в свойственном им климате. В самом деле, без этих приемов мы бы ничего не добились, хотя выставленный господами Членами Генеральных Штатов довод, что я не гражданин и не житель их территории, не может быть принят во внимание. Он никогда не приводился Государями или республиками, которым казалось справедливым заботиться, чтобы их подданные не наносили ущерба и умышленно не вредили своему ближнему, отнимая у него плоды его труда. Как бы монархи ни были разделены, когда дело идет о важнейших вопросах, они всегда будут в согласии для защиты и покровительства нравственности, наук и искусства: это было бы по меньшей мере их обязанностью. Я передал одному другу подробности моего ходатайства, и он сделает о нем подробный доклад Вашему Превосходительству. Между тем, я настоятельно прошу Вас собла-

* Подлинник по-итальянски.

** «ловцы человеков» (лат.) — выражение из Евангелия: «Venite post me, et faciam vos fieri piscatores hominum» («Идите за мною, и я сделаю вас ловцами человеков») (Мф. 4, 19; Мк. 1, 17). Это — слова Иисуса первым его ученикам, рыбакам Симону и Андрею.

говолить самому заняться этим делом до его разрешения и целую руки, принося тысячу благодарностей за уважение и истинную дружественность, которые Вы сообразовали мне выказать, и я был бы поистине счастлив, если бы мог оказать Вашему Превосходительству какую-нибудь услугу, к величайшему удовлетворению нас обоих.

Вашего Превосходительства покорнейший слуга
Петр-Павел Рубенс.

Я часто замечал, что некоторые члены многочисленных собраний, которые в частной беседе высказывались за то или иное решение, в заседании решают совершенно противоположное тому, что они обещали лично. Поэтому я умоляю Ваше Превосходительство со свойственной Вам осторожностью, не подвергается ли наше прошение опасности снова встретить отказ. Если окажется, что можно хоть отдаленно предположить, что это случится, я прошу Ваше Превосходительство тотчас же прекратить дело и не настаивать далее: не потому, что я переменял мнение или меньше ценю подобную милость, но из высших соображений мне неуместно быть навязчивым в моих просьбах. Я снова целую руки Вашего Превосходительства.

Антверпен, 28 мая 1619

XXXIII

*Рубенс к Питеру ван Веену**

Милостивейший Государь мой!

Я получил от Его Превосходительства господина Посланника Карлтона акт запрещения господ Членов Генеральных Штатов. Я совершенно удовлетворен, потому

* Подлинник по-итальянски.

что надеюсь, что он окажет то же действие, что и патент в должной форме. Я, разумеется, очень признателен Вашей Милости за то, что Вы сделали для меня в этом случае. И не только стремительность, с которой велось дело, но в особенности Ваш превосходный ответ положил конец затруднениям, которыми пытались усеять наш путь.

Я хотел бы, в свою очередь, быть Вам полезным и почел бы себя счастливым, если бы Вы дали мне возможность выразить мою благодарность на деле, а не на словах. Но это только вопрос времени. Что же касается хищника, о котором упоминает Ваша Милость, то я последую Вашим советам; если бы я не подвергался опасности повредить себе в будущем, то был бы очень рад не раздавать мои произведения лицам, которые недостойны их получить; но, с другой стороны, предложить малый подарок чиновнику такого ранга *esset contumeliae proximum**.

Итак, я ожидаю по этому поводу более простран-ных разъяснений Вашей Милости. Что касается Посланика, я сделаю то, что Ваша Милость мне предлагает; кроме того, у меня есть и другие средства доказать ему мою признательность. Гравюры Вы можете оставить там, где они находятся, так как мы добились того, чего хотели, и так как с Божьей помощью другие, и более удачные, гравюры не замедлят появиться.

В заключение я тысячу раз целую руки Вашей Милости и от всего сердца благодарю за то, что Вы доказали мне столь истинное расположение.

Вашей Милости преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 11 марта 1620

* граничило бы с оскорблением (лат.).

XXXIV

*Рубенс к Питеру ван Веену**

Милостивейший Государь мой!

Мне было чрезвычайно приятно получить паспорта, которые Вы соблаговолили достать мне ценою стольких хлопот. Говоря по правде, я отчасти подозревал, что мое звание затруднит дело, и поэтому я обратился к Вашей Милости; мне действительно казалось, что это дело не подлежит ведению одного из обыкновенных стряпчих, ремесло которых заключается в том, чтобы доставлять бумаги всем, кто ни попросит. Я во всяком случае очень благодарен Вашей Милости за заступничество. Я с удовольствием замечаю, что Вы хотели бы пополнить Ваше собрание моих гравюр, но увы! — уже два года, как мы почти ничего не печатаем из-за причуд моего гравера, который до такой степени дал увлечь себя гордостью, что невозможно сговориться с ним. Он утверждает, что только его работа и знаменитое имя придают ценность этим эстампам. Я ограничиваюсь тем, что противопоставляю этому истину: мои рисунки более законченны и разработаны, чем его гравюры, каковые рисунки я могу предъявить кому угодно, ибо они хранятся у меня. Впрочем, пусть Ваша Милость доставит мне удовольствие, прислав список эстампов, имеющихся у Вас, чтобы я мог узнать, каких Вам еще не хватает, и как только я выграввирую названия, я вышлю Вашей Милости остальные.

Тем временем я от всего сердца целую Ваши руки и препоручаю себя Вашему благорасположению, моля небо о ниспослании Вам всяческого благополучия и радости.

Вашей Милости преданнейший слуга

*Петр-Павел Рубенс.**Антверпен, 30 апреля 1622*

* Подлинник по-итальянски.

XXXV

*Рубенс к Питеру ван Веену**

Я так долго медлил с ответом Вашей Милости потому, что у меня были всякого рода затруднения, путешествия и т.д. В Вашем любезном письме от 12 мая перечисляются гравюры, которых Вам не хватает. К несчастью, у меня их очень мало. Причиной тому, как я уже писал Вашей Милости, безумие моего гравера, который уже несколько лет мешает мне предпринять что бы то ни было. Но, разумеется, то небольшое, что у меня имеется, я очень охотно вышлю Вашей Милости.

Это — «Св. Франциск со стигматами»; пробная, довольно грубо гравированная доска «Возвращение Богородицы с младенцем Иисусом из Египта»; «Мадонна, целующая младенца», — довольно хорошая, как мне кажется; «Сусанна», которую я считаю одной из моих лучших гравюр, и большая гравюра «Падение Люцифера» — неплохо удавшаяся вещь. Прибавлю к этому композиции: «Лот с женой и дочерьми, покидающий город Содом» и гравированную у меня «Битву амазонок» в шести листах, для окончания которых не хватает еще нескольких дней работы; но я не могу вырвать их из рук этого человека, несмотря на то, что за гравюру заплачено уже три года тому назад. Я хотел бы послать ее Вашей Милости вместе с прочими гравюрами, но мало вероятно, что я буду в состоянии сделать это так скоро.

Кроме того, я напечатал книгу об архитектуре прекраснейших генуэзских Дворцов: в ней семьдесят гравюр и несколько планов, но я не знаю, может ли такая книга заинтересовать Вашу Милость. Я очень хотел бы узнать Ваше мнение на сей счет. Соболаговолите также

* Подлинник по-итальянски.

распорядиться, чтобы какой-нибудь корабельщик или возчик из Ваших приятелей занялся доставкой всех этих предметов: пересылка их обошлась бы слишком дорого.

Я слышал, что Вы нашли способ рисовать на меди, применяя белый фон, как делал некогда господин Адам Эльсхеймер. [*Приписка на полях*: По крайней мере, я так предполагаю, но, может быть, Ваше открытие более ценно.] Чтобы гравировать водкой, он смазывал медь белой массой и затем, работая, представлял себе, что рисует сангиной на белой бумаге. Я не помню состава этой смеси, хотя он весьма по-товарищески открыл мне его.

Мне сказали, что Ваш брат, господин Октавий ван Веен, только что напечатал анонимно книгу о Всемирной Теории или чем-то в этом роде. Я бы очень хотел прочесть ее, и если бы Вы могли одолжить мне экземпляр, который, несомненно, имеется в Вашей библиотеке, я бы с честью поклялся никому не говорить об этом и хранить в тайне эту драгоценную милость.

В заключение я дружески целую руки Вашей Милости и молю Бога о ниспослании Вам счастья и радости.

Вашей Милости преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 14 июня 1622

XXXVI

*Рубенс к Жербье**

Милостивый Государь!

Возвратившись домой, я застал охранную грамоту Французских привилегий, письмо Вашего Превосходительства и письма кавалера дю Жар и господина Хуана

* Подлинник по-итальянски.

Марии. Мне все равно, печать сломана, так как от этого охранный грамота не менее действительна.

Я очень признателен Вашей Милости за заступничество и от всего сердца благодарю Вас. С другой стороны, я не замедлю засвидетельствовать мою признательность кавалеру дю Жар, как он этого ожидает. Он весьма замечательный человек, и ему всегда удастся быть оцененным важными лицами. Я молю Бога, чтобы это было ему всегда выгодно, и надеюсь, что это будет так.

Ваше Превосходительство получит это письмо через посредство аббата Скалья, с которым я говорил о деле Бискара; я полагаю, что Ваше Превосходительство удовлетворит его по этому поводу, потому что Бискара жестоко обвиняет аббата, и, кроме того, он был еще раньше осведомлен обо всем другими лицами и приехал главным образом затем, чтобы заставить его высказаться. [*Приписка на полях: Я удивляюсь, что господин Хуан Мария написал мне и требует у меня любезного письма; а я думал, что мы уже очень давно забыли друг друга.*]

Я с прискорбием узнаю, что французы чинят Вашему Превосходительству препятствия по отношению к Его Светлости и министрам. Впрочем, Ваше Превосходительство не должно чрезмерно огорчаться этим, так как Вы зависите только от своего Короля. Но, конечно, это делает тягостными Ваши сношения с ними. Я вовремя удалился от дел и никогда в моей жизни не оплакивал так мало какое-нибудь свое решение.

Так как мне больше нечего сказать Вашему Превосходительству, я шлю Вам мои приветствия, а также приветствия моей жены Вам и госпоже Жербье и остаюсь

Вашего Превосходительства верный слуга

Петр-Павел Рубенс.

III
ПИСЬМА К КАРЛТОНУ

XXXVII*

Ваше Превосходительство!

Наслышавшись от многих лиц о редкости предметов древности, собранных Вашим Превосходительством, я имел намерение поехать осмотреть их в обществе Вашего соотечественника господина Джорджа Гейджа. Но так как он внезапно уехал в Испанию, а я осажден делами всякого рода, мне приходится отказаться от этого путешествия. Между тем, господин Гейдж понял из слов Вашего Превосходительства, что Вы расположены обменять некоторые мраморы Вашего собрания на картины моей кисти. Я такой любитель древностей, что вполне готов заключить с Вашим Превосходительством соответствующее соглашение, разумеется, в том случае, если Ваши намерения не изменились.

Лучший посредник, какого я только могу пожелать для облегчения нашего соглашения, — это податель сего письма. Я надеюсь, что Вы соизволите показать ему свое собрание и разрешите сделать кое-какие заметки, чтобы он мог меня осведомить; со своей стороны, я pošлю Вашему Превосходительству список произведений, находящихся у меня в мастерской. [*Приписка на полях: или же сделаю новые вещи по вкусу Вашего Превосходительства*]. Словом, таким образом мы приступим к переговорам, которые не преминут удовлетворить нас обоих. Этого господина зовут Франциск-Питерсен де Греббель. Он живет в Гаарлеме, — где и родился. Это

* Подлинник по-итальянски.

весьма почтенная личность, и мы можем без всяких опасений верить его искренности. От всего сердца поручаю себя добрым мыслям Вашего Превосходительства и молю небо ниспослать Вам благополучие и радость.

Вашего Превосходительства покорнейший слуга
Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 17 марта 1618

XXXVIII*

Ваше Превосходительство!

Мой представитель уведомляет меня, что Вы склонны вести со мною переговоры по делу о вашем собрании древностей. Я предсказываю успех нашему соглашению; мне нравится откровенность, с которой Вы сказали мне настоящую покупную цену предметов. В этом я всецело полагаюсь на Ваше слово дворянина. Сверх того, я хотел бы верить, что Ваше Превосходительство совершали свои приобретения с величайшей разборчивостью и прозорливостью, хотя великие мира сего при заключении сделок всегда оказываются в невыгодном положении, потому что титул покупателя весьма часто увеличивает цены, которые с него спрашивают; но я враг такого способа действия и уверяю Ваше Превосходительство, что назначу за мои картины такую цену, как если бы я продавал их за наличные деньги. Я надеюсь, что в этом Ваше Превосходительство положится на слово честного человека.

У меня как раз имеются отличные работы, в том числе несколько картин, которые я хранил сам для себя и даже выкупал у других дороже, чем они были проданы; но все они находятся в распоряжении Вашего Превосхо-

* Подлинник по-итальянски.

дательства, потому что я люблю быстрые сделки, при которых каждый сразу дает или получает свою долю. По правде сказать, я так обременен заказами для общественных зданий и частных галерей, что несколько лет не буду в состоянии принимать новые обязательства. Тем не менее, если мы, как я надеюсь, придем к соглашению, я не премину незамедлительно закончить те из картин, внесенных в прилагаемый список, которые еще не вполне готовы. [*Приписка на полях: Почти все они закончены.*] Законченные же вещи я могу тотчас же выслать Вашему Превосходительству. В общем, если Ваше Превосходительство решится довериться мне настолько, насколько я доверяюсь Вам, — дело сделано, так как я готов уступить картины моей кисти на сумму 6000 флоринов (по теперешней расценке), перечисленные в прилагаемом списке, в обмен на древности, хранящиеся у Вашего Превосходительства. Я еще не видел их списка и даже не знаю, сколько их, но во всем этом полагаюсь на слово Вашего Превосходительства. Я немедленно вышлю Вашему Превосходительству уже оконченные картины и даю обещание, что моей первой работой будет отделка остальных.

Впрочем, я полагаюсь на то, что Вы решите с моим поверенным, господином Франциском Питерсенем, и буду ждать Вашего заключения, от всего сердца поручив себя милостям Вашего Превосходительства и почтительно целуя Ваши руки.

Вашего Превосходительства покорнейший слуга
Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 28 апреля 1618

- Список картин, находящихся у меня в доме:
- 500 флоринов. «Прометей, прикованный к горе Кавказу», с орлом, который терзает ему печень. Подлинник моей кисти, орел написан Снейдерсом. (Высота — 6 футов, ширина — 8.)
- 600 флоринов. «Даниил среди львов», писанных с натуры. Все моей кисти. (Высота — 8 футов, ширина — 12.)
- 600 флоринов. Сделанные с натуры «Леопарды», с сатирами и нимфами. Картина написана мной самим; восхитительный пейзаж исполнен рукой художника, искусного в этом ремесле. (Высота — 9 футов, ширина — 10.)
- 500 флоринов. «Леда с лебедем и Купидоном». Сделана мной. (Высота — 7 футов, ширина — 10.)
- 500 флоринов. «Распятие» в натуральную величину. Это, быть может, лучшее, что я сделал. (Высота — 12 футов, ширина — 6.)
- 1200 флоринов. «Страшный Суд», начатый одним из моих учеников с картины гораздо большего размера, которую я сделал для Светлейшего Князя Нейбургского (он заплатил мне за нее 3500 флоринов). Картина не закончена, но я решил собственноручно прописать ее всю, так как она может сойти за подлинник. (Высота — 13 футов, ширина — 9.)
- 500 флоринов. «Св. Петр, вынимающий из рыбы статир, чтобы уплатить подать». Вокруг Петра — другие рыбаки, написанные в натуральную величину. Сделана мной. (Высота — 7 футов, ширина — 8.)

600 флоринов. «Охота», начатая одним из моих учеников. Изображает всадников и львов и написана с картины, которую я сделал для Его Светлости Герцога Баварского. Я всю ее прописал сам.

По 50 флоринов за каждую. «Двенадцать апостолов и Христос». Написаны моими учениками с подлинников моей кисти, находящихся у Герцога де Лерма. Они будут совершенно прописаны мной.

600 флоринов. Картина, изображающая «Ахилла в женском платье». Написана лучшим из моих учеников. Совершенно подправлена моей рукой. Красивейшая картина, со множеством прекрасных молодых женщин.

300 флоринов. «Св. Себастьян» моей кисти. (Высота — 7 футов, ширина — 4.)

300 флоринов. «Сусанна», написанная одним из моих учеников и вся прописанная мной. (Высота — 7 футов, ширина — 5.)

XXXIX*

Милостивейший Государь!

Я получил вчера вечером Ваше любезнейшее письмо от 8 сего числа, в котором Вы извещаете меня, что несколько переменили намерения: оказывается, что цена моих картин должна составить лишь половину цены ваших мраморов, а другую половину Вы желаете погасить шпалерами, иначе говоря — наличными деньгами, потому что я могу достать эти шпалеры только *mediantibus*

* Подлинник по-итальянски.

illis*. Мне кажется, что такая перемена произошла от малого количества картин, внесенных в мой список, потому что Вы выбрали только те из моих произведений, которыми я сам наиболее доволен.

Между тем, пусть Ваше Превосходительство не представляет себе, что другие картины — лишь простые копии; я так прошел по ним кистью, что было бы трудно отличить их от подлинников, хотя я и назначил за них гораздо более скромные цены. Однако я не буду стараться воздействовать на Ваше Превосходительство красноречием, но если бы Вы остались при Вашем первоначальном намерении, я бы мог предложить Вам чистейшие подлинники до полного покрытия всей суммы. Я предпочитаю быть откровенным и прямо сказать, что Вы не кажетесь расположенным приобрести такое множество картин. Причины, заставляющие меня воспользоваться моими картинами как разменной монетой, не могут ни от кого ускользнуть, и хотя я ни в какой мере не увеличиваю их ценность, — очевидно, что они мне ничего не стоят, и каждый знает, что люди охотнее отдают плоды, сорванные в своем саду, чем плоды, купленные на рынке. Сверх того, я истратил несколько тысяч флоринов на украшение моего дома и не хотел бы из-за причуды выходить из рамок разумной бережливости. Я не принц, *sed qui manducat laborem manuum suorum***, и потому мне кажется, что я поступил бы весьма честно по отношению к Вашему Превосходительству, дав Вам картины, — либо подлинные, либо тщательно прописанные мной и недорого оцененные копии, — на всю сумму мое-

* при их посредстве (лат.).

** но тот, кто ест от труда рук своих (лат.).

го долга. Сверх того, для определения цен я всегда охотно соглашусь на оценку знающего лица.

Но если Вы настаиваете на том, чтобы получить шпалеры, я согласен доставить их, с условием, чтобы их цена не превышала двух тысяч флоринов. Остальные четыре тысячи будут заплачены картинами: три — произведениями, уже выбранными Вашим Превосходительством («Прометей», «Даниил», «Леда», «Св. Петр» и «Св. Себастьян»), а последняя тысяча — или картинами, входящими в мой список, или теми, которые я обязуюсь сделать по выбору Вашего Превосходительства. Но если Вы соблаговолите послушаться меня, то выберете «Охоту», имеющуюся в списке, потому что я постараюсь придать ей все качества «Охоты», уже находящейся у Вашего Превосходительства и которую она превосходно дополнит. На картине Вашего Превосходительства изображены тигры и европейские охотники; на той, которую я предлагаю, — живописные всадники в турецких и арабских одеяниях. Если я оценю это полотно в 600 флоринов, мне останется покрыть только 400 флоринов. Чтобы закончить наши счета, я предложил бы Вашему Превосходительству тщательно законченную мной самим «Сусанну» и какой-нибудь небольшой приятный холст моей кисти. Таким образом мною будет покрыта вся сумма в 400 флоринов.

Я надеюсь, Вы останетесь довольны этим, впрочем благоразумным, решением дела, *consideratis considerandis**, что я от всего сердца принял Ваше первоначальное предложение и что перемена исходила от Вас, а не от меня, и что по многим причинам я не мог бы предложить Вам большего. Я прошу Ваше Превосходительство из-

* по здравом его обсуждении (лат.).

вестить меня как можно скорее о своем решении. Если Вы примете мои предложения и сочтете это удобным, я прошу Ваше Превосходительство передать, перед Вашим отъездом в Англию, мраморы господину Франциску Питерсену. Со своей стороны, я тотчас же вышлю Вашему Превосходительству уже законченные картины; остальные же последуют за ними в скором времени.

Что же касается шпалер, то я мог бы быть весьма полезен этому купцу, другу Вашего Превосходительства, потому что нахожусь в постоянных сношениях с брюссельскими ткачами благодаря постоянным заказам на рисунки для шпалер, которые я получаю из Италии и других стран. По заказу генуэзских вельмож я только что сделал несколько прекрасных рисунков, которые уже исполняются. Скажу Вам откровенно, — чтобы получить хорошие вещи, надо заставлять работать на заказ. Но я буду рад, если это угодно Вашему Превосходительству, присмотреть за Вашими делами, чтобы Вы остались довольны.

Целую руки Вашего Превосходительства и *in omnem eventum nostri negotii** буду Вашим верным слугой. Господин Франциск Питерсен еще не прислал мне списка ваших мраморов, и я очень хотел бы, в том случае, если наши переговоры увенчаются успехом, получить также перечень имен художников, которые, судя по письму Вашего Превосходительства, были Вами разобраны.

Петр-Павел Рубенс.

Если наша сделка будет заключена, я умоляю Ваше Превосходительство устроить мне беспошлинный про-

* при любом исходе нашего дела (лат.).

воз вещей и (если они еще находятся у Вас) уступить мне деревянные ящики, в которых вещи были доставлены из Италии в Голландию. Теперь Вам эти ящики не нужны, между тем как для меня они будут очень удобны для перевозки мраморов в Антверпен.

Антверпен, 12 мая 1618

XL*

Ваше Превосходительство!

Я только что узнал от моего друга Питерсена, что он наконец пришел к соглашению с Вашим Превосходительством, основываясь на моих последних предложениях «*Quod utrique nostrum felix faustumque sit!*»** В то время как тянулись эти переговоры, я, со своей стороны, успел отделать большую часть картин, выбранных Вашим Превосходительством, и сделал их настолько совершенными, насколько это возможно. Поэтому надеюсь, что Вы будете вполне удовлетворены. «Прометей», «Леда», «Леопарды», «Св. Себастьян» и «Св. Петр» [*приписка на полях: только «Св. Петр» еще не совсем готов*] и «Даниил» совершенно закончены и могут быть переданы лицу, имеющему полномочия их принять. Конечно, эти полотна еще не совсем сухи, и их следовало бы оставить на подрамниках еще на несколько дней, чтобы их можно было безопасно свернуть. [*Приписка на полях: Так как стоит прекрасная погода, то картины будут выставлены на солнце.*] В будущий понедельник я с Божьей помощью не премину отделать «Охоту» и «Сусанну»,

* Подлинник по-итальянски.

** Да будет это ко благу и благополучию каждого из нас! (*лат.*, выражение, взятое из римской сакральной формулы).

так же как и маленькую картину, оцененную в 100 флоринов, помышляя при этом больше о чести, нежели о выгоде, и зная, сколь важно сохранить благоволение особы Вашего чина. Относительно шпалер мне почти нечего сказать. Я сегодня передал их списку господину Лайонелю, чтобы договориться непосредственно с ним, но он объявил, что не вправе это сделать, и отказался от всяких разговоров, так как Ваше Превосходительство дали ему строгое приказание ни к кому не обращаться по этому делу. Я очень доволен этим, потому что избавляюсь от хлопот, и, кроме того, мне совсем неприятно играть роль посредника. Я прошу Ваше Превосходительство изволить сообщить мне, кому я могу заплатить по Вашему приказу остальные 2000 флоринов, что я не замедлю исполнить.

Все же я считаю нужным предупредить Ваше Превосходительство, что в Антверпенском складе в настоящее время нет почти ничего хорошего, и, по моему мнению, лучшее из всего, что там имеется, это шпалеры (состоящие из 8 картин), на которых изображена история Камилла. Они имеют в высоту $4\frac{1}{2}$ локтя, и вся их поверхность составляет 222 локтя, ценою около 10 флоринов локоть [*приписка на полях*: если не ошибаюсь, 225 локтей стоят 2442 флорина.] Шпалеры на ту же тему, исполненные таким же способом и по тем же рисункам, были сделаны для господина Каббау в Гааге, где Ваше Превосходительство могли бы их увидеть и решить, как Вам будет угодно поступить. Тем не менее, Ваш выбор совершенно безразличен для меня, и я буду счастлив, если господин Лайонель хорошо исполнит возложенное на него поручение. От всего сердца поручаю себя милостям Вашего Превосходительства и почтительнейше целую

Ваши руки, пребывая всегда Вашего Превосходительства преданнейшим слугой,

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 20 мая 1618

Через неделю картины, обещанные Вашему Превосходительству, будут с Божьей помощью совершенно закончены.

XLI*

Ваше Превосходительство!

Я указал точные размеры всех картин Вашему человеку, приехавшему смерить их (как он говорит, по приказу Вашего Превосходительства), чтобы заказать рамы, хотя Вы не упоминаете об этом в Вашем письме. Уже давно я берусь за кисти только для того, чтобы работать над картинами Вашего Превосходительства, так что все они, как то: «Охота», «Сусанна» и маленькая картина, выбор которой предоставили на мое усмотрение и которая должна закончить наши счета, равно как и картины первого списка, будут с Божьей помощью готовы ровно 28-го числа этого месяца, согласно моему обещанию. Я надеюсь, что Вы останетесь совершенно довольны моей работой как в отношении разнообразия сюжетов, так и ввиду моего желания и старания как можно лучше угодить Вашему Превосходительству; поэтому я не сомневаюсь, что «Сусанна» и «Охота» могут занять место среди подлинных картин моей кисти. Третья картина написана на доске в $3\frac{1}{4}$ фута ширины и $2\frac{1}{2}$ фута вышины. Ее сюжет поистине своеобразен; он, так сказать, не светский и не духовный (хотя взят из Священного Писания).

* Подлинник по-итальянски.

Картина изображает Сарру, осыпающую упреками беременную Агарь, которая с женственным благородством покидает дом патриарха Авраама, тут же присутствующего. Я не дал размеров этой картины Вашему человеку, потому что она уже имеет небольшую раму. Я написал ее на доске, потому что дерево гораздо приятнее холста, когда дело идет о произведениях небольшого размера, которые легко перевозить. Согласно моему обыкновению, очень искусный мастер помог мне закончить пейзаж, чтобы он больше понравился Вашему Превосходительству; я даю честное слово, что до остального никто не дотронулся. Поистине, решительная воля моя заключается в том, чтобы превзойти мои обязательства. Ваше Превосходительство знает, что мое искреннейшее желание — быть всю жизнь Вашим верным слугой.

К несчастью, я не могу определить день, когда все мои картины высохнут. Говоря по правде, я предпочел бы, чтобы они были отправлены все вместе, потому что первые совсем недавно прописаны заново; при сотрудничестве солнца (если оно захочет принять в этом участие) и если не будет ветра, — потому что поднимающий тучи пыли ветер — злейший враг свежей живописи, — я буду в состоянии свернуть мои картины по прошествии пяти-шести погожих дней. Мне было бы очень приятно отправить их Вашему Превосходительству без всякого замедления, потому что Вы знаете, что я охотно сделал бы все возможное, чтобы быть Вам приятным. С другой стороны, я был бы в отчаянии, если бы ввиду их большой свежести они потерпели бы какой-нибудь ущерб в пути, что причинило бы Вашему Превосходительству огорчение, которое я разделял бы в полной мере.

Что касается шпалер, то, действительно, на рынке совсем нет замечательных, и я могу только повторить Вашему Превосходительству, что, для того чтобы их получить, нужно сделать их на заказ. Я думаю, что если «История Камилла» не нравится Вам, то история Сципиона и Ганнибала, которую предпочел представитель Ваш, могла бы Вам больше понравиться. Но, по правде сказать, среди всех этих вещей — бесспорно весьма замечательных — всякий выбор будет произволен.

Я пошлю Вашему Превосходительству размеры моих рисунков к истории Деция Муса — консула, который принес себя в жертву для победы римского народа. Но чтобы получить их, я должен написать в Брюссель, потому что как раз недавно сдал всю работу хозяину мастерской. Тем временем я препоручаю себя добрым помыслам Вашего Превосходительства и дружески целую Ваши руки.

Вашего Превосходительства покорнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Две тысячи флоринов будут заплачены, как только Ваше Превосходительство этого пожелает. Я не скрою от Вас, что я с нетерпением жду возможности увидеть Ваши мраморы, тем более что Вы уверяете меня, что они редки и драгоценны.

Антверпен, 26 мая 1618

XLII*

Ваше Превосходительство!

Согласно приказаниям Вашего Превосходительства я заплатил две тысячи флоринов господину Уэйку. Он

* Подлинник по-итальянски.

выдал мне расписку в их получении, о чем и известит Ваше Превосходительство. Все картины в хорошем состоянии и, тщательно уложенные в ящики, были переданы господину Франциску Питерсену. Этот последний был радостно изумлен, когда увидел все мои произведения законченными *сop amoge** и выстроенными в ряд.

В итоге нашей мены я убеждаюсь, что Вы доставляете мне древности, чтобы убрать одну комнату, и получаете взамен картины для убранства целого дворца и, сверх того, шпалеры. Если есть небольшая разница между действительными размерами картин и теми размерами, которые я сообщил Вашему Превосходительству, — это происходит оттого, что я мерил их, основываясь на фландрских мерах. Но я могу заверить Ваше Превосходительство, что эта небольшая разница не имеет значения, потому что картины расцениваются совсем иначе, чем шпалеры. Для одних имеет значение только качество, сюжет и число изображенных лиц; другие оцениваются локтями. Пусть Ваше Превосходительство знает, что я рассматриваю как честь и удовольствие то, что Вы дали мне такое поручение, и эта честь и удовольствие так велики, что я охотно пошлю Вашему Превосходительству мой портрет, только бы Вы разрешили мне, в свою очередь, хранить в моем доме что-нибудь на память о Вас. Потому что естественно, чтобы я гораздо более ценил Вас, нежели Вы меня.

Я только что получил мои мраморы, но еще не мог их увидеть ввиду того, что господин Питерсен спешил уехать. Я надеюсь, что они будут соответствовать моим ожиданиям. Господин Уэйк взялся сам получить пропуск

* с любовью (фр.).

для ящика Вашего Превосходительства. Я передал ему уже несколько дней тому назад письмо Вашего Превосходительства в Брюссель. Так как я не счел такой способ удобным для перевоза моих древностей, то получил разрешение другим путем. Тем не менее, я очень благодарен Вашему Превосходительству за все, что Вы сделали для меня, и я от всего сердца целую Ваши руки, в надежде быть всегда

Вашим верным слугой

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 1 июня 1618

XLIII

*Рубенс к Вильяму Трумбулю**

Картина, сделанная для господина посланника Карлтона, совсем готова и отлично уложена в деревянный ящик, достаточно прочный для совершения путешествия в Англию. Поэтому я без всякого затруднения отдам ее в руки господину Корхему, как только ему будет угодно ее взять или прислать за ней какого-нибудь своего подручного. Но отпираться от того, что я сказал господам нашим Судьям, а именно, что картина не стоит таких денег, — это не в моих навыках, потому что, если бы я сделал всю работу сам, она стоила бы, конечно, вдвое дороже, и, кроме того, она не только слегка подправлена моей рукой, но тронута и прописана мною везде одинаково. Я подтверждаю то, что я сказал: что, несмотря на ценность картины, из-за моих обязательств к господину Посланнику удовлетворюсь без всякого возражения тем

* Подлинник по-французски.

вознаграждением, какое покажется справедливым Его Превосходительству. Я не мог бы сказать ничего лучшего, ни покориться более полно желанию этого лица, которое я уважаю сильнее, чем это возможно выразить. Картина Бассано, которую я получил в обмен за нее, до такой степени испорчена, что в таком виде я продал бы ее первому встречному за 15 эю.

[Переписано с оригинала В. Трумбалем.]

XLIV

*Рубенс к Вильяму Трумбалу**

Милостивый Государь!

Я очень доволен тем, что картина, написанная для господина Посланника Карлтона, мне возвращена; я сделаю вместо львиной охоты другую, менее страшную, что справедливо понизит цену вещи. Эта картина будет исполнена мной собственноручно, без малейшей примеси чужой работы, что я обещаю Вам честным словом порядочного человека.

Мне очень неприятно, что это дело причиняет некоторое неудовольствие господину Карлтону, но он ни единожды не дал ясно понять его, когда я настоятельно просил его объяснить, должна ли эта вещь быть настоящим подлинником или может быть только тронута моей рукой. Я хотел бы иметь случай вернуть себе его расположение, потому что, кроме всего, мне стоило труда оказать ему услугу. Мне было бы очень приятно, если бы эта вещь находилась в таком высоком месте, как Галерея Его Высочества Принца Уэльского, и я приложу все ста-

* Подлинник по-французски.

рания, чтобы сделать ее лучше, чем картина «Олоферн», которую я написал в моей юности. Я почти закончил большую вещь, она вся моей кисти, и, по моему мнению, это одно из лучших моих произведений, представляющее охоту на львов, с фигурами в натуральную величину. Эта картина заказана мне Посланником Дигби — для поднесения, как я слышал, Маркизу Гамильтону. Но как вы очень хорошо сказали, такие вещи имеют больше прелести и силы в большой картине, чем в маленькой. Я бы очень хотел, чтобы картина для Галереи Принца Уэльского была крупнее, потому что большой размер картины придает нам гораздо больше смелости, для того чтобы хорошо и правдоподобно выразить наш замысел. Во всяком случае, я готов служить Вам всеми способами и покорнейше препоручаю себя Вашим милостям.

Что касается Его Величества и Его Высочества Принца Уэльского, мне всегда будет очень приятно быть почтенным их заказами, и относительно залы нового Дворца признаюсь, что по врожденному чувству я более склонен писать огромные полотна, чем маленькие вещицы. У каждого свой дар: мой талант таков, что, как бы огромна ни была работа по количеству и разнообразию сюжетов, она еще ни разу не превзошла моих сил.

Ваш покорнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 13 сентября 1621

IV
ГУМАНИСТ

XLV

*Рубенс к Франциску Свертсу**

Преславнейший и любезнейший господин Свертс! Сказать по правде, я не вполне понял Изиду господина Камдена; на основании столь грубого рисунка (да не ведет этого художник!) я не мог составить себе определенного мнения. Что до телицы, то, если не полагаться на господина Комдена, я заподозрил бы нечто совершенно иное, так как вид, пропорции, поза и положение разительным образом не соответствуют природе этого животного. Апис, который почти всегда в виденных мною древних мраморах находится рядом с Изидой, или самим Египтом, изображен здесь взрослым быком. Я вижу у него на боку знак почти полной луны, и его рога, как и прочие части, — бычьи. Какая же девушка забавляется коровой вместо щенка и берет ее себе на колени?

Я не вижу и следа повязки или венка — личных и постоянных атрибутов Изиды; никто, я думаю, не видел ее изображенной в живописи или в скульптуре без системы; это поистине ее отличительный признак.

Но чтобы высказать какое-нибудь мнение (хотя я и не смею ничего утверждать в столь темном вопросе), я должен предположить, — конечно, если это животное действительно телица, — что дело идет о каком-нибудь обете, данном в связи со сбором урожая. Вспомните речение: «Cum vitula facies pro frugibus»**. Мое предполо-

* Подлинник по-латыни.

** «Когда будешь приносить в жертву телку за жатву» (лат.; неточная цитата из Вергилия: «Cum faciam vitula pro frugibus ipse venito»; Verg. Ecl. 3, 77). В пер. С. Шервинского: «Сам же приди, когда телку я справлю для праздника жатвы».

жение подтверждается чашей с плодами и кубком, которые эта Изида держит в руке и которые и формой и размерами отличаются от флювиальных урн [*приписка на полях*: Эти урны были велики и имели утолщение посредине], ибо во время священных празднеств древние пили, как Зауфея; венок, надетый на нашу Изиду, похож на венки, которые употреблялись при жертвоприношениях и, как известно, делались из золота, цветов, зелени или других материалов.

Вот все, что я могу тебе сказать; это ничто для самой вещи, но много для меня, потому что мои занятия привлекают мое внимание к другим предметам, любезнейший Господин мой!

Впрочем, я оставляю вопрос об Изиде открытым для решения его людьми более сведущими, чем я. Прощай; люби меня вечно.

Твой Петр-Павел Рубенс.

(*Без даты. Вероятно — февраль 1618*)

XLVI

*Рубенс к Геварту**

Милостивый Государь!

Мой ответ по-фламандски в достаточной степени покажет Вам, что я не заслуживаю чести, которую Ваша Милость оказывает мне своими латинскими письмами. Мои занятия и мои *studia bonarum artium*** относятся ко времени столь отдаленному, что я принужден просить разрешения делать ошибки. Будьте же так благосклон-

* Две трети письма написаны по-фламандски и одна — по-латыни, причем иногда язык меняется посредине фразы.

** упражнения в добрых искусствах (т.е. занятия латинским языком).

ны и не посылайте на школьную скамью человека моего возраста. Я сделал все возможное для того, чтобы найти в частных библиотеках что-нибудь новое о Вашем Марке — но безуспешно. Однако я знаю людей, которые утверждают, что видели в знаменитой библиотеке св. Лаврентия два рукописных кодекса, помеченных именем божественного Марка; но все обстоятельства, объем и вид этих кодексов (мой собеседник не знал ни слова по-гречески) заставляют меня думать, что они не содержат ничего значительного или нового. Вероятно, все это уже хорошо известно и находится в изданных произведениях Марка. Действительное ли знание или только ничтожные противоречия родились бы от их сличения с подлинником, — не мне судить, потому что время, мой образ жизни и мои занятия увлекают меня в другую сторону и, кроме того, склад моего ума отдаляет меня от тайного святилища муз.

Я полагаю, что Вы познакомились с доном Франческо Браво, племянником нашего Губернатора. Он несколько месяцев тому назад уехал из Испании в наши края. Он крайне тщеславится своим званием писателя и стремится к неограниченной власти над критиками, а может быть, уже пользуется ею. Я передал ему сочинение Вашей Милости, полагая, что он может найти и сделать что-либо, согласно с Вашими желаниями, но больше не видел ни его, ни Вашего сочинения. Вы весьма одолжили бы меня, выслав мне другой экземпляр. Этот господин действительно произвел дорого стоившие и плодотворные изыскания в рукописном отделе Сен-Лоренской библиотеки. Он говорит, что нашел чудесные вещи, в особенности среди трудов древних Отцов [*приписка на полях*: В этом письме не должно быть больше

одной помарки; но пусть Ваша Милость простит друга, который работает, несмотря на жестокие страдания], бросающие свет на Тертуллиана, которому он угрожает множеством новых и удивительных разоблачений. Изданного и комментированного Вами Папиньяна дон Франческо тоже как будто упрекает за что-то, но, если я не ошибаюсь, это делается по привычке и чтобы похвастаться, а не основательно и с разбором. Но Вы сами можете увидеть этого человека и судить о нем. Это будет Вам или полезно, или забавно, а может быть, и то и другое вместе (это зависит от Вашей осмотрительности).

Я также познакомился с доном Лукой Торрио, который весьма любезен и скромен. Он обещал мне произвести разыскания; но я хотел бы пока что разобрать том *inscriptionum Africae** — не только ради божественного Марка и моего желания быть Вам полезным (потому что многие могут осведомить Вас более точно, чем я), но также чтобы развлечься самому. Я попросил наших общих приятелей передать мое желание дону Торрио, потому что я пишу в постели, страдая подагрическими болями; он ответил мне короткой запиской, которую я посылаю Вам. Последнее время я сильно болел подагрой и лихорадкой и, по правде сказать, много стонал и вздыхал. Но, слава Богу, теперь поправился.

О государственных делах я не могу сказать ничего хорошего или достоверного, — я в них еще не разобрался. Господин Маркиз не трогается с места и не проявляет ни малейшего желания возвратиться в Нидерланды, несмотря на неотступные просьбы, которыми Светлейшая Инфанта засыпает короля. По ее словам, в отсутствие

* африканских надписей (лат.).

Маркиза все гибнет. Но благодаря тому, что совесть его чиста, он спокоен и втайне (примите это слово в хорошем смысле) питает какой-то замысел. Маркиз уже четыре раза получал приказы Короля, и четыре раза ему какими-то хитростями удавалось отвертеться от них. Не знаю, что случится, но отлично вижу, с какой целью все это делается. Впрочем, пусть об этом пекутся боги, — я не смею и не должен больше говорить о подобных предметах.

Потеря флота вызвала здесь большой шум, но пока не получено известия с нашей стороны, этому стараются не верить. Но, по общему мнению, это правда, и потери огромны, хотя их следует приписать не злой судьбе, а глупости и небрежности, — потому что, несмотря на предупреждения, своевременно полученные, на них не было обращено должного внимания и нужные меры не были приняты. Вы бы удивились, увидев, как не то что большая часть населения, но почти все оно находится на вершине блаженства, потому что это общественное несчастье позволяет ему обвинять правительство и свободно высказывать свою ненависть. В самом деле, сила ненависти такова, что из-за нее забывают свои собственные несчастья и пренебрегают ими для наслаждения мстью.

Мне жаль только одного Короля. Природа одарила его всеми прекрасными качествами духа и тела, в чем я мог убедиться, встречаясь с ним каждый день; и если бы он не относился к себе столь недоверчиво и не был бы преувеличенно уступчив со своими министрами, то, клянусь Гераклом, он был бы способен противустоять всем ударам судьбы. Ныне он платится за свою уступчивость и чужую глупость и окружен ненавистью, которая при других обстоятельствах не коснулась бы его. Но так пожелали боги.

Кладу перо и полагаю конец труду моему, но не моей к Вам преданности. Прощайте, превосходный и несравненный муж, и ежедневно возносите мольбы фортуне о возвращении Вашего Рубенса, которого Вы по заслугам любите, как родного.

Вашей Милости вернейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Это письмо покрыто помарками и написано более небрежно, чем это приличествует. Но я прошу Вашу Милость извинить меня, приняв во внимание мою болезнь. Что касается моего маленького Альберта, которого я люблю как свое подобие, — я прошу Вас допустить его не только к Вашему очагу, но и в Ваш рабочий кабинет. Я люблю этого ребенка и поручаю его Вашей Милости как лучшему из моих друзей, а также другу муз, надеясь, что Вы будете заботиться о нем при моей жизни и после моей смерти, так же как и Брант — мой зять и брат.

Об английских делах неизвестно ничего нового со времени рокового удара, который все сразу разбил. Однако как с той, так и с другой стороны стараются возобновить сношения и больше надеются, чем боятся. Все это еще неопределенно, как всякое будущее, и я, опираясь на мой опыт в делах мира сего, говорю с уверенностью только о прошедшем. Еще раз прощайте. Как добрый фламандец желаю Вашей Милости, супруге Вашей и всей Вашей семье много счастья в Новом году.

Мадрид, 29 декабря 1628

XLVII

Рубенс к Геварту*

Милостивый Государь!

Вы всегда предупреждаете все мои желания и превосходите меня в любезности, не желая обращать внимания на мои промахи и на то, что я служу Вам не так усердно, как должен это делать и как Вы этого заслуживаете. Но видит Бог, что я запаздываю лишь во внешних проявлениях моей дружбы и что в глубине души я отношусь к Вашей Милости со всем уважением и сердечной преданностью; это я докажу, как только представится долгожданный случай оказать Вашей Милости какую-нибудь услугу.

Но, во всяком случае, я желал бы, чтобы мой сын принял на себя мои обязательства по отношению к Вашей Милости, потому что и он пользуется Вашими благодеяниями и обязан Вам превосходным образованием, составляющим лучшую часть его самого. Я тем более буду уважать его, чем более будет уважать его Ваша Милость, потому что в некоторых случаях Ваше суждение имеет более веса, чем мое. Впрочем, я всегда ценил в нем редкое прилежание. Мне было весьма приятно узнать, что он, слава Богу, поправляется, и я от всего сердца благодарю Вашу Милость за эту добрую весть и за честь, которую Вы оказали ему, посещая и утешая его во время его болезни. Он слишком молод (*si natura ordinem servet***), чтобы умереть раньше нас, и я надеюсь, что Бог позволит ему и жить, достойно жить, *neque enim quam diused quam bene agatur fabula refert****.

* Подлинник по-фламандски.

** если природа соблюдает порядок (*лат.*).

*** ибо не в том дело, насколько долго, а насколько хорошо играется пьеса (*лат.*).

Я боюсь напоминать Вашей Милости о смерти Вашей дорогой подруги. Я должен был написать Вашей Милости сразу, потому что ныне мои утешения поистине будут лишь *quam extortum et intempestivum officium et importuna doloris tui refricatio*; *cum juvanda sit potius oblivio proeteritorum quam interpellanda*. Nam si qua solatia a philosophia speranda sunt, abunde domi tibi superest unde petas. Ad Antonium tuum te ablego, cujus e divite penu, tanquam promuscondus, amicis etiam quod distribuas habes. Unum hoc miserandum solatii genus addam, quod in ea tempora incedimus, quibus ut expeditior quisque sine sarcinulis ad natandum ita et ad vivendum est*.

Я не знаю, что сказать о государственных делах, если не винить судьбу (*ne deos et homines accusem***) за потерю Везеля и за все, что за этим последует. Теперь Голландцы имеют полное право воображать себя избранным народом и говорить Богу: *Nos autem populus tuus et oves pascuae tuae****; воистину, наш разгром кажется ударом провидения, *quae certe laborat apud imperitos quoties bonae causae secus quid accidit*****. Я боюсь, что Буа-

* вынужденной и неблагоприятной обязанностью и будут не ко времени растравлять Ваше горе, тогда как лучше помочь забвению прошлого, чем напоминать о нем. Ибо, если надеяться на какие-нибудь утешения от философии, то у Вас найдется, откуда их почерпнуть. Я отсылаю Вас к Вашему Антонию, из богатых запасов которого Вы как хороший эконоом можете уделять и друзьям. Я прибавляю только то жалкое утешение, что мы вступили в такие времена, когда каждый, подобно тому как для плаванья, так и для жизни, тем более приспособлен, чем свободнее он от поклажи (*лат.*).

** чтобы не обвинять мне богов и людей (*лат.*).

*** А мы народ твой и овцы твоей паствы (*лат.*).

**** которое у людей невежественных действует уж непременно, когда нет налицо какой-нибудь другой подходящей причины (*лат.*).

ле-Дюк не может долго сопротивляться, хотя некоторые возлагают надежду на начавшиеся дожди; я же полагаю, что этот водяной народ предусмотрел и эту случайность.

Я стремлюсь вернуться на родину, хотя мне и очень грустно приехать туда при таких тяжелых обстоятельствах; тем не менее, я не останусь в Лондоне ни одного дня после того, как дон Карлос Колонна приедет сюда, — а это случится очень скоро, потому что Английский Посланник готов к отъезду (он выедет через две недели) в Испанию.

В день его отъезда я отправляю гонца к дон Карлосу, который немедленно отправится в путь.

Я знаю, что Вашей Милости весьма неприятно затяннувшееся отсутствие моего зятя Бранта, тем более что господин де Пап тоже, по-видимому, находится в отлучке. Таким образом, Вашей Милости приходится нести все бремя их обязанностей. Признаюсь, что я не подумал об этом, хотя, по правде сказать, никто не мог себе представить, что исполнение моего поручения потребует более двух месяцев; а теперь, накануне моего собственного отъезда, мне бы не хотелось отсылать Бранта в Антверпен. Однако, чтобы облегчить бремя, несомое Вашей Милостью, я бы решился сделать это (хотя присутствие Бранта приятно мне, а помощь — необходима), если бы, возвращаясь домой, он не подвергался опасности попасть в руки Голландцев, имеющих в Ламанше сильный флот, ибо военный корабль Английского Короля, который служит нам для переправы через канал, не может выйти в море ради одного Бранта. Поэтому я прошу Вашу Милость потерпеть еще немного и, раз Вы сделали мне столько одолжений, оказать мне еще и эту услугу.

Мы, Брант и я, будем Вам за это весьма признательны и приложим все усилия, чтобы оказать Вам услугу в подобных же или иных обстоятельствах.

Остаюсь, Милостивый Государь, Вашей Милости верный и преданный слуга

Петр-Павел Рубенс.

P.S. Брант просит меня сердечно приветствовать от него Вашу Милость.

Лондон, 15 сентября 1629

XLVIII

*Рубенс к Франциску Юниусу**

Милостивый Государь!

Вас, конечно, весьма удивляет то, что я так долго не извещаю Вас о получении Вашей книги, которая, как доказывает Ваше любезное письмо от 24 мая, была выслана мне раньше указанной даты. Однако я прошу Вас верить, что получил ее лишь две недели тому назад от антверпенца Леона Хемселруа, который, впрочем, на тысячу ладов извинялся, что доставил ее с таким опозданием. Это объяснит Вам, почему я не ответил на Ваше письмо: мне хотелось раньше получить Вашу книгу и прочесть ее, что я и сделал теперь с величайшим вниманием.

Поистине я нахожу, что Вы оказали искусству живописи важнейшую услугу, рассмотрев с таким великим терпением огромные сокровища древности и расположив их в столь совершенном порядке. Ибо Ваша

* Одна половина письма написана по-фламандски, другая — по-латыни.

книга превосходный сборник всех примеров, изречений и наставлений, которые искусство живописи внушало древним и которые рассеяны в их произведениях, по частию дошедших до нас. Равным образом я нахожу, что заглавие Вашего труда — «De Pictura Veterum»* — совершенно соответствует этому сборнику советов, правил, законов и примеров, позволяющих нам ознакомиться с вопросом. Вы самым изящным слогом и с редкой ученостью воспроизвели их и завершили Вашу работу с великой заботой о совершенстве даже мельчайших ее подробностей.

Но теперь, когда уроки древних художников стали всеобщим достоянием и каждый может, смотря по своей прихоти, следовать им более или менее верно, я хотел бы, чтобы кто-нибудь принялся с таким же жаром за составление трактата об итальянской живописи, образцы которой еще находятся у всех на глазах и могут быть непосредственно изучаемы. Ибо легче понять то, что воспринимается чувствами; такие вещи сильнее действуют на нас и допускают более тщательное рассмотрение, потому что доставляют более богатую пищу нашей любознательнее, чем те, которые относятся лишь к области воображения и представляются нам в сумраке таинственных слов; трижды, но тщетно силится мы проникнуть в их смысл (как Орфей в смысл слов Эвридики); они всегда ускользают и обманывают наши надежды.

Я говорю так по опыту. В самом деле, лишь немногим художникам, пожелавшим представить себе

* «О живописи древних» (лат.).

произведения Апеллеса или Тиманфа по рассказам Плиния и других древних авторов, удалось бы воскресить нечто, достойное восхищения и в то же время достойное величия древних. Каждый, смотря по своему таланту, стал бы смешивать посредственность с чудесами, оскорбляя тени великих учителей, к которым я отношусь с глубочайшим почтением и последние произведения которых я боготворю, не имея дерзости сравнивать себя с ними даже во сне.

Я прошу Вас простить мне дружескую вольность, с которой я выразил мои мысли, в надежде, что Вы не ограничитесь тем, что подали такую отличную закуску, но доставите нам и сытное блюдо, которого мы алчем, ибо еще никому из соблазненных этой богатой темой не удалось утолить наш голод. *Nam oportet venire ad Individua, ut dixi**.

В заключение я от всего сердца препоручаю себя благорасположению Вашего Превосходительства, принося благодарность за Ваше расположение ко мне, а также за честь, которую Вы оказали мне, подарив книгу Вашу, и остаюсь навсегда

Вашего Превосходительства верным и преданным слугой

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен (очень спеша), 1 августа 1637

* Ибо следует перейти к личностям, как я сказал (*лат.*).

V

ПИСЬМА К ПЕЙРЕСКУ

XLIX*

Милостивейший Государь мой!

Ничто в жизни не восхищало меня так, как геммы, присланные Вашей Милостью. Они кажутся мне вещами драгоценными и превосходящими все мои желания; но принять их в дар и лишить Вашу Милость таких дорогих предметов не входит в мои намерения. Если бы я не боялся, что во время прибытия этого письма Вас уже не будет в Париже, я бы отправил их Вашей Милости с обратной почтой, но, опасаясь, как бы они не затерялись во время Вашего отсутствия, в суматохе, вызванной чумой и бегством друзей, я решаюсь хранить их как драгоценнейший залог до первого путешествия в Париж, которое я с Божьей помощью совершу. Тогда у меня будет много случаев отдать их Вашей Милости лично (на что я надеюсь) или переслать верным путем. Тем временем в конце сентября я пошлю Вашей Милости хорошо исполненные оттиски, чтобы Вы могли ими пользоваться. Я тысячу раз благодарю Вас за Вашу щедрость, вернее — расточительность, и могу только любоваться Вашим расположением ко мне, которое заставляет такого любителя древностей, как Ваша Милость, лишать себя столь редких вещей. Я очень рад, что Вы получили рисунок перпетуум мобиле, сделанный точно и с искренним желанием сообщить Вашей Милости его тайну. Сверх того, когда Вы будете в Провансе и произведете испытание, я

* Подлинник по-итальянски.

обязуюсь, в случае неудачи, разрешить все Ваши сомнения. Быть может, мне удастся уговорить моего кума (я не могу обещать это Вашей Милости наверно) сделать весь прибор в ящике, якобы для моего потайного кабинета. Если я добьюсь этого, то от всего сердца подарю мой прибор Вашей Милости. И если у Вас есть сношения с Марселем, у меня будет сколько угодно случаев безопасно доставить прибор в Прованс через посредство каких-нибудь купцов. О зеркальце я поговорю с тем же кумом, чтобы выяснить, не можем ли мы сделать его меньшим по объему, но дающим большее увеличение, дабы его было легче переслать. Мои обязательства к Вашей Милости так велики, что я хотел бы придумать хоть что-нибудь, что было бы в моих силах и доставило бы удовольствие Вашей Милости. Недостаток времени мешает мне отдельно поблагодарить Вашу Милость за все Ваши хлопоты за меня у господина Ламени, господина Аббата и других Ваших друзей, а также за мечь Шадюку и кинжальные раны, нанесенные его грубой и дикой душе. Поистине он заслуживает носить в себе эту муку как наказание за свою нечестность.

Возвращаясь к нашим геммам, скажу, что мне чрезвычайно нравится *diva vulva** с бабочкиными крыльями, но я не могу рассмотреть, что находится между алтарем и зевом этой опрокинутой вульвы; я, вероятно, пойму, что это такое, когда у меня будет отпечаток, — сегодня я был так занят, что не успел сделать даже сюргучный отпечаток. Я не могу себе представить, почему вульву сравнивают с улиткой, если не вследствие величины ракови-

* *дива вульва* (лат.) — название раковины: божественная вагина.

ны — вместилища обширного и изменяющегося, смотря по своему содержимому, или еще вследствие того, что улитка — липкое и влажное существо. *Et cornua possent comparari cristae quum (sic) videntur utrinque exercere cunni cum pruriunt, haec tecum libere et forte non in faceta sed spurca nimis**. Но я еще подумаю об этом на досуге. Я не сразу нашел надпись, которую мне так хотелось увидеть и которая весьма нравится мне: «*Divus magnus majorum pater*»**; она находится на оборотной стороне сердолика, и я довольно скоро и с истинной радостью разыскал ее.

Я сожалею, что не могу понять значения букв или знаков *G. G. G. S. V.*, находящихся на нижнем краю «Никомедовой победы». Но я еще более сожалею, что не могу долее беседовать с Вашей Милостью: уже поздно, и несколько приятелей ждут меня с ужином.

Я полагаю, что Вы поручили господину Фрарену шкатулку с Вашими медалями и ящик с мраморами, которые я весьма охотно подарил бы какому-нибудь другу. Когда мы вернемся, то с Божьей помощью решим, что нам с ними делать. Покамест я покорнейше препоручаю себя Вашему благорасположению и от всего сердца целую руки Вашей Милости и господину де Валавэ и молю Господа Бога даровать Вам счастливое путешествие.

* И рожки ее можно было бы сравнить с птичьим гребнем (sic!), поскольку кажется, что, когда органы сладострастия испытывают непреодолимое желание с обеих сторон и выходят из состояния покоя, это происходит свободно и, может быть, не совсем изящно и слишком похотливо (лат.). (Пер. В.Д. Савуковой, 2004. Единственная фраза, перевод которой отсутствует в изд. 1933 г.)

** «Божественный великий отец предков» (лат.).

День кажется мне годом в ожидании того, чтобы Вы выехали из Парижа и оказались вне опасности; ибо лучшее средство от заразы — бегство.

Я не премину оказать господину Аббату все услуги, которых он достоин.

Мессалина мне нравится, но все же я боюсь, что она испорчена увеличением.

Вашей милости преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 3 августа 1623

L*

Милостивейший Государь!

У меня сегодня столько дела, что я не могу надлежащим образом ответить на ваше любезнейшее письмо, *sed summa sequor fastigia rerum***, остальное придется отложить до ближайшего почтового дня. Что касается гемм, то я по-прежнему бесконечно благодарен за них Вашей Милости, не изменяя решения вернуть их вам когда-нибудь, — а покамест пошлю вам оттиски. Я не могу вспомнить, чтобы когда-нибудь в жизни видел вещь, которая доставила бы мне больше удовольствия, чем эти геммы.

Декрет Инквизиции, изданный против севильских Васильенцев, будет не легко достать, потому что, насколько я знаю, сейчас в Антверпене имеется всего лишь один экземпляр. Тем не менее, будет сделано все возможное, чтобы его разыскать.

Амстердамские Розенкрейцеры — уже старая секта, и я припоминаю, что три года тому назад читал книж-

* Подлинник по-итальянски.

** «Но прослежу лишь главнейшие вещи» (лат.; часть 342-го стиха из I песни «Энеиды» Вергилия).

ку, изданную их братством, в которой описывалась жизнь и таинственная, славная смерть их основоположника: там были также статуты и правила их ордена, который казался мне чем-то вроде братства Алхимиков, притворяющихся обладателями философского камня. Между тем это чистейший обман.

Дело коллекции господина Голли продолжает бесить меня, когда я о нем думаю, и я желаю удовольствия господину Фонтенэ, нашедшему в себе мужество купить ее.

Я был бы рад получить при случае рисунок зеркала, если копия находится в Риме у г-на Алеандра; я думаю, сестр будет легче найти. Господин Коберген уехал по делам в Берг-Сент-Виннок во Фландрии и не скоро вернется.

История Павла Парента кажется мне не имеющей себе подобных по нелепости. Нос enim est insanire quam delirare*. Пусть идет себе с миром со своими тряпками, так же как Шадюк. Следовало бы запрячь их в одну повозку, как пару волов.

Я жалею только о всех беспокойствах, которые этот мерзавец доставил Вашей Милости и которые вы перенесли из любви ко мне.

Я охотно послал бы сегодня же Вашей Милости древние, неизданные латинские эпиграммы, но господин Геварт находится в отсутствии. Он отправился в Брюссель приветствовать кардинала делла Куэва, своего покровителя, которого вызвала в Рим испанская партия, чтобы иметь лишний голос. Из этого можно заключить, что конклав затянется, потому что Его Высокопреосвященство едет не в почтовой карете и тем не менее рас-

* Это ведь скорее безумие, чем помешательство (лат.).

считывает прибыть вовремя, ввиду того, что большинство еще не образовано голосованием.

Маркиз Спинола выезжает сегодня или завтра в Местрихт, где устанавливается плацдарм, что не мешает Маркизу продолжать под рукой переговоры о перемирии.

Недостаток времени не позволяет мне больше беседовать с Вашей Милостью, и я от всего сердца целую руки Вам и Вашему брату, господину де Валавэ, моля Бога даровать Вашей Милости благополучное путешествие.

Вашей Милости преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 10 августа 1623

LI*

Милостивейший Государь мой!

Ее Величество Сестра Короля бракосочеталась позавчера со всей надлежащей в подобных случаях пышностью [*приписка на полях: 11 мая*] с герцогом де Шверрезом, представлявшим короля Англии. Церемонию совершал кардинал де ла Рошфуко. Ваша Милость узнает все подробности из рукописных и печатных реляций, к которым я отсылаю Вас, потому что, по правде сказать, неприятность, случившаяся с братом Вашей Милости, сделала мне постылым весь этот праздник. Мы стояли на помосте, предназначенном для англичан из свиты господина Посланника. [*Приписка на полях: Мы получили благодаря стараниям господина де Валавэ эти места, которые были весьма выгодными, так как находились как*

* Подлинник по-итальянски.

раз против эстрады, где совершалась церемония.] Много людей взошло туда. Вдруг деревянный пол поддался под огромной тяжестью этой толпы, и я увидел, как брат Вашей Милости, к моему величайшему ужасу и живейшему горю, упал вместе с другими. Он стоял рядом со мной, но я очутился на краю соседней трибуны и потому остался здоров и невредим, *ut solemus aliquando duobus sellis sedere**. Я едва успел переступить с рушащейся трибуны на уцелевшую. С нее нельзя было спуститься, не бросившись вниз. Следовательно, я не мог ни увидеть брата Вашей Милости, ни получить о нем каких бы то ни было сведений, ни узнать, ранен он или нет. Я был принужден оставаться там в такой тревоге до конца праздника; затем я прибежал в дом господина Вашего брата. Господин де Валавэ был ранен в лоб. Это бесконечно огорчило меня, тем более что из 30 упавших ни один не был ни ранен, ни даже серьезно контужен. Черепная кость не проломлена, и если бы не было порезов вокруг раны, она, я думаю, зарубцевалась бы в несколько дней; но зато, так как порезы соприкасаются с раной, будет возможным безопасно извлечь гной через одно отверстие. Слава Богу, я застал господина де Валавэ не в жару, так как он тотчас же прибегнул к действенным средствам для предотвращения осложнения: кровопусканию и клистирам. Поэтому я надеюсь, что через несколько дней он снова будет в добром здоровье. Больше всего он огорчен тем, что это случилось с ним во время приезда Легата. Господин де Валавэ не знает, будет ли он в состоянии, следуя желанию Вашей Милости и своему собственному, приветствовать Его Высокопреосвященство

* ибо нам приходилось порой сидеть на двух стульях (лат.).

и господ его свиты. День прибытия Нунция в Париж в точности еще неизвестен. Несомненно только, что в прошлую субботу он приехал в Орлеан и ночевал там, а 13-го будет ночевать в Этампе. Это путешествие Нунция омрачено дурными предзнаменованиями и в особенности внезапной болезнью только что приехавшего ко Двору дяди Нунция — господина Могалотти; врачи находят его состояние безнадежным; они не могут победить его горячку ни кровопусканиями, ни всеми другими средствами. Что же касается меня, то если господин де Валавэ не скоро встанет на ноги, то за неимением того, кто бы мог меня представить, я не буду иметь удовольствия засвидетельствовать мое почтение знатным особам, перечень которых Вы прислали мне в Вашем последнем письме и которых Вы живописали свойственными Вам светлыми красками. Я в особенности имею в виду господина Алехандра, от которого Вы [*приписка на полях*: Ваша Милость говорите это из скромности] в столь краткий срок узнали столько важнейших, но, как я уверен, уже известных Вам вещей. Тем более я, если бы мне удалось добиться откровенной беседы с ним, мог бы чрезвычайно многому научиться и исправить свои ошибочные суждения. Для меня также была бы особенной милостью возможность приветствовать кавалера дель Поццо и господина Дони, которые пользуются такой прекрасной славой благодаря их любви к художествам и знанию древности.

Мои личные дела заставляют меня беспокоиться. Они страдают от смуты в делах государственных, потому что я не могу в нынешней политической буре привлечь к себе внимание, не подвергаясь упреку в том, что докучаю Королеве и утомляю ее. Тем не менее я делаю

все возможное, чтобы мне заплатили до отъезда новобрачной, т.е. до Троицы. Королева-Мать и царствующая Королева будут сопровождать Ее Величество до Булони, а Король — до Амьена. Я точно знаю, что Королева-Мать чрезвычайно довольна моей работой, так как она сама много раз говорила мне это и продолжает говорить всем. Король также оказал мне честь, посетив нашу Галерею, когда впервые вступил во Дворец, который начали сооружать 16 или 18 лет тому назад. [*Приписка на полях: Я как раз лежал в постели по вине сапожника, который, надевая мне новый сапог, почти искалечил меня. Я провел десять дней в постели и, хотя уже могу ездить верхом, все же еще чувствую сильную боль.*] Его Величество высказал большое удовлетворение по поводу моих картин, что было засвидетельствовано мне всеми присутствующими и в особенности господином Аббатом ц. Сент-Амбуаз, который пояснял картины с большой ловкостью, изменяя и скрывая их настоящий смысл. Мне кажется, я писал Вашей Милости, что картина, изображающая бегство Королевы из Парижа, была удалена и что вместо нее я сделал другую, представляющую благоденствие Французского королевства во время правления Ее Величества, равно как возвышение Наук и Искусств благодаря щедрости Его Величества, который изображен сидящим на блистательном троне и держащим в руке весы, что означает, что его мудрость и справедливость поддерживают равновесие мира. Этот сюжет не имеет отношения к государственным делам и лицам; картина имела успех, и я полагаю, что если бы мне доверились в этом деле, то и другие сюжеты не вызвали бы ропота и скандала. [*Приписка на полях: Кардинал слишком поздно заметил это и был очень рассержен, когда увидел,*

как дурно приняты новые картины.] Я уверен, что и впредь не преминут чинить препятствия по отношению к сюжетам картин для второй галереи, между тем как их очень легко осуществить и они не должны вызвать никаких недоразумений: тема столь обширна и великолепна, что ее хватило бы на десять галерей. Но Монсиньер Кардинал де Ришелье, несмотря на то, что я представил ему в письменной форме краткий план, так занят управлением Государства, что не имел времени взглянуть на мои заметки. Вот почему я решил уехать немедленно, как только добьюсь, чтобы мне заплатили, предоставив Кардиналу и господину Аббату ц. Сент-Амбруаз известить меня об их решении даже в том случае, если они, по своему обыкновению и прихоти, перевернут все мои планы, и, быть может, через год я получу в Антверпене их ответ.

В общем я задыхаюсь при Парижском Дворе, и может случиться, если мне не заплатят с быстротой, равной той исполнительности, с какой я служил Королеве-Матери, что я не вернусь сюда (это я говорю вам по секрету), хотя до сих пор я не могу жаловаться на Его Величество, так как препятствия были законны и извинительны. Но время проходит, и я нахожусь вдали от дома, что причиняет мне немалый ущерб.

Из Бельгии нет почти никаких новостей. Осада Бреды продолжается без событий, как я узнал из писем от 6 мая. Я же лично думаю, что дело не может застыть в таком положении, потому что обе стороны слишком сильны и находятся слишком близко друг от друга. Кончая письмо, я препоручаю себя благорасположению Вашей Милости и от всего сердца целую Ваши руки.

Вашей Милости верный слуга

Петр-Павел Рубенс.

Несчастье, постигшее господина Вашего брата, поразило меня так сильно, как если бы оно случилось со мной самим. Ибо при всех обстоятельствах он оказывал мне услуги как в малых, так и в великих делах, и невозможно требовать большего от родного брата.

В Париже. В комнате господина Вашего брата. 13 мая 1625

ЛII*

Милостивейший Государь мой!

После того как я написал Вам по поводу древней живописи, найденной в садах Вителлия, я принялся припоминать ее как можно лучше, и мне кажется, что я ошибся в моем описании, потому что новобрачная облечена в широчайший белый, слегка пожелтевший пеплум. Она прекрасно сложена, покрыта с головы до ног и сидит задумчиво и печально, а полуобнаженная женщина прикрыта только лиловой одеждой. Брачное ложе убрано цветами. Затем, если я не ошибаюсь, поодаль стоит старуха, вероятно служанка, держащая корзиночку и scaphio, по всей вероятности, для новобрачной.

Поразмыслив об этом, я припоминаю, что большинство римских знатоков считали полуобнаженного и увенчанного цветами юношу новобрачным, qui impatiens morae tanquam ex insidiis sponsam respicit, et quid colloquantur mulieres auscultat**. О трех женщинах, приносящих жертву, и из которых одна в митре, а две другие — в лучистых венцах, я не могу сказать ничего положительного, кроме того, что они должны быть богинями, охраняю-

* Подлинник по-итальянски.

** который с нетерпением, как бы из засады, смотрит на невесту и подслушивает, о чем разговаривают женщины (лат.).

щими брак и чадородие. И, может быть, одна из них — царственная Юнона, которую я, впрочем, никогда не видел в таком головном уборе, а другая — Люцина, *nam radii procul dubio lucem significant et ipsa Luna etiam suum lumen a radiis solaribus mutuatur**. О группе, находящейся по другую сторону ложа и соответствующей группе жертвоприношения, я писал Вашей Милости в предыдущем письме. Вот все, что я могу сказать, впрочем весьма сбивчиво, *memoriter et ex tempore***. Но если Вы соблаговолите прислать мне рисунок, который, чтобы я мог иметь суждение, должен быть раскрашенным и хорошо исполненным, я выскажу более отчетливое и основательное мнение.

Кончая письмо, я целую от всего сердца руки Вашей Милости и поручаю себя Вашему благорасположению.

Вашей Милости преданный слуга

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 19 мая 1628

LIИ***

Милостивейший Государь мой!

Мне кажется, что я уже тысячу лет ничего не знаю о Вашей Милости. Наша переписка оказалась прерванной моим путешествием в Испанию, которое Светлейшая Инфанта приказала мне совершить с такой поспешностью и настолько тайно, что не позволила мне пови-

* ибо лучи, без сомнения, знаменуют свет, и сама луна заимствует свое сияние от солнечных лучей (*лат.*).

** по памяти и без подготовки (*лат.*).

*** Подлинник по-итальянски.

даться ни с кем из друзей, ни даже с Фландрским Поверенным в делах, ни даже с Испанским Посланником Парижа. Мне поистине было весьма тягостно проехать через милый мне город, не будучи в состоянии приветствовать господ Дюпюи, господина Аббата ц. Сент-Амбураз, а также других моих покровителей, и я с трудом могу выразить мою досаду в достаточно сильных выражениях.

Я не притязая на знание государственных тайн, и мне известно, что Его Католическое Величество изволил приказать, чтобы я совершил путешествие в почтовой карете; но я предполагаю, что Светлейшая Инфанта, знающая, как я обязан вдовствующей Королеве Франции, боялась, как бы я не задержался на несколько дней при ее Дворе.

Здесь, как и повсюду, я занимаюсь живописью и уже закончил портрет Его Величества верхом. Король весьма доволен этим портретом, и мне кажется, что он — великий знаток живописи; по моему разумению, этот Государь одарен прекраснейшими качествами. Я уже немного узнал его, так как общался с ним: отведенные мне апартаменты находятся во Дворце, и Король почти ежедневно навещает меня. Кроме того, я написал с натуры по заказу Светлейшей Инфанти, моей Государыни, портреты членов королевской семьи.

Моя повелительница разрешила мне вернуться во Фландрию через Италию, и я с Божьей помощью надеюсь воспользоваться таким удобным случаем, как путешествие Венгерской Королевы из Барселоны в Геную, которое, как говорят, предстоит в марте будущего года. Возможно также, что я несколько отклонюсь от пути

следования Королевы, чтобы заехать в Прованс — единственно для того, чтобы засвидетельствовать почтение моему дорогому Пейреску и несколько дней насладиться его любезнейшим обществом в его собственном доме, который, должно быть, представляет собой в миниатюре собрание всех достопримечательностей мира.

Во время моего путешествия я видел, немного отклонившись с прямой дороги, осаду Ларошели. Это зрелище показалось мне достойным глубочайшего восхищения, и я радуюсь вместе с Вашей Милостью и со всей Францией, равно как и со всем христианским миром, успеху этого многославного предприятия.

Так как мне больше нечего сказать Вашей Милости, я кончаю письмо, от всего сердца целую руки Вашей Милости и господину де Валавэ и прошу сохранить мне Ваше благорасположение.

Вашей Милости преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Я надеюсь, что Вы уже получили мой портрет, который я еще задолго до моего отъезда из Антверпена передал зятю господина Пикьери, согласно приказанию Вашей Милости.

До сих пор я не встретил в этой стране еще ни одного антиквара. Я не видел ни одной медали, ни одной камен. Действительно, я был очень занят; но теперь я примусь за поиски и буду осведомлять Вашу Милость об их ходе. Однако полагаю, что эти поиски останутся бесплодными.

Мадрид, 1 декабря 1628

LIV*

Милостивейший Государь мой!

Если бы я мог устраивать мои дела, следуя моим желаниям *et sponte mea componere curas*** , я уже давно бы посетил Вашу Милость или же теперь находился бы у Вас. Но не знаю, злой или добрый дух упрямо путает мои планы и всегда толкает меня в обратном направлении. Конечно, во время моих странствий мне было приятно посетить столько различных стран *et multorum hominum mores et urbes****. И на этом острове я не встретил дикости, которой можно было ожидать, судя по его климату, столь далекому от итальянских прелестей. Признаюсь даже, что я нигде не видел такого множества картин, работы первейших мастеров, как во Дворце Короля Англии и покойного Герцога Букингема. Граф д'Арундель обладает несметным количеством древних статуй, а также греческих и латинских надписей, которые Ваша Милость знает по изданию и комментарию Джона Селдена — работе, достойной этого образованнейшего и тончайшего ума. Вы, конечно, видели Селденов трактат «*De Diis syris*»**** в новом издании, просмотренном и дополненном. Но я бы очень желал, чтобы Селден ограничился созерцательной жизнью и не вмешивался в политический водоворот, бросивший его в тюрьму вместе с

* Подлинник по-итальянски.

** «и уладить свои дела по собственной воле» (лат.) — Вергилий, «Энеида», V, 342. Пер. А. Фета.

*** «и обычаи и города многих людей» (лат.) — неточная читата из Горация, *Arg roetica*, 142, где, в свою очередь, Гораций использует цитату из «Одиссен» Гомера, песнь 1, стих 3; в издании 1933 г. она приводится также в пер. В.А. Жуковского: «Многих людей, города посетил и обычаи видел».

**** «О сирийских богах» (лат.)

другими, также обвиненными в оскорблении Короля во время заседаний последнего Парламента. Кроме него, здесь находятся Кавалер Коттон, великий любитель древностей, человек весьма замечательный благодаря разнообразию своих познаний, и секретарь Босуэлл, но я полагаю, что Вы поддерживаете с ними письменные сношения, как, впрочем, со всеми выдающимися людьми на свете. Босуэлл недавно говорил мне о некоторых текстах, недостающих в большом издании «Анекдотической Истории Прокопия»; он даже обещал мне их сообщить; они по-видимому, относятся к распутству Феодоры, и Алеманус был принужден изъять их, чтобы не распугать своих читателей. Эти тексты были разысканы впоследствии в одной Ватиканской рукописи.

Об Испании мне, право, почти нечего рассказывать Вашей Милости, хотя там нет недостатка в ученых; *sed plerumque severioris Minervae et more Theologorum admodum superciliosi**. Я только видел библиотеку св. Лаврентия, не более того. Некогда один дворянин, по имени дон Франческо Браво, посетил Фландрию и велел снять копии с множества рукописей: он говорил мне в Мадриде, что нашел более шестидесяти неизвестных и неизданных книг древних авторов, и мне кажется, что у него есть работа, которая в настоящее время печатается у Плантена.

Знаменитейшего философа Дреббеля видел только на улице, где обменялся с ним несколькими словами. Он живет в деревне, довольно далеко от Лондона. Его гений — одно из тех явлений, о которых говорит Макиавелли и которые кажутся несравненно величественнее издали или в славе, созданной вокруг них, чем вблизи.

* но они большей частью слишком серьезны и, как обычно среди богословов, чересчур суровы (лат.).

Меня уверяют, что он уже много лет не изобрел ничего, кроме этого оптического прибора, который, будучи перпендикулярно поставленным, очень сильно увеличивает предметы, находящиеся перед ним, и еще перпетуум мобиле в стеклянном кольце — сущей безделки. Во время осады Ларошели он изготовил несколько машин и приборов, которые остались без действия. Но я не хочу судить о таком великом человеке по рассказням; я поеду к нему и буду, если это возможно, говорить с ним со всей откровенностью. Я не помню, чтобы когда-нибудь в жизни видел более необычайную физиономию, *et nescio quod admirandum in homine pannoso elucet neque enim crassa lacerna ut solet in re tenui deridiculum facit**.

Я надеюсь вскоре, с разрешения начальства, вернуться домой, где по дороге из Мадрида я провел неполных четыре дня. Полагаю, что после столь долгой отлучки мое присутствие должно быть там совершенно необходимым. Но я не потерял надежды осуществить путешествие в Италию: во всяком случае, мое желание поехать туда растет с каждым днем. И если судьба не пожелает этого, я не могу ни жить, ни умереть счастливым. Но уверяю Вашу Милость, что, либо при отъезде, либо при возвращении, и, вернее, при возвращении, я непременно буду приветствовать Вас в Вашем благословенном Провансе. Это посещение будет для меня величайшим счастьем, которое может случиться со мною в этом мире.

Если бы я знал, что мой портрет еще в Антверпене, я бы задержал его там, чтобы успеть открыть ящик и

* и я не знаю, что удивительного в его лохмотьях, а его, обычный при бедности, грубый плащ совсем не смешон (лат.).

посмотреть, не испортился ли холст от долгого пребывания без воздуха. Часто случается, что свежие краски желтеют до такой степени, что становится невозможным судить о картине. Если бы это случилось, то нет другого средства, как несколько раз выставить картину на солнце: это единственный способ борьбы с текучестью масла — причиной всего этого зла. Но если через некоторое время портрет снова начнет темнеть, придется еще раз подвергнуть его действию солнечных лучей — единственному известному противоядию при этой смертельной болезни.

Так как мне больше нечего сказать Вашей Милости, я от всего сердца и со всей преданностью целую Ваши руки и препоручаю себя Вашему благоволению и расположению любезнейшего господина де Валавэ и остаюсь.

Вас обоих покорнейшим, преданнейшим и вернейшим слугой

Петр-Павел Рубенс.

Я не могу удержаться от того, чтобы в каждом моем письме не рекомендовать Вашей Милости любезного друга моего господина Пикьери, который так гордится благорасположением Вашей Милости.

Лондон, 9 августа 1629

LV*

Милостивейший Государь мой!

Наконец я получил вчера долгожданную посылку Вашей Милости. Я нашел в ней подробнейший рисунок Вашего треножника и прочие редкости, за которые, как всегда, приношу Вашей Милости тысячу и тысячу бла-

* Подлинник по-итальянски.

годарностей. Я отдал господину Геварту рисунок, изображающий Юпитера Плювия, и сообщил ему, равно как и учейшему доктору Венделину, содержание остальных документов. Доктор Венделин случайно оказался в Антверпене и вчера посетил меня с господином Гевартом. Ни сегодня, ни вчера я не успел прочесть диссертацию Вашей Милости о треножнике. Я не сомневаюсь, что она охватывает предмет со всех сторон, являющихся достоянием разума, но тем не менее я позволю себе со свойственной мне смелостью и ободренный снисходительностью, с которой Ваша Милость всегда принимает мои мнения, высказать все, что я думаю по этому поводу.

Во-первых, все предметы о трех ножках назывались в древности треножниками, хотя бы они имели различнейшие назначения, как то: столы, кресла, светильники, миски и т.д. Например, такой треножник ставили прямо в огонь под *Lebetes* (по-французски — котелки), чтобы варить мясо, как принято еще и теперь в некоторых местностях Европы. Позднее он превратился в утварь, соединяющую *lebes* с треножником, подобно тому как у нас железные или бронзовые котлы делаются о трех ножках. Но древние придавали этой утвари прекраснейшие пропорции, и я полагаю, что таково было и назначение треножника, упоминаемого Гомером, равно как и другими греческими поэтами и историками, и употреблявшегося *in re culinaria** для варки мяса. Позднее рассматривание внутренностей при жертвоприношениях превратило треножник *inter sacram supe lectilem ad eundum usum***.

Но Дельфийский треножник не был, как мне кажется, пред-

* в кухонном деле (лат.).

** для употребления в качестве священной утвари (лат.).

метом такого рода, — вероятнее, что он был таким сидением о трех ножках, какие встречаются еще во всей Европе, причем оно не было вогнутым, а если для хранения внутренностей Пифона оно и было таким [*приписка на полях*: на древних памятниках имеются сидения о четырех ножках, как, например, престол Юпитера, но там никогда не бывает табуретов или сидений о трех ножках, подобных нашим], то его покрывали крышкой с отверстием, чтобы пифия могла сидеть на нем. Но чтобы она садилась в таз до самого его дна, кажется мне неправдоподобным ввиду неудобства такой позы и острых краев самого таза.

Быть может также, на таз натягивали, как на барабан, кожу Пифона, которую поэтому и называли *cortina**, и она была проткнута, как и *lebes*.

Несомненно, что в Риме было найдено много треножников, не имеющих таза и которые обыкновенно служили (как Ваша Милость убедится, пробежав нижеследующие цитаты) пьедесталами для статуй богов: это доказывает, что они должны были быть прочны и крепки. Во всяком случае вероятно, что культы других богов заимствовали Дельфийский треножник, и в конце концов он стал символом оракулов и священных мистерий, как это видно в пантомимах Марка Лепида.

Но что ближе относится к нашему вопросу и чему следует уделить особое внимание, — это то обстоятельство, что древние пользовались жаровнями, или по-французски — *rechaud*, сделанными из бронзы. [*Приписка на полях*: в Париже хранятся две таких жаровни из массивного серебра.] Эти предметы, принявшие форму треножников, употреблялись как при жертвоприношениях,

* котел или ритуальный котлообразный треножник (*лат.*).

так и на пирах. Неоспоримо, что медный треножник, о котором так часто говорит Евсевий в своей Церковной истории, служил для сжигания благовоний перед идолами, в чем Ваша Милость может убедиться, прочтя последующие цитаты.

И если я не ошибаюсь весьма грубо, то, рассмотрев вблизи бронзовый треножник Вашей Милости, материал, из которого он сделан, его малый размер и простоту работы, следует заключить, что это одна из тех жаровен, которые употреблялись для возжигания фимиама при жертвоприношениях. Отверстие, находящееся посредине, конечно, служило для тяги и позволяло углям легче воспламениться. Такое отверстие необходимо и находится в том или другом месте почти всех современных жаровен. К тому же, насколько можно судить по рисунку, дно чаши обожжено и потрескалось от огня. [*Прписка на полях*: Ваша Милость согласится, что вместимость чаши не превышает вместимости обыкновенной современной жаровни и что вся вещь так превосходно приспособлена для этого употребления, что, если бы мне понадобился совершенный образец жаровни, я пожелал бы воспользоваться этим.]

Вот все, что я могу сказать по этому поводу, оставляя Вашей Милости полную свободу опровергнуть мое мнение. Однако господин Венделин и господин Геварт не могли противопоставить ни одного вероятного довода моей тезе, и я думаю даже, что они мало-помалу согласятся со мной.

Свинцовый очаг — превосходная вещь. Его следовало бы предложить «*Saturnalibus optimo dierum*»*. Об-

* «В Сатурналии, в самый лучший праздник» (лат.) — Катулл, XIV, 15.

ломок с изображением египетских богов и ветра — примечателен: я думаю, что это деревенский календарь с обозначением главных праздников и иных мистерий времен года. Следует отметить нимбы вокруг голов, сделанные в манере Египтян на *Tabula Isiaca*. Но всего прелестнее показались мне венчальные кольца, сплетенные с таким совершенным искусством, что сама Венера со своими Грациями не могла бы сделать лучше. По-моему, эти кольца — настоящее сокровище.

Всех поражает, что Ваша Милость сохраняет хладнокровие и ясность ума среди великих общественных бедствий и продолжает по своему обыкновению терпеливые изыскания и наблюдения *rerum antiquarum**. *Specimen animi bene compositi et vera philosophia imbuti***.

Впрочем, я надеюсь, что это письмо будет получено Вами, когда волнения уже улягутся и Вы вернетесь в свой священный музей, и что Бог позволит, чтобы Вы пребывали там в полном благополучии в течение многих лет. Ваш покорный слуга от всего сердца желает этого и целует Ваши руки.

Вашей Милости преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Здесь только что получено из Италии очень дурное известие: 22 июня город Мантуя был взят приступом имперскими войсками, которые перебили большую часть жителей. Я бесконечно огорчен этим, потому что я долгое время служил дому Гонзага и в молодости моей провел счастливые годы в этой стране. *Sic crat in fatiis****.

* античности (лат.).

** Образец ума изящного и проникнутого истинною философией (лат.).

*** Так было суждено судьбой (лат.).

Эти рисунки отменно хорошо исполнены, и поистине ничего лучшего в этом роде нельзя было бы сделать. Вашей Милости следовало бы оставить при себе этого даровитого юношу как исполнителя Ваших прекрасных замыслов.

Ваш портрет доставил мне величайшее удовольствие, равно как и всем знакомцам Вашей Милости, которые видели его и остались совершенно удовлетворены сходством. Тем не менее признаюсь, что я не нахожу в нем неуловимой духовности и важности, — которые кажутся мне характерными чертами гения Вашей Милости, но которые не каждому дано передать в живописи.

Я снова тысячу раз благодарю Вашу Милость за подарки и прошу Вас приветствовать от моего имени любезнейшего господина де Валавэ, истинного брата Вашего, который написал мне 4 июля из Лиона, извещая меня о получении моего портрета, быть может, пострадавшего от долгого путешествия и во всяком случае недостойного занять место в музее Вашей Милости; однако он будет напоминать Вам о ничтожных заслугах Вашего слуги.

Nos locos pro sententia mea firmanda, subministravit mini filius Albertus, qui re antiquariae graviter operam dat, et in literis graecis mediocriter profecit et in primis nomen di V. S. veneratur et nobilem genium devotus adorat, in qua humanitate et in clientele accipe et fave.*

Антверпен, ... августа 1630

* Цитаты, подтверждающие мое мнение, подобрал мне сын мой Альберт, который серьезно занимается древностями и оказал успехи в греческой литературе. Он с величайшим уважением относится к имени Вашей Милости и почтительно преклоняется перед Вашим благородным мнением. Примите его под Ваше благосклонное покровительство (*лат.*).

LVI*

Многоуважаемый и досточтимый Государь мой!

Любезнейшее письмо Ваше от 24 ноября, переданное мне моим зятем господином Пикьери, было для меня столь неожиданной милостью, что я сперва преисполнился изумления и радости, а затем и великого удовольствия, когда, читая его, убедился, что Ваша Милость продолжает с большим, чем когда бы то ни было, жаром свои изыскания для проникновения в тайны древнего Рима. Вы не должны просить у меня извинения за свое молчание: я приписываю его несчастиям, перенесенным некоторыми Вашими соотечественниками, бежавшими к нам. Но, приняв во внимание подозрительность и злобу, делающую опасным наш век, а кроме того, и мое участие в этом деле, я полагаю, что вы и не могли поступить иначе. Но уже три года тому назад я со спокойной душой отказался от всего, что не является моим любимым делом. *Experti sumus invicem fortuna et ego***, хотя я должен быть весьма благодарен судьбе, которая позволяет мне без всякого тщеславия сказать, что данные мне поручения и мои путешествия в Испанию и Англию превосходно удались, что я довел до конца сложные переговоры и вполне удовлетворил не только моих начальников, но также и противную сторону.

Прибавлю, чтобы Вашей Милости стало все известным, что ведение тайных переговоров, относящихся к бегству Королевы-Матери и Герцога Орлеанского и кончившихся разрешением найти убежище во Фландрии, было доверено мне (и одному мне), так что я мог бы до-

* Подлинник по-итальянски.

** Судьба и я, мы испытали друг друга (*лат.*).

ставить историку точные и правдивые сведения, весьма отличные от тех, которым придают веру вообще. Таким образом, я очутился в настоящем лабиринте, днем и ночью осажденный множеством забот, вдали от своего очага в течение девяти месяцев сряду и все время на службе Двора. Правда, я обладал всем доверием Светлейшей Инфанти (да примет ее Господь в свою славу!) и первых министров Короля и умел завоевать расположение тех, с кем вел переговоры в чужих краях. Вот тогда-то я и решился вырваться из этого положения, рассечь золотой узел честолюбия и вернуть себе свободу, находя, что нужно уметь удалиться во время прилива, а не во время отлива, отвернуться от фортуны, когда она еще улыбается нам, а не дожидаться, когда она покажет нам спину. Итак, я, воспользовавшись коротким секретным путешествием в Брюссель, бросился к ногам Ее Светлости и умолил ее в награду за мои труды избавить меня от новых поручений и позволить мне отныне служить ей, не покидая моего дома. Этой милости я добился с гораздо большим трудом, чем всякой другой, когда бы то ни было дарованной мне Ее Светлостью, и мне все-таки пришлось согласиться принять ведение некоторых тайных государственных дел, которыми я мог заниматься без особого беспокойства. С тех пор я больше никогда не занимался делами Франции и никогда не раскаивался в том, что принял такое решение.

Теперь, слава Богу, спокойно живу с моей женой и детьми (о чем господин Пикьери, вероятно, рассказал Вашей Милости) и не стремлюсь ни к чему на свете, кроме мирной жизни. Я решил снова жениться, потому что не чувствовал себя созревшим для воздержания и безбрачия; впрочем, если справедливо ставить на первое

место умерщвление плоти, *fruimur licita voluptate cum gratia actione**. Я взял молодую жену, дочь честных горожан, хотя меня со всех сторон старались убедить сделать выбор при Дворе; но я испугался *illud nobilitatis malum superbiam proesertim in illo sexu***. Я хотел иметь жену, которая бы не краснела, видя, что я берусь за кисти, и, сказать по правде, мне показалось жестоким потерять драгоценное сокровище свободы в обмен на поцелуй старухи. Вот повесть всей моей жизни со времени прекращения нашей переписки. Господин Пикьери, должно быть, говорил Вашей Милости, что у меня есть дети от второго брака, и поэтому скажу только, что мой Альберт находится в Венеции и проведет целый год, бродя по Италии. По возвращении он, Бог даст, отправится поцеловать руки Вашей Милости. Но об этом мы поговорим особо в свое время.

Сейчас я настолько занят приготовлениями к приему Кардинала Инфанта (прием совершится в конце месяца), что мне некогда жить, не то что писать, и я краду несколько ночных часов у моего труда, чтобы нацарапать этот торопливый и колченогий ответ на изящнейшее и красноречивейшее письмо Вашей Милости. Бургомистр свалил на меня всю тяжесть подготовки этого праздника, которое, быть может, понравилось бы Вашей Милости как по выбору и разнообразию сюжетов, так и новизною композиций и их удачной символикой. Быть может, Ваша Милость увидит их когда-нибудь изданными с восхитительными Надписями и Эпиграмма-

* мы с благодарностью пользуемся дозволенным наслаждением (лат.).

** этого бедствия знатности и особенно надменности, свойственной этому полу (лат.).

ми нашего друга Геварта (который от всего сердца приветствует Вашу Милость). Все эти занятия заставляют меня просить у Вашей Милости пощады, потому что я действительно не в силах при таких обстоятельствах сделать все, что должен во исполнение обязательств, принятых мною по отношению к Вашей Милости, а также ответить на вопросы, поставленные в Вашем письме.

Скажу только, что еще владею древней ложкой, или ковшом, которая так легка и удобна, что моя жена даже пользовалась ею после родов; однако вещь от этого ничуть не пострадала. Ложка продолговата, как указывает рисунок Вашей Милости, но не золотая, кроме спайки, сделанной из массивного, но не червонного золота. Признаюсь, что я был неправ, думая, что то, что Вы называете круглой шляпой Меркурия, изображает огонь, а кошелек имеет вид яблока, которое бросают в него как жертвоприношение; но я все еще не знаю, чем могла быть эта круглая и сетчатая вещь, хотя один умный человек сказал мне, что она изображает деньги, вырученные пастухом от продажи коз и кур, и что пастух кладет их на жезл Меркурия как доказательства своего ремесла; кошельки же древних были сетчатые, как, впрочем, и многие современные. Шнурочки служили для того, чтобы закрывать кошелек, и если, сказал мой собеседник, предмет так кругл, — это значит, хотят показать, что кошелек полон. Подставка не занимает меня, потому что она сливается с травой или земляным холмиком, на котором сидит пастух; это трудно разобрать из-за грубости работы. Работа ручки, наоборот, более щегольская, и поэтому я считаю ее позднейшей. На ней изображена только маска вакханки, тирс, украшенный цветами, гирлянда плодов, алтарь с плодами, цевница и коза, *quae rodit vitem et*

utrimque*. По обеим сторонам тянется картуш, который оканчивается удлиненной рыбьей головой, с зубами, острыми, как у рыбы-пилы или у рыбы-меча. Что же касается слепков, присланных мне Вашей Милостью, то я не могу сказать ничего положительного относительно фигуры, которая находится на земле рядом с женщиной и в которой мне не удастся открыть человеческих очертаний; она скорее напоминает сфинкса или пантеру. Вот все, что мне чудится, но я совсем в этом не уверен. Ответы на прочие вопросы, поставленные мне Вашей Милостью, я принужден отложить до более благоприятного времени.

Я прилагаю к этому письму объяснения достопочтенного отца Сильвестра ди Пиетра-Санта «De Symbolis Heroicis» к таинственным часам (стеклянному шару), погруженным в графин с водой и описание которых Вы прочтете после того, как посмотрите на гравюру; я полагаю, что Вы найдете этот прибор достойным Архимеда и посмеетесь над перпетуум мобиле Дреббеля, которое он никогда не мог заставить правильно двигаться. Пусть Ваша Милость не выражает никакого сомнения в действительности этого опыта (тайна состоит в некой великой симпатии и магнетических свойствах); я говорил со сведущими людьми, которые видели этот прибор, свободно приводили его в действие и весьма восхищались им.

Во время моих путешествий я никогда не упускал случая рассматривать и изучать древности общественных и частных собраний и покупал редкости на наличные деньги; я также сохранил прекраснейшие и редчайшие медали из собрания, проданного мною Герцогу Бу-

* которая грызет лозу и с той, и с другой стороны (лат.).

кингему, так что обладаю еще отличными предметами древности, но о них мы поговорим, когда я буду не так занят.

Тем временем я не могу удержаться, чтобы не напомнить Вашей Милости некоторые довольно необыкновенные и очень остроумные способы взвешивания, о которых я, должно быть, некогда, рассказывал Вашей Милости и которые применял в Испании во время моего первого путешествия в Мадрид, тридцать лет тому назад, дон Иероним де Айанза, первый исследователь Вест-Индских копей при Королевском Совете. Первый способ был возобновлением способа Архимеда, как я узнал впоследствии, роясь в трактате «De subsidentibus aquae». Это — тот же способ, посредством которого Архимед пытался определить различные металлы короны Гиерона. У дона Иеронима были маленькие серебряные весы, которые, как я определил на глаз, имели размер и глубину трети полного шара. На их внешней поверхности были начерчены концентрические круги, означенные номерами посредством крошечных цифр, потому что для них едва находилось место между линий. Он подвешивал весы на трех или четырех нитках к подвижному куску железа, лежащему на перпендикулярном пруте, который поднимался и опускался, как маятник; он клал на весы какой-нибудь груз и опускал их, насколько возможно, в наполненный водою таз; когда весы переставали погружаться, он замечал круг, который касался воды; и, исходя из этого, он умел очень точно вычислить вес. Другой способ взвешивания показался мне также весьма примечательным. Дон Айанза пользовался медной палкой, поставленной перпендикулярно на блюдо, также медное и совершенно плоское. На верхнем конце палки находи-

лась столь тонкая игла, что ее острое было почти невидимой точкой. Дон Иеронимо брал небольшое вогнутое серебряное блюдо, которое он изготовлял свыше шести месяцев (как он сказал мне), стремясь к тому, чтобы края были везде совершенно одинаковой толщины: потому что в этом заключается весь секрет опыта. Середина была отмечена крошечной точкой на вогнутом дне этого блюда, которое, будучи помещено на острое иглы, сохраняло равновесие. Этот прибор был столь чувствителен, что когда на одну из его сторон клали малейшую частицу человеческого волоса, другая сторона заметно приподымалась. Этот человек имел, кроме того, великое множество гирь, из коих самые легкие были почти невидимы, а другие — незначительно тяжелее; на всех был означен их вес. Дон Иеронимо клал их на одну сторону блюда, а взвешиваемый предмет — на другую, и утверждал, что его весы — самые точные и верные из всех когда бы то ни было существовавших на свете. Я не знаю, могли ли в древности добиться такой точности прибора. На этом я кончаю докучать Вашей Милости и утруждать самого себя ввиду краткости времени, которым я располагаю, и, миллион раз целуя руки Вашей Милости, остаюсь

Вашей Милости покорнейшим и преданнейшим слугой

Петр-Павел Рубенс.

Когда я думал, что кончил письмо, мне вдруг пришло в голову, что у меня в Париже есть тяжба. Я вызвал в Суд одного гравера эстампов, немца по происхождению (но парижского гражданина), который, невзирая на то, что привилегия, данная мне Христианнейшим Королем, была возобновлена три года тому назад, принялся копировать мои эстампы, причиняя мне этим величай-

ший ущерб. Хотя мой сын Альберт добился того, что этот человек был осужден гражданским Наместником и приговор был оглашен, мой противник подал апелляцию. Я умоляю Вашу Милость помочь мне и поручить мое правое дело Президенту или советникам из ваших друзей. Быть может, Вашей Милости знаком докладчик, которого зовут господин Сонье, Советник Парламента во второй Палате прошений?

Я надеюсь, что Ваша Милость окажет мне эту важную услугу, тем более, что, благодаря Вашему благосклонному заступничеству, я некогда получил мою первую привилегию от Его Христианнейшего Величества. Признаюсь, я уязвлен и взбешен этим делом, и, пособив мне, Вы гораздо больше одолжите меня, чем помогая мне при более важных обстоятельствах. Но надо торопиться, *ne veniat post bellum auxilium**. Простите меня за тяготу и т.д.

Антверпен, 18 декабря 1634

Господин Роккокк жив, здоров и от всего сердца приветствует Вашу Милость. У меня есть рисунок и слепок агатовой вазы, которую и Вы видели (я купил ее за 2000 золотых экю), но я не знаю ее вместимости. Она была не больше обыкновенного стеклянного графина. Я вспоминаю, что мерил ее и что в нее вошла мера, которая называется на нашем языке довольно грубым словом — «Pot». Эта драгоценность была отправлена в Восточную Индию на корабле, попавшем в руки Голландцев, *sed periiit inter manus rapientium ni fallor***. Я несколько

* чтобы помощь не пришла уже по окончании войны (лат.).

** но погибла, попавши, если не ошибаюсь, в руки разбойников (лат.).

раз справлялся о ней в Индийской Компании в Амстердаме, но ничего не мог добиться.

*Iterum vale**.

Я жажду узнать, здоров ли любезнейший брат Вашей Милости, господин де Валавэ, и прошу Вас приветствовать его от меня и сказать ему, что у него нет на свете слуги, который бы так, как я, лелеял воспоминание о его милостях и стремился снова служить ему.

Адресуя Ваши письма мне, соблаговолите, пожалуйста, писать вместо «камергеру Двора» и т.д. — «Секретарю тайного совета Его Католического Величества». Я обращаюсь к Вашей Милости с этой просьбой не из тщеславия, но чтобы обеспечить сохранность писем в тех случаях, когда Ваша Милость не может воспользоваться посредничеством моего зятя господина Пикьери.

LVII**

Милостивейший Государь мой!

Из моего предыдущего письма Вашей Милости уже известно, что господин Ле Гри сообщил мне о том, что я выиграл мою тяжбу в Парламенте благодаря доброжелательности и поддержке друзей Вашей Милости. Об этом я уже подробно писал Вам и благодарил Вашу Милость; тем не менее моя признательность гораздо ниже Вашего одолжения, которое обязывает меня к вечной благодарности. Пока я буду жить и дышать, я стану почитать Вашу Милость и изо всех сил служить Вам.

Господин д'Обри извещает меня, что мои противники еще не считают себя побежденными и подали прошение о пересмотре дела; это прошение вручено госпо-

* Еще раз — будь здоров (*лат.*).

** Подлинник по-итальянски.

дину Советнику Сонье для рассмотрения и доклада. Я ничего не смыслю в судопроизводстве и был так прост, что воображал, будто приговор Суда Парламента является окончательным решением, без отзыва и апелляции, подобно тому как в наших странах решение Верховных Советов. Итак, я не могу понять, в чем состоит их просьба о пересмотре дела. Я не премину тотчас же послать госпоже Сонье те из моих гравюр, которые господин Ле Гри выбрал для нее, когда был проездом в Антверпене. Господин Ле Гри, когда я спросил его, какие я должен послать лицам, принимавшим участие в моем деле, вознаграждения, подарки и протори, попросил меня дожидаться его возвращения (только госпоже Сонье я должен был послать подарок немедленно), потому что он еще не составил списка и желает произвести раскладку сам. Он сказал мне, что озаботился тем, чтобы во время его отсутствия все было в порядке. Он уверил меня, что господин д'Обри взялся довести дело до конца. Но он не сказал мне, что это введет господина д'Обри в издержки; и я вижу в его письме к Вашей Милости, что он истратил двадцать с четвертью экю на пряности, о чем он не упоминает в письме от 22 мая. Теперь я не знаю, как мне поступить: должен ли я тотчас же возместить господину д'Обри эту сумму в двадцать экю, или ждать возвращения господина Ле Гри, или написать господину д'Обри, что я предполагаю, что у него были траты в связи с внесением приговора в протокол, и поэтому я умоляю его сообщить мне их сумму, дабы я мог немедленно возместить ему весь мой долг, прибавив небольшой подарок в знак моей признательности,

Что касается происшествия, относящегося к трехлетнему промежутку между первой и второй привилеги-

ей, то оно вызвано датой, проставленной на распятии. [Приписка на полях: 1632.] Цифры очень мелки и начертаны таким образом, что едва можно разобрать 1 ли последняя цифра или 2. Это же несомненно 2, петелька и поперечная черта которого весьма мало заметны, так как 1632 год я (как все знают) провел в Англии и во время моего отсутствия было невозможно сделать гравюру, несколько раз проработанную мною самим, как, впрочем, и все остальные. Но так как этот пункт не опровергается противной стороной, — не следует подвергать его обсуждению. Посмотрим, каково будет следствие прошения о пересмотре и т. д.

Мы здесь весьма встревожены прохождением Французской армии, идущей на помощь к Голландцам. Она только что нанесла тяжелое поражение [приписка на полях: недалеко от Марша, в Фаменне] Принцу Савойскому, — поражение, важное не столько тем ущербом, которое оно причинило нам, сколько своей бесславностью и вызванной им паникой. Число убитых незначительно, но захвачена большая часть повозок с вооружением пехоты, а также артиллерия и обоз. Это поражение приписывается безрассудству и непредусмотрительности Главнокомандующего, который, не имея лазутчиков и не осведомившись о численности, силах и расположении неприятеля, захотел вступить в бой, между тем как он находился в столь невыгодном положении, что был разбит менее чем в полчаса. Многие из наших солдат укрылись в соседнем лесу. Суровость местности также способствовала нашему разгрому.

Несомненно, что разрыв между двумя Королевствами достиг высшей точки. Это чрезвычайно огорчает меня, потому что я человек мирных вкусов и заклятый враг

войн, тяжб, столкновений и ссор publice et privatim*. Кроме того, я не знаю, будет ли привилегия Его Величества действительной во время войны, и может случиться, что все наши труды и расходы, понесенные нами, чтобы выиграть дело в Парламенте, окажутся напрасными. Но всего более я опасуюсь (Правительство Соединенных Провинций повелело даже во время открытой войны уважать привилегии, данные им мне), что наша переписка будет снова прервана на несколько лет, совсем не по моей вине, но потому, что Ваша Милость — важное лицо, несущее высокие обязанности, и Вы будете не в состоянии поддерживать ее, не навлекая на себя подозрений.

Я же, во всяком случае, хотя и не без горьких сожалений, покорюсь всему, что будет сочтено необходимым для спокойствия и безопасности Вашей Милости. И от всего сердца покорнейше целую руки Вашей Милости, пребывая

Вашей Милости покорнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 31 мая 1635

Я еще не получил известия о шкатулке Вашей Милости. Я, слава Богу, мало-помалу поправляюсь от припадка подагры и отдал распоряжения о мелких делах, порученных мне Вашей Милостью. Из медалей, перечисленных в Ваших заметках, господин Роккоккс до сих пор не мог разыскать ни одной.

Мне остается сказать об удивительных вещах, которые Ваша Милость сообщает мне о движении камней

* общественных и частных (лат.).

versus centrum gravitatis* (что я отлично понимаю) и о движении центра места, где они образуются, к циркумференции, о чем, признаюсь, я никогда не слышал и не пойму, как это может происходить, если Вы не соизволите выразиться понятнее. Отношение между фазами Луны и положением камня в мочевом пузыре больного родственника Вашей Милости также ускользает от меня, но ввиду всякого рода неотложных дел я принужден отложить наш разговор об этих столь интересных и любезных мне проблемах до более благоприятного случая. Я снова целую руки Вашей Милости.

LVIII*

Милостивейший Государь мой!

Я бы не осмелился писать Вашей Милости в это беспокойное время, если бы не был восстановлен обмен писем между обоими королевствами, так что парижская почта приходит и отправляется как обычно, и если бы Вы не вызвали меня на ответ, написав мне 19 июня письмо, которое я получил два дня тому назад.

Кроме того, я получил письма от любезнейшего господина д'Обри, который пишет мне, что со времени подачи противной стороной прошения о пересмотре дела оно находится все в том же положении, хотя он и приложил все старания, чтобы ускорить решение Суда. Господин д'Обри признается, что время для меня весьма неблагоприятно, так как сильнейший довод противника — в том, что, несмотря на войну Испании с Францией, я вымогаю у Франции огромные суммы за свои эстампы и причиняю этой монополией ущерб публике. Все это лож-

* к центру тяжести (лат.).

** Подлинник по-итальянски.

но, и я готов заверить под присягой, что я никогда не посылал во Францию, прямо или через третьих лиц, другие оттиски моих гравюр, кроме тех, которые были предназначены для Королевской библиотеки, подарены несколькими друзьям или по просьбе Вашей Милости отданы в малом количестве на склад господину Тавернье, который никогда не просил меня о дальнейшей присылке, так что если все затруднения в этом, то я согласен, чтобы мои гравюры были изгнаны из Французского королевства; с меня достаточно и остальной Европы, которая воздает мне должное, что я ценю гораздо выше всех других выгод. Я просил господина д'Обри узнать у господина Советника Сонье, не подвергаемся ли мы опасности проиграть наше дело, и в таком случае пойти на соглашение с противником, который дал понять, что имеет то же намерение. Я человек мирный и, как чуму, ненавижу судебную волокиту и прочие виды распрей и полагаю, что каждый порядочный человек должен прежде всего желать жить спокойно publice et privatim et prodesse multis, посере nemini*.

Я сожалею, что короли и владетельные особы не разделяют моей точки зрения «nam quidquid illi delirant plectuntur Achivi»**. Здесь обстоятельства совершенно изменились: от обороны мы всюду и весьма успешно перешли к наступлению, так что вместо того чтобы иметь, как несколько недель тому назад, шестьдесят тысяч врагов в сердце Брабанта, мы стали хозяевами страны со

* и в общественной и в частной жизни, приносить пользу многим и никому не вредить (лат.).

** «за все их безумия платятся греки» (лат.) — поговорка из Горация (Ер. I, 2, 14): «Quidquid delirant reges, plectuntur Achivi» (т.е. за все безумия царей платит народ).

столь же многочисленной армией; взяв Шенкеншанс, мы получили в руки ключи Бетувы и Велувы и навели страх и ужас на врагов, причем Артуа и Эно готовы отразить любой натиск. Трудно поверить, чтобы могущественные армии, предводительствуемые знаменитыми военачальниками, не свершили ничего славного, а, наоборот, поступали всегда неправильно, как будто злая судьба помутила их разум. Неприятель грешил нерешительностью, дурной стратегией, медлительностью, беспорядочностью, неосторожностью, отсутствием дисциплины и упустил все случаи восстановить свое положение и преуспеть, так что, в конце концов, был принужден позорно бежать, неся большие потери, ослабленный многочисленными случаями дезертирства, погибая в засадах (которые ставили крестьяне отдельным отрядам) и, наконец, уничтожаемый дизентерией и чумой, как нам пишут из Голландии. Собогазоволите поверить, что я рассказываю это совершенно беспристрастно и говорю только правду. Я надеюсь, что Его Святейшество и Английский Король, а в особенности Господь Бог вступятся, чтобы потушить пожар (который не был потушен вначале), грозящий распространиться на всю Европу и опустошить ее. Но покинем область общественных дел, оставим их тем, кто несет их бремя, и утешимся рассматриванием наших древностей.

Я получил на днях шкатулку с оттисками, которую Вы собогазоволили мне послать. Она была в отличном состоянии и доставила мне большую радость, потому что наполнена редкими и достойными тщательнейшего изучения вещами. Впрочем, я считаю, что надо обладать более глубоким умом, чем мой, чтобы понять их истинное значение. Несомненно, что большая ваза — замечательнейший памятник древности, но я до сих пор не могу

понять, что изображено на ней. Эта ваза хорошо отлита из свинца и полая внутри; я не знаю здесь никого, кто мог бы сделать подобную. Троянец (изображенный на дне) в шапке с нащечниками и завязками может быть Парисом: он задумчив и словно влюблен. Приложив палец к устам, как Гарпократ, он лелеет в душе некий тайный замысел. Но в остальной композиции я не вижу ничего, что бы поддерживало такое толкование, потому что, подобно богам и героям, все фигуры обнажены, исключая юноши, который как будто привлекает к себе женщину.

Мое письмо длиннее, чем обыкновенно. Прежде чем снова писать Вашей Милости, я подожду, чтобы Вы подали мне знак; а до тех пор начну собирать безделки, которыми я наполняю ящик, по величине только, а не по качеству содержимого, похожий на тот, что Вы соблагволили мне прислать. У меня уже есть слепки моей миски и оловянной ложки; что касается агатовой вазы, у меня есть с нее только гипсовый слепок, и так как виноградные листья, украшающие ее, весьма хрупки, — ее будет трудно отлить вновь. На худой конец я пошлю Вашей Милости мой собственный слепок, и так как он сплошной, а не полый, я особо укажу вместимость вазы. Я надеюсь найти что-нибудь, что понравится Вашей Милости. Но довольно говорить о древностях!

Мне нужно сообщить Вам о чудесных открытиях отца Ливия, потому что господин Дормаль лично рассказал о них Вашей Милости. (Все отцы уверены, что дело идет о феномене магнетизма, и некоторые из них пытаются подражать своему собрату.)

Необычайно сильное впечатление, которое оказывают видимые предметы на зрение Вашей Милости,

представляется мне явлением более интересным в отношении линий и очертаний тел, нежели красок. Но я не такой знаток, как полагает Ваша Милость, и мне кажется, что мои наблюдения недостойны быть изложенными в письменной форме. Тем не менее, я очень охотно скажу по этому поводу все, что придет мне в голову, чтобы потешить Вашу Милость моим невежеством; но так как сейчас позднее время, то нам на этот раз придется удовольствоваться вышесказанным. Будем надеяться, — благо великие потрясения редко бывают продолжительными, но, наоборот, чаще всего весьма быстро кончаются, — что Господь Бог облегчит наши скорби и даст мне счастье еще долгие годы наслаждаться отрадной для меня перепиской с Вашей Милостью. С этой надеждой покорнейше целую Ваши руки и поручаю себя Вашему благорасположению, навсегда пребывая

Вашей Милости преданнейшим и покорнейшим слугой
Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 16 августа 1635

LIX*

Милостивейший Государь мой!

Всего лишь несколько дней тому назад я получил любезнейшее, но уже давнее письмо Ваше от 23 декабря, равно как и гравюру с древним пейзажем. Мой ответ, к сожалению, запаздывает, потому что я был против воли задержан на несколько дней в Брюсселе для устроения моих личных дел, а не в связи с такими поручениями, как предполагает Ваша Милость (я утверждаю это со всей искренностью и прошу Вашу Милость ве-

* Подлинник по-итальянски.

рить мне). Признаюсь, однако, что вначале пытались разведать, не соглашусь ли я вести это дело, но так как мне не хотели предоставить достаточной свободы действий и, кроме того, чинили затруднения с паспортом, я добровольно упустил время и искал всяческих лазеек.

Так как, с другой стороны, не было недостатка в людях, лакомых до подобного поручения, мне удалось спасти свое спокойствие, и, слава Богу, я мирно живу дома, где и останусь с желанием и готовностью служить Вашей Милости.

Возненавидев Дворы, я отправил мою работу в Англию с посланным. Теперь она уже поставлена на свое место, и, как пишут мне друзья, тамошнее Величество остался ею совершенно доволен. Однако я до сих пор не получил вознаграждения за картину, чему бы я дивился, если бы был новичком в делах мира сего. Но так как долгий опыт научил меня, как медлительны Государи, когда им приходится платить, и насколько легче им творить зло, чем добро, то это не слишком заботит меня, и я не думаю, чтобы мне собирались не заплатить. Друзья, которых я имею при тамошнем Дворе, питают меня надеждой и постоянно заверяют меня, что Король обойдется со мной так, как это достойно и его, и меня. Кроме того, признаюсь, что, следуя старой пословице: «Кто хочет — идет, кто не хочет — посылает»*, я был бы должен сам поехать в Англию, чтобы довести дело до благополучного завершения. Я рассказываю это только для того, чтобы убедить Вашу Милость в моем стремлении к душевному миру и в упорном желании избежать, насколько возможно, всяких козней и волнений.

* «Chi vuol vada, chi non vuol sende» (лат.).

Вот почему я не был обеспокоен ходом моей парижской тяжбы, унесенной потоком государственных дел. Господин Ле Гри пишет мне, что данные мне привилегии остались в силе и были подтверждены. Однако мне не удается постичь, в чем господин Королевский Прокурор оказал мне снисхождение, к ущербу моих противников, которые требовали конфискации «Досок и гравюр и т.д. Рубенса», так как во всем королевстве у меня их не имелось бы и на сумму одного экю; разве только господин д'Обри имеет в виду «Доски и копии, приговоренные к уничтожению», или, быть может, поднимался вопрос о конфискации моих эстампов, принадлежащих третьим лицам, что не причинило бы мне никакого убытка, так как эти эстампы — уже не моя собственность; если же предполагалось изгнание моих гравюр из Французского королевства, то я нисколько бы не был этим огорчен (хотя это вещь нигде не выданная). Итак, при любом положении вещей противная сторона могла бы добиваться лишь конфискации денег, которые я должен получить в силу судебного решения; и я не понимаю, на каком основании Судья простил проигравшим судебные издержки, которые, по справедливости, причитались бы Королевской Казне. Но пренебрежем этими пустяками, которые недостойны столь длинного и скучного обсуждения.

Я с удовольствием рассмотрел гравюру с древним пейзажем, который, по моему разумению, не что иное, как живописная фантазия. Он не изображает никакого определенного места, которое существовало бы *in rerum natura*^{*}, потому что эти нагроможденные одна на другую арки и не естественны, и не искусственны и вряд ли мог-

* в природе (лат.).

ли бы таким образом держаться, а храмики, рассеянные по вершине скалы, в действительности не могли бы там уместиться. Нет также и дорог, по которым священники и верующие могли бы подыматься и спускаться; круглый бассейн негоден для употребления, потому что воды, стекающие с гор, не оставались бы в нем, а выливались бы через широчайшие отверстия, так как этот бассейн изливает несравненно больше воды, нежели может получить.

По-моему, все это вместе может быть названо *Nymphoeum*, т.е. стечением, *multorum fontium undique scaturientium**. Быть может, маленький храм, украшенный тремя женскими фигурами, посвящен местным нимфам, равно как нагорные храмы посвящены каким-нибудь горным и полевым божествам. Небольшое квадратное здание кажется могилой героя, *nam habet arma suspensa prae foribus*** , и увенчано урной, которая обвита листвою, а его колонны украшены венками и факелами; по углам *habet calathos**** для плодов и других даров, *quibus inferias et justa solvebant defunctis et tainquam oblatis fruituris Heroibus parentabant*****. Козы, несомненно, посвящены какому-нибудь божееству, потому что они пасутся без надзора пастуха. Пейзаж — произведение человека искусного, но правила оптики дурно соблюдены, так как линии зданий не пересекаются в одной точке на высоте горизонта, и, одним словом, вся перспектива неверна. Иногда ошибки такого рода встречаются в изображении зданий на обороте медалей, даже если они в

* многих, отовсюду пробивающихся родников (лат.).

** ибо перед его входом висят доспехи (лат.).

*** имеет корзины (лат.).

**** которые они приносили в жертву умершим, воздавая им должное, и как бы совершали поминки в угоду героям (лат.).

остальном и совершенны. Особенно же часто законы перспективы не соблюдались при изображении ипподромов.

Некоторые барельефы, впрочем высеченные рукою мастера, имеют тот же недостаток, который все же простительнее в скульптуре, чем в живописи. Из этого я заключаю, что, несмотря на Эвклида и некоторых других, давших отличные наставления в вопросах оптики, она не была ни так известна, ни так распространена, как в наше время. Вот все, что я могу сказать Вашей Милости по этому поводу.

Я присоединяю к этому письму рисунки древнего шлема величины подлинника и барельеф Троянской войны, нарисованный одним из моих учеников с мрамора из собрания Арунделя.

Так как эта вещь восходит к самой глубокой древности и фигуры имеют не более двух футов вышины и довольно сильно испорчены, то невозможно судить об их совершенстве. Я надеюсь, что Вы получили мое рассуждение о красках.

Так как мне больше нечего сказать Вашей Милости, я от всего сердца поручаю себя Вашему благорасположению и покорнейше целую Ваши руки.

Вашей Милости вернейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 16 марта 1636

LX*

Милостивейший Государь мой!

Ваша Милость, конечно, удивляется моему столь долгому молчанию, и я сам краснею от стыда, когда думаю о нем. Однако оно произошло не от лени или ка-

* Подлинник по-итальянски.

кого-либо охлаждения моих чувств к Вашей Милости, но дело в том, что вот уже несколько месяцев, как я живу в моем поместье, расположенном вдали от Антверпена и в стороне от большой дороги, а это чрезвычайно затрудняет доставку и отправление писем. Получив за несколько дней до моего отъезда Ваше последнее письмо с рисунками древнего шлема, копья и двух мечей, я забыл захватить его с собою, чтобы на свободе ответить на интересные соображения, высказанные Вашей Милостью. Итак, я отвечу в первый же раз, когда приеду в Антверпен, что, с Божьей помощью, вскоре случится. Я сделаю тогда то, о чем просит у меня Ваша Милость, — проверю вместимость моей древней миски — и не премину исполнить все, что будет в моих силах во исполнение нескончаемых обязательств, каковыми я на всю мою жизнь прикован к службе Вашей Милости.

Как завершение всех благодеяний Вашей Милости мною получен через зятя моего, господина Пикьери, раскрашенный рисунок (который я так хотел иметь), равно как и копия древней живописи, найденной в Риме во времена моей юности. Ее как единственную в своем роде окружало восхищение и даже обожание всех любителей художеств и древности. Эта посылка не сопровождалась письмом, но надпись и качество подарка выдали Вашу Милость. Поистине Вы не могли сделать мне более приятного и согласного с моими вкусами и желаниями подарка, потому что, как ни неловок был автор копии, он ограничился рабским подражанием подлиннику и довольно верно передал его краски и характер, если, конечно, память не изменяет мне, что было бы извинительно столько лет спустя. Еще раз от всего сердца благодарю Вашу Милость и напоминаю как о своей величайшей готовно-

сти служить Вам, так и о том, что мое небольшое собрание редкостей находится в Вашем полном распоряжении.

Я не могу обойти молчанием того, что здесь можно найти большое количество древних медалей, преимущественно времени Антонинов; одни из этих медалей — серебряные, другие — бронзовые, и хотя я не особенно суеверен, мне показалось недурным предзнаменованием, что на обороте первых двух, которые я купил (одна — Коммода, другая — его отца, Марка Аврелия), оказались слова: «Spes» и «Victoria»*.

Я забыл сказать Вашей Милости, что перед моим последним отъездом видел в Антверпене огромный том, озаглавленный «Roma Sotteranea»**. Я полагаю, что это поистине замечательный и весьма благочестивый труд, свидетельствующий о смирении первобытной церкви, которая, конечно, покорила мир силой истинной веры, — но в смысле прелести и изящества она много уступает древним язычникам. Я недавно получил письмо из Рима, в котором меня извещают о скором выходе в свет Галереи Джустиниани, которая издается на средства Маркиза Джустиниани. Вот драгоценнейшая книга, и я надеюсь, что мы скоро увидим во Фландрии несколько ее экземпляров. Но я не сомневаюсь, что Музей Вашей Милости получает новые плоды во всей их свежести, и так как я не нахожу других предметов для беседы, я покорнейше целую руки Вашей Милости и, моля небо даровать Вам долгую жизнь, преуспевание и душевное спокойствие, остаюсь навсегда

Вашей Милости покорнейшим слугой

Петр-Павел Рубенс.

Мое поместье Стен, 4 сентября 1636

* «Надежда» и «Победа» (лат.).

** «Подземный Рим» (лат.).

VI

ПИСЬМА К ВАЛАВЭ

LXI*

Милостивый Государь!

Я не хотел писать Вам, пока не отправлю в Париж перпетуум мобиле. Я отлично уложил его в тот самый ящик, в котором оно должно быть приведено в действие, согласно с наставлением и чертежом, некогда посланными мною господину де Пейреску и которые я снова вышлю, чтобы напомнить ему, как надо пользоваться этим прибором. Если посылка благополучно прибудет в Париж, то, мне кажется, следует отправить ее в таком же виде в Экс. Во всяком случае, если Вы снимете крышку и приподнимете полотно настолько, чтобы убедиться, что стеклянная трубка цела, — Вы можете быть спокойным за остальное: сосуд так прочен, что не может разбиться. Там имеется стаканчик, до половины наполненный зеленой жидкостью, и ту же жидкость я налил в трубку, насколько это требуется для произведения опыта. Я положил рядом с сосудом коробку с оттисками гемм. Я счел нужным отдать этот ящик в собственные руки извозо-промышленнику Антонию Мейсу, который обязался доставить его Вам в полной сохранности в Париж. Хотя, по-видимому, сам Мейс не поедет, — это порядочный человек, точно исполняющий свои обещания. Ему вручено адресованное Вам открытое письмо, которым Вам предоставляется назначить плату за перевозку. Я обещал Мейсу, что, кроме обычной платы по весу, он получит вознаграждение за заботы о сохранности шкатулки.

* Подлинник по-французски.

Три дня тому назад он сказал мне, что повозка отправится на следующий день, но дороги плохи, и она будет долго находиться в пути.

Среди книг, которые Вам было угодно прислать мне, я не нашел «Писем кардинала д'Осса», хотя эта книга имеется в списке, приложенном к Вашему последнему письму. Там же я вижу сборник всех вещей, написанных Теофилом со времени его ареста до настоящего времени; мне будет очень приятно иметь их, но я в особенности хотел бы прочесть его Сатирикон — причину гибели автора, который был так жестоко обвинен и казнен. У меня совсем готова книга отца Скрибиана, озаглавленная «Politico Christianus», для которой я сделал рисунок фронтисписа; кроме того, мне прислали из Брюсселя «Положения о Гербах», но мне не удалось пристроить эти книги к нашему ящику, и к тому же у меня тогда еще не было «Положений о Гербах». Итак, придется сделать особый тючок и отдать его тому же господину Мейсу. И тем временем я постараюсь найти еще что-нибудь, что может быть Вам приятным.

Новостей нет никаких. Осада Бреды продолжается с прежним упорством, несмотря на то, что чрезвычайно сильные дожди весьма досаждают лагерю и до такой степени размыли дороги, что отряды передвигаются с величайшими затруднениями. Несмотря на это, принцу Оранскому не удастся ни рассеять, ни задержать их, и он оставил это предприятие, сочтя его невозможным. Чтобы подкормить лошадей и избавиться от хлопот по разысканию фуража, Маркиз отправил большую часть своей кавалерии в ближайшие к лагерю города, как то: в Эренталь, Лиер, Малин, Тюрно, Буа-ле-Дюк, где ей стоять очень удобно и откуда она направляется для встречи от-

рядов, идущих из лагеря, и сопровождает их по их назначению. Принц Оранский обдумывает некое предприятие, но до сей поры неизвестно, послужит ли оно к спасению Бреды или к отвлечению Маркиза. Принц построит в Роттердаме сорок кораблей, которые могут принять людей с лошадьми; к этим кораблям приделаны понтоны, с помощью которых легко произвести высадку в любом месте.

Убийца Герцога де Круа еще не найден; по слухам, вдовья часть, оставленная Герцогом своей жене, очень велика, но я не могу Вам сказать, сколько именно она получила.

Я, с Божьей помощью, надеюсь быть совершенно готовым через шесть недель, чтобы отправиться со всеми моими работами в Париж в уверенности, что там застану Вас, — это будет для меня великим утешением; кроме того, я надеюсь поспеть вовремя к празднованию королевской свадьбы, которая, по-видимому, состоится на Масленице.

Между тем, я покорнейше поручаю себя Вашим милостям и, от всего сердца поцеловав Ваши руки, остаюсь, Милостивый Государь,

Вашим покорнейшим слугой

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 12 декабря 1624

LXII*

Милостивый Государь!

Мне очень приятно, что Вы получили перпетуум мобиле в достаточно хорошем состоянии, так как стек-

* Подлинник по-французски.

лянная трубка цела. Я думаю, что у господина Вашего брата должно быть давно посланное мною наставление, как приводить прибор в действие. Во всяком случае, если произойдет какая-нибудь неудача, при первой возможности я снова пошлю наставление господину де Пейреску, что мне уже следовало бы сделать. Но прошу Вас соблаговолить поверить мне, что ввиду краткости времени, положенного мне для окончания картин, заказанных Королевой-Матерью, и благодаря моим другим работам я самый занятой и стесненный человек на свете. Я весьма признателен Вам за точные разъяснения, касающиеся моего дела; они вполне совпадают с тем, что мне пишет о нем господин Аббат ц. Сент-Амбуаз. Мне нужно быть в Париже со всеми моими картинами 2-го, 3-го или, самое позднее, 4 февраля, каковой срок так близок, что я должен сейчас же перестать работать, иначе краски не успеют высохнуть и у меня не хватит времени, чтобы доехать из Антверпена до Парижа, даже в том случае, если не встретятся более серьезные препятствия. Следует подправить все картины одновременно, на месте, уже выставленные в галереях, и если окажутся какие-нибудь недочеты, все будет разом исправлено, а буду ли я работать в Антверпене или в Париже, — это все равно. И хотя я думаю, что произойдет просчет со сроком отъезда Ее Величества (всегда бывает опоздание в делах высоких особ), — я не хочу полагаться на это и буду, насколько возможно, точен.

Я более всего огорчаюсь тем, что картина Монсиньера Кардинала не будет готова, а если и будет, то из-за свежести живописи ее нельзя везти. Но как я ни стремлюсь услужить этому вельможе, зная, насколько важно быть у него в милости, мне кажется, что все равно, —

закончу ли я эту картину в Антверпене или в Париже. В конце концов, он останется доволен моим усердием, равно как и Королева-Мать, для которой я, по Вашему совету, постараюсь найти какой-нибудь приятный сюжет. Я весьма признателен Ее Величеству за желание видеть мои картины до ее отъезда и буду счастлив исполнить ее волю. Супруг Ее Величества — принц Уэльский — величайший любитель живописи из всех государей на свете. У него была какая-то моя картина, и он с такой настойчивостью просил меня через английского резидента в Брюсселе, чтобы я прислал ему мой портрет, что было невозможно отказать, хотя мне казалось неприличным посылать мой портрет принцу столь высокого рождения, — но он поборол мою скромность. И я уверяю Вас, что, если предполагавшийся союз воспоследовал бы, мне пришлось бы совершить путешествие в Англию; но ввиду того, что эта дружба остыла, замерли и сношения с частными лицами, так как судьба великих мира сего влечет за собой все остальное.

Что же касается меня, то уверяю Вас, что я самый равнодушный к общественным делам человек на свете, и не интересуюсь ничем, исключая моих перстней и моей собственной особы; я почитаю весь мир своей родиной и потому уверен, что буду повсюду желанным гостем.

Здесь думают, что Валтелина — погибла, и между Папой и Королем Франции существует полное согласие.

Но довольно говорить об этом; о Бреде же следует сказать, что Маркиз все больше упорствует в своем желании взять крепость, и если чрезвычайный приказ его государя не пошлет его куда-нибудь для предотвращения нового несчастья, — нет силы, которая могла бы спа-

сти город: так хорошо он осажден. И поначалу Маркиз не рассчитывал взять его силой, но хотел только окружить.

Производятся большие военные приготовления для защиты провинций Артуа, Люксембурга, Эно и Фландрии. Дай Бог, чтобы я успел приехать в Париж и вернуться оттуда, пока не прервано сообщение.

Мне остается смиренно поцеловать Ваши руки и от всего сердца поручить себя Вашим милостям, уверяя Вас, что я останусь столь же преданным Вам до конца моей жизни.

Я передал Антонию небольшой пакет с тремя книгами или, вернее, с двумя, потому что «Положение о Гербах» — всего один листок. Две другие — это «Prince Cristiano-politico» отца Скрибиануса и «De Linteis Salvatoris» господина Сиффле. Уверяю Вас, что Вы заплатите за них очень дорого, потому что этот мастер Антоний не соглашается получать за доставку меньше двух франков. Я полагаюсь на Вас и думаю, что Вы сбавите цену, насколько Вы найдете нужным, т.е., по моему мнению, больше чем наполовину. Мумии там нет, — я привезу ее вместе с картинами.

Антверпен, 10 (января) 1625

LXIII*

Милостивейший Государь мой!

Умоляю Вашу Милость простить мне краткость этого письма, которое я не могу написать так тщательно, как желал бы, ввиду того что съехались гости и поздравляющие меня родственники и друзья. Я только скажу

* Подлинник по-итальянски.

Вашей Милости, что вчера ночью, после весьма трудного путешествия, я наконец добрался до Брюсселя. В окрестностях Парижа мы не нашли хороших лошадей и проехали четыре станции на жалких полумертвых клячах, которых нам приходилось три раза выпрягать. Извозчики, идя пешком, гнали их вперед, как погонщики мулов. Тем не менее мы превозмогли все эти затруднения; но, приехав в Брюссель, я узнал, что Светлейшая Инфанта только что отбыла в лагерь Бреды, чтобы посетить его до разрушения укреплений. Надеюсь предстать перед Ее Светлостью в Антверпене и сопровождать ее, я поспешил приехать сюда в четверг, в полдень, где не без досады узнал, что она покинула город в шесть часов утра. Однако полагают, что Ее Светлость возвратится через три-четыре дня, так как ее путешествие предпринято по просьбе Генерального Штаба и не имеет иной цели, кроме воодушевления армии и награждения ее за труды раздачей каждому по его заслугам двойного жалования и других наград.

Я прошу Вашу Милость почтительнейше приветствовать от моего имени господина Алеандра, любезнейшего кавалера дель Поццо, господина Дони и всех, кто, по мнению Вашей Милости, придает цену моему приветствию. Я от всего сердца целую руки Вашей Милости и препоручаю себя Вашему благорасположению.

Вашей Милости преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, в вечер приезда моего, 12 июня 1625

LXIV*

Милостивейший Государь мой!

Так как Вы просите меня сделать это, а господин Алеандр обещает никому не показывать мои эстампы, я послал их Вашей Милости (как Вы заметите) без всяких поправок. Мне кажется, что после двух самых крупных камней Вы будете больше всего любоваться пропорциями и красотой триумфальной квадриги, являющейся чем-то совершенно необычайным. Она исполнена прекрасных подробностей; мне было бы весьма приятно узнать, как истолкует их господин Алеандр, а также как зовут изображенного на ней императора, который больше всего похож на Феодосия, но разные частности заставляют сближать его с Аврелием и Пробом. Мне кажутся замечательными фигуры, находящиеся рядом с Триумфатором и держащие в руках фасции и земной шар.

С первой повозкой, которая будет отправлена из Антверпена в Париж, я пошлю Вашей Милости несколько экземпляров «Electorum Rubenii», «Homiliis Asterii», «Parentalibus Rubenii» и «Epistolarum Isidori Pelusioetae». Все это составляет слишком большой тюк, чтобы посылать его по почте. Я весьма удивлен тем, что Юсто так медлит; подобные отсрочки кажутся мне чрезмерными. Я покинул Париж двадцать дней тому назад, и господин Фрарен написал мне 19 июня, что деньги уже приготовлены и мне будет заплачено на следующий день. Я крайне раздражен недостатком точности господина д'Аргужа, о чем я уже сообщал Вашей Милости с последней почтой. Конечно, он еще не расплатился, так как господин Фрарен ничего не написал мне с этой почтой, что

* Подлинник по-итальянски.

кажется мне дурным знаком. Все же я еще надеюсь, что это только опоздание, потому что мне кажется невероятным, чтобы, несмотря на вмешательство господина Аббата ц. Сент-Амбруаз, господин д'Аргуж не заплатил Фрарену или, по меньшей мере, не обещал, что не доведет до протеста векселей. Это было бы тем более недопустимо, что я подарил господину д'Аргужу (это между нами) большую и прекрасную картину моей кисти. И мне показалось, что он принял ее с удовольствием. Но я еще надеюсь, что будущая почта принесет мне более утешительные вести.

О государственных делах мне нечего сказать ввиду отсутствия Светлейшей Инфранты, которая еще не вернулась из Бреды. Впрочем, ее возвращения в Антверпене ждут через один-два дня. Голландцы укрепили Северберген и, чтобы помешать нам приблизиться к нему, затопили все окрестные луга.

Английская Королева прибыла здоровой и невредимой в Дувр 22 июня. Если я не ошибаюсь, Король покинул этот город несколько дней тому назад ввиду недостатка съестных припасов, которые (по словам англичан) было трудно достать в количестве, потребном для прокормления столь многочисленного Двора. Обо всем происшедшем с тех пор Вы уже, конечно, осведомлены: о церемониях, имевших место в связи с приемом Королевы, о том, как Король выехал ей навстречу, и т.д. Поэтому я кончаю письмо не без того, чтобы от всего сердца облобызать Ваши руки и препоручить себя благорасположению Вашей Милости и господина Алеандра.

Вашей Милости покорнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Я говорил с господином Роккоксом о задуманном нами предприятии. Он весьма расположен принять участие в деле, при условии, что оно наверно будет осуществлено. Он — благородный человек и великий знаток древностей, так что может поделиться с нами своими сведениями. Насколько я знаю его, он не согласится получить свою долю почестей, не принимая хотя бы до некоторой степени участия в риске и расходах, что, впрочем, весьма естественно. Он богат и бездетен, но превосходный управитель, и его неподкупность прямо баснословна, что, без сомнения, известно господину де Пейреску, брату Вашему, который лично общался с господином Роккоксом. Мне будет весьма приятно, если Вы сообщите все это господину Вашему брату, равно как и господину Алеандру, ибо для благополучного завершения нашего дела мы нуждаемся в помощи.

Я удивляюсь, что Юсто не написал мне и не известил меня о дне своего отъезда. Письмо господина Дюпюи к господину Геварту благополучно доставлено. Я прошу Вашу Милость приветствовать его от моего имени.

Антверпен, 3 июля 1625

LXV*

Милостивейший Государь мой!

По возвращении из Дюнкирхена я застал два письма Вашей Милости: от 22 августа и 14 сентября. Они доставили мне величайшее удовольствие, тем более что второе из них сопровождалось посланием прелестнейшего и ученейшего господина Алеандра. Я недавно писал Вашей Милости через Кале и надеюсь, что Вы уже получили мое

* Подлинник по-итальянски.

письмо. На этот раз мне придется просить Вашу Милость извинить краткость моего письма, потому что я пишу Вам, держа ногу в стремяни: исполняя приказ Светлейшей Инфанты, я со всей поспешностью отправляюсь к границам Германии, чтобы вести переговоры с одним монархом о деле, которое Ее Светлость близко принимает к сердцу. Но я надеюсь довольно скоро вернуться и с Божьей помощью как следует поддерживать нашу переписку.

Что касается живописной копии камня (простите мне это), мне кажется, что Вы говорите со слушателем гораздо менее образованным, чем я желал бы. Я совершенно не понимаю, почему небольшое промедление может оказаться таким великим несчастьем. В Антверпене нет недостатка в верных людях, которые за мой страх доставят Вам копию в Марсель. Во всяком случае это только прихоть, но если бы дело шло о моей жизни, то я не мог бы поступить иначе ввиду моих постоянных переездов. Как только я вернусь из Германии, мне придется ехать в Дюнкирхен, а оттуда еще куда-то. И хотя я, быть может, проведу всю эту зиму в Брюсселе, я легко могу сделать и вдали от Антверпена небольшую работу такого рода; но исполнить ее немедленно и отослать в Париж еще до отъезда Вашей Милости, т.е. в столь короткий срок, совершенно невозможно. Несмотря на все мои настояния, я ничего определенного не мог добиться от господина брата Вашей Милости, и у меня не получилось уверенности, что он примет этот маленький подарок, сделанный моей рукой, — я весьма признателен Вам за то, что Вы мне такую уверенность даете. Но путешествия, которые я должен предпринять, служа моей Государыне, не терпят ни малейшего отлагательства; когда я совершу их, меня не придется понуждать исполнить мой долг, потому что я считаю для себя великой честью доставить удовольствие Вашей Милости по мере

моих сил. Со времени моего отъезда из Парижа я не получал писем от господина Аббата. Сердечно благодарю Вашу Милость за сообщенные сведения, и в особенности за те, которые имеют отношение к английским делам; поистине такое завершение не соответствует их первоначальному блеску, — по-видимому, этот еще столь грозный флот пропустил подходящее время для нанесения решительного удара. Когда я был в Дюнкирхене, там снаряжали флотилию из двадцати прекраснейших военных судов; я видел, как восемнадцать из них вышли из порта Мардик, а два последних должны были выйти в день моего отъезда. Так как, с другой стороны, я видел, что в виду порта непрерывно крейсируют 32 голландских корабля, то легко может случиться, что между этими флотами произойдет столкновение. Тем не менее я полагаю, что мы будем придерживаться оборонительной тактики и первые не нарушим мира; но буде английский флот хотя бы на шаг подвигнется против флота Испанского Короля, тогда, поверьте, мир увидит скверную игру.

К сожалению, я принужден кончить на этом мое письмо, потому что не могу долее медлить с отъездом. Я от всего сердца целую руки Вашей Милости, прося Вас приветствовать от моего имени кавалера дель Поццо, который так одолжил меня, что мне следовало бы написать ему до его отъезда; но сейчас у меня уже нет времени для исправления моей прежней небрежности, и я сделаю это, когда господин дель Поццо благополучно прибудет в Рим. Я покорнейше поручаю себя благоволению господина Советника, брата Вашей Милости, и остаюсь

Вас обоих преданнейшим слугой

Петр-Павел Рубенс.

Брюссель, 19 сентября 1625

LXVI*

Милостивейший Государь мой!

Как только я вернулся с границ Германии, мне пришлось тотчас же отправиться в Дюнкирхен, дабы доложить Светлейшей Инфанте о ходе переговоров, которые мне посчастливилось закончить согласно с ее желаниями. Затем, по возвращении в Брюссель, я застал письмо Вашей Милости от 26 сентября, исполненное свойственной Вам учтивости и любезности. Ваша Милость не довольствуется тем, что посылает мне доказательства своей дружбы, но сверх того доставляет мне доказательства дружбы других лиц, как явствует из послания кавалера дель Поццо, вложенного в письмо Вашей Милости. Оно безмерно обрадовало меня: я уже давно хотел вступить с ним в переписку, но не знал, как ее начать. Теперь Вы перекинули мостик, и я не премину при первой okazji ответить кавалеру дель Поццо. Но здесь меня уверяют, что Легат возвращается прямо в Рим, и в таком случае, прежде чем писать, следует подождать, пока он приедет туда. О господине Аббате ц. Сент-Амбруаз я знаю лишь то, что мне пишет о нем Ваша Милость. Конечно, он не пишет мне потому, что ему нечего мне сообщить, — и напишет, как я полагаю, в свое время.

Благодарю Вашу Милость за подробный рассказ о морском поражении, нанесенном адмиралом Монморанси господину де Субизу; Голландцы всецело приписывают это поражение таланту их Адмирала господина Олтена. Победа тем более несомненна, что генерал Туарас захватил остров Ре, который, по словам всех знающих эту местность, имеет столь исключительное значение. Я по-

* Подлинник по-итальянски.

лагаю, что после такого успеха Король не захочет вступить в соглашение с ларошельцами, которые доньше были так непримиримы. Об итальянских делах здесь в точности ничего не известно; однако думают, что Герцог де Ферриа не имел успеха, и было бы лучше, если бы он ограничился обороной и не старался застать врага врасплох.

Граф Тилли мерится силами с Датским Королем; так как для охраны различных мест он разделил свое войско на отряды по 400—500 человек в каждом, — жители с помощью датских войск истребили их. Но Тилли снова захватил все эти места и жестоко расправился с населением. Граф Валленштейн прибыл в те места со своей сильной армией. Он послан Императором, ведет себя как тиран и по-варварски жжет города и деревни. Поистине можно сказать, что в этой стране война только начинается.

Светлейшая Инфанта и господин Маркиз все еще в Дюнкирхене, где они занимаются постройкой и вооружением судов. Уезжая, я видел в порту Мардик флот, состоящий из 21 хорошо вооруженного корабля. Девять судов были готовы выйти в море при первом попутном ветре, что, по моему мнению, весьма опасно, так как им придется пройти под пушками 32 крейсирующих в открытом море голландских судов, и кроме того, английский канал, по слухам, также покрыт английскими и голландскими кораблями. Мы с часу на час ждем вести о победе, но может случиться, что Ваша Милость получит эту весть через Кале раньше, чем мы.

Сейчас я не знаю больше ничего достойного любознательности Вашей Милости; я получил из Парижа письмо от господина Жербье и уже ответил бы ему, если бы

не опасался, что он уехал, потому что это весьма давнее письмо. Он сообщает мне, что вызван ко Двору для опровержения клеветы, взведенной на него Отцом Берулом, который вернулся из Англии весьма недовольный тем, как в этом Королевстве обращаются с католиками. Но я не верю, что господин Жербье в состоянии тягаться с Отцом Берулом.

И мне остается поручить себя Вашему благоволению и от всего сердца поцеловать руки Вашей Милости.

Вашей Милости преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 18 октября 1625

LXVII*

Милостивейший Государь мой!

У нас здесь нет никаких важных новостей, кроме того, что наши дюнкирхенские корабли на год уничтожили ловлю сельдей, потопив множество рыбацких судов, причем был исполнен особый приказ Светлейшей Инфранты о спасении людей и хорошем обхождении с ними. Передавать ли мне Вашей Милости вести, которые, чтобы дойти до нас, должны пересечь Францию, например весть о том, что Английский флот, пристав к Кадиксу, высадил армию в двенадцать тысяч человек, которые, как нам пишут, овладели одним из фортов; по другим же слухам, они потерпели неудачу. Во всяком случае, вся Испания встала под ружье и направилась туда. Это тем более понятно, что Алжирские Мавры готовятся присоединиться к Англичанам и Голландцам или вторгнуться в другую часть полуострова. Все это кажется мне бравадой Букингема, дошед-

* Подлинник по-итальянски.

шего до последних крайностей и действий, вызываемых отчаянием. Соединяться с Турками и Маврами для опустошения христианского мира! И это делают люди, исповедующие, по их мнению, «исправленную» религию. Мы не замедлим узнать все подробности от особого курьера, но в истинности самого события не может быть сомнения. Я надеюсь, что тем временем Двор возвратится в Брюссель; во время его отсутствия мы не знаем содержания тайных депеш. Я не удивляюсь, что Французский Король хочет воспользоваться преимуществом, которое он получил вследствие побед над мятежниками, так как полагаю, что итальянская война не принесет плодов ни той, ни другой стороне. Я намерен в скором времени вернуться в Антверпен, где, слава Богу, чума уменьшается с каждым днем, а я устал быть так долго вдали от моего дома. Кончая это письмо, я от всего сердца целую руки Вашей Милости и поручаю себя Вашему благорасположению. Соболеволюте передать мое соболезнование Вашему брату господину Советнику по случаю кончины его отца и помните, что я остаюсь навсегда

Вашим вернейшим слугой

Петр-Павел Рубенс.

Я с величайшим удовольствием прочел книжку «Зерцало прошедших времен». Она показалась мне остроумной и забавной. Я также приношу Вашей Милости благодарность за «Ответ» и прочту его очень внимательно. Однако сомневаюсь, чтобы приводимые им доказательства так же понравились мне. Я надеюсь, что Вы уже получили три экземпляра «Предостережения». Если Вам понадобится еще что-нибудь, — соболеволюте прислать мне Ваши приказания.

Брюссель, 28 ноября 1625

Мы еще не получили известия, подтверждающего приезд господина Герцога Букингема в Голландию, но зато знаем наверное от гонца, покинувшего Испанию 18 ноября, что 1 ноября англичане высадили близ Кадикса армию в шесть тысяч человек и стремились захватить город, но были разбиты. 5 ноября дон Фернандо Гирон (семидесятилетний старец, которого мы некогда видели во Фландрии), с пятьюстами отборными мушкетерами, при поддержке действовавшей в рассеянном порядке пехоты и отряда легкой кавалерии, произвел вылазку и принудил захватчиков в полном замешательстве вернуться на свои суда, причем они оставили на берегу от пятисот до шестисот убитых. До сей поры еще с точностью не известно, в каком направлении враги отступили. Таково сообщение, присланное самим Королем Светлейшей Инфанте. Дон Диего Мессиа, назначенный начальником королевского лагеря на время войны, дал нам знать, что приняты все меры, чтобы галионы с серебром благополучно прибыли во Фландрию; несомненно, что англичане будут пытаться встретить их и получить свою часть. Безумная голова Гальберштадта наконец успокоилась, так как он умер от злокачественной лихорадки. Каприз господина де Водемона — восхитителен, но может причинить ему кой-какие неприятности в том случае, если его сын не имеет мужского потомства. Неудача в Веррю — настоящий позор для Герцога де Ферриа и донна Гонзаго. Я полагаю, что в течение этой зимы никто ничего не предпримет, кроме, быть может, английского флота.

Брюссель, 12 декабря 1625

LXVIII*

Милостивейший Государь мой!

Если *Auctarium* Гольциуса действительно существует, — его ли это произведение или какого-нибудь другого автора, — то его можно разыскать в Королевской библиотеке или в парижской библиотеке господина де Ту. Позвольте мне настоятельно просить Вашу Милость рассмотреть эту книгу и записать год ее издания, а также имя и адрес издателя. В самом деле, странно, что, в то время как «Сокровище» Гольциуса здесь довольно часто встречается, — господин Роккокк и многие другие имеют его, — ни один антиквар и ни один книгопродавец не слышали об этом *Auctarium*.

С другой стороны, я не помню, чтобы Ваш брат господин Советник упоминал о нем. Наконец, довольно неправдоподобно, чтобы Гольциус, которому преждевременная смерть помешала осуществить и десятую долю своего труда, успел написать к нему *Auctarium*.

Но я отлично помню, что некогда беседовал с господином де Пейреском об одной рукописи Гольциуса, хранящейся у Жака де Би, которую господин де Пейреск надеялся когда-нибудь издать; поэтому брат Вашей Милости желал, чтобы этот де Би приехал в Париж. Господин де Пейреск полагал, что с этой стороны возможно получить какую-нибудь помощь. Действительно, де Би выпустил недавно одну книгу о золотых монетах и другую о некоторых монетах Гольциуса. К этой книге он сделал кой-какие добавления, которые, вместе с рядом новых заметок, войдут во второе издание. Но господин брат Вашей Милости знает эти произведения, равно как

* Подлинник по-итальянски.

и «Грецию» Людовика Нонния и «Остров Архипелага» самого Гольциуса; кроме того, ни один из этих трудов не называется Auctarium. Правда, что здесь я нахожусь вдали от Брюсселя и моей библиотеки, но с Божьей помощью надеюсь скоро вернуться домой.

Жак де Би дурно вел себя: он промотал все свое имущество и заложил его повсюду. Чтобы извлечь из этого человека что-нибудь доброе, следует прежде всего истратить несколько миллионов франков. Я еще раз прошу Вашу Милость осведомиться об этом Auctarium'e и верить, что, если я могу когда-нибудь быть полезным Вам или господину Вашему брату, я предложу все мои силы и возможности к Вашим услугам.

Я полагаю, что в последнее время доверие ко мне Парижского Двора сильно пошатнулось, так как господин Аббат ц. Сент-Амбруаз ничего не написал мне после моего отъезда, несмотря на то, что месяц тому назад я послал ему весьма дружеское письмо. Из его молчания я заключаю, что произошла некая перемена ветра, что, впрочем, не слишком волнует меня, и, по секрету признаюсь Вашей Милости, что, на мой взгляд, все это дело не стоит второго письма. Но если бы Вы могли осторожно навести справки у кого-нибудь, имеющего касательство к этому делу, я бы был весьма благодарен Вашей Милости. Вообще же, когда я считаю мои путешествия в Париж и время, за которое я не получил никакого особого вознаграждения, я нахожу, что мой великий труд в честь Королевы-Матери — весьма невыгодное предприятие, если не приписать к этому счету щедрость Герцога Букингема.

Этот последний действительно совершил путешествие в Голландию и заключил с этой страной наступа-

тельный и оборонительный союз сроком на пятнадцать лет. Но ему не удалось добиться занятия Бриеллы и многих других крепостей, данных некогда в залог королеве Елизавете. Я полагаю, что Вы уже видели сорок статей этого дружеского договора. У нас имеются лишь его рукописные копии по-фламандски, и если бы не это обстоятельство, я бы охотно послал такую копию Вашей Милости, чтобы отблагодарить Вас за книги, которые Вы постоянно дарите мне. Они доставляют мне великое удовольствие, хотя господин Мельвелт, Посланник Светлейшей Инфанта, дает мне иногда те же книги.

Флот благополучно прибыл в Кадикс немного дней спустя после ухода Англичан и не встретил ни одного вражеского судна, — настоящее чудо, как пишет мне сам граф д'Оливарес. Потому что, если бы эскадра пришла на несколько дней раньше, она застала бы Англичан в порту; они отправились на поиски нашего флота, и всего страннее, что флотилии прошли так близко друг от друга, не подозревая этого.

Я весьма признателен Вашей Милости за рассказ о всех этих дуэлях, но, по правде сказать, нахожу, что следовало бы обуздать этот род бешенства, эту язву, которая истребит весь цвет французской знати. У нас воюют только с внешним врагом, и храбрейшим считается тот, кто отличается, служа Королю. Вообще же мы живем мирно, и если кто-нибудь выходит из границ умеренности, его удаляют от Двора, и он заслуживает общую ненависть. Светлейшая Инфанта и господин Маркиз желают, чтобы всякое сведение личных счетов было объявлено позорным и отвратительным. Тех, кто пытается придать себе значение таким образом, выгоняют из армии и лишают должностей; это кажется мне весьма действен-

ным средством, потому что все эти взрывы страстей вызваны лишь честолюбием и тщеславием.

Зимой здесь ничего не будет предпринято и будут только держаться настороже. Если я не ошибаюсь, то осада Бреды и ее защита истожили обе стороны. Наш дюнкирхенский флот в превосходном состоянии: он не только уничтожил рыбную ловлю, но и захватил несколько прекраснейших судов.

Я бы очень хотел узнать правду о следующем. Здесь утверждают, что Английский Король обращается с Королевой не так, как того требуют ее происхождение и достоинство, что для говения она с трудом добилась мессы без певчих и что вообще в этом Королевстве очень дурно относятся к католикам и, во всяком случае, Испанцы радуются, что не поверили Англичанам. Но, по-видимому, политические страсти играют в этом какую-то роль. Поверенные в делах Испании и Фландрии только что отозваны из Лондона. Это, на мой взгляд, может быть лишь признаком войны. И действительно, когда я вижу наглость и причуды Букингема, мне становится жаль этого юного Короля, который бросается сам и увлекает свой народ в безумнейшую из авантур. Потому что, если войну начинают по желанию, то кончить ее по желанию не всегда оказывается возможным.

В настоящее время мне больше нечего сообщить Вашей Милости, и в заключение я от всего сердца целую Ваши руки и молю небо даровать Вам и господину Вашему брату много счастья в Новом году.

Вашей Милости преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Лекен, около Брюсселя, 26 декабря 1625

LXIX*

Милостивейший Государь мой!

Простите меня за то, что я не пишу Вам обо всем с той же точностью, как это делаете Вы, и поверьте, что это случается не из-за недостатка преданности или желания служить Вам, но единственно по причине того или иного непреодолимого препятствия, не позволяющего мне исполнить мой долг. Однако, если представится нечто спешное, в чем я могу быть полезным Вашей Милости, я брошу все на свете, чтобы служить Вам по мере моих возможностей.

Я посылаю Вашей Милости дружеский договор в сорока статьях, заключенный между Англией и Голландией. Я посылаю экземпляр на фламандском языке, потому что мои занятия не позволяют мне даже помыслить о переводе его на французский или итальянский язык, а в городе нет никого, кто бы мог сделать такой перевод. Таким образом, Вашей Милости придется извинить мою дерзость, крепко веря, что она основана лишь на невозможности поступить иначе. Мне даже не удалось достать хорошую копию, так что я посылаю Вашей Милости эту, довольно небрежно переписанную. Но вот довольно легкий способ получить перевод: пусть Ваша Милость обратится к нашему Посланнику, который сам просил меня доставить ему текст этого трактата. Я пишу Посланнику с этой же почтой и сообщаю ему, что, так как я не имею времени снова переписывать документ, я посылаю его Вашей Милости для передачи ему. При этом случае Ваша Милость легко может достать себе перевод, который Посланник велит сделать одному из своих секретарей. [*При-*

* Подлинник по-итальянски.

писка на полях: Посланник подумает, что я уже отправил Вашей Милости копию с предыдущей почтой.] В этом трактате нет никаких указаний на то, что Голландцы должны принять английский гарнизон в Бриеллу, в Рамененс и в прочие форты, некогда отданные Королеве Елизавете и чудом возвращенные королем Иаковом.

Герцог Букингем очень настаивал на этом пункте перед Генеральными Штатами, но они до сей поры не дали своего согласия. Против этого особенно восставал ваш Французский Посланник, и поэтому к вашему Двору явится в качестве чрезвычайного посланника господин Арсенс, бывший там обыкновенным посланником при жизни Генриха Великого, но ставший ненавистным Франции после смерти Барневельта, коей он был главным виновником. Страхась за свою жизнь, Арсенс отказался от этого назначения, но говорят (я с трудом могу поверить этому), что, желая его убедить, Король послал ему орден Св. Духа.

Относительно Букингема я вместе с Вашей Милостью полагаю, что он идет к гибели. Я откровенно написал об этом господину Жербье, и, кроме того, один из моих друзей, англичанин, приехавший из Англии, рассказал мне, что в день возвращения Букингема из Голландии, — возвращения, во время которого погибли два прекрасных судна: одно — королевский корабль «Уверенность» [*приписка на полях:* гибель корабля, носящего такое имя, — весьма дурное предзнаменование], а другое, принадлежащее Бурламаки, — пятьдесят судов английского флота благополучно достигли берега, и все вельможи радовались несчастью с кораблем Букингема и приписывали это безрассудству самого Герцога.

На днях я слышал, как господин Маркиз Спинола, который вообще очень скуп на слова, утверждал, что

нападение на Кадикс кажется ему великой неосторожностью. Англичане воображали, что, имея двенадцать тысяч пехотинцев и несколько эскадронов кавалерии, они захватят всю Испанию. Высадившись на остров, где нет ни одного дерева, они даже не захватили фашинов для переправы через рвы крепости, защищенной четырьмя тысячами человек; у них в тылу была многолюдная Севилья и вся Испания, взявшаяся за оружие. Так что их мудрость выразилась лишь в том, что они поспешили отступить, с большими потерями и великим стыдом.

Тот же англичанин рассказал мне, что Королева очень похорошела и отлично чувствует себя; Король любит ее, но дурно обращается с ней в отношении свободного исповедания католической веры: Королеве дана лишь маленькая часовня, в которой могут поместиться пять-шесть человек, так что почти вся свита принуждена слушать обедню, не видя свою Госпожу. Но довольно английских дел!

Я считаю господина Аббата ц. Сент-Амбуаз превосходным и искренним человеком и нисколько не охладел к нему. Но его молчание делается бесконечным, и я, подражая его примеру, тоже буду молчать.

Так как мне больше нечего сообщить, я от всего сердца препоручаю себя благорасположению Вашей Милости, моля небо о даровании Вам благополучия и целуя Ваши руки.

Вашей Милости преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Господин Легат прибыл в Рим, хотя говорят, что он мог бы вернуться в Испанию.

Лежен, около Брюсселя, 9 января 1626

Стоимость доставки этих мелких произведений весьма незначительна, но раз Ваша Милость обеспокоена этим обстоятельством, — я напишу по этому поводу нашему Посланнику, письма которого я всегда получаю бесплатно.

LXX*

Милостивейший Государь мой!

Вы преисполнили меня удивлением, сообщив, что господин Кардинал желает иметь две картины моей кисти. Это совершенно не согласуется с тем, что пишет мне Фландрский Посланник, известивший меня, что, несмотря на заключенное со мной условие, картины для второй Галереи Королевы-Матери будут заказаны одному итальянскому художнику. Действительно, он признается, что это только слухи, которые ничем не подтверждены. Но ему говорили об этом как о решенном деле, и он думает, что это сделано с моего согласия. Я полагаю, что, если бы это было так, Вы не преминули бы известить меня. Я еще не разыскал Арменианскую книжечку: мне кажется, это будет не легко сделать ввиду нечастых наших дел с их страной. Я решил скоро вернуться в Антверпен и думаю выехать на будущей неделе.

В заключение я от всего сердца целую руки Вашей Милости и поручаю себя Вашему благорасположению.

Вашей Милости преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Брюссель, 12 февраля 1626

* Подлинник по-итальянски.

LXXI*

Милостивейший Государь мой!

Ваше любезнейшее письмо от 13-го текущего месяца получено мною одновременно с письмом господина Аббата ц. Сент-Амбруаз, который, по своему обыкновению, весьма учтив и кажется расположенным ко мне лучше, чем когда бы то ни было. Его письмо имеет целью сообщить мне, что Монсиньер Кардинал (как Вы писали мне в Вашем последнем письме) желает получить для своей коллекции две картины моей кисти. По поводу Галереи господин Аббат пишет, что Королева-Мать просит извинения, что до сих пор не имела времени и досуга для выбора сюжетов картин, — впрочем, это будет своевременно сделано, так как постройка Галереи еще мало подвинулась. Итак, мне приходится думать, что уверения Фландрского Посланника, которые я изложил Вашей Милости в моем письме, не имели оснований.

Я получил «Апологетику» господина Риго, отвергающую «Увещание», однако мои занятия помешали мне прочесть ее. Все же то небольшое, что я видел, перелистывая эту книгу, понравилось мне; слог в высшей степени ясен и силен.

Арменианскую книжечку весьма трудно разыскать ввиду редкости наших сношений с этой страной. Тем не менее я с новым усердием буду искать ее в Антверпене. Вместо этого произведения я посылаю Вашей Милости другое, написанное на фламандском языке и столь уважаемое Отцами Иезуитами, что, по моему мнению, оно вышло из их лаборатории. Письма в Кёльн благополучно отправлены.

* Подлинник по-итальянски.

Известие о мире между Королем и Гугенотами было встречено весьма неблагоприятно, и здесь опасаются полного разрыва между Францией и Испанией. Надо признать, что с таким пожаром будет нелегко справиться. Конечно, было бы много лучше, если бы эти юнцы, ныне владеющие миром, поддерживали между собою дружеские отношения, вместо того чтобы тревожить весь христианский мир своими причудами. Но надо верить, что таков приговор неба, и всецело положиться на Божественную волю. На этом заканчиваю мое письмо, от всего сердца целуя руки Вашей Милости и перепоручая себя Вашему благорасположению.

Вашей Милости преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Брюссель, 20 февраля 1626

LXXII*

Милостивейший Государь мой!

Письма, которыми Ваша Милость не перестает меня жаловать, и известия частного характера обо всем, что делается при Дворе, доставляют мне великое удовольствие. Из моего предыдущего письма Вы уже знаете, что я весьма доволен господином Аббатом ц. Сент-Амбруаз: его письмо, пересланное мне Вашей Милостью, свидетельствует о его любезности и расположении ко мне. Я тотчас же ответил ему с почтой, ушедшей на прошлой неделе. Теперь я уже не сомневаюсь, что все слухи относительно второй Галереи — ложны. Господин Кардинал не стал бы пользоваться моими услугами, если бы столь важное решение изменило направление дела, которое он же сам на-

* Подлинник по-итальянски.

чал и завершил со мной. Но это уже не первое необоснованное донесение, полученное нашим Посланником.

К моему глубочайшему сожалению, мне нечего сообщить Вашей Милости. В воскресенье на Масленице придворные вельможи устроили скачки с кольцом и Сарагинские игры, чтобы отпраздновать рождение дочери Испанского Короля; одеяния и вооружение всадников были великолепны, но скакали они неловко и неумело. Маркиз ди Кампо Лотаро и дон Педро де Бракемате были герольдмейстерами, но не получили приза.

Наша Светлейшая Инфанта была бы очень счастлива, если бы беременность Французской Королевы продолжалась, потому что Ее Светлость любит Королеву, как родную дочь; и поистине, это было бы счастьем для всей страны, для самой Королевы и в особенности для Короля. Позавчера я, слава Богу, возвратился домой в Антверпен и впредь могу гораздо лучше, чем из Брюсселя, извещать Вашу Милость о новостях.

Я был весьма огорчен, узнав из письма господина де ла Планш, что, по-видимому, мне не намерены заплатить остаток суммы, причитающейся за рисунки для шитых шпалер, сделанные мной для Его Величества. Очевидно, господа де Фурси и Кателен не сдержали данного ими обещания. Я очень хотел бы знать, есть ли, по мнению Вашей Милости, надежда, что мне заплатят, если я через господина Аббата воспользуюсь покровительством Королевы-Матери или господина Кардинала. Но я ничего не предприиму, прежде чем не узнаю мнение Вашей Милости, и сделаю лишь то, что Вы сочтете возможным.

Я с радостью узнал, что болезнь господина Алеандра оказалась простой лихорадкой. Нунций напугал меня,

сказав, что господин Алеандр болен злокачественной лихорадкой и находится при смерти. Кроме того, Нунций сказал мне, что кавалер дель Поццо будет сопровождать Кардинала-Легата во время путешествия в Испанию.

В заключение я от всего сердца целую руки Вашей Милости и препоручаю себя Вашему благорасположению.

Вашей Милости покорнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 26 февраля 1626

LXXIII*

Милостивейший Государь мой!

Я надеюсь, что эта же почта доставит Вашей Милости однотомный труд Людовика Нонния о медалях *Universae Graeciae, Asiae minoris et insularum*** и книгу о медалях Юлия Цезаря, Августа и Тиберия, равно как жизнеописание этих императоров с комментариями того же Нонния. Я полагаю, что теперь все желания Вашего брата господина Советника исполнены. С этими книгами следует обращаться бережно, потому что они не продаются порознь, и, чтобы получить их, приходится купить все «Сокровище» Гольциуса, стоящее пятьдесят франков. Чтобы услужить Вашей Милости, я сделал эту покупку, но прошу Вас не огорчаться этим: Гольциус не пропадет.

Я горячо благодарю Вашу Милость за известия. Я сообщил их Отцам Иезуитам вместе с приговором,

* Подлинник по-итальянски.

** всей Греции, Малой Азии и островов (лат.).

которого они еще не знали. Они были несколько уязвлены. Однако я могу заверить Вашу Милость, что эти отцы предпочтут подписаться под чем угодно и пойдут на все, только бы снова не потерять прекрасное королевство Франции, которым им было столь трудно овладеть.

Все идет здесь так мирно, как будто обе стороны сошлись на желании прекратить войну. Ничего не слышно о начале кампании этого года; хотя для действий кавалерии надо ждать, чтобы трава выросла и сено было заготовлено, другие приготовления обычно делаются заранее. В этом году их не видно и следа.

Эдикт, запрещающий дуэли, — вещь важная (ввиду клятвы Короля никого не миловать) и кажется мне единственным средством, способным обуздать это неисправимое бешенство. Я буду весьма признателен Вашей Милости, если Вы, согласно своему обещанию, пришлете мне экземпляр этого эдикта. Кроме того, я хотел бы получить книгу отца Мариана о недостатках управления Орденом иезуитов, которую Вы дали мне в Париже, но отец Андрей Шотт, зайдя ко мне, умолил меня одолжить ему эту книгу. Теперь он говорит, что начальник отобрал ее не без строгого внушения. Поэтому мне очень хотелось бы получить другой экземпляр; но я предпочел бы иметь эту книгу на испанском, а не на французском языке; если я не ошибаюсь, Вы говорили мне, что скоро появится ее испанское издание.

Я надеюсь, хотя еще не смею наверно обещать это Вашей Милости, что с ближайшей почтой отправлю Вам живописную копию Сен-Шапельской камеи. Чтобы избежать значительных трудностей, я не стал точно обозначать все подробности и оттенки камня, запечатленные, впрочем, в памяти Вашей Милости; Вы знаете, что мес-

тами на камне есть белизна, замутненная серой бледностью. Я сохранил лишь белила и сардоникс сверху и внизу камен. Надеюсь, что, как ни щепетилен господин де Пейреск, он все же останется доволен.

Так как мне больше нечего сообщить, я от всего сердца целую руки Вашей Милости и прошу Вас приветствовать от моего имени господина Вашего брата. Я с величайшим прискорбием узнаю, что он еще не совсем поправился, как я ожидал, судя по тому, что Вы писали мне, что он едет приветствовать Кардинала-Легата, совершающего путешествие по Провансу. Я молю Господа Бога о ниспослании Вашей Милости и господину Вашему брату всяческого благополучия и долгой жизни.

Вашей Милости преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен 2 апреля 1626

VII ПИСЬМА К ДЮПЮИ

LXXIV*

Я не могу сообщить ничего важного ввиду бездействия, царящего в этих странах. Правда, Голландцы идут в поход, но так как они берут только двадцать-тридцать человек из каждого полка, то, по-видимому, они не намерены образовать армию, а собирают только одну колонну, чтобы действовать в связи со своими германскими союзниками. Из Германии мы получили весьма точные сведения от приехавшего оттуда Губернатора города

* Подлинник по-итальянски.

Местрихта, господина де ла Моттин, который сказал нам, что Валленштейн стоит во главе могущественной армии, в пятьдесят тысяч человек, но армия Тилли не превышает пятнадцать тысяч солдат, из коих, однако, пять тысяч — всадники. Восстание крестьян в Верхней Австрии бешено разрастается; мятежники захватили город Линц, и только его крепость продолжает сопротивляться. Валленштейн со всем своим войском неожиданно покинул лагерь и ушел в невыясненном направлении; однако предполагают, что он идет к Линцу. Взбунтовавшиеся крестьяне послали Императору требования в 13 совершенно неприемлемых статьях, которые, будь они приняты, сделали бы невыносимой жизнь Императору и Баварскому Герцогу. Поэтому полагают, что придется решить дело оружием. Тем временем, как говорит вышеупомянутый Губернатор Местрихта, решено в виде предупредительной меры перебить всех крестьян окрестных провинций, дабы они не умножили собою числа мятежников. Итак, вся страна в отчаянии: по дороге он видел лишь горы человеческих трупов и множество свиней [*приписка на полях*: в этой местности, составляющей часть герцогства Гессенского, очень много свиней], топчущих уже спелые нивы и размножающихся (известно, как плодovито это животное) до такой степени, что они служат прокормом для армии Тилли.

Город Кассель осажден имперскими войсками. Этот город, столица герцогства Гессенского, хорошо укреплен и обладает арсеналом, снабженным более сотни бронзовых пушек и снаряжением всякого рода. Но так как в городе укрылось множество бесполезных людей, полагают, что он скоро начнет страдать от недостатка съест-

ных припасов. Поэтому возможно, что будет достигнуто соглашение, так как противные стороны не чрезмерно враждебны друг другу.

Здесь обдумываются два славнейших предприятия; одно из них — это проведение нового судоходного канала, который должен соединить Маас в окрестностях Местрихта с рекою, называемой Демер, вблизи Малина; расстояние 15 миль. Я видел план, позволяющий надеяться на отличный успех этого предприятия, несмотря на то, что осуществление его будет долгим и дорогостоящим. Второй проект — это отведение вод Рейна, делающее безводными обширные вражеские земли. Таким образом будут уничтожены все преграды, образованные притоками Рейна, сам же он впадет в Велуву, и вся страна до Утрехта станет ее данницей. Я еще не видел плана этих работ и полагаю, что он еще не разработан во всех подробностях. Но если подобные проекты начнут осуществляться, то война в этих странах станет неизбежной, ибо несомненно, что Голландцы с оружием в руках будут пытаться воспрепятствовать нам, и мы можем иметь успех, только применив силу.

Три дня тому назад я получил короткое письмо от господина Жербе, написанное 30 июня старого стиля. Он шумно торжествует по поводу своего покровителя. Букингема и, между прочим, говорит, что все хитро-сплетения врагов никогда не могли поразить Герцога до такой степени, чтобы отвлечь его от склонности к живописи и другим искусствам.

Антверпен, 24 июля 1626

LXXV*

Милостивейший Государь мой!

Вы правы, напоминая мне, что рок не всегда снисходит к нашим страстям и что, будучи проявлением Божественной воли, он не должен давать нам отчета в своих повелениях. Он наш верховный повелитель, и нам приходится лишь склоняться перед его требованиями и повиноваться ему. Вот почему мы должны стараться сделать наше рабство настолько выносимым и благородным, насколько это возможно, добровольно приняв его. Тем не менее, ныне тяжесть долга обременяет мои плечи невыносимым образом.

Ваша Милость очень разумно советует мне рассчитывать на время; в самом деле, я надеюсь, что оно сделает для меня то, что должен был сделать разум.

Я не притязая на достижение стоического бесстрастия и не могу поверить, что такие естественные чувства недостойны порядочного человека. И как можно с одинаковым равнодушием взирать на все, что происходит в мире! *Sed aliqua esse quae potius sunt extra vitia quam cum virtutibus***, и эти чувства мстят за себя нашей душе, *citra reprehensionem****. Воистину я потерял превосходную подругу, которую я мог и был должен любить, потому что она не обладала никакими недостатками своего пола; она не была ни суровой, ни слабой, но такой доброй и такой честной, такой добродетельной, что все любили ее живую и оплакивают мертвую. Эта утрата поражает меня

* Подлинник по-итальянски.

** Но есть некоторые вещи, которые скорее находятся вне роков, чем относятся к добродетелям (лат.).

*** причем за это нельзя упрекать (лат.).

до самых глубин моего существа, и так как единственное лекарство от всех скорбей — забвение, дитя времени, придется возложить на него всю мою надежду. Но мне будет весьма трудно отделить мою скорбь от воспоминания, которое я должен вечно хранить о дорогом и превыше всего чтимом существе.

Я думаю, что путешествие помогло бы мне, оторвав меня от лицезрения всего, что меня окружает и роковым образом возобновляет мою боль, «*ut ilia sola domo moeret vacua stratisque relictis incubat*»*, то новое, что представляется глазам, в то время как местность меняется перед ними, занимает воображение, так что сердечная печаль не имеет случая возникнуть. Но, по правде сказать, *quod tecum peregrinabor et me ipsum circumferam***.

Но пусть Ваша Милость поверит, что для меня было бы великим утешением увидеть Вас и господина Вашего брата и оказывать вам услуги по мере моих сил. Меня весьма тронули добрые советы и сочувствие, выраженное Вашей Милостью, и я искренно благодарю Вас за обещание переписываться со мной во время отсутствия господина де Валавэ. Я останусь до конца моих дней покорнейшим и преданнейшим слугой Вашей Милости.

Вашей Милости покорнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 15 июля 1626

* «как она в опустелом доме тоскует одна и склоняется к покинутому ложу» (лат.) — цитата из «Энеиды» Вергилия (IV, 82), где сказано про Дидону: «*sola domo maeret vacua stratisque relictis incubat*», — в пер. Фета: «В доме пустынном одна грустя она к ложу склонялась, что он покинул». (Для того чтобы согласовать перевод этой цитаты с предшествующим текстом, надо видеть подлинник.)

** я буду путешествовать один и иметь дело с самим собой (лат.).

LXXVI*

Милостивейший Государь мой!

Я очень внимательно прочел поэму о Галерее Медичи. Я не позволю себе высказывать мнение о качестве стихов, — пусть об этом судят люди сведущие. Вдохновение показалось мне поистине щедрым и обильным; слова и фразы легко рождаются, чтобы выразить мысль автора. Он, должно быть, сын или родственник одного докладчика в Суде [*приписка на полях*: господина Марешо], и мне кажется, что я встречал его в Париже. Однако я жалею, что автор не понял смысла некоторых моих картин, между тем как в общем он объясняет их весьма подробно; например, о четвертой картине он говорит: «*Mariam comendat Lucina Rheoe*** (вместо города Флоренции), *quoe tanquam nutrix ulnis excipit suam alumnam****»; я отлично понимаю причину этого заблуждения: дело в том, что как Рея и Кибела, так и города изображаются обыкновенно в виде женщин в венцах, представляющих собою башни. Та же ошибка привела поэта к тому, что он, объясняя девятую картину, принял город Лион, где происходило бракосочетание королевы, за Кибелу: венец из башен и львы, впряженные в колесницу, сбили поэта с толку. Но, возвращаясь к четвертой картине, нужно сказать, что то, что наш автор называет Амурами и Зефирами, — это на самом деле часы рождения королевы, о чем можно догадаться, потому что это — существа женского пола и к тому же с крыльями бабочек. Юноша, держащий рог изобилия, наполненный ски-

* Подлинник по-итальянски.

** Люцина препоручает Марию Рее (*лат.*).*** которая, подобно кормилице, берет на руки свою питомицу (*лат.*).

петрами и венцами, — это добрый гений королевы, а другой над ним — стрелец, т.е. отец гороскопа, мною изображенного. Признаюсь, что я нахожу, что все это весьма понятно и точно выражено. Но пусть мои замечания останутся между нами и сказанными к слову, потому что я никак во всем этом не заинтересован. Если бы захотеть углубиться в суть вещей, можно бы найти еще много поводов для замечаний и критики. Но поэма коротка, и невозможно выразить все в столь немногих словах, хотя довольно бесполезно быть кратким, когда все путаешь.

Я только что получил любезнейшее письмо Вашей Милости от 22-го, равно как и письмо господина Вашего брата. Я очень рад, что он совсем поправился, и молю Бога надолго сохранить его в добром здравии. Я не пишу ему отдельно, чтобы избавить его от утомительной необходимости отвечать мне, что он не преминул бы сделать со свойственной ему учтивостью. У нас очень мало нового. Работы по проведению канала, о котором я уже писал Вашей Милости, ведутся с большим упорством и весьма планомерно. Граф Генрих Бернский со своими войсками охраняет рабочих [*приписка на полях*: в виду голландского лагеря] и самым верным признаком того, что происходили довольно серьезные столкновения, служит количество пленных [*приписка на полях*: среди них есть и дворяне], отнятых знамен и отбитых у врага лошадей, которые продаются повсеместно; часть самых лучших пригнана на Брюссельский рынок. Правда, в Голландии опубликованы совершенно другие известия, по которым граф Генрих потерпел поражение, но это лишь уловки правительства для поддержания черни в хорошем настроении. Я прошу Вашу Милость поверить мне, что наш Двор благодаря умеренности Светлейшей Инфан-

ты и благоразумию Маркиза Спинолы достаточно умен, чтобы не презирать это мелкое тщеславие врага. К тому же всякий военачальник остерегся бы подорвать доверие к себе, посылая ложное донесение о событиях, которые легко поддаются проверке.

Сообщение о том, что Тилли со своим войском достиг предместий Бремена, подтверждается со всех сторон; он рассчитывает провести зиму, осаждая этот город. Султан порвал с императором и ведет переговоры с Габором Бетленом, но, с другой стороны, нам пишут из Вены, что Венгры отступились от Габора, объявили нейтралитет и отказываются взяться за оружие; если эти известия правильны, то Габор скоро окажется в опасном положении. Нет сомнения, что весь этот водоворот событий приведет к каким-нибудь переговорам, но совершенно неизвестно, каков будет их смысл. Можно подумать, что существует договор между небом и этим Императором, который никогда не вооружается; когда же его положение кажется безнадежным и он удручен несчастиями, появляется *quasi Deus aliquis ex machina** и снова ставит его на ноги. Признаюсь, что я очень часто смотрел на него как на человека погибшего и катящегося в пропасть из-за своего бесполезного усердия. Я весьма изумляюсь, что в то время, когда государство Султана раздирают междоусобные распри, а он сам находится во власти янычар и его непрерывно оскорбляют Персы, в то время, как никто не служит ему или, вернее, не слушается его, — он занимается тем, что порывает с христианами. Вот государство, которое, как мне кажется, быстро идет к своей гибели, и, быть

* «как некий Бог из машины» (лат.).

может, не хватает только одного человека, чтобы нанести ему смертельный удар.

Я очень благодарен Вашей Милости за новости из Франции и радуюсь, что Дворец Королевы-Матери продолжает украшаться. Господин Аббат ц. Сент-Амбруаз, должно быть, очень занят, так как он больше не пишет мне, несмотря на все случаи, которые представлялись ему. Так как мне больше нечего сообщить Вашей Милости, я от всего сердца целую Ваши руки и руки Вашего брата и поручаю себя Вашему благорасположению.

Вашей Милости покорнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Сделано все возможное, чтобы добыть *Questionem politicam*, но здесь никто не видел и не знает этой книги.

Антверпен, 29 октября 1626

LXXVII*

Милостивейший Государь мой!

Я задолжал Вашей Милости два ответа на письма, которые Вы изволили написать мне 2-го и 16-го сего месяца. На прошлой неделе разные дела помешали мне до вчерашнего дня написать мое обычное письмо, а в минуту, когда я был готов за него приняться, явились новые препятствия, не позволившие мне исполнить мой долг. То, что Вы постоянно посылаете мне редкие книги, возлагает на меня очень тяжелые обязательства. Я получил «Библиотеку Топографов Франции», но не имел еще достаточного досуга, чтобы прочесть ее; и мне только что принесли «Декларацию Короля». Я целую руки Вашей Милости за все Ваши щедроты. Я также получил

* Подлинник по-итальянски.

через посредство господина Посланника посылку господина Пейреска и с радостью убедился, что мой друг вполне поправился и по-прежнему интересуется предметами древности и в особенности камнями и медалями, по поводу которых он написал мне длинное письмо, изобилующее верными и новыми наблюдениями; это письмо доставило мне большое удовольствие. Я не премину ответить ему с первой оказией, но не могу, как мне хотелось бы, отплатить ему той же монетой. Я распорядился вручить самим получателям все письма Вашей Милости. Я надеюсь, что Вы, наконец, получили книгу «Дома Линден», потому что я сам передал ее Антуану Сури [*приписка на полях*: Он уверяет, что книга не может быть потеряна и что, кроме того, он ожидает на днях возвращения возчика, взявшего ее], и я сегодня же узнаю у него, почему она не доставлена по назначению. Наилучший путь для облегчения и сохранности нашей переписки — посредство господина Посланника; добрейший господин де ла Мот, со своей стороны, согласен озаботиться передачей наших писем. Однако же я не особенно доверяю исправности слуг знатных домов.

Но пора заняться самой сущностью письма Вашей Милости. Во-первых, Ваше мнение о всеобщей бедности и нужде государей не только в Европе, но и во всем мире [*приписка на полях*: В частности, у Великого Турка нет ни гроша в запасе, и Король Китая не богаче его] крайне поразило меня, потому что мне самому часто приходили в голову подобные мысли, и я нахожу весьма странным то обстоятельство, что все христианские короли одновременно оказались в столь безвыходном положении. Они не только все в долгах и их доходы заложены; но кроме того, им крайне трудно найти новые спосо-

бы, чтобы сколько-нибудь передохнуть и поддержать свой кредит. Соболаговолите поверить, что я говорю отнюдь не легкомысленно и что прекрасные речи нашего Двора предназначены для черни, а не для нас. Теперь с точностью известно, что новый заем был размещен среди генуэзских и луккских купцов [*приписка на полях*: Но этот заем, достигающий двух с половиной миллионов, не покрывает наших нужд], и если бы я сам занимался этим ремеслом, то мог бы сообщить Вашей Милости особенности этого займа и во что он обойдется нашему городу; но я не сомневаюсь, что после Вашего письма от 16-го Вы уже получили все нужные сведения, ибо невозможно сохранить в тайне дело, прошедшее через столько рук. Этим займом уничтожается или, во всяком случае, приостанавливается на несколько лет применение декрета. Будь я одним из посредников, я бы удовольствовался угрозой и не стал бы ждать удара. В Испании прибегли к ошеломляющему средству для избежания неминуемой гибели государства. *Quartos de billion* были сведены до четверти их стоимости, с обещанием, что через четыре года владельцы получают возмещение на основании полной стоимости. Мне трудно поверить в истинность этого известия [*приписка на полях*: Однако его считают вполне точным] и, по правде сказать, я еще не видел официального текста декрета.

Но, чтобы вернуться к бедности монархов, скажу, что не могу объяснить ее ничем, кроме перехода сокровищ мира в руки большого числа частных лиц. Бедность казны не имеет иных причин: величайшая река, разделенная на множество ручьев, быстро высыхает. К этому следует прибавить, что система экономии почти всех государей весьма несовершенна и беспорядок так глубоко

проник в их дела, что будет чрезвычайно трудно привести их снова в хорошее состояние. Купец, отец семейства, *civis rationes semel sunt perturbate, raro emergit, sed aeris alieni ponderi succumbens pessumdatur**, так как ростовщические проценты растут по мере того, как доверие к нему уменьшается. Действительно, декреты Испанского Короля *moderando foenori*** несколько поддержали жизнь государства, ибо проценты при займах доходили до 30—40 и даже выше во время особенной нужды. [*Приписка на полях*: хотя доведенные до 5, проценты достигают еще ежегодно огромной суммы.]

Относительно же того, что Ваша Милость пишет мне о канале, который якобы окончательно заброшен, я умоляю Вас верить, что мы не слышали здесь ничего подобного этому. Действительно, вследствие ужасных холодов и морозов этой зимы, а также по недостатку средств, работы были приостановлены. Но приблизительно три недели тому назад Комиссар финансов взял в казне нашего города большую сумму денег, предназначенную для возобновления работ, и я не думаю, что сторонники Лиги со своей стороны окажут сопротивление этому предприятию. [*Приписка на полях*: Хорошая гравюра, изображающая работы по сооружению канала, еще не отпечатана; но как только она будет готова, я не премину, как и обещал, послать ее Вашей Милости.]

Мне лично представляется затруднением тот факт, что шлюзам, которые будут находиться под водой, во время разливов Рейна будет трудно вынести напор воды и освободиться от нечистот, принесенных рекой. Но дон

* дела которого однажды пошатнулись, редко выплывает, но, подавленный тяжестью долгов, обычно погружается на дно (лат.).

** об ограничении процентов (лат.).

Джованни де Медичи сказал мне, что у него есть план для устранения этого. Разумеется, я не знаю, не представится ли какое-нибудь иное препятствие; поэтому я считаю, что следует дожидаться окончания работ. Единственно, что я могу утверждать, это то, что в настоящее время работы ведутся весьма деятельно.

Я ничего не знаю о предполагаемой женитьбе Маркиза Спинолы на Герцогине Арсхотской, — полагаю, что хотели сказать: на Герцогине де Круа [*приписка на полях*: Эта дама столь же славится своим умом, как и красотой... «*et omnibus una omnes surripuit veneres*»*], о которой часто упоминают французские памфлеты. Это правда, что Его Превосходительство любит и чтит ее, и конечно, если бы Испанские Гранды могли жениться по своему желанию и без разрешения короля, — он бы уже узаконил свою страсть. Но до сих пор я не знаю ничего определенного по этому поводу, *et aegre capitur annosa vulpes*** [*Приписка на полях*: Маркизу Спиноле 57 лет, как он сам сказал мне.] Я думаю, что этот слух возник по недоразумению и вызван недавним браком Маркиза де Ренти и молодой Герцогини де Круа, наследницы имени и дочери от первого брака недавно убитого герцога де Круа.

Ласковый прием, оказанный господину де Ту в Риме, объясняется великими личными заслугами этого Кавалера, славой его предков и любезностью Его Святейшества. Мне будет весьма отраднo узнать, что он благополучно вернулся в Париж, и если Ваша Милость окажет мне честь, напомнив ему обо мне и поручив меня его благоволению, Вы меня весьма этим обяжете.

* «и женские прелести все соединила в себе» (лат.) — стих из Каталла (86, 6).

** и трудно поймать матерую лисицу (лат.).

Я тем более охотно верю, что Голландские Штаты предложат свое посредничество для улажения разрыва между Швецией и Данией, что знаю из верного источника про их намерение поступить так же в отношении Англии и Франции. Для себя бы я хотел, чтобы весь мир был в мире и мы могли жить в веке золотом, а не железном. Кончаю этим пожеланием и от всего сердца целую руки Вашей Милости.

Петр-Павел Рубенс.

Папский Нунций, господин Баньи, — один из моих лучших друзей и покровителей в этом мире. Я совершенно уверен, что его внешность, любезные манеры и редкие нравственные качества делают его достойным носить папскую тиару; я предсказываю ему великую судьбу.

Страсти отца Петана — не новость в этом ордене, quae plerumque spirant merum, pus atque venenum, in omnes quorum virtutibus aut invident aemulantur*.

Я охотно пошлю Вашей Милости гравюры камней, присоединив их к эстампу, изображающему сооружение канала, хотя они и недостойны этого; действительно, это лишь неудавшаяся попытка.

Антверпен, 22 апреля 1627

LXXVIII**

Милостивейший Государь мой!

Ввиду недостатка артиллерийского снаряжения Гроль сдался 20-го числа прошлого месяца на тех же условиях, что и Бреда. Защитники были принуждены пользоваться

* где большею частью испускают настоящий гной и яд на всех тех, на добродетели которых досадают и которым завидуют (*лат.*).

** Подлинник по-итальянски.

ся, как снарядами, всеми бывшими в городе железными, свинцовыми и оловянными предметами. К несчастью, при последнем или предпоследнем выстреле был убит осколком оловянной ложки незаконный сын Принца Маврикия по имени Вильгельм де Нассау, дворянин, подававший большие надежды и уже имевший высокое звание Голландского Адмирала. Только три месяца тому назад он женился на дочери господина Вандер-Ноота. Тем же выстрелом был убит один английский капитан.

Принц Оранский спокойно стоит на своих позициях, а Принц Генрих, по слухам, отступил по направлению к Вестфалии. Кавалерийский капитан Роберт Ван-Эйкерн [*приписка на полях: служивший под командой полковника Кратца*], который недавно набирал свой полк в Антверпене, вследствие какой-то нанесенной ему обиды перешел со всеми своими людьми на службу к Принцу Оранскому. По сей день это единственное происшествие такого рода!

Неподалеку от Антверпена нами была произведена не имевшая особенного успеха попытка напасть на местность де Гоес. Рассказы об этом событии довольно противоречивы. Одни говорят, что наши солдаты нашли границу крепко охраняемой и наступление означало бы несомненную гибель. Другие утверждают, что как только наши высадились, они очутились перед очень широким рвом, переправились через него и довольно долго шли вперед, не встретив живой души. Тогда они заподозрили, что им готовят засаду, и остановились, чтобы окопаться. Но тотчас же появилось множество солдат, вооруженных аркебузами, и наши, развернув знамена, поспешили отступить; благодаря ширине рва они успели без кровопролития вернуться на свои суда. На обратном пути

их обстрелял неприятельский флот, который, по счастью, не мог приблизиться из-за отлива и отсутствия ветра. Убит всего один человек, ранены двое. Утверждают, что защитники были малочисленны, и они были всего лишь крестьянами, одетыми в солдатское платье. Ответственность за неудачу возлагают на начальников, которые трусливо вели себя и, вместо того чтобы воодушевлять солдат, еще больше напугали их. Полагают, что они будут, по крайней мере, уволены в отставку.

Вот и все наши новости. Я радуюсь, что оба пакета были благополучно доставлены Вашей Милости, и не премину послать Вам при первой okazji портрет графа де Бикуа и книгу о медалях герцога Арсхотского. Так как у меня не осталось больше ничего для сообщения, я почтительнейше целую руки Вашей Милости и господину брату Вашему.

Вашей Милости преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 2 сентября 1627

Это верно, что я написал с натуры портрет господина Маркиза Спинолы, но он еще не выгравирован на меди, потому что я был занят другими делами. Здесь считают несомненным, что Герцог Букингем вернулся в Англию, оставив укрепления острова Ре тесно окруженными и осажденными.

LXXIX*

Милостивейший Государь мой!

Уже в моем последнем письме я выражал радость по поводу победы, одержанной Христианнейшим Коро-

* Подлинник по-итальянски.

лем над англичанами, которых он покрыл вечным стыдом и с большими потерями совершенно изгнал с острова Ре. Я удивляюсь, что наша дюнкирхенская эскадра еще не прибыла по назначению. Некоторые говорят, что противные ветры не дали кораблям подойти к Франции, и они отправились мешать ловле сельдей, которая производится в это время года, и что Адмирал Дорп вышел за ними в погоню. В Ирландии ходят слухи, что он встретил их и вступил в ними в бой, но мы не имеем никакого подтверждения всех этих известий. В общем, надо признать, что Франция совершила славнейшее дело, разбив столь мощного врага, даже не прибегая к иностранной помощи.

Я получил «Письма Филарха против Нарцисса» и, прочтя большую часть книги, нахожу их прекрасными и вполне отвечающими моему вкусу как из-за прелести языка и иронии, с которой автор отражает и жалит противника, так и благодаря ясности и сжатости слога и искусству непрестанно восхищать читателя и приковывать внимание. Но теперь мне очень хочется получить также книгу господина Бальзака, чтобы сравнить их между собою, и поэтому я от всего сердца прошу Вашу Милость соблагovolить прислать мне экземпляр этой книги. Я буду вдвойне обязан и признателен Вашей Милости, если Вы вышлете мне тогда же экземпляр «Жизни Генриха VII» Роджера Бэкона. Я приобрел эту книгу по совету Вашей Милости, когда покидал Париж; она до такой степени заинтересовала меня, что я не мог сберечь столько духовной радости для себя одного и одолжил книгу одному близкому другу. Но я ни за что не мог заставить его вернуть мне эту книгу, что делает меня более осмотрительным на будущее время, если я вздумаю одолжить книги.

Со своей стороны, я умоляю Вашу Милость попросить у меня за это что-нибудь, что можно найти здесь и что пришлось бы по Вашему вкусу. Я отправлю это Вашей Милости, так же как и книгу де Би, с каким-нибудь путешествующим приятелем. Такой случай не замедлит представиться, только бы Вы согласились несколько повременить.

Здесь у нас нет никаких новостей. Предложения дона Диего несколькими провинциями приняты, а другими — не полностью, как, например, Люксембургом. Некоторые же, как Брабант и Эно, обусловили принятие столькими оговорками и поправками, что начинают сомневаться в успехе этого дела. Поэтому будет созвана чрезвычайная сессия Генеральных Штатов.

Так как мне нечего прибавить к моему письму, я почтительнейше целую руки Вашей Милости и господину брату Вашему.

Вашей Милости преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Антверпен, 25 ноября 1627

LXXX*

Милостивейший Государь мой!

Увидеть столько разных стран и Дворов в столь короткое время было бы мне гораздо приятнее и полезнее в дни моей юности, а не в нынешнем моем возрасте, потому что тело было бы выносливее к путевым неудобствам, а дух, умудренный общением с различными народами, мог бы приготовиться к свершению великих дел, тогда как теперь я трачу последние силы, и у меня не останется

* Подлинник по-итальянски.

времени, чтобы пожать плоды моих трудов, nisi ut cum hoc resciero doctior moriar*.

Однако я утешаю и вознаграждаю себя прелестью тех красот, которые мне являет мое странствие. Так, этот остров кажется мне зрелищем, достойным просвещенного человека не только благодаря живописности края, принадлежащего народу богатому, счастливому и мирному, но еще больше из-за невероятного множества превосходных картин, статуй и древних надписей, находящихся при этом Дворе.

Я не буду говорить о мраморах д'Арунделя, на которые Вы первый указали мне. Признаюсь, я никогда, не видел ничего более драгоценного по части древности, quam foedus ictum inter Smyrnenses et Magnesios cum duobus earumdem civitatum decretis et victoriis Publii Citharoedi**.

Я очень сожалею, что Селден, которому мы обязаны изданием и толкованием этих текстов, мог оторваться от их созерцания и immiscet se turbis politicis***, — занятие, самое недостойное его благороднейшего ума и изумительной учености. Так пусть же он не слишком горько винит судьбу, если гнев Короля, вызванный народными бурями, бросил его в тюрьму с прочими парламентариями!

Мне, как видно, придется остаться здесь некоторое время, несмотря на желание вздохнуть воздухом родины. В Антверпене имеют настоятельную нужду в моем

* если не для того, чтобы умереть более сведущим, после того как я все это узнаю (лат.).

** чем договор, заключенный между Смирной и Магнезией, вместе с двумя постановлениями этих же городов и победами Публия Кифареда (лат.).

*** впутывается в политические интриги (лат.).

присутствии; я едва остановился там на три-четыре дня, возвращаясь из Испании.

Я получил письмо от господина де Пейреска от 2 июня, в котором он выражает живейшее сожаление о том, что я изменил своему первоначальному намерению побывать в Италии и его Провансе на обратном пути из Испании. Между тем я горячо желал ехать этим путем — единственно для того, чтобы в течение нескольких дней наслаждаться необычайной прелестью его беседы.

Я прошу Вашу Милость не отказать передать ему прилагаемое письмо, первое после почти годового молчания. В заключение я с истинной преданностью целую руки Вашей Милости и господина Вашего брата и от всего сердца поручаю себя Вашему благорасположению.

Вашей Милости преданнейший слуга

Петр-Павел Рубенс.

Лондон, 8 августа 1629

LXXXI*

Милостивый Государь!

Я был очень рад получить известие от Вас и умоляю Вас верить, что только желание не докучать Вам удержало меня от того, чтобы первому не написать Вам и не возобновить нашу старую переписку. Я часто жалел, что лишился ее, как я думал, из-за моих путешествий в Испанию и Англию. Она была мне не только приятной благодаря Вашим добрым советам, но ввиду Вашего звания и репутации льстила моему честолюбию. Кроме того, этому счастью я был обязан господину де Пейреску, которого я чту, как никого на свете. Я иногда получаю от него письма

* Подлинник по-французски.

через купца, некогда переехавшего из Марселя в Антверпен. Несмотря на общественные невзгоды, постигшие его родину, господин де Пейреск никогда не терял вкуса к изучению древности и продолжал посылать мне мелкие редкости, делясь со мной своими наблюдениями и рисунками, изображающими различные предметы старины. В частности, я получил от него рисунок бронзового треножника, найденного в развалинах храма Нептуна, и многих других изящных вещей. Мне очень приятно, что после столь долгого и докучного отсутствия господин де Пейреск наконец вернулся домой. Господин де Валавэ, его брат по крови и любезности, тоже устаивает меня иногда своими письмами. Мне кажется, что чума кружит по всей Италии; из Венеции пишут, что она там очень усилилась. О смерти господина маркиза Спинолы знаю только, что она была вызвана трудами и огорчениями; *vires ultrasortem senectae**. По-видимому, он устал жить; известно его письмо, написанное, когда он был еще здоров, и в котором говорится: «Я надеюсь, что наш Господь дарует мне смерть в течение будущего сентября или раньше»**. Он был весьма удручен дурными услугами, оказанными ему в Испании; в этом направлении особенно постарался господин аббат Скалья, который объявил себя его врагом и нарочно отправился в Испанию, чтобы воевать с ним, — а уже до этого маркиз был не в ладу с графом Оливаредом. Тем не менее, неправда, что его перед смертью лишили против его воли всех его должностей: предвидя свою кончину и чувствуя, что умирает, его превосходительство сам предложил передать управление маркизу де Санта Круц. Его болезнь была летаргией, от которой его сочли умершим

* силы сверх удела старости (лат.).

** В тексте эти слова по-испански.

12 сентября; но он пришел в себя, и когда думали, что можно быть уверенным в его спасении, возврат болезни унес его в могилу 15-го числа того же месяца. Он, как пишут со всех сторон, закончил эту войну вместе со своей жизнью. Это — доказательство величия его судьбы и мощи его гения. Я потерял в его лице одного из лучших друзей и покровителей, которых я имел на свете, что я могу засвидетельствовать сотней его писем. [*Приписка на полях*: Мне пишут из Брюсселя, что герцог Альвский, нынешний вице-король Неаполя, объявлен правителем Милана.]

Что касается господина Аббата ц. Сент-Амбуаз, то уверяю Вас, что я — его покорнейший слуга и так высоко ценю его дружественность и расположение, что, если бы лишился его милостей, я считал бы, что потерял надежду на удачу во Франции и не стал бы помышлять о работе для Королевы, Матери Короля, или о чем-нибудь подобном. Поэтому я признаю, что обязан ему всеми моими прошедшими успехами и т.д. А в настоящем я не думаю, чтобы между нами была какая-нибудь рознь, кроме некоторого недоразумения, касающегося размеров и симметрии Галереи Генриха Великого. Я умоляю Вас решить, прав ли я, и всецело полагаюсь в этом на Ваше суждение.

Мне с самого начала прислали размеры всех картин, и Господин Аббат сопровождал их своими, по его обыкновению, весьма точными письмами. Руководствуясь его приказаниями, я сильно подвинул вперед некоторые из самых больших и значительных вещей, как, например, «Триумф Короля», для заднего плана Галереи. Затем тот же господин Аббат ц. Сент-Амбуаз срезает мне у картины два фута в высоту и настолько повышает наличники дверей, прорезывающих в некоторых местах живопись, что я принужден искалечить, испортить и из-

менить почти все, что я сделал. Признаюсь, что я был этим весьма огорчен и жаловался самому господину Аббату (никому другому), прося его не срезывать голову у короля, сидящего на триумфальной колеснице, и уступить мне полфута. Я также представлял ему неудобство увеличения вышеупомянутых дверей. Я говорил всем, что столько помех в начале этой работы кажутся мне плохим предзнаменованием для ее благополучного завершения. Я потерял мужество и, по правде сказать, был весьма удручен всеми этими новшествами и переменами, вредящими и мне, и самой работе, которая из-за этих урезов очень уменьшится в блеске и великолепии. Во всяком случае, если бы они были указаны с самого начала, можно было бы сделать необходимость достоинством. Тем не менее, я совершенно готов сделать все, что возможно, чтобы угодить господину Аббату и служить ему, и прошу Вас благоприятствовать мне, как Вы можете.

За это я буду обязан покорнейше служить вам всю мою жизнь, не считая моего предшествующего обязательства, которое поставило меня в ряды тех, кто заявляет себя тем же, кем и я, Милостивый Государь,

Вашим покорнейшим и преданнейшим слугой

Петром-Павлом Рубенсом.

Я прошу Вас извинить меня за то, что я имел смелость написать это письмо по-французски, совершенно не зная этого языка. Я поступил так только на этот раз, на тот случай, если понадобится сообщить письмо господину Аббату ц. Сент-Амбруаз.

Прошу Вас, Милостивый Государь, передать мой покорнейший привет господину Вашему брату.

Антверпен, 1630

Уильям Шекспир

МАКБЕТ

(Отрывок из III картины I действия)

Макбет

Такого дня горячего не помню.

Банко

Как далеко до Форреса? Кто эти
Иссохшие и дикие созданья,
Которые не кажутся людьми
Земными. Живы ль вы, и можно ль
Вас спросить? Что поняли меня,
Я заключаю из того, что пальцы
К своим губам мясистым приложили.
Вы женщинами быть могли бы, если б
Не видел я бород на ваших лицах.

Макбет

Скажите мне, как можете: кто вы?

1 ведьма

Да здравствует Макбет, Гламисский Тан!

2 в е д ь м а

Да здравствует Макбет, Кавдорский Тан!

3 в е д ь м а

Да здравствует Макбет, король в грядущем.

Б а н к о

Зачем вы испугались, сударь мой,
Вестей столь чудных. Я во имя правды
Вас спрашиваю, наважденье ль вы,
Иль то, чем кажетесь. Партнера моего
Вы подарили честью в настоящем,
В грядущем обещали царский скипетр,
Так что встревожен он. А мне — молчанье.
Коль можете взглянуть в посев времен
И указать то семя, что прозябнет,
Мне молвите, который не боится
И милостей не просит.

1, 2, 3 в е д ь м ы

Да здравствует!

1 в е д ь м а

О, ты и меньше Макбета, и больше.

2 в е д ь м а

Не так счастлив, но более счастлив.

3 в е д ь м а

Царей родишь, хотя царем не будешь.
Итак, да здравствует Макбет и Банко.

Макбет

Скажи мне, больше я узнать хочу.
По смерти Сайнела я Тан Гламисский.
Но как же Кавдор? Тан Кавдорский жив,
Счастливый дворянин. А стать царем —
Ведь это же не больше вероятно,
Чем Кавдором. Скажи, откуда
Вы это знаете? И для чего
Вы в ветреной степи остановили
Наш путь, пророча. Молви, я прошу.

Банко

Земля имеет пузыри, как воды.
И то они. Куда они исчезли?

Макбет

Растаяло, что в них казалось плотским,
Как бы дыхание в бую. Не осталось!

Банко

И были ль те, о ком мы говорим,
Или мы съели ядовитый корень
И разум наш в плену.

Макбет

О, королями будут наши дети.

Банко

Вы — королем.

Макбет

Да, и Кавдорским Таном. Не так ли было?

Б а н к о

Да, так они сказали слово в слово. Кто здесь?

Р о с с

Король счастливо получил, о Макбет,
Весть о твоём успехе, и когда
О подвигах твоих он прочитал,
В нём удивление с хвалой боролись.
Не знал он, что тебя достойней. Смолк.

Гонец являлся за послом и нес
Хвалу тебе в защите королевства
И изливал ее пред королем.

А н г у с

Мы посланы благодарить тебя
И пригласить — а не несем награду.

Р о с с

И в знак
Король велел приветствовать тебя
Как Тана Кавдора.

Б а н к о

Что! Может дьявол правду говорить?

М а к б е т

Тан Кавдора живет. Не облакайте
Меня в чужое платье.

А н г у с

Тот, кто был Таном, правда, жив еще,
Но под тяжелым обвиненьем носит
Он эту жизнь, которой недостойн.
В связи ль он был с норвежцами иль тайно
Он помогал повстанцам, я не знаю.
Но, обвинен в измене государству,
Сознался он.

М а к б е т

Гламис и Тан Кавдорский,
А то, что больше, ждет меня в грядущем.
Благодарю за труд ваш.
Не будут ли царями ваши дети,
Затем что те, что мне сулили Танство
Кавдорское, им обещали трон.

Б а н к о

Вера в это
Должна в вас страсть к престолу возбудить...

ИЗ КНИГИ «РУКОЮ ПУШКИНА»

Джордж Ноэль Гордон Байрон

ГЯУР

В воздухе нет дуновения, которое могло бы разбить волну,
Катящуюся к подножию могилы афинянина,
К той гробнице, что высоко над страной,
Спасенной им напрасно, блестит на утесе
И первая приветствует плывущий на родину корабль.
Когда вновь будет жить такой герой?

.....

Прекрасный край, где каждое время года улыбается,
Благосклонное к благословенным островам,
Которые, когда их завидишь с далекой высоты Колонны,
Веселят сердце, приветствующее этот вид,
И дарят усладу одиночеству.

Вильям Вордсворт

ЭКСКУРСИЯ

Было лето, и солнце высоко взошло;
К югу ландшафт неясно блистал
Сквозь бледный пар; но все северные склоны,
Поднимаясь в чистейшем воздухе, являли издали

Поверхность, испещренную тенями, упавшими
 От остановившихся облаков; тенями, которые лежали
 пятнами,
 Отчетливыми и недвижимыми, вперемешку
 С крепкими лучами яркого и отрадного солнечного света,
 Отрадного тому, кто на мягкий мох
 Простирает беспечное тело у входа
 Какой-нибудь огромной пещеры, чей скалистый навес
 отбрасывает
 Собственный сумрак — широкую тень,
 В которой щебечет королек, меж тем как дремлющий
 человек,
 Едва сознавая нежащую мелодию,
 Искося посматривает на зрелище,
 Которое благодаря нависающему крову отодвинуто
 В еще более прекрасную даль. Не такова была моя участь,
 Но я все же надеялся, что скоро обрету
 Такой же отрадный приют и живейшую радость.
 Через пустой широкий выгон я брел
 Усталыми шагами, затрудненными скользкой почвой,
 И моя слабая рука не могла рассеять
 Рой мошек, собиравшихся вокруг моего лица
 И неразлучных со мною все время, пока я шел.

Бари Корнуолл

МАРЦИАН КОЛОННА

У земли ничего этого нет: ни случайности, ни перемены
 Не тревожат ее поверхности, и никакие духи не дерзают
 Дать ответ разбуженному бурей воздуху;
 Но на ее просторах хилые обитатели бродят,
 Как хотят, и ранят ее грудь, ступая по ней.

Всегда одна и та же, она не имеет ни отливов, ни приливов,
 Но положенными кругами приходят времена года,
 И проходят как призраки на свою незримую родину,
 И приходят вновь и исчезают. Юная Весна,
 Всегда блистательная листьями и цветами,
 И Зима всегда трубит в свой унылый рог,
 Когда дикая Осень с потерянным взглядом
 Умирает в своей бурной зрелости, и небеса
 Плачут, и цветы чахнут; когда отлетает Лето —
 Лишь ты, ужасный Океан, имеешь власть,
 Волю, голос; и в час твоего гнева,
 Когда ты подьмешь свою ярость к облакам,
 Страшная и великолепная красота окутывает
 Твое широкое зеленое чело.

ФРАНЦУЗСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ А.С. ПУШКИНА

МОЙ ПОРТРЕТ

Вы просите у меня мой портрет,
 Но написанный с натуры.
 Мой милый, он быстро будет готов,
 Хотя и в миниатюре.

Я молодой повеса,
 Еще на школьной скамье;
 Не глуп, говорю не стеснясь,
 И без жеманного криваньня.

Никогда не было болтуна,
 Ни доктора Сорбонны —
 Надоедливее и крикливее,
 Чем собственная моя особа.

Мой рост с ростом самых долговязых
Не может равняться;
У меня свежий цвет лица, русые волосы
И кудрявая голова.

Я люблю свет и его шум,
Уединение я ненавижу;
Мне претят ссоры и препирательства,
А отчасти и учение.

Спектакли, балы мне очень нравятся,
И если быть откровенным,
Я сказал бы, что я еще люблю...
Если бы не был в Лицее.

По всему этому, мой милый друг,
Меня можно узнать.
Да, таким, как Бог меня создал,
Я и хочу всегда казаться.

Сущий бес в проказах,
Сущая обезьяна лицом,
Много, слишком много ветрености —
Да, таков Пушкин.

Кж. В.М. ВОЛКОНСКОЙ

Сударыня, вас очень легко
Принять за сводню
Или за старую обезьяну,
Но за грацию— о Боже, нет.

КУПЛЕТЫ

Когда поэт в восторге
Читает вам свою оду или поздравительные стихи,
Когда рассказчик тянет фразу,
Когда слушаешь попугая,
Не находя, чему посмеяться, —
Засыпаешь, зеваешь в платок,
Ждешь минуты, когда можно сказать:
«До приятного свидания».

Но наедине со своей красавицей,
Или среди умных людей
Истинное счастье оживает,
Бываешь довольным, смеешься, поёшь.
Длите ваши мирные бдения
И пойте на исходе вечера
Вашим друзьям, вашим бутылкам:
«До приятного свидания».

Друзья, жизнь мимолетна,
И все уплывает вместе с временем.
Любовь тоже летун,
Птица нашей весны.
Слишком рано она исчезает, смеясь украдкой,
И навсегда — прощай Надежда,
Когда она упорхнет, не скажешь более:
«До приятного свидания».

Время бежит, печальное и жестокое, —
И рано или поздно отправляешься на тот свет.
Иногда — это бывает не так уж редко —

Случай спасает нас от могилы,
Удаляются полчища страданий,
И черный ужасный скелет
Уходит стучаться в другие двери:
«До приятного свидания».

Но что? я чувствую, что утомился,
Утомляя моих дорогих слушателей.
Хорошо, я спускаюсь с Парнаса,
Он создан не для певцов.
Меня вдохновляют куплеты,
У меня власть над припевом.
Довольно — прощай, перо!
«До приятного свидания».

Даниэл Варужан

ПЕРВЫЙ ГРЕХ

Каждый день на горах и в ущельях пасла
Своего синеглазого козлика дева;
И на лилии ноги босые ее
Наступали в уверенном шаге...
И струились по белой открытой груди,
Как шафран, золотистые косы;
И ни мирт, ни жасмин на ее голове,
Как ланитные розы, не вяли.
Дева пела всегда, и смеялась в душе
Ее песня. Из краешка неба
Было сшито лазурное платье ее.
И пастушечий посох в безгрешной руке —
Древний змей, превратившийся в камень, —
Веткой персика стал...
И когда на прохладный ручей ввечеру
Пригоняла козленка она,
Сквозь деревья украдкою месяц
Пробирался следом за ней.
Он, наверное, — глаз вожделенный
Иеговы, любовника дев.

Но однажды услышала голос она,
К роднику ее звавший в долину.
Он, как звучная песня, ее чаровал,
И внимал ему белый козленок,
Шею вытянув, с длинной травинкой во рту,
Ибо песня та новою песней была:
«Вниз сойди, о невинная дева!
И под тенью смоковницы мне принеси
Синеглазого козлика в жертву!
Принеси его в жертву и ведай, что я —
Этих гор всемогущий владыка,
Что моим дуновеньем, по воле моей
Серебром заструятся потоки,
Чистым золотом станут ручьи;
Там, где я поцелуем к земле прикоснусь,
Дрожь желанья по ней пробежит;
Станет лилия розой на персях моих;
И царицею девушка станет.
Я цветами наполню луга, превратив
В них горячую кровь твоей жертвы.
И тогда не козленка ты будешь пасти,
А пастушкою бабочек станешь!»
Долго слушала дева, и эти слова
Будто в сердце ее говорили,
И под звездами молча вздохнула. Потом
Посох свой подняла, подчинясь волшебству,
И козленка по склону холма погнала
К вожделению полной долине.
Здесь ручей, здесь смоковница, чувствуешь ты
Дух Самца, что шафрана и тмина
Благовонием плотно окутал тебя?
Принеси свою жертву немедленно!
И на гладких и светлых камнях у ручья,

Там она положила козленка,
И рожок его в мокрый зарылся песок,
О, каким сладострастным и сладким был миг!
И казалось ей, белый козленок ее
Будет так же резвиться и прыгать
На покрытом цветами лугу.
Ведь она никогда не слыхала про смерть,
И запела она об одном
Наслаждении, что обещает
Принесение в жертву себя.
О весне своей юности пела она,
О своем гармоническом теле.
И ее миновал умоляющий взгляд
Синеглазого козлика. К шее,
Опьяненная страстью, приблизила нож
И вонзила с веселою песней.

Так у ног Соблазвившего Духа она
Принесла свою первую жертву.

Но от жертвы ее не раскрылись цветы,
И не стала пасти мотыльков...
Замутилась от крови струя родника,
И козленок не мог уж в холодной воде
Выпить звезды блестящего неба.
В травах посох покрылся опять чешуей,
Став шипящей змеею, как прежде;
И за темными скалами скрылась луна.
А она, окруженная тьмою,
Над убитым козленком стояла одна
И, рыдая, омытою кровью рукой
К мокрым векам своим прикоснулась...
И пока на челе ее вянул жасмин,
О грехе своем плакала дева...

Երիշե
Չարենի, СТИХИ

ПЕРЕВОД
С АРМЯНСКОГО

Егише Чаренц

ГАЗЕЛЛА МОЕЙ МАТЕРИ

Лицо вспоминаю я, родимая мать моя,
Под сетью светлых морщин, родимая мать моя!

Сидишь перед домом ты; весенний зеленый тут
Бросает тень на тебя, родимая мать моя!

Сидишь ты молча и те печальные помнишь дни;
Они пришли и ушли, родимая мать моя!

Ты помнишь сына, давно ушедшего от тебя,
Куда он ушел тогда, родимая мать моя?

И где он живет теперь, он жив или умер давно?
В какие двери стучит, родимая мать моя?

Когда усталым он был, в любви обманутым, — в чьих
Тогда объятьях рыдал, родимая мать моя?

В раздумье печальном ты; баюкает нежный тут
Твою святую печаль, родимая мать моя!

И слезы горькие, вот, текут одна за другой
На руки, руки твои, родимая мать моя!

1920

В ПОДВАЛЕ ЗИМНЕГО ДВОРЦА

Под этим мрачным сводом, тут,
Когда хрустел мороз,
Всю ночь сам царь — венчанный шут —
Вел праведным допрос.
Он им с улыбкой ледяной
Жал руки в страшный час,
Казалось, счастье волной
Лилось из царских глаз,
И Пестеля просил присесть
С такой улыбкой он,
С какой всегда порочил честь
Чужих красавиц-жен.
Он, ужас сердца затаив,
Смотрел на главаря.
Был и с Рылеевым учтив
Царь, яростью горя.
Как в сказке некий государь,
Великодушен был,
И милость обещал им царь
И душу им открыл.
Нетрудно было злость таить
От жертв своих ему
И их на плаху проводить,
В изгнанье и в тюрьму.

Октябрь 1929. Ленинград

НА РОДИНЕ

Лед вершин и синие озера,
Небеса, как сны души родной,
С чистотой ребяческого взора,
Я — один; но ты была со мной.

Слушал ропот я волны озерной
И глядел в таинственную даль —
Пробуждалась с силой необорной
Вековая звездная печаль.

Звал меня на горные вершины
Кто-то громко на исходе дня,
Но уже спускалась ночь в долины,
К звездной грусти приобщив меня.

1915

Я вижу дали пред лицом твоим
В дней веренице, пламенной и зыбкой...
Вселенная открылась перед ним
И золотится пред твоей улыбкой.

Ведь от тебя, смеющейся, огни —
Для всех на свете радость зарева.
Ты огненные очи оберни —
Там темная страна моя родная.

В развалинах лежит моя страна, —
Зажги ее, повитую туманом.
О Сома, дай, сестра моя, жена,
Багряную улыбку этим ранам...

1918–1920

ЭПИЧЕСКОЕ УТРО

Строго мрак глядит мне в очи,
Скоро радостный восход,
Скоро минет сумрак ночи,
Утро двери распахнет.
Хорошо подняться рано
И глядеть, как над трубой,
Разрывая мглу тумана,
Дым струится голубой.
Знать, что ждет тебя забота,
Путь и тяжек и далек, —
У меня идти охота
По труднейшей из дорог.
И взглянул в глаза мне строго
Юности моей предел!..
Я иду своей дорогой,
Но теперь я бодр и смел.
Пусть порой душа мутнела,
Я борюсь, отбросив страх,
Чтоб мое сияло дело,
Словно солнце в небесах.
Голос многих поколений
Твердо мне велит идти,
И одна из милых теней
Помогает мне в пути.

Расстаюсь я с вами нежно,
Бестолковые мои,
Ночи юности мятежной,
Юности беспечной дни.
И улыбкой встречу мудрой,
А не горьким смехом... нет! —
И эпическое утро.
И последний мой рассвет.

1929

ГИМН ЛЮБВИ, ПОСВЯЩЕННЫЙ
ОТВАЖНЫМ ЮНОШАМ БУДУЩЕГО

I

Когда приходит новая весна
И в жизнь опять вступает поколение, —
Кимвал звучащий — солнце, а страна —
В сердцах отважных юношей цветенье.

Так каждый раз — с улыбкою иной,
Так каждый раз, — но неизменно — милой,
Так каждый раз — с бездонной синевой
И каждый раз — с необоримой силой.

О юноша, приняв его, храни,
Храни тебе дарованное счастье, —
Девичьих глаз любовные огни
Осветят дни тревоги и ненастья.

Как винограда гроздь — ее уста,
Упейся ласками подруги нежной.
Пою любовь твою, она чиста,
Могучей вечности завет безбрежный.

II

Нам свыше предназначена она,
Непрочная весенняя отрада,
И в каждом миге гром и тишина,
Палящий зной и влажная прохлада.

Ты в поле озаренное пойдешь
Срывать цветы победною рукою,
Свой путь с эпохой в дружбе обретешь,
Не ограждаясь от людей стеною.

Не только телом, сердцем и душой —
Будь молод и поступками своими, —
Тогда и время весело с тобой
Пойдет вперед, твое прославив имя.

Твоей весны пусть блещет торжество,
Пусть твой путь уже покрыт цветами,
Ты должен сам озолотить его
Любовью крепкой, светлыми делами.

III

Иди по лугу юности весной,
И пусть весна идет с тобою рядом,
И, наслаждаясь страстью молодой,
Гляди в грядущее бесстрашным взглядом.

Своей любви вкушая первый плод,
Почувствуй сердцем истину простую,
Что для любимой ты теперь — оплот,
Твой долг — беречь подругу дорогую.

Знай! Розы нежные любви твоей
В цветущий луг тогда лишь превратятся,
Когда любовь подруги все сильнеей
Алмазом жизни будет разгораться.

24 февраля 1933

НАШ ЯЗЫК

Дикий наш язык и непокорный,
Мужество и сила дышат в нем,
Он сияет, как маяк нагорный,
Сквозь столетий мглу живым огнем.

С древности глубокой мастерами
Был язык могучий наш граним,
То грубел он горными пластами,
То кристалл не смел сравниться с ним.

Мы затем коверкаем и душим
Тот язык, что чище родников,
Чтобы на сегодняшние души
Не осела ржавчина веков.

Ширятся душевные границы
И не выразят, чем дышит век,
Ни Терьяна звонкие цевницы,
Ни пергаментный Нарек.

Даже сельский говор Туманяна
Нас не может в эти дни увлечь,
Но отыщем поздно или рано
Самую насыщенную речь.

28 января 1933

ГИМН УМЕРШИМ

Мы с горестью великой провожаем
Вас, что ушли из мира навсегда,
С земным простились вы навеки раем
И больше не воротитесь сюда.

Пусть вам грозит за гробом только тленье,
С землею черной пусть сольетесь вы.
Что я сказать посмею в утешенье? —
Что это участь всех людей, увы!

Пускай неотвратимо умиранье,
И никому не избежать конца,
Зато бессмертны те воспоминанья,
Что наполняют горечью сердца.

Над смертным память восстает страданьем,
Из праха, как живой алмаз блестит,
Грядущий день поит благоуханьем
И гимном торжествующим звенит.

Дни станут прахом, все умрут светила
В сияющих и синих небесах,
Истлеет та весна, что нас пленила,
И даже розы превратятся в прах.

О память, ты одна не станешь тленьем,
Как бы лучом бессмертья рождена,
Ты, словно облако над вод кипеньем,
Сиянием своим окружена.

Ты — эхо, что не смолкнет, не растает,
Сверканье дня, что навсегда истек.
В ваш полдень память в небеса взлетает,
Чтоб после оросить иной цветок.

Из крови вашей и из дум высоких
 Пускай ее возникнет аромат,
 Она не ваша, как и эти строки
 Теперь уже не мне принадлежат.

Не так же ли погасшее светило
 Нам щедрый свет неутомимо льет?
 Забвенья ж тем, кого хранит могила,
 И слава тем, кто в памяти живет!

1933

* * *

Певцов полно, да песен тех, чтоб сердце укололи, нет.
 Кругом веселье, но игры желанной средь застолья нет.
 Ищу я шахиншаха сад, мне без него раздолья нет,
 Ищу возлюбленный квартал, да мне счастливой доли нет.

Кому мне песню рассказать? Ни ты не хочешь, ни другой,
 Хотя не отвернулся Бог от каманчи моей живой.
 Никто не внял моей тоске и не услышал ропот мой,
 Омыть бы скорбь росой слез, да той росы на поле нет.

Эх, думаю, оставлю саз, как люди стать давно пора.
 Коль роза я, — так где шипы? Им отрастать давно пора.
 С врагами надо быть врагом, зло не прощать давно пора,
 Чтоб, без меня садясь за стол, сказали: к хлебу соли нет!

Жесток и мелок человек, а мир необозрим, Чаренц,
 Пусть слово человека — яд, для сердца горький дым,
Чаренц,
 Послушай, говорю тебе, не будешь ты любим, Чаренц,
 Пока от сердца твоего ожогов нет и боли нет!

1920—1921

Станислав Балинский

ВАРШАВСКАЯ КОЛЯДКА 1939 ГОДА

Не дай нам, Матерь, Христа рождения
Праздничный час.

И да не видят глаза Спасения,
Как мучат нас.

Пусть Бог родится, о, Пресвятая,
Средь звезд иных —
Не здесь, не в самом печальном крае
Из всех земных.

Здесь в нашем граде, что ты любила
От давних дней, —
Растут кресты лишь, растут могилы
В крови своей.

И под шрапнелью все наши дети,
С свинцом в груди.
Молись, Мария, за муки эти,
Не приходи.

А если хочешь родить среди теней
Варшавских мест,
То сразу сына после рожденья
Пошли на крест.

Эди Огнецвет

УЗБЕКСКОЕ НЕБО

Небосвод, как жизнь, золотой!
Жалко мне расстаться с тобою,
Только птицы летят чередой
И меня зовут за собою.

Я чудесную повесть несу
Для берез и для сосен зеленых.
И, увидев подснежник в лесу,
Я припомню фиалки на склонах.

И, пройдя между тонких берез,
Наклоненных от северной бури,
Забывая про снег и мороз,
О твоей затоскую лазури.

Там тюльпаны, как звезды во мгле.
Не напрасно сказали мне люди:
Кто ходил по узбекской земле,
Тот ее никогда не забудет.

Ты спасла, приютила меня,
Одарила и солнцем и хлебом.
Буду помнить до смертного дня
Золотое восточное небо.

Омар Хайям

Если пьешь ты вино, только с умным дели его, друг.
Иль с красавицей тюльпаноликой, стыдливою, друг.
Много лучше не пей и грехов своих не открывай,
Пей один, пей тайком эту чашу счастливую, друг.

А. Н. РАДИЩЕВ

ИЗБРАННЫЕ
СОЧИНЕНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва
1952

Александр Николаевич Радищев

ПИСЬМА ИЗ ССЫЛКИ
К ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ РОМАНОВИЧУ ВОРОНЦОВУ

<1>

Милостивый государь.

Уже несколько дней, как сердце мое, если можно так выразиться, истерзанное мукой, расширилось и открылось для радости; мой бездейственный разум, кажется, снова может вернуть себе немного силы. Мой добрый друг, моя сестра, 2-го сего месяца прибыла сюда с двумя моими малолетними детьми и в сопровождении моего брата. Значит, было суждено, что стечением обстоятельств, почти неизъяснимых для меня самого, доведенный до края пропасти, что говорю я, до края, поглощенный пучиною тем более ужасною, что она грозила мне угасанием чувства, я оказался внезапно выплывшим из бездны и способным еще приблизиться к кумиру рода человеческого — к счастью, коему всякий придает свою форму, воображением своим либо украшая его цветами, либо окружая его кинжалами или ядом. Способен ли я к счастью? Да, милостивый государь, я способен. С тем меньшим честолюбием, чем с большей жаждой славы, с

душой, доступной волнению лишь при приближении к предметам, чувства не смущающим, неведомый миру, окруженный существами мне дорогими, я могу жить и быть довольным. Да, жить; да, я буду жить, а не прозябать. Перемена столь внезапная в существе моем, новая жизнь, так сказать, возрождение блаженства, — а кому я обязан сим? Единственно вашему сиятельству. Вам захотелось осыпать благодеяниями человека, вся заслуга коего состояла в том, что он стал несчастным из-за легкомыслия, непростительного в его лета. Что же сказать вам? Какой признательности ждете вы? Если нужно лишь любить вас... мало будет и обожать вас. Слезы [проливаемые] перед вашим портретом, который я принял из рук моей доброй подруги... Почувствуйте их, милостивый государь; это все, что вы можете от меня получить.

Последнее письмо, которое я имел честь написать вашему сиятельству, не отправлено, как я узнаю, с оказией, на которую я в нем указывал, но послано с другою, столь же верною. После того, что я узнал от сестры моей, боюсь, что оно пришлось вам не по душе. О, как я хотел бы быть далеким от всего, что могло бы досадить вам! Браните меня, давайте мне иногда, и даже часто, советы друга, отца; ибо я клянусь вашему сиятельству, что нуждаюсь в них более, чем когда бы то ни было. Я осмелился просить у вашего сиятельства «Путешествие Лессепса». Я получил его из Москвы с моими близкими. Я просил, чтобы вы соизволили озаботиться доставлением мне «Физико-экономической библиотеки», которая находится среди моих книг, но узнаю, что они увезены в Москву. Я прошу извинения за лишнее беспокойство, которое я мог причинить вашему сиятельству. Я ограничиваю мою

просьбу двумя альманахами, кои я обыкновенно дарил моим детям к Новому году: один Готский по-французски, другой Геттингенский или Берлинский по-немецки, оба с картинками.

Ваше сиятельство.

После всего, что вы сделали для меня и для моих, вы еще сетуете, что моя свояченица не приняла от вас того, что вы ей предложили перед ее отъездом. Вам кажется, что с ее стороны это ложная скромность. Вы не заставляли меня краснеть, осыпая меня благодеяниями. Но что вы за человек? Вы хотите, чтобы злоупотребляли вашей благосклонностью, или, вернее, вы считаете, что ею невозможно злоупотребить.

За двух моих старших я спокоен и буду спокоен; они будут жить под вашим покровительством. Мне горестно, что я был разлучен с ними, не успев закончить их воспитания. Оно, может статься, и грешило в некоторых отношениях, но лишь через 4 или 5 лет можно будет судить об основах, на коих оно строилось. Небо судило иначе, и, не будучи Панглосом, я скажу, что сие, может быть, и к лучшему; ибо часто бывало замечено, что воспитание самое тщательное производило чудовищ, потому что оно или мало, или вовсе не принимало во внимание обстоятельства иногда неприметные. Так я утешаюсь тем, что в возрасте, когда разум пытается оставить костыли младенчества, они познали горе, урок всегда чудесный, приводящий человека в естественное состояние, который из существа, чрезмерно гордящегося условным величием, делает существо простое, из существа падшего — делает человека.

Я предполагаю в часы досуга сделать нечто для образования моих старших. Но так как я поклялся, или дал слово вашему сиятельству, что равнозначно, ничего не

делать без вашего ведома, они получат сие только из рук ваших, и вы соблаговолите вычеркнуть то, что покажется неуместным.

С тех пор как приехали мои друзья, я стал большим домоседом — и полагаю, что поступаю правильно. Мы не можем двинуться отсюда до весны; мне предлагают даже оставить меня здесь до следующей зимы, но в сем случае я поступлю, как вашему сиятельству будет угодно решить. Хотя я и затянул свое путешествие вследствие утомления и желанья повидать своих, я действительно проболел три недели: катаральная лихорадка и обильное кровотечение из носу. Соблаговолите, милостивый государь, не оставить меня без известий о себе и будьте уверены, что я пребываю до конца дней моих с чувством живейшей признательности и глубочайшего уважения к вам и проч.

Тобольск, 8 марта 1791 года

Брат мой едет сегодня обратно, и сие письмо я отправляю с ним.

<2>

Милостивый государь.

Ожидая весну, чтобы продолжить наше путешествие и прибыть к месту моего назначения, я стараюсь употреблять время несколько иначе, нежели я делал по прибытии моем в сей город. Тягостное состояние, в каком я находился и кое ваше сиятельство могли себе вообразить по письмам моим, не позволило мне заняться каким-либо предметом. Как бы возвращенный самому себе приездом друзей моих, я чувствую, что в самых недрах несчастья возможны мгновения счастливы. Вашему си-

ятельству я обязан сим чувством, и в какую бы сторону я ни обратился, я нахожу себя окруженным вашими благодеяниями.

Утро (и так всякий день) я провожу с детьми моими, послеобеденное время и вечера посвящаю чтению. И да будет известно вашему сиятельству, что здесь я прочел новые книги: «Путешествие Лессеписа», каковое истинно есть произведение человека, путешествующего по курьерски; «Мемуары Вагнера», каковые часто находили подложными; «Сорванные маски» мне представляются написанными не участником событий, как он сам себя называет; мне кажется, что имя и некоторые обстоятельства вымышлены; «Жизнь Верженна» г. Майера, может стать, и правдива, но она была читана Людовиком XVI до напечатания. Она существенно отличается от «Портрета» сего знаменитого человека, который я читал год тому назад. Тетради «Энциклопедического журнала» за 1789 год, кои мне одолжили для чтения, ставят меня в известность о французской литературе. Вместе с сестрой моей я читал Вольтера. «Задиг, или жребий» попался мне под руку. Ах, сказал я, у каждого свой! Затем: «Кандид». Панглос говорил, что мы обитаем в наилучшем из возможных миров. Но сей добрый философ, после повешения своего, был выкуплен из казни. Я задумался о превратностях сего мира. Мужество, терпение!.. Хорош девиз! Я бы желал единственно, чтобы сие доставило мне однажды счастье увидеть того, кому я обязан тем слабым дыханием, коим я жив.

Сестра моя болеет вот уже вторую неделю, и я имел причину по сему случаю возблагодарить ваше сиятельство за лекарства, вами присланные. Сестра моя свидетельствует вам свое почтение; она вспоминает о вас с

радостью и благодарностью. Ах, можно ли без умиления помышлять о том, кто дарит жизнь! Ежели чувство наше пробуждает в нас понятие о существе, нас создавшем, и повелевает его благословлять, то не точно так же ли, пробуждая нашу благодарность, оно должно повелевать нам благословлять и того, кто дает нам пережить мгновение счастья. С такими чувствами я имею честь и проч.

Тобольск, 5 апреля 1791 года

<3>

Милостивый государь.

Наконец, после многих проволочек, после принимавшихся тщетно решений выехать, мы, наконец, совершенно готовы и завтра поднимаем парус. Я не стану подробно описывать вашему сиятельству малозначащие причины, из-за которых мы отправляемся в путь на три недели позднее, нежели я сообщал вашему сиятельству в моем последнем письме. Они ничтожны, но мы все же не выехали. Мое пребывание в сем городе было менее приятным, чем это могло казаться. С тех пор как я здесь, я перенес различные приступы болезни, равным образом и сестра моя; дети тоже не составили исключения. Многие из моих слуг также были больны. Итак, с тех пор как я здесь, в доме моем все время были больные. Сие меня несколько не удивляет. Перемена климата, кушанья, питья, образа жизни, образа существования, если так можно выразиться, и, в особенности, горечь способны не только подорвать железный организм, но и полностью изменить его. Я удивляюсь, как мое хилое существо могло не поддаться многократным приступам, которым оно подверглось. Чрезмерность страдания, несом-

ненно, была для него лекарством. Именно, когда я чувствовал всю остроту скорби, когда надежда хотела меня покинуть и отчаяние, облик коего гнусен, но постоянен и неизменен, присоединяло свои мрачные рассуждения к решениям колеблющегося духа, — тогда душа укреплялась и в мыслях воцарялось спокойствие. Какое чувство владело мною тогда? Или это было совершенное отсутствие чувствительности? Я лишь могу сказать, что мое состояние было ужасно. Но почто мне воспроизводить сии страшные мгновения. Благодаря великодушным заботам вашего сиятельства судьба моя смягчилась, и желание увидеть детей моих заставит меня жить.

После весьма жаркой погоды дождь идет уже четыре недели. Воздух сим весьма освежен, и в ночь на 13-е был заморозок. Северный ветер, который дул непрерывно более четырех недель, тому несомненная причина. Тем не менее, несмотря на холод, обычная язва продолжает поражать людей и животных, и для сих последних она почти всегда смертельна. Сия болезнь, причина коей неизвестна, несмотря на догадки, приписывающие ее укусу насекомого, которого никто не поймал на месте преступления, проявляется опухолью или затвердением, которое образуется в ту самую минуту, когда чувствуется приступ. Если не потереть это место тотчас же аммиачной солью, разведенной в спирте, или не приложить к нему жеваного табаку, болезнь становится опасной, а выздоровление затруднительным. Опухоль увеличивается и не проходит, пульс лихорадочен, под конец воспаление овладевает всем телом, и больной умирает.

Болезнь, которая здесь уже больше месяца наносит великий вред, это корь. Сотни детей погибли от нее, а здешние эскулапы еще считают, что она не опасна. Если

прививкой оспы закрывают могилу, где были бы погребены преждевременной смертью столько людей, почему корь, болезнь тоже повальная и весьма опасная, не предупреждается тем же способом. Ах, неужели всегда нужны века, чтобы научить человека быть мудрым! Человек воистину дитя, играющее в жмурки, у которого глаза связаны предрассуждением и пр. Он кружится вокруг того, что хочет поймать, и не овладевает им.

Соблаговолите, милостивый государь, не забывать того, кто всегда стремится быть достойным милостей вашего сиятельства, кто всегда с умилением вспоминает, что он обязан вам счастливыми мгновениями, которыми он может наслаждаться, и который не перестанет всю свою жизнь быть с самым глубоким уважением и совершеннейшей преданностью и проч.

Тобольск, 16 июня 1791 г.

<4>

Милостивый государь.

Когда сие письмо отправится из Тобольска, я буду уже на пути в Иркутск. Я откровенно признаюсь вам, что не могу оборониться от чувства печали, когда думаю о пустыне, в которую обречен зарыться. Причины, рождающие сие чувство, слишком сложны, и я наскучил бы вашему сиятельству, если бы стал их разбирать. Но почему бы мне не вообразить себя путешественником, который, угождая зараз двум любимым страстям, любознательности и честолюбию, входит твердым шагом на неизведанные тропы, углубляется в непроницаемые леса, пересекает пропасти, всходит на ледники и, достигнув предела своих предприятий, созерцает довольным оком свои труды и усталости. Почему же не могу я признать-

ся в таком чувствовании? Так как я попал в категорию, которую Стерн называет «путешественниками поневоле», полезность не составляет цели моего путешествия, и мысль сия убивает те побуждения, которые любознательность могла бы пробудить во мне. Но, избегая быть докучливым, я могу докучить вашему сиятельству; итак, я прерываю мои жалобы.

Что за богатый край сия Сибирь, что за мощный край! Потребны еще века, но когда она будет заселена, она предназначена играть большую роль в анналах мира. Когда высшая сила, когда необоримая причина внушит благодетельную деятельность сонным народам сих стран, увидят потомков товарищей Ермака, которые будут искать и открывать проход в считающихся непроходимыми льдах Северного океана и, ставя таким образом Сибирь в непосредственное общение с Европой, извлекут огромное сельское хозяйство сей страны из состояния прозябания, в котором оно находится; ибо, по сведениям, полученным мною об устье Оби, о заливе, который русские называют Карским морем, и о проливе Вайгач, в этой местности легче открыть дорогу короткую и свободную ото льдов. Если бы мне пришлось влачить существование в сей губернии, я бы с охотою предложил себя для нахождения этого прохода, несмотря на опасности, обычные в сего рода предприятиях.

Если представится оказия написать вашему сиятельству до моего прибытия в Иркутск, сие будет обязанностью, которую не премину исполнить, удовлетворяя этим ваши приказания и чувство, дорогое моему сердцу, — приносить каждое мгновение благодарность тому, кто всегда помнит, что некогда я был кем-то. Соболагодите продолжать ваши благодеяния и будьте уверены, что я

всю жизнь пребуду с глубочайшим почтением и преданностью самой непоколебимой и проч.

24 июня 1791. Тобольск

[Приписка Е.В. Рубановской]

Позвольте мне, милостивый государь, присоединить к сему искренние пожелания, которые я не перестаю возносить для продления дней ваших, и будьте уверены в глубочайшем уважении и непоколебимой преданности, кои окончатся лишь с жизнью той, которая имеет честь быть вашего сиятельства нижайшей и покорнейшей слугой.

Елизавета Рубановская

<5>

После пути весьма утомительного по причине непрерывных дождей я доехал до Томска в три недели и один день. Большая часть наших повозок сломалась, что задержит нас здесь на несколько дней; надо запастись колесами, ибо, как мне сказывали, отсюда до Иркутска по меньшей мере 500 верст дороги, не поддающейся описанию.

Хотя вся страна от Иртыша до Оби плоская, тем не менее она представляет большое разнообразие местности. Я не в состоянии подробно описать вашему сиятельству различные чувства, коими была объята душа моя во время проезда по сему краю. Возвышенные берега Иртыша являют изумительные виды: огромные луга пересечены озерами различных очертаний. По правильности рисунка можно сказать, что то человек с компасом в руке калечит природу, когда ему приходит в голову подражать ей. Но огромность плана тотчас же уничтожает сию мысль. Берега Иртыша довольно населены, так же как и

берега прочих сибирских рек; населены надо понимать по-сибирски: кроме берегов реки, населенных добровольными поселщиками, и большой дороги, пересекающей страну и принудительно заселенной, — все пусто. Часто проходишь по лесам, куда не проникала разрушающая рука человека. Но почему же душа наша печаливается, видя страну, избежавшую опустошения, произведенного человеком! Человек такой друг человеку, что для того, чтобы жить с себе подобными, он скорее согласится на беспокойную жизнь разбойника, чем на глубоко спокойную жизнь пустытника.

Земледелие сей страны обширно, но не скажу, чтобы оно находилось в цветущем состоянии. Кроме годов неурожая, земля родит хорошо, но почва довольно неблагодарна. Удобрения мало известны, а поля имеют в них большую нужду. Здесь из-за обширности земель обходятся без улучшений и всегда обрабатывают лишь целину. Пастбища, особенно известные в округе под названием Бараба, огромны, но обитатели сего края никогда не будут в состоянии развести большое количество скота. Болезнь, которая возникает обыкновенно каждое лето, постоянно будет препятствовать размножению животных. Это род заразы, известный здесь под именем сибирской язвы. Она равным образом поражает людей и животных. Если можно верить жителям, то и птицы не составляют исключения. Нынешний год она была жесточайшей. Люди могут предохранить себя от нее довольно просто. Табак, аммониева соль, камфара, настоящая на спирте, вот верные лекарства в начале болезни. Она проявляется обыкновенно затвердением, которое образуется под кожей. Это род мозолистого тела, нечувствительного при разрезе; вскорости в нем начинается гангрена,

которая передается всей массе крови. Тогда всякая помощь бесполезна, и животное умирает.

Во многих местностях крестьянин живет в довольстве; старожилы часто богаты хлебом и скотом, но им недостает денег из-за отсутствия сбыта; посельщики по большей части бедны. Подушная подать, которая в России почти повсеместно есть земельный налог, здесь поистине личный налог. Чтобы заставить платить облагаемых, за коими числятся недоимки, их отдают на работу на винные заводы.

За Обью местность меняется, и картина для путешественника становится более однообразной, так как кругозор сужен лесами, по которым почти все время проезжаешь. Жителям Томской округи, по-видимому, живется привольнее, чем многим другим. У них есть сбыт их добычи с Кольванских рудников. Близость сей округи к губернии того же названия показывает, что она должна быть приписана скорее к оной, нежели к Тобольской губернии; сие непременно должно быть сделано, ввиду близкого расположения и связей, существующих между двумя округами.

Я кончаю, опасаясь злоупотребить терпением вашего сиятельства, но я не боюсь просить вас продолжать мне ваши милости и помнить о том, кто есть и всегда будет с глубочайшим уважением и самой неизменной преданностью и проч.

Томск, 23 августа 1791 года

[Приписка Е.В. Рубановской]

Я присоединяюсь к моему другу, чтобы просить ваше сиятельство сохранить память обо мне и принять пожелания, воссылаемые за вас, равно как и уважение и по-

читание, кои я к вам питаю, и кои кончатся лишь с жизнью той, кто имеет честь быть и проч.

[Приписка Радищева по-русски]

Я осмеливаюсь здесь приложить письмо к детям и брату для вернейшего к ним доставления, прося ваше сиятельство оное переслать.

<6>

Нигде толико не находил я, с тех пор, как оставил Петербург, как здесь, в Иркутске, от начальников милости, снисхождения, от всех благоприятства и ласки. Наипаче других отлично пользовался я дружелюбием и одолжениями господина надворного советника Ивана Лукьяновича Долгополова, который, надеюсь, податель будет сего письма. Я не могу довольно описать, сколько имел я в разных здесь случаях пособий от него и наставлений, я нашел в нем столь много человеколюбия и одолжению охотливости, что иначе не могу оное приписать, как к доброте его качеств. Я осмеливаюсь препоручить его в милости вашего сиятельства и просить о неоставлении его в случае его нужд. Ко многим причинам моего милостей ваших признания присовокупите и благосклонное приятие Ивана Лукьяновича.

<7>

Милостивый государь.

Тщетно пытаюсь я создавать постоянные иллюзии касательно положения моего; иногда наступают мгновения, когда воображению бывает слишком трудно возбудить себя, чтобы преодолеть, с помощью единственно возможного, слишком прискорбную действительность. Одно отдаление, — и вы легко согласитесь с этим, — имеет

право, и весьма основательное, сбить с толку голову, даже самую разумную. Я только что получил письмо вашего сиятельства; несмотря на весь драгоценный бальзам утешения, который ваши письма проливают в мою душу, когда я соображаю, что это последнее письмо лишь ответ на одно из моих писем из Томска и что при самой большой поспешности потребны три месяца, чтобы получить ответ, когда я просчитываю расстояние от Иркутска до Илимска и думаю, что между ними двумя городами нет постоянной почты, — признаюсь вам, что от сей мысли я прихожу в ужас. В каком только положении не может оказаться человек! А если несчастье ополчается на него... Падая, изнемогая под непосильным грузом, несчастный будет тщетно простирать руки к человеку, который мог бы прийти к нему на помощь. Бранные останки скорее станут добычею червей, чем голос его будет услышан. Простите мои жалобы: ведь я в 6000 верстах от вас. Санний путь уже установился, и мы непременно выедем недели через две. Так как Ангара покрывается льдом лишь в начале января и так как дорога становится проезжей лишь в конце того же месяца, нам придется, чтоб теперь отправиться в Илимск, ехать по большой Якутской дороге, а вдоль Лены — более 500 верст. Это большой крюк, но ничего другого сделать нельзя. Следуя по этой дороге, нам придется проехать, примерно, 900 верст до Илимска, меж тем как по Ангаре там всего 560 верст.

Я познакомился здесь с г. Шелеховым, который только что вернулся из Охотска, куда он отправляется каждую весну, чтобы встречать свои корабли, прибывающие из Америки. Ваше сиятельство знаете его и читали описание его путешествия, которое только что напе-

чатано в Москве, но так, что он недоволен. В компании с полковником Бентамом он построил и оснастил корабль для торговли с Америкой, но сей корабль недавно потерпел крушение, и Шелехов выплачивает содержание капитану, англичанину родом.

Здесь ожидают со дня на день и с величайшим нетерпением ответа китайцев по поводу открытия торговли в Кяхте; мое же нетерпение, поелику человек есмь, простирается лишь на почтовые дни, нисколько не смущая меня новостями, которые принесут мне оные, ибо хороши ли известия или худы, но письмо от вас и ответ, который писать надобно, всегда для меня суть праздники; и не есть ли наслаждение истинное для сердца чувствительного и несчастного слышать, как говорят ему: ты для меня тот же, что был прежде; не радость ли сказать утешителю своему: ты тот, кем я еще жив!

14 ноября 1791

<8>

Милостивый государь.

Курьер еще не выехал, и сие оставляет мне достаточно времени, чтобы написать еще несколько строк вашему сиятельству, только бы они вам не наскучили.

Один из важных вопросов государственного устройства в любой стране (мне не надобно давать тому доказательств, ваше сиятельство знаете сие лучше, чем я сам) есть образование, как казенное, так и частное. Я не буду говорить об образовании во всей губернии (я не достаточно знаком с ним), ни об образовании сельских жителей (оно довольно известно), но об образовании, кое получает юношество в Тобольске. Средства к тому довольно разнообразны, и с некоторыми поправками, ко-

торые умные начальники могли бы привнести, средства сии оказались бы более чем достаточны. Здесь есть казенное училище, и, к моему величайшему изумлению, я нашел в нем учителей, довольно хорошо образованных для сих мест; в особенности одного молодого человека, который мог бы сделать большие успехи, если бы нашелся кто-нибудь, кто бы руководил им, и если бы он имел возможность просветить свой ум чтением. То и другое у него могло бы быть, но их у него нет в силу совершенно особенных обстоятельств. Здесь есть семинария, где преподают то же, что и в училищах. Мне неведомо, знают ли ученики оной латынь, но я прекрасно знаю, что они распевают латинские канты. Из сих учеников выходят священники и дьяконы. Сверх того, существует и гарнизонная школа, где, как и в прочих местах, обучают чтению, письму и арифметике. Сии школьники становятся солдатами и обыкновенно делаются ротными старшинами, сержантами, служба, которая требует знания цифири, умения читать и писать. Кроме того, некоторые несчастные личности исполняют должность губернеров у частных лиц.

Казенные училища поставлены на обычную ногу, как вашему сиятельству сие известно, и управляются соответственно общим началам; но им не хватает хорошего руководителя. Однако еще далеко до того, чтобы здешние купцы убедились в полезности сих школ. Еще очень многие полагают, что сие противоречит церковным правилам, ежели дети их учатся читать по чему-либо, кроме часовника. Потому сии школы имеют малое количество учеников для населения в 10—12 тысяч человек. Гарнизонные школы поставляют в лучшем случае цифиркиных, а семинарии часто — кутейкиных. Если бы сии три шко-

лы объединить и если бы для того, чтобы обучать священников, брали граждан всех сословий (почему же сын солдата не может стать священником, когда сын священника становится солдатом?), у нас были бы часто порядочные священники. Но разделение на сословия часто по действию своему напоминает монополии. Касты индусов являют у одного и того же народа и гнусное невежество и занятия спекулятивной философией.

Люди, претендующие на знание человеческого сердца, люди, которых можно назвать путешественниками в стране чудес, говорят нам, что, чем больше человек имеет, тем больше он хочет иметь. Скупец, сидящий на груде мешков, наполненных дукатами, хочет, хотя бы для того только, чтоб наслаждаться сим соседством, видеть еще один мешок перед глазами своими. Честолюбец, какой-нибудь Александр, останавливается, лишь дойдя до пес *plus ultra**. Считают даже, что иначе и быть не может, ибо желание лежит в существе человека, и человек без желаний был бы лишь автоматом, как говорит (если не ошибаюсь) проклятой памяти Гельвеций. Человек есмь — и мне кажется, что и я слепо подчиняюсь общему правилу. Чем больше ваше сиятельство присылает мне книг, тем более я становлюсь бесстыден в просьбах прислать еще, и, подвергаясь опасности показаться таковым, я сейчас прошу вас прислать мне одну книгу. То «Жизнь Базедова», которая только что появилась в Гамбурге по-немецки.

Ежели жизнь безвестного частного лица, человека без имени, может, будучи изрядно написана, найти читателей, если Грослей умеет показаться занимательным, говоря об отце в семь футов и о других пустяках, то сколь

* до предела, до высшей степени (лат.).

больше должна занимать нас жизнь человека, жизнь и творения которого оказали влияние на свой век. Если Европа обязана Руссо преобразованием общих правил воспитания, то несомненно Базедову обязана теми легкими и упрощенными способами обучения даже детей тому, к чему в начале века осмеливались приближаться лишь в двадцать лет. Сие не значит, что я одобряю огульно все новейшие выдумки для облегчения учения детей. Время покажет превосходство или нелепость способа Базедова; но, на мой взгляд, всякий человек, который действует на состояние умов, должен быть известен. В баснословные времена из него бы сделали Бога, греки воздвигли бы ему храм, в наше время (за исключением французских безумств), если он претендует на бессмертие, — ему окажут милость слепить его бюст, который поместят в будуаре или в кабинете редкостей. Но я уже чувствую, что претупаю пределы, положенные для письма, и что могу стать скучным, я, который должен был бы говорить только о ваших милостях и о моей признательности, — сие может ли стать скучным для возвышенной души? Но каково бы ни было выражение, которое родится на острие моего пера, верьте, ах, верьте, что сердце мое чувствует и ему дано чувствовать все, что может тронуть душу. Ежели я еще могу гордиться несколькими счастливыми мгновениями, вам я обязан сим. Я прижимаю детей моих к сердцу... Ах, вы понимаете сие: то дело рук ваших. Моя сестра и дети свидетельствуют уважение вашему сиятельству.

26 ноября 1791 года. Иркутск

P.S. Два предыдущих листа были готовы к почтовому дню, который был 26 сентября. Но как г-н гене-

рал-губернатор не писал в сей день вашему сиятельству, то и письма не принял, сказав, что сам скоро отправит курьера в Петербург. Сегодня 4-е декабря — почтовый день, но он не принял письма по той же причине. Дабы письмо мое не устарело в моем портфеле, я пользуюсь отъездом здешнего вице-губернатора, чтобы доставить письмо вашему сиятельству. Я огорчен, что он уезжает отсюда навсегда, как я полагаю. То человек, коего я знавал еще в Петербурге, а здесь он был моим единственным знакомым. Вторым был г-н Дитмар, который умер до моего прибытия. Мне указали, что я не могу долго оставаться в сем городе, и как мое письмо отправится 6-го, я полагаю, что мы тронемся в путь 7-го или 8-го сего месяца. Ежели курьер на днях не выедет, то сие, вероятно, последнее письмо, кое я имею честь писать вашему сиятельству отсюда.

В каком бы месте я ни жил, я надеюсь на милости вашего сиятельства; но если когда-либо я особенно нуждаюсь в вашей рекомендации и в вашем покровительстве, то именно теперь; ибо когда живешь в уединенном месте, чего только не может приключиться?

Правы были те, что говорили, будто здешние люди или некоторые из них хуже всего, что можно себе представить, и именно сие обстоятельство заставляет меня ускорить мой отъезд.

Меня уверяют, что некто хочет донести в сенат, будто обхождение со мною здесь лучше, чем должно быть. Ежели бы видели, что иногда выносит мое сердце, даже враг не захотел бы мне вредить. Я полагаюсь во всем на провидение и... на ваши милости.

(4 декабря 1791)

<9>

Милостивый мой государь,
граф Александр Романович.

Послезавтра мы отсюда отправимся в Илимск. Я очень рад, что с этой стороны исполняется желание вашего сиятельства, чтобы мне долго здесь не заживаться; но, с другой стороны, беспокоит и то, что, будучи на месте, я реже буду иметь известие; да еще повторю и то, что я писал к вашему сиятельству в последнем моем письме, что если когда-либо вы благое ко мне имели расположение, если вы имели желание когда-либо мне благодетельствовать, то никогда столько не имел я в том нужды, как ныне, как отправляясь в назначенное мне место для пребывания*.

Ваши милости, ваши рекомендации, одна лишь память ваша обо мне или малейший признак забвения заставят подняться или опуститься термометр (простите мне сей необычный способ выразиться!) моего положения. Откажете ли вы сказать слово, когда узнаете, сколь нужно оно для моего спокойствия. Нет, ваше чувствительное сердце не откажется от сего; я имел уже тому доказательства.

Я должен еще принести свои извинения вашему сиятельству за переменчивость моего душевного состояния, которую вы могли порою заметить в моих письмах; в минуты, когда душа недовольна собою, когда она хотела бы, так сказать, бежать от самой себя, простите изъясление опрометчивое: оно не идет от сердца.

* Ахматова переводила французский текст от слов «Ваши милости...» до слов «оно не идет от сердца...». Начало и конец письма по-русски.

Признаюсь вашему сиятельству, что я имею некое отвращение подумать о моем в Илимске пребывании. Я стараюсь себя уверить, что все равно, что жить там или жить в деревне; чувствование сильнее мысли, и я тревожусь. Но мне кажется, что к сему привыкнуть могу. По счастью моему, я не один, и упражнение разгоняет черноту мыслей. От китайцев нет еще ответа, и все сроки прошли, в которые оный ждали. Желательно, чтобы они согласились на открытие торга; если медленность их происходит не от упорства, то подождать не беда, долго ждали, небольшое разности не делает; но если противное, то ладить с ними, видно, мудрено.

Прощайте, милостивый государь. В уединении, в пустыне живущему сохраните ваши милости к тому, кто есть всегда с истинным чувствованием и нелицемерным и глубочайшим почтением вашего сиятельства милостивого государя моего покорнейший слуга

Александр Радищев.

Иркутск. Декабря 10 дня 1791 года

<10>

Небольшая простуда, приключившаяся детям моим, была причиною, что я здесь промедлил до сего дня, но завтрашнее утро настав, Иркутск меня уже больше не увидит, и письмо сие отправится после моего отъезда. Я не могу довольно возблагодарить вашего сиятельства за все благоприятства, которые мне здесь оказывали, а потому уверен, что на месте моего пребывания буду жить без обид и в спокойствии. Продолжение ваших милостей оное усугубит, и если в моем положении можно жить довольну, я должен быть доволен; не знаю, буду ли.

В дороге я пробуду, думаю, недели две, и желательно, чтобы нас повезли дальнею дорогою, ибо она несравненно

лучше и доставит мне случай видеть одну из величайших сибирских рек, Лену. Когда же оттуда мне писать можно будет, не знаю; а имею уверенность, что можно будет иметь мне известие и писать самому по крайней мере один раз в месяц, а может быть, и два, пользуясь якутскою почтою, которая отсюда отходит два раза в месяц; а Илимск от Якутской дороги в 150 верстах расстоянием. Прощайте, милостивый государь; я иду велеть укладывать повозки.

Сестра моя и дети свидетельствуют вашему сиятельству низжайшее почтение.

Я прилагаю при сем два письма — одно для детей моих, другое для г-жи Ржевской, в которое вложено еще одно письмо для моей тещи и свояченицы, от коих мы вовсе не имеем вестей. Умоляю ваше сиятельство переслать сии письма по их назначению*.

19 декабря (1791 г.)

<11>

Милостивый государь.

Сегодня месяц, как мы выехали из Иркутска, и с той поры мы не получали никаких известий из России; ежели присоединить к тому две недели до нашего отъезда, когда мы также ничего не получали, сие составит, примерно, семь недель. Нет писем от вашего сиятельства, нет писем от детей моих, нет писем от отца... Согласитесь, что такое положение весьма мучительно для того, кто еще чувствует некоторую привязанность к жизни. Сестра моя также не получала вестей ни от матери, ни от сестры, ни от брата. Г-жа Ржевская не писала ей

* Ахматовой переведен только последний абзац, написанный по-французски. (Ред.)

более двух с половиной месяцев. Неужели мы совсем забыты? Нет, я не могу сему поверить. Нет, это отдаленные места, это люди и... почему я знаю, что еще. Подобно тому как в мире физическом чем более движение отдаляется от центра, где пребывает его начало, тем более оно ослабевает, так же чем более люди отдалаются от столицы, тем менее они чувствуют силу, которая ими движет. В некоторых случаях они теряют даже чувствительность. Я никак не должен жаловаться на свое положение, я сам навлек его на себя, и никто не слышит моих сетований. Моя скорбь, заключенная в душе моей, сосредоточенная сама в себе, издает лишь глухой отзвук, только изредка отдающийся вовне, происходящий часто от избытка мучительных чувствований (вы порою бываете свидетелем того) и всегда вопреки моей воле. Ваше сиятельство извинит меня; ваше сочувствие часто приносит мне целебное лекарство.

Сначала мое пребывание здесь было весьма тягостным. Моя сестра уже две недели как болеет и лежит в постели. Дети тоже по очереди болели, хотя и не опасно, а как у меня голова всегда была слабая, я каждый день угораю. Наше жилище тому способствует, а еще более стужа. С новолуния стоят морозы 31 и 31½ градуса; за всю неделю только один раз было 23 градуса. Мы обитаем в лучшем из возможных миров, говорил мне вчера вечером Панглос, с которым я беседовал. Панглос, зачем не имею я твоей философии! Тебя вешают, а ты говоришь, что сие к лучшему. Но ежели я могу найти основание для моего приговора, такового не нахожу для отсутствия известий. Итак, я возобновляю мою мольбу к вашему сиятельству в том же виде, как в последнем письме из Иркутска. Ах, простите, милостивый государь, про-

стите мою назойливость; ежели возможно не поддаваться скорби, то стесненные обстоятельства всегда расстраивают расположение духа. К кому обратиться, ежели не к тому, кто чувствует, сколь легко усилить скорбь страждущей души, к тому, кто приносит ей облегчение, — к вам?

Имею честь пребывать с глубочайшим уважением, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейший слуга

А. Радищев.

(Илимск, 20 января 1792 г.)

<12>

Милостивый государь.

Как изменилось состояние мое душевное с тех пор, как я отправил последнее мое письмо вашему сиятельству! Унылый и почти больной, я питался только моею скорбью, и душа моя не могла изливаться иначе, как в жалобах. Итак, с присущей вам добротой вы отнесете сии нарекания к роду преходящего сплина. Третьего дни ожидание мое было отменно вознаграждено. Два письма от вашего сиятельства, да и третье, писанное ранее других, кои все уже получены мною; сего последнего подателем, видимо, был г-н Лаксман, ибо при моем отъезде из Иркутска он туда еще не прибыл. И несколько писем от детей моих. Наконец, не могу достаточно нахвалиться милостями, кои благодаря вам, ваше сиятельство, оказывает мне г-н генерал-губернатор. Вот я снова ожил, и силы души моей окрепли, насколько сие возможно. Все скорби пошли ко дну, и вот я, слава Богу, вновь немного возвеселился сердцем, стал спокойнее, и голова

моя снова на месте. Как же мне возблагодарить вас, ваше сиятельство, за все посылки, что мною получены! Вы не только питаете и одеваете меня, не только книгами стремитесь дать мне приятное препровождение времени, но вы освобождаете мое положение от всего, что в нем есть ужасного. Вы выслушиваете мои жалобы с добротой, вы сожалеете обо мне, вы утешаете меня. Да, я могу сказать: ежели природа моего несчастья была такова, что могла ожесточить чувствительную душу, то лишь ваше благоволение и ваше неиссякаемое сочувствие могли вернуть человека почти обезумевшего к его прежнему облику и возвратить его детям и близким; ныне же могу повторить еще раз: уверяю вас, ваше сиятельство, что жизнь моя вполне сносна. Чем же возблагодарить вас за столь многие благодеяния? Печально мне, что высоты их душа моя в своей благодарности достичь не может.

Как вы, ваше сиятельство, благоволите снисходить до мелочей касательно того, чтоб обути меня и одеть, то я, не страшась докучить вам, представляю вашему сиятельству те мелочи, кои относятся до моего пребывания в Илимске. В Петербурге жил я с малой бережливостью и делал многие долги, а теперь, поверите ли, ваше сиятельство, я занят мыслью скопить деньги, хотя сие мне не легко дается; ибо мне сдается, что ремесло скупца никогда не станет моим ремеслом; тем не менее из всех денег, что я получил от вашего сиятельства, и из того немногого, что привнесла сестра моя, мы уже отложили 1500 рублей.

Генерал-губернатор соблаговолил иметь попечение о сей сумме, передал оную в руки одного купца, который, обязуясь выплачивать проценты до возобновления

Кяхтинского торго, согласился поделиться со мною всею прибылью, которую сия сумма может принести ему от торговых сделок с китайцами. Принудило меня к сему шагу то, что много было говорено в Иркутске, будто проживание здесь дороже иркутского. Я, следственно, хотел иметь надбавку к моему приходу, дабы предупредить все потребные расходы по дому. То, что нам сказывали о высоких ценах на провизию и о нехватке множества вещей и предметов домашней утвари первой необходимости, заставило нас произвести большие закупки в Иркутске, и мы теперь обеспечены всем нужным более, чем на полгода. Прибыв ныне на место, вижу, что все сказанное было весьма преувеличено. С точностью можно сказать, что ржаная мука в Иркутске дешевле, нежели здесь; правда и то, что Илимск и места окрест его не производят ничего, ну, равным счетом ничего; но за сто верст отсюда и далее край становится весьма обильным, а Илимск расположен на середине пути, соединяющего две реки, Ангару и Лену, причем плодоносные берега первой питают бесплодность другой. Здесь существует даже склад, и все малые поселения вверх по Илимю снабжаются тут с большим для себя убытком, ибо часто покупают ржаной хлеб по цене 50 и 60 копеек за пуд. Несомненно, что все припасы здесь гораздо дороже, чем, к примеру, в Тобольске, но только ржаной хлеб здесь дороже, чем в Иркутске; все прочее здесь дешевле. Например в нынешнем году, а нынешний год урожайный, ржаной хлеб в Иркутске стоит 20 копеек пуд, а здесь — 30 копеек; пшеница от 55 до 70 коп., а здесь 35 и 40; говядина в Иркутске 80, а здесь 70 копеек за пуд; масло здесь, однако, несколько дороже: в Иркутске 3 р. 50 коп., а здесь я покупал по 3 р. 75 коп. Рыба же здесь дешевле,

а именно стерляди и осетры; ее продают по 1 р. 25 коп. за пуд; но простой народ питается омулями, родом сельдя, что привозится с Селенги. Верно также и то, что здесь мало мастеровых. Видно, они были в те времена, когда Илимск был городом, да еще главным городом сих мест. Нет здесь ни сапожников, ни портных, ни свечных мастеров, ни слесарей. Но не так ли обстоит дело и во многих городах России, где делают запасы провизии один раз в год и живут в довольстве. То же можно сказать и об Илимске. Надобно уметь запасаться провизией вовремя и в подходящих местах; многое, что покупают в городе, в деревне можно делать самим, да и с большей выгодой: свечи, например, дробь и проч.; чтобы понять сие должным образом, я опять прибегаю к милости вашего сиятельства, хотя бы это и почиталось бесстыдством. В рассуждении ремесел я весьма несведущ, но если ваше сиятельство пожелаете помочь мне, прислав некоторые книги по сему предмету, я как-нибудь справлюсь. Великую пользу принесут мне: русская книга, о которой мне ведомо только по слухам, «Открытие художеств», немецкая книга «Природная магия» Галена, затем «Химический словарь» Макэра и еще какая-либо книга по экономическому вопросу на французском языке.

Ежели Кяхтинский торг возобновится, как все к тому клонится, дешевизна на многое еще более увеличится, и все иностранные товары упадут в цене. Сие меня более не беспокоит, ибо запасы у меня сделаны на год. Как здесь мало равнинных мест, сено здесь если и не дорого, то по меньшей мере редкость. Всякий запасает для себя в малом количестве и не думает уступать, сие меня толкает к мысли взять в аренду небольшой лужок, отстоящий отсюда не менее чем на 25, 30, 40 и даже

50 верст. Ежели жестокий жребий рассудит, что пребывание мое здесь окажется более продолжительным, чем я смею думать, я бы поднял целину на участке десятин в десять, чтобы иметь попеременно и луг и поле и чтоб быть в состоянии прокормить лошадей и рогатый скот. На сей день у меня в хлеву четыре скотины: корова, питающая нас молоком, ее теленок, баран, которого мы откармливаем, и самка оленя, подарок одного тунгуса.

Что до моих занятий, они весьма ограничены и однообразны. Утро я провожу с детьми, после полудня совершаю самую небольшую прогулку, а в остальное время читаю. Сие последнее есть мое лучшее занятие, и благодаря вашим щедротам источник оно не иссякает. Призывая меня к терпению и к смирению, вы, ваше сиятельство, в вашем последнем письме призываете меня также к раскаянию в содеянном, добавляя, что раскаяние искреннее и чистосердечное могло бы способствовать смягчению моего нынешнего положения. Ах, чего бы я ни сделал, лишь бы быть ближе к детям! Но каковым же должно быть сие искреннее раскаяние? Не было ли оно изъявлено весьма ясно и весьма сильно с первого же мгновения, когда я был лишен общения с моими близкими? А ныне, в сем тяжком отдалении, кто же будет свидетелем моей душевной скорби; надобны ли клятвы, что я предпочел бы лишиться руки, ноги, но не совершать того, что было совершено мною; надобны ли еще новые унижения? Ежели те оковы не ранили души, не запятали сердца, неужто сего было мало для толпы; надобны ли поручители, что я не вовлекусь вновь в старый грех? Вот четверо детей моих, пока они еще в младенческом возрасте, и вот слово моей чести. Поверьте, что оно сильнее, чем все узы и оковы! Неволя ожесточает нас, а добро-

желательство смягчает душу, и ежели надобны примеры, то дети исправляются гораздо лучше мягким обращением, а не побоями. Простите меня, ах, простите! Вы, неизменный поверенный моего страдания, неужто вы можете сомневаться в том, что я не раскаиваюсь? Я беру в свидетели всех, кому был поручен надзор за мною в тех местах, где я останавливался. Что же можно поставить мне в вину? Даже в Тобольске, где вы, ваше сиятельство, полагали, что оставаться мне неловко, даже там люди могут припомнить о днях моих, проведенных в горести.

Кончаю, чтобы не наскучить. Если жребию будет угодно осушить источник моих слез, сие будет только новым поводом к моей признательности. Если же несчастья мои должны окончиться лишь с жизнью моею, только тогда наступит предел, после которого я уже не буду чувствовать ваших милостей; если же даже вы забудете обо мне — я буду продолжать почитать вас в моем сердце до его последнего биения.

Илимск, 6 февраля 1792 года

P.S. Снова берусь за перо, чтобы испросить у вашего сиятельства прощения за официальное письмо, которое я имел честь написать вам отсюда, хотя помечено оно Иркутском. Способ, с помощью коего письмо это будет подано вашему сиятельству, может служить извинением поводу, по которому я такое написал.

Моя сестра, весьма еще слабая, прочитала мое письмо к вашему сиятельству и бранит меня за то, что я не упомянул о ней. Ее чувства к вам те же, что и мои, хотя изъявление их может быть и иное. Она поручила мне благодарить ваше сиятельство за вести, которые вы со-

благоволили сообщить ей о г-же Ржевской, и просит вас верить, что ее почтение к вам и преданность окончатся только вместе с ее жизнью.

Ваше сиятельство изволили выразить желание получить подробное описание мест, через кои я проезжал; при первом случае постараюсь сие сделать. Хотя путешествие мое и совершалось с большой поспешностью, я запомнил то, что меня более всего поразило. Иркутск есть город, который, особливо благодаря его обширной торговле, заслуживает внимания отменного. Он есть склад всего торгового дела сей губернии, исключая те товары, что, не попадая в него, идут из Якутска прямо в Енисейск. Я еще упомяну об этом, когда буду иметь честь докладывать вам о Кяхтинском торге. Вот еще раз мне надобно просить у вас прощения за мою нерадивость. Сие, конечно, не то, особливо когда дело идет об исполнении приказаний ваших; но голова моя пока еще далеко не в порядке, и мне сдается даже, что память моя ослабела. Надеюсь все же, что я возьму себя в руки и в состоянии более спокойном и хладнокровном постараюсь исполнить приказание вашего сиятельства.

Полагаю, что к тому времени, как мое письмо дойдет до вашего сиятельства, мои племянники уже будут в Петербурге. Поручаю их вашим милостям, соблаговолите принять участие в новичках, вступающих в большой свет. Я ничего о них не знаю, кроме того, что они вернулись из-за границы. Ваше сиятельство лучше рассудите, могут ли они быть достойны ваших милостей.

<13>

Милостивый государь.

В письме, которое я только что получил от вашего сиятельства в ответ на то среди других, кое писано было мною тотчас же по прибытии в Иркутск, вы изволите говорить, что вам приятно видеть меня довольным книгами, кои вы соблаговолили прислать мне, но как же бы я мог быть недоволен?

Если я не тумба, не бревно, не создание бесформенное; если самая что ни на есть слабая искра чувствительности способна взволновать мою внутренность, я не только должен быть (но и есмь взаправду) услажден, доволен превыше всякого выражения; когда же я начинаю перечислять все то, что ваше сиятельство сделали для меня, для ваших милостей я не нахожу изъявления равнозначущего, хотя бы таковое и нашлось для моих чувствований. Вот уже будет две недели, как я получил добрую связку книг, ящик, наполненный всем, что может быть мне надобно для того, чтоб одеться с головы до ног, а ныне еще и деньги. Подумать только, я уже получил тысячу рублей при приезде в Иркутск. Если же прибавить к тому и то, что вы соблаговолили удовлетворить моим бессовестным просьбам о книгах, то неужто вы думаете, что меня так уж ничем и нельзя заставить покраснеть? Уверяю вас (надобно ли вам в том поклясться?), что я не имею недостатка ни в чем; а как только наладится Кяхтинский торг, нам станет жить еще легче. С той поры как я покинул мой дом, сколь часто я проливал слезы с досады, с горя, со злобы; ах, много было тому причин и поводов! Скажу ли вам первопричину тех слез, что льются из глаз моих, пока я пишу вам сие послание? Нет, они полны того чувства, которое вынуждает их лить-

ся, и да прольются они на ваше великодушное сердце! Вы восчувствуете их, ибо идут они из глубины моего.

Детки мои были вне себя от восторга при виде маленьких альманахов, кои ваше сиятельство сооблаговолили прислать им. Я не заставляю их самих писать вам благодарения. Ежели я направлю их перо, получится нечто жеманное, вычурное, и в детском писании проявится дух наставника; ежели же они напишут сами, то и изъявления их и чувства слабы будут и сбивчивы; и в том и в другом случае сие принесет вам только скуку. Придет день, когда они узнают того, кто спас их отца от отчаяния; их сердце даст им его узнать. Ныне они знают только имя его; а тогда они узнают все, чем они ему обязаны.

К моим обыкновенным занятиям присоединилось еще одно, часто мучительное, но улаждающее в основе своей, занятие если и не приятное, то милое сердцу моему: я сделался местным лекарем и костоправом. Хотя в сущности я лекарь-неуч, но добрая воля моя к сему хоть в части восполняет недостаток потребных к сему знаний, а ваши милости позволяют мне удовлетворить моим желаниям. Почти нетронутый ящик с лекарствами ныне часто идет в дело, и поскольку нет следствия без достаточной к тому причины, подумайте о том, что в отдалении $\frac{1}{7}$ окружности земного шара будут жить существа если и не разумные, то по меньшей мере существа чувствительные и страждущие, которые именно вам будут обязаны то сохранением руки своей или ноги, то пользованием всеми членами, а подчас и продлением дней своих и которые были бы еще более счастливы, если бы в глуши лесов жили еще более незнаемы. Да, скажу вам, пространство знаний народов образованных оторвало миллионы людей от блаженства первобытного, от счас-

твѣ естественнаго и, если можно так выразиться, от жизни простой и спокойной. Ибо при принудительном переходе из одного состоянія в другое, даже в лучшее, добрая сторона сего чувствуется иногда лишь по истечении столетій, и часто такое ярмо, наложенное изменением состоянія, тяготеет еще на отдаленном поколеніи, вкушающем уже плоды сего изменения. Так естественный человек сохраняется нетронутым в человеке общественном.

Проживая в великих лесах сибирских, среди диких зверей и народностей, кои отличаются от иных лишь членораздельной речью, не умея даже ценить значеніе ее, верится мне, что я могу стать счастливым человеком по Руссо и пойти на четвереньках. Сей г-н Руссо, как мне кажется нынѣ, есть опасный автор для юношества, опасный не в основах своих, как считают обыкновенно, но в том, что он весьма ловкий наставник в развитіи чувствительности; и сие доброе качество, которое достойно уваженія даже в отклоненіях своих, честное слово, не стоит подчас и гроша ломаного, ибо обыкновенно соединяется с тщеславіем, и самого Руссо обвиняли в том, что он был другим псом-Диогеном. В концѣ концов сей пес-Диоген просил всего лишь у Александра, чтобы тот шел своею дорогою и не заслонял ему лучей солнца. Честью клянусь, что сей пес стоил больше, чем великолепный пятнистый тигр: он совсем не кусался.

Неделю, как стояла стужа ниже 30 градусов, а нынѣ погода смягчилась, и морозы упали постепенно. Сначала 25, потом 20, потом 18 или 17; теперь ночами морозит не больше 15—16 градусов, а к полудню бывает от 0 до 6—8. Воздух чист, небо безоблачно. С тех пор как мы здѣсь, было только два дня снегопада; но зато почти нет ветра, а если и есть, так пустычный. Мы здѣсь как в погребе и

если и хорошо защищены от ветров, зато летом воздух должен здесь быть чрезвычайно удушлив, — это мы еще увидим. Весна и лето обещают мне развлечения весьма удовлетворительные. Поелику сей край есть горный, у меня будет много поводов для разведок. Я вошел во вкус сих занятий с той поры, как нашел мой первый слой морских раковин на берегу Оки. Сколь я сожалею ныне, что в юности моей пренебрегал естественными науками, минералогией и ботаникой особливо. То немногое, что я восполнил чтением, чувствую, недостаточно для меня. Я весьма огорчен тем, что уехал из Иркутска, не повидав г-на Лаксмана, весьма сведущего по этой части. Впрочем, мне кажется, что я найду здесь то, чего еще не знают. Я даже хотел было использовать зиму и подняться на гору близ Илимска, но я не сумел приноровиться к конькам или лыжам; много раз я погружался в снег, и дело дальше не шло... И в сем вопросе я еще раз прибегаю к вашему сиятельству и прошу вас соблагovolить выслать мне с оказией путешествия академиков, а именно путешествия Штеллера и Гмелина. Я знаю творения других и даже труд Гмелина, который имеется по-русски; но просимые мною не переведены с немецкого подлинника, насколько мне известно, равно как и «Флора сибирская» последнего.

Илимск не станет более оживленным от торга с китайцами, как склонялось к тому мнение вашего сиятельства. Вся его торговля мехами, а другой у него нету, сводится к тому, чтобы продать оптом то, что покупается в розницу от лова здешних охотников, от 30 или 40 тысяч белок или беличьих шкурок самого низкого качества. Двое или трое из посадских, жительствующих здесь, занимаются этой торговлей, да и то один из них состоит в

перекупщиках у иркутского купца. В ноябре месяце и в мае приезжают сюда забирать добычу охотников. Купцы, сюда приезжающие, привозят с собою всякого рода мелочные товары, в коих нуждаются простолюдины. Обозы с пушшиной, о которых ваше сиятельство говорите, идут из Якутска на Енисейск и Москву. Илимск есть пристань, где погружают товары на речные суда, идущие в Енисейск. Сказывают, что в августе месяце сюда прибывает сразу от 3 до 4 сот подвод лошадей, груженых мехами, и что здесь они стоят от 10 до 15 дней. Сие есть время нашей ярмарки, горячее время, и я буду иметь удовольствие выслать вашему сиятельству подробный доклад.

Сдается мне, что пора кончить мое бесконечное послание, но ваше сиятельство так ободряете меня вашей снисходительностью к выслушиванию моей болтовни, что я не могу оставить пера, не исписав нескольких страниц; кончаю тем, чем я начал: проникнутостью вашими милостями, неумением найти изъявления, сообразного моим чувствованиям, наконец, просто тем, что я замолкаю, проклиная от всей души мое безрассудство, которое заключило меня в общество медведей, лосей и других диких зверей, которое лишило меня общения с моими близкими и с человеком, коему я воздаю дань почитания разумного, уважения прочувствованного и преданности душевной, — безрассудство мое... которое... прочее не заслуживает чести быть поименованным. Тем не менее, поверьте, будь оно весело или печально, серьезно иль шутиво, чувство мое то же, всегда то же, неизменно то же. Если бы наши нравственные чувствования могли принимать черты физические и удобопонятные, по смерти моей, вскрывая мои останки, люди нашли бы ваш образ, запе-

чатленный в моем сердце; кровь моя ожила бы на мгновение, и, уверяю вас, то было бы справедливо.

17 февраля 1792 года. Илимск

<14>

Милостивый государь.

С величайшей и искреннейшей радостью я только что получил два письма от вашего сиятельства, написанных вами одно вслед за другим 19 и 21 января; меж тем я уже давно не получал ничего — и даже очень давно, если измерять продолжительность времени соответственно моим чувствованиям, а не по промежутку между числами. С живейшей скорбью узнал я, что вам грозила опасная болезнь. Слава Богу, вы счастливо избежали ее.

Если разумно предполагать, что наши земные дела могут смягчить волю верховного существа, если наши молитвы, наши просьбы значат что-либо для существа бесконечно великого, — то, поверьте, к престолу его не возносятся молитвы более горячие, чем наши, о сохранении вас в добром здравии. Можете ли вы в том сомневаться? Мы живем только вами, мы дышим только благодаря вам, и если счастье когда-либо бывает или может быть добыто ценою страданий, то опять вы, и только вы один, положив конец последним, можете быть причиною моего счастья. Люди могут сказать, что мои моления полны корысти. Но если даже самые возвышенные, если даже самая добродетель не свободна от сего упрека, если основой всякого действия есть побуждение, а всякое следствие имеет свою причину, то можно ли порицать мое желание иметь добрые вести о вас? Нет, — чувство признательности не заслуживает осуждения.

Илимск, 24 марта 1792

<15>

Я бесконечно благодарен вашему сиятельству за то, что вы соблаговолили удовлетворить просьбе моей о книгах; я только что получил «Описание Петербурга» Георги. Я предпочитаю сего автора Герману в его описании России. Хотя то и другое сочинение лишь компиляции, но Георги по крайней мере выполняет свое дело, и хотя он не позволяет себе рассуждений, не допуская ни малейшего, он избегает скороспелых суждений и повествует о вещах как человек, который имеет лишь глаза и уши. Но Герман находится не на высоте предмета, о коем он трактует; ему хочется делать заключения, и выводы его не всегда удачны; он желал бы позволить себе рассуждения, но не смеет: чувствуешь обманщика и видишь, как льстец разоблачает себя. Его мемории часто ложны, по крайней мере для нынешнего времени; например он ввел в главу о фабриках и мануфактурах списки мануфактур-коллегий. Если б я не опасался докучить вашему сиятельству, я мог бы привести множество выдержек из его труда, кои доказывают, сколь ему не терпелось написать книгу. А затем что же прикажете думать о таком его рассуждении? Повествуя о свободе, дарованной всем, заводить типографии и печатать книги, он говорит: несомненно, намерение мудрой монархини, давая простор сему искусству печатания, было направлено к воспламенению любви к наукам; но... он оканчивает свою речь сим «НО» и полагает, что за сим умолчанием скрывается нечто возвышенное, меж тем как сказанное им таким образом является лишь ругательством. Тем не менее надо воздать ему должное в том, что он лучше знает свое дело, когда говорит об естественной истории. Но, ей-Богу, мне сдается, что искусство классификации предметов считается

великим искусством среди посредственных немецких естествоиспытателей. Меж тем я буду еще докучать вашему сиятельству просьбой прислать мне с оказией описание Уральских гор («Минералогическое описание Уральских рудных гор»), равным образом как и труды инспектора горнопромышленной школы Ренованца, описание гор Алтая и гор Финляндии («Минералогическое описание Алтайских рудных гор» и «Статья о Финских горах»). Я уже, кажется, просил у вашего сиятельства путешествия Фалька и Гюльденштета на немецком языке.

Здесь климат суров. 12-го сего месяца был мороз в 27½ градусов; до 16-го он держался все время ниже 20 градусов, то есть ночью и утром, а к полудню бывало 6, 9 и 11 градусов. Потом была оттепель, но с 20-го стоят морозы ниже 10 градусов. Из-за столь суровой погоды охота на белку весьма плоха; а как сена недостает почти во всех здешних деревнях, скот гибнет от недостатка корма. Сии две причины, вместе взятые, наносят великий вред здешним жителям, не занимающимся или занимающимся весьма мало земледелием. Я предполагаю сам заняться таковым будущим летом; я взял в аренду так называемые луга и рассчитываю также кое-что посеять. Мне сдается, что привычка к звериному лову, давая здешним жителям обеспеченность, ежели не довольство, отвращает их от занятий земледелием. Ежели бы они нашли ровный участок земли, они не преминули бы извлечь из оною пользу: да надобно еще его распахать, да надобно выкорчевать еще деревья, а сие трудно. Будь у них то желание, они получили бы великую выгоду из земли сей местности, холмистой лишь у речных берегов; когда поднимаешься наверх, открывается местность ровная и годная для обработки. Я смею говорить о

сем уже по собственному опыту. Во время оттепели я совершил несколько недалеких походов в лес, туда, где можно было пройти. Я нашел там местность ровную, хотя почва и лежит на скалистом основании.

Я продолжаю понемногу заниматься лечением, а наступающим летом примусь за собирание трав. Я буду в сем деле новичком и весьма прошу ваше сиятельство соблаговолить помочь мне в сем деле какой-нибудь изрядной книгой по ботанике на любом языке, равно как и книгой по минералогии Брюнинга — немецкий труд, издателем коего был Георги, снабдивший оный примечаниями.

Простите мне мои требования. Ваш образ действий относительно меня исключает все, что могло бы в какой-либо мере сделать просьбу унижительной. В случае, если бы я обращался к другим, то лицо мое покраснело бы, а язык онемел бы. Но ваша нежная благосклонность, как благодетельное солнце, возвращает меня к жизни и к чувству.

24 марта [?] 1792 года. Илимск

<16>

Милостивый государь.

После того как я имел честь написать вашему сиятельству последнее письмо, я получил два ваших письма, и хотя одно из них написано через две недели после другого, и получил их почти одновременно, ибо более позднее доставлено было с курьером. Радость, которую я чувствую обычно, получая оные, стала еще больше от известия о том, что вы здоровы и что здоровье ваше не ухудшилось от скорби по покойной сестре вашей и особливо от того, что вы сами присутствовали при ее кончине. Мне ведомо ваше чувствительное сердце, и я знаю,

чего вам сие стоило. Вы рассуждаете весьма справедливо, когда говорите, что к сим предметам надобно относиться разумно; но когда тот, кто нас покидает, — и навеки притом, — человек нам близкий, а вы сие испытали, то, вопреки всем усилиям овладеть собою, вопреки тому, что рассудок стремится взять верх над нашими привязанностями, мы чувствуем, несмотря на власть, которую оный хотел бы присвоить себе, вооружаясь тщетно всевозможными доводами, мы чувствуем, увы! что мы только люди. И зачем же не отдать должную дань, дань слезную, когда мы чувствуем сердце наше удрученным; зачем желать стать бесчувственным? Прочь от меня, сия твердость скалы, сия оцепенелость души, так сказать, которые, извращая способность сердца самую удивительную, если и не самую удивляющую, стремятся укоренить в нем бесстрашие. Тот, кто никогда не чувствовал слезы, увлажняющей его веки, есть человек близкий к жестокости; он черств. (Вот, кстати, что можно сказать о людях, кои не любят трагедии.) Представляю себе, как вы, сидя у одра болезни, старались утешить, чтобы облегчить ее страдания, и ту, что понимала, что отходит, и тех, что оставались после нее, и как слезы от всего сердца лились из ваших глаз. Я благоговею перед вами, милостивый государь, не только потому, что вы мой благодетель; я благоговею перед вами с чувством высшим, как перед человеком, который заставляет меня любить жизнь; но всякий раз, когда я видел, как вы отдавали дань чувствительности, я проникался к вам уважением — и уважением не пошлым, а идущим из глубины души.

Я получил две посылки, содержавшие подзорную трубу, портфель и компас. Примите за оные мои благодарения. Сей дар мне тем более дорог, что он есть пору-

ка вашей благосклонности ко мне и знак того, что ваше сиятельство благоволите заботиться о человеке, неизменно преданном вам.

Ваше сиятельство в одном из ваших писем упрекает меня в том, что я редко писал из Иркутска. Сие, может статься, и правда; но не от меня зависело писать чаще, если только не пользоваться для того прямо почтой; делать же то в Иркутске я считал неосторожным.

С той поры что я здесь, а вчера тому минуло уже три месяца, у меня было три okazji писать с нарочным; следовательно, я и написал три раза; кроме того, представлялись еще и другие верные okazии, и я всякий раз ими пользовался; но перед вами, ваше сиятельство, никаких оправданий не имею. Писать вам есть обязанность, а для меня сия обязанность священна; поверьте также, что сие есть истинная отрада и отдохновение в скорби.

Мир с турками есть событие, от коего все должны приходить в радость, а сельские жители особливо. На то у них имеются основательные причины, ибо они испытывают только худые следствия войны. Границы государства еще расширились. Карфаген был разрушен во время Третьей Пунической войны; у нас уже было две войны с турками, а в третью, что начнется не сегодня-завтра, русских увидят под стенами Константинополя; и, может быть, суждено, что через 1000 лет (считая с первой осады русскими сего города) сия столица Восточной империи подпадет под власть потомков славян. Я не берусь, впрочем, быть пророком, как тот французский посол в Константинополе, что вызвал войну, окончившуюся Кайнарджийским миром, предсказавший славу русских и падение полумесяца. Что до меня, то я всегда придерживаюсь того, что Неккер говорит о войне; и хотя

мода на его творения, а равно и на личность его прошла, все же он высказал правду.

Благодаря милостям вашего сиятельства живу я здесь покойно. Не могу достаточно нахвалиться обхождением со мною здешних правителей, особливо генерал-губернатора. Я могу еще сказать, что я живу, и если я положу на весы мгновения скорби и мгновения радости, последние, конечно, возьмут верх. Ах, без вас...

Вот уже два дня, как здесь установилась теплая погода, сильно тает; вчера в полдень термометр показывал 11 градусов выше нуля. Ожидают еще, однако, больших морозов. Стоит только перемениться ветру, и вот снова будет зима. Сегодня первый день Пасхи. По таким дням я имею обычай молиться Богу, чтобы он даровал вам здоровье и исполнение желаний ваших; обычай также требует и поздравлений, но я знаю, что ваше сиятельство оные не любит; сие в достаточной мере пошло. Все же позвольте мне обратиться к обычаю старинного и сердечного поздравления, к коему прибегали наши добрые предки во дни Пасхи. Они лобызались. И я делаю сие от всего сердца.

4 апреля 1792 г. Илимск

<17>

Прогулки здесь отнюдь не разнообразны. Совсем нет лугов, кроме отменно узких лугов вдоль реки. Лес нерасчищенный и скучный. Деревья все хвойные: ели, сосны, лиственницы и проч.; ничего такого, что могло бы ужасать и что, скрывая страшное под видом величия, могло бы все же нравиться. Чтобы найти некоторые места, на которых запечатлена память о древних природных потрясениях, мне пришлось взбираться на отвесные

горы в $\frac{1}{2}$ версты выотою, углубляться в гущу леса, — а то, что я увидал, не вознаграждало за потерянный труд. Ничего хоть издалека схожего с тем, что пишут об Альпах и Пиренеях. Но сознаюсь, что я задерживался там на целые часы, рассматривая растения. Сие удовольствие для меня совершенно ново; как только я научаюсь их классифицировать, я начинаю считать себя почти Линнеем, коего, к стыду своему, я знаю лишь по имени; то же могу я сказать и о моих минералогических занятиях. Подлинно верно, что известковые утесы в окрестностях Илимска содержат в расселинах селитру, чаще всего в порошке, иногда же в довольно красивых кристаллах. Я скоро отправлюсь осмотреть залежи железной руды, крайне бедные по содержанию. Меня уверяли, но я тому не могу поверить, что поблизости находится серебряная руда. По рассказу, сие могут быть свинцовые залежи, в коих содержится и серебро. Вернее, однако ж, что пласт пиритов или маркаситов на горе довольно высокой, которая блестит, будучи освещена солнечными лучами. Здесь делают из того тайну, и бедные крестьяне не без основания боятся соседства богатств, как огня.

Погода здесь весьма переменчивая. У нас уже было 25 градусов жары, а третьего дня ночью вода в некоторых углублениях покрылася льдом в $\frac{1}{2}$ пальца толщиной, так что у нас почти нет травы, а листья на деревьях едва распускаются. Насекомые и особливо *culex reptans* естествоиспытателей, или мошка на языке обыкновенном, пока не появились, — и еще можно гулять. Сия последняя особливо водится здесь в таком изобилии, что Илимск славится в Сибири лишь своей мошкой.

Благоволите продолжить ваши любезности тому, кто всегда питал к вам чувства определенные, уважение ис-

тинное и сильное и преданность, которая кончится лишь со смертью.

Сестра моя свидетельствует вашему сиятельству свое нижайшее почтение. Слава Богу, она чувствует себя хорошо.

24 мая 1792. Илимск

<18>

Милостивый государь.

Насколько начало сего года было благоприятным для нас, настолько ныне оный нам мало благоприятствует, и случай написать вашему сиятельству, хотя и весьма желанный, представляется только сегодня. Так, со дня 9 апреля, когда я отправил вам мое последнее письмо, только нынче я могу удовлетворить желанию сердца моего и воздать вам обычную дань благодарности.

Хотя начало моего письма покажется рутинным, все же я скажу, следуя в том древнему обычаю наших предков: жив, и слава Богу. Но, что гораздо более важно, чувствую я себя сносно. Было бы для меня весьма желательно, чтобы вы, ваше сиятельство, могли сказать про себя более, чем сносно, а именно: я чувствую себя отменно хорошо.

Время наше мы делим меж привычными занятиями и летними развлечениями (исключая из оных мошку), но некая боязнь сопутствует нам подчас, боязнь, неотделимая от непрочности нашего положения, которая, если позаимствовать у латинского поэта его выражение, следует за нами неотступно. Весь май месяц у нас стояла прекрасная погода в рассуждении прогулок, но отчаянная для сельских жителей. Ночью заморозки, а в полдень бывало до 20 градусов жары, что и вызвало засуху

необычайную. В июне месяце заморозки прекратились, и их место заступила удушливая жара. Термометр постоянно поднимался от 22 до 26 в тени. На солнце же он показывал более 40 градусов по шкале Реомюра. Потому все зерно погбло; одни лишь огурцы обещают богато уродиться. Вот уже неделя, как дождь льет не переставая.

Ваше сиятельство, соблаговолите простить все сии мало занимательные подробности. Но как садовник прошу вашего снисхождения в сем смысле. Газета здешняя не может быть иной, как весьма скудной; по окончании времени охоты все здесь впадает в бездействие, прерываемое лишь обильными и частыми возлияниями Бахусу, коими, однако, управляет богатство или скудость минувшего звериного лова. Я как будто уже сказывал вашему сиятельству, что охота на белку, сей главный промысел здешних мест, оказалась весьма неудачной, что повело к тому, что белка вздорожала превыше всяких ожиданий. В ответ на то все китайские товары тоже повысились в цене. Сказывают, что все вздорожало и в Иркутске. Тому не должно удивляться, ибо прилив звонкой монеты, которая, в силу пресечения торго в Кяхте, почти не доходила до сих мест, внезапно возобновился, и потому все должно было повыситься в цене. А особливо извоз. Сказывали мне, что плачено было до Томска по 3 $\frac{1}{2}$ рубля с пуда вместо 80 или 90 копеек, как то было ранее.

Дабы продолжить мою газету и пополнить ее, включаю в оную некое малое приключение, бывшее со мною несколько дней тому назад. Само по себе оно ничто, но среди тысячи других служит доказательством лукавого ума здешнего народа. Впрочем, если чтение сего вызо-

вет у вас малейшую охоту зевнуть, бросьте листок — и простите автора.

В 50 верстах отсюда вверх по Илиму находится весьма богатая залежь железной руды, всем здесь ведомая и коей некогда пользовался илимский кузнец. Я достал образец железа и сгорал нетерпением повидать залежь. С неделю тому назад мы с сыном отправились туда в лодке; случилось так, что на место мы прибыли глубокой ночью; назавтра, согласно добытым сведениям, я стал осматривать расположение рудной залежи, вернее, небольшой горы, ее скрывающей. Покончив с сим делом, я возымел желание взобраться на ее вершину, и, дабы не заблудиться в лесу, коим покрыта вся местность, я взял проводником старосту той деревни, где мы ночевали и которая отстоит от гор не более чем в полумерсте. Я двинулся в путь в сопровождении моего сына. Но проводник наш, вместо того чтобы вести нас к требуемому месту, заставил нас через дремучий лес и по высокой мокрой траве подняться на весьма крутую гору. Мы и поднялись с отвагой, достойной аргонавтов, а добравшись до самой вершины, оказались в чрезвычайно густом лесу, в коем не было и тропинки. Тогда лукавый поселянин сделал вид, что разыскивает место разведки, и кончил тем, что заявил, будто ничего и не слышал о руде. Пришлось возвращаться, так и не увидав направления рудной залежи и питая себя надеждой, что в другой раз мы найдем лучшего проводника.

Приключение ничтожно, но из оногo можно вывести заключение: 1) что житель сих мест склонен к лукавству и обманывает, сколько может, даже если бы собственная выгода, правильно им понимаемая, побуждала его к прямоте; 2) что он избегает и старается избе-

жать всякой новизны и всякого соседства. Первое словно тяготит его, второе же ему неудобно; он счастлив в своем логове, и общество его стесняет. Часть своей жизни он проводит в одиночестве, отшельником, и появляется среди себе подобных лишь для того, чтобы одурманиться парами опьяняющих напитков. Неограниченный владыка своего скота и детей своих, причем последние выполняют волю его если и не с уважением, то с покорностью, превосходящей уважение, он хотел бы и жить и умереть безвестным. Таков здешний человек. Таков он, может быть, и во многих других местах Сибири.

Признанное свойство, присущее здесь всем, вплоть до простонародья, — ябедничество; ежели в России человек из народа мстит, применяя силу, то сибиряк, собирающийся отомстить, говорит: «Я его доеду». А ежели его спросить, как он сие сделает, он ответит: «бумажкой». Другое примечательное свойство — страсть прихвастнуть, преувеличить все, что бы он ни делал, будь то даже сущий пустяк. Не в природе ли вещей, что всякий охотник — враль? То свойство, которое, как сказывают, было присуще курляндским дворянам.

Сельские виды здесь мало приятны; картины природы не могут быть разнообразны, ибо кругозор здесь повсюду ограничен высокими горами. Однако во время моего путешествия к залежам железной руды мне встретился один довольно изрядный вид, который в какой-то степени был и обманчив, как виды в некоторых парках или английских садах. Вид этот начинался с деревушки, расположенной почти насупротив; узкая лощина тянулась за сим поселением и казалась бесконечной, потому что за нею стоял дремучий бор. Перед нами было возделанное поле, покрытое зеленеющей рожью, и заканчи-

валось оно высоким лесистым холмом, стоявшим отдельно от горной цепи, что тянулась вправо. В сторону вид простирался более чем на пять верст. Там виднелся изгиб реки, теряющийся за островом, и хотя текла она все время извиваясь, несколько рожиц закрывали ее от зрителя, так что казалось, будто видишь большой, широко очерченный луг, окаймленный цепью гор, которые по дальности расстояния казались уже синеватыми. Левая сторона вида заканчивалась лужайкой, небольшие размеры коей неприметны были из-за кустарников. А в середине виднелась мыза или деревенский домик со всеми службами «сына боярского». То лучший вид, коим я мог насладиться за два года или около того; но сие ничто в сравнении с прекрасными местностями в окрестностях Тобольска. Следишь за извилистым течением Иртыша и, кажется, видишь сады и боскеты. Таковы бы они и были действительно, не будь Сибирь почти пустынею в смысле народонаселения; и она еще долго останется пустыней; непреложный порядок вещей того требует. Один из обитателей сей пустыни, коего голос ваш вернул к жизни, проходит по ней довольно весело с подругой своею и двумя младенцами. Наша общая молитва, наша ежедневная молитва такова: Господи, подай ему долгую жизнь, подай ему преуспеяние в делах его.

Илимск, 13 июля 1793 года

<19>

Милостивый государь.

Примерно две недели тому назад я получил письмо, которое ваше сиятельство изволили написать мне 27 мая. Я не мог тогда же ответить на него, ибо оно пришло ко мне не с нарочным. Ныне, как и в моем предыдущем

письме, я могу с уверенностью подтвердить касательно того, что вы, ваше сиятельство, приказываете мне о моей переписке: с тех пор как я нахожусь здесь, я пишу только моим родным и слишком чувствую цену того, что мне даровано, чтобы отважиться быть сего лишенным.

Наше лето было коротким и умеренно жарким. Оно кончилось в середине августа. Сегодня шел снег. Климат довольно неблагоприятный. Здесь редко, может быть, каждые 4 или 5 лет, производят сбор огородных семян, включая капусту и репу. Семена, которые ваше сиятельство прислали мне, все взошли. Но немногие из них будут возможно снова посеять. Половина бобов погибла во время цветения. Ни одна горошина не поспела. Впрочем, у нас здесь сколько угодно овощей для нашего употребления. Практика — лучший наставник; мы будем жить, надеясь преуспеть лучше.

Недавно у нас здесь разыгралось представление: в малом виде биржа или таможенная набережная в Петербурге. Это был якутский караван, который проходил здесь по дороге в Енисейск. Он останавливается здесь на два или на три дня, не дольше, и ничего не распаковывая. В нынешнем году он был богаче, так как большая часть товаров была отправлена в Иркутск для кяхтинской торговли. Поднявшись вверх по Лене от Якутска до Усть-Кутского острога на лодках, купцы, отправляющиеся с товарами в Енисейск, везут их сюда 140 верст на вьючных лошадях. Лошадей в нынешнем году было не более 170. Проводники идут пешком. На каждую лошадь можно нагрузить от 6 до 9 пудов. Цена перевозки на 140 верст — 40 копеек с пуда. Крестьяне отправляются за 250 верст, дабы заняться сим делом, ибо у жителей с берегов Лены не хватает лошадей, чтобы самим про-

известии сии перевозки, и многие из них, подобно жителям Илимска, слишком ленивы, чтобы взяться за то. Илимск доставил только одного проводника с тремя лошадьми; прочие в ожидании поры охоты, которая скоро начнется, развлекаются пьянством. Как бы то ни было, земледелец всегда трудолюбивее, чем зверолов. И я заметил, что те, кто перевозил товары, были по большей части обитателями местности, где обработка земли — главное занятие. Меньшая часть каравана состояла из мехов, то есть из белки и песца, и нескольких связок китового уса, прочее (и сие большая часть) состояла из ископаемой слоновой кости, называемой в России мамонтовая кость. В Илимске товары грузят на плоты, кои служили здешним жителям для перевозки сена, ибо долина Илима столь узка, что то, что здесь называют лугами, то есть, вернее, берега реки, где косят сено, находятся отсюда на расстоянии 50 верст и более. Я косил сено в 30 верстах. Плоты, нагруженные товарами, идут до устья Илима; там их грузят на маленькие барки, нарочно для того сделанные, и таким образом они спускаются по Тунгуске до Енисейска.

Мне не посчастливилось подробно потолковать с купцами. Главная причина тому — краткость их пребывания здесь.

Генерал-губернатор прислал мне плотников, и я начал строиться. Дом невелик, но весьма удобен; и особливо буду я стараться сделать его теплым. Впрочем, жить в нем будет возможно лишь будущим летом. Войдя в него, я благословлю того, кто дал мне средства его выстроить; я буду жить в нем спокойно — чего будет не хватать для счастья моего? Моих детей — он даст мне возможность их увидеть — чего же еще? — может статься, глаза мои закроются навеки, не узрев его.

14 сентября 1793

<20>

Милостивый государь.

С нарочным из Иркутска, прибывшим сюда вчера вечером, я получил два письма вашего сиятельства, последнее с датой четвертого октября. Могу сказать без преувеличения, они исполнили меня величайшей радости, придя в такое время, когда я меньше всего ожидал получить их. С другой стороны, я также счастлив, что в течение трех недель могу в третий раз писать вашему сиятельству.

Повышение по службе моего брата, о котором вы соблаговолили сообщить мне и коему вы, несомненно, способствовали, тем более обрадовало меня, что брат, как я вижу по его письмам, решил покинуть свое место вследствие неудовольствия им вице-губернатора. Я хорошенько не знаю, что тому причиною, — благосклонность женщины приобретенная или потерянная. Мужчинам свойственно всем сердцем ненавидеть друг друга из-за женщины (разве животные не грызутся из-за самки?); но вмешивать дела государственные в интригу, вот чего не следует делать. Правда, не всякому дано отъединиться, так сказать, от самого себя, когда речь идет о делах. Что же до моего брата, я возобновляю прошлогоднюю просьбу к вашему сиятельству о предоставлении ему какого-нибудь места в Петербурге, ежели моим детям должно туда отправиться. Но я полагаюсь во всем на ваши милости. Они неисчерпаемы по отношению ко мне; никогда мне не приходилось вызывать их просьбами. Впрочем, я всегда просил лишь о возможном.

Ваше сиятельство правы, говоря, что край наш должен быть богат рудами. В окрестностях производились разные попытки к их разработке, но они оказались не-

удачными ввиду бедности залежей и дороговизны рабочих рук. То была медная руда. Сказывали, что до открытия губернии туда посылали знатоков, чтобы разыскать месторождения серебра; но то ли они нашли оные бедными или мало обильными, то ли, как некоторые здешние обитатели полагают, крестьяне сговорились скрыть правду, но дело тем и кончилось, и я уже имел честь писать вашему сиятельству, что жители, обитающие по соседству, хранят насчет сего глубокое молчание, и мои поиски были бесплодными. Тем не менее надеюсь возобновить попытки, а благодаря моему горну мне не надобно будет обращаться за совершением опытов к кому-либо другому, — только бы мне удалось раздобыть несколько кусков руды. В ожидании лучшего я исследую слюду и глину. Так с помощью постоянных занятий я пренебрегаю скукой, сим жестоким врагом безмятежной жизни. Но признаюсь, что я не так силен, как Геркулес, чтобы пренебрегать моим одиночеством и горестью при виде зобов на шейках моих детей. Правда, я становлюсь эскулапом, и г-жа генерал-губернаторша соблаговолила прислать нам лекарства, которые хорошо помогали в Иркутске; но, насколько я разумею, то лишь полумеры. Да, я предчувствую сие и, скрепя сердце, говорю им: прощайте! Неужто надобно, чтобы они несли тяжесть моего осуждения! Нет, что бы там ни говорили, я не чувствую себя себялюбцем. Я заранее утешаю себя, насколько такая жалкая философия дает средства к утешению; я утешаюсь, как некогда блаженной памяти Панглос, одним восклицанием: тем лучше!.. И воистину, не будет ли сие тем лучше, ибо ежели с одной стороны дети выигрывают, находясь на глазах у родителей, то родительская нежность не может допустить, чтобы они научились страдать.

Я с бесконечным удовольствием вижу, что вашему сиятельству приятно быть в деревне, но перенести не могу того, что здоровье ваше не восстанавливается. Как только светило, дающее жизнь, появляется на горизонте, мы, вознося сердца к источнику вечного существа, возглашаем наш гимн: о всемогущий, дай ему жизнь — но пусть жизнь сия протекает в здоровье!

Я и моя сестра.

Илимск, 7 декабря 1793 года

<21>

Милостивый государь.

Со времени отправления моего последнего письма вашему сиятельству около трех недель стояли здесь весьма сильные морозы. Ртуть в термометре опускалась ниже 33 градусов, и холод был тем более чувствителен, что дули ветры, а то во время стужи случается редко. Вчера термометр был на ноле, и сию перемену было труднее переносить, чем постоянный, но умеренный холод. Когда лишь 20 градусов, мы переносим сие довольно хорошо, но, увеличиваясь, холод становится неприятным.

Смерть двух русских купцов, о которой вашему сиятельству было угодно сообщить мне в последнем письме, — поистине потеря. Озеров был, как мне кажется, единственным или почти единственным среди русских купцов, который вел заморскую торговлю в больших размерах и имел торговый дом в Швеции. Его наследники не будут его продолжателями. Ежели бы сын его был жив, все было бы по-иному.

Нынешней осенью охота на белку не была удачной; оттого она подорожала. Илимск, некогда поставлявший около 30 000 белок, не доставил на сей раз и 5000. Бел-

ка продается здесь 110 рублей за тысячу, а цена ее в Иркутске 106. То спекуляторы покупают ее здесь так дорого, самые умеренные платят 100 рублей за тысячу. Когда я приехал сюда, ее продавали от 75 до 80 за тысячу; но охоты 1791 года были обильные. Я все более утверждаюсь в мысли, что Кяхтинский торг лишь случайно не подымает цены на некоторые товары, и сие могло бы служить подкреплением парадокса, который я привел в одном из писем вашему сиятельству по поводу торговли с Китаем. Я обещал дать объяснение сему, и уже более полугода, как мое письмо написано; но как оно намного перешло размеры обыкновенного письма, я счел, что не должен докучать вам грудой подробностей и мелочей, которые, может статься, ведя к ложным выводам, не могут не быть скучными. Во всяком случае, чтобы исполнить свое обязательство, хотя поздно, поистине поздно, я прилагаю здесь итог моего длинного и скучного письма и буду счастлив, если ваше сиятельство сообразоволюте бросить на него взгляд.

Разрешите мне здесь привести соображение о торговле с китайцами.

Из всего, что я знаю по слухам (а мое утверждение, будучи основано только на слухах, может быть совершенно неверно, и я за него не ручаюсь), кажется, что сей торг должен быть до некоторой степени преобразован. Не только доверие и честность не составляют основания сделок между русскими и китайскими купцами, но и те и другие делают все на свете, дабы лучше обмануть друг друга, и когда сие удастся, обманщик смеется над простотой обманутого, а обманутый называет удачей преступную ловкость обманщика. Одно хорошо: что сие не принимается серьезно и не вызывает тяжб. Сказывают,

что китайцы всегда бессовестны, но мне сдается, что в сем заключено противоречие, ибо ни в каком государстве закон не может разрешать обмана. Некогда считали, что лакедемоняне были ворами по существу своему, но потом сие было отвергнуто. Нельзя ли подать китайцам пример торговой честности. Сие было бы весьма хорошо, если и не в рассуждении политики, то в рассуждении разума и добродетели. Может быть, отметка о браке на товарах, продающихся в тюках и связках, была бы шагом к доверию. Сие вызвало бы претензии со стороны сибиряков, — но кому не ведомо их вероломство!

В сем торге существует обычай, ежели не закон, в силу которого все товары, продаваемые китайцам, должны подвергнуться оценке, и нарушение сего закона или обычая ведет за собою пени или иногда исключение. Нетрудно понять, что для купцов той страны, где торг (по крайней мере, внутренний) имеет мало помех или помехи сии косвенны, нетрудно понять, говорю я, что такое правило представляет собою великое стеснение, и, следственно, его стараются обойти, когда сие возможно, что и делали при возобновлении торгова первейшие купцы. Начало сего правила есть как бы ответная мера на правила китайцев, у коих на все товары твердая цена, зависть русских купцов сему же способствует как причина второстепенная. Может статья, я и заблуждаюсь, но какое же в том неудобство, чтобы позволить беспрепятственно продавать товар по любой цене. Кто знает, не заставило ли бы сие даже и китайцев отменить их твердые цены; хотя, по правде сказать, просто изменение обычая было бы для Китая вещью чрезвычайной.

Ваше сиятельство спрашивает в письмах ваших, каково население Илимска. Во всем Илимске 45 домов, и

тот, в коем я живу, 46-й, что с церковью и городской ратушей составляет средоточие поселка; дома находятся на месте старой крепости или острога, от коей осталось всего несколько башен, грозящих разрушением. Кроме сих 45 домов, здесь еще 15 пустых и нежилых, 3 на противоположном берегу реки в $\frac{1}{4}$ версты от Илимска и 6 в старом остроге, отстоящем от нас примерно на версту. Население состоит из посадских, казаков и крестьян и не превосходит 250 душ обоого пола. Посадские управляют ратушей, состоящей из бургомистра и помогающего ему старосты. У казаков начальником сотник, а крестьяне зависят от волостной избы, которая находится отсюда в 200 верстах у верховья Илима. Кроме того, здесь находится один купец, чиновник казенной палаты по питейной части; годовой запас на здешнем складе равен почти 1000 ведрам, идущим в продажу вдоль по Илимму на 400—500 верст для населения более 4000 душ обоого пола.

Позвольте мне иметь честь поздравить ваше сиятельство с Новым годом, который скоро наступит и который будет уже течь, когда сие письмо прибудет к вам. Сие есть не условная вежливость: сие есть чувство души чувствительной и благодарной. Да будет вам дано жить в счастии и в добром здравии! В сем, как я полагаю, заключаются основы всякого человеческого блаженства. О, если бы я мог когда-нибудь увидеть вас! ибо я почел бы себя несчастным, если бы мне пришлось умереть, не повидав того, кто даровал мне жизнь. Моя сестра также поздравляет ваше сиятельство с Новым годом, и как она есть верное эхо моих чувствований, то поздравление ее не может отличаться от моего.

Осмеливаюсь обратиться к вашему сиятельству с довольно нескромной просьбой: не соблаговолите ли вы прислать мне с благоприятной оказией немного семян

дыни. При помощи парников со слюдяными рамами, каковые находятся в моем огороде, я надеюсь их вывести.

Пора кончать мое длинное послание; обычное заключение после того, как порядком наскучили, — худое извинение, и справедливо сказать пишущему, который никак не может остановиться: эй, что ж ты не кончаешь поскорее словами... ваш... докучный слуга. Добавьте к сему, однако, что писать вам — счастливейшие мгновения в моей жизни.

(Илимск, декабрь 1793 г.)

<22>

Милостивый государь!

После того что я протомился три с половиной месяца без известий откуда бы то ни было, наконец здешний священник, вернувшись из Иркутска, привез нам несколько писем. Но ничего от вашего сиятельства. Возможно ли, чтобы вы меня забыли? Нет, я не могу сему поверить. Сердце отталкивает сию мысль, кою оно почитало бы почти преступлением иметь.

Мы вели здесь жизнь довольно спокойную и проводили дни настолько приятно, насколько допускает наше злополучное положение. Душа моя была безмятежна, и разум мой мог еще предаваться поискам истины; с некоторых пор я чувствую себя совсем иначе. Всякое занятие мне докучно, я не могу заниматься от невольной печали. Нет вестей от вас. Дай Бог, чтобы причина сего не была болезнью. Отец пишет мне, что он ослеп; дети в Петербурге одни, предоставлены самим себе по выходе из младенчества. Ужасная истина, кою один знаменитый поэт выразил в стихе, представляется моему уму:

Ах, сколь редко наши последние дни бывают ясны!

Тем не менее я стараюсь рассеяться, я брожу по окрестным горам, я исследую их строение и силюсь приобрести некоторые минералогические познания. Несмотря на то, печаль, по выражению латинского поэта, следует за мной по пятам. Но перейдем к другим предметам. Ежели б я был воспитан в суеверных верованиях старого Богословия или ежели бы случай захотел, чтобы я поверил, что мир населен бесконечным множеством незримых существ, от коих зависит течение вещей, кои направляют действия людей, я должен был бы поверить, что некое снисходительное, но в то же время лукавое божество забавляется исполнением желаний, быть может, дерзких и высказанных в разное время. С юных лет я со страстью стремился совершать отдаленные путешествия; мне уже давно весьма желательно было ознакомиться с Сибирью. Желание мое исполнилось, хотя и жесточайшим образом. Чтение описаний великих явлений природы всегда восхищало меня. Читая отчеты путешественников в Неаполь и в Сицилию, я взбирался с ними на Везувий и на Этну. Мое сердце сжималось при рассказах о бедствиях в Калабрии, но втайне я желал почувствовать себя на колеблемой почве, и я с печалью покинул Иркутск, ибо так и не видел там китайца и не чувствовал, как земля дрожит под моими ногами. Сие мое последнее желание было исполнено. Ибо 10 мая в 4 часа ночи у нас было землетрясение. Я спал, когда вдруг был пробужден движением моей кровати. Оно было таким, как если бы кто ее сотрясал. Пробудившись внезапно, я подумал, что сие делает мой сын, который спит в нише у моего изголовья. Я позвал, но никто не откликнулся. Движение прекратилось и возобновилось через несколько

минут, но слабее. Казалось, оно идет с запада в направлении здешних гор; вероятно, оно шло от горной цепи, окаймляющей Ангару. Землетрясение чувствовалось по всему верховью Илама, но не у его устья. Погода была тихая и облачная; барометр стоял на 27 дюймах 3 линиях, и я не заметил в нем колебаний. Термометр показывал 4 градуса выше точки замерзания. Если бы по соседству с нами возник вулкан и я увидел бы текущую раскаленную лаву, все мои безрассудные желания оказались бы исполненными, и я мог бы сказать: Господи, ты отпускаешь меня, согласно желаниям лучшей поры моей жизни! Но желания, более дорогие моему сердцу и возникшие не так давно, остались бы: желание увидиться с вами хотя бы еще один раз в жизни моей, увидеть моих престарелых родителей, моих друзей, моих детей. И ежели некогда я беспечно распростился бы с ними, чтобы с опасностью для жизни помчаться в отдаленную страну и увидеть, как пылает вулкан, ныне я бы предоставил всем возможным вулканам совершать их опустошения, не почтив их взглядом, и я предпочел бы провести час в обществе лиц мне милых, не пожелав наблюдать самые блистательные потрясения обновляющейся природы. Ежели бы я не опасался быть чересчур многословным, я послал бы вашему сиятельству описание религиозного действия тунгусов, которое они исполнили по моей просьбе, находясь у ворот Илимска, действие, шаманством называемое, которое простой люд считает призыванием чорта, а обыкновенно полагают, что сие есть простой обман для обольщения глаз доверчивых людей; я же в нем увидел лишь один из различных способов выразить ощущение высшего могущества существа непознаваемого, величие коего проявляется в малейших вещах. Обращая нашу

ежедневную молитву о сохранении жизни вашей к сему великому существу, мы говорим вам: ах, вспоминайте иногда о несчастных, кои вами лишь и дышат.

Илимск. Июнь 1794 года

<23>

Оказия, совершенно непредвиденная и неожиданная, принесла мне два письма вашего сиятельства; они тем более утешительны для меня, что случаи получать письма становятся реже день ото дня, а так как генерал-губернатор решился покинуть свое место, я не знаю, что со мною будет. Я не берусь описывать все пространство горестного чувства, которое я испытал при сем известии. Я бы мог вам тем докучить, но разберите это подробно, и вы, ваше сиятельство, с легкостью признаете, что у меня есть причина огорчаться.

Дети мои живут одни в Петербурге, скучая ото всей души. Они пишут, что хотят приехать ко мне. Мой отец боится, как бы сие не повредило мне. То, может статься, последняя дань, которую привязанность младенческих лет хочет принести отцовской нежности; может ли то быть вменено в преступление, пусть ныне то уже сыновняя привязанность юношеских лет, зрелого возраста, привязанность, ослабленная связями различного рода, но привязанность более осмысленная, ежели только страсти не исказили ее? Нет, никогда не поверю, что взаимная любовь отца и детей может вызвать какое-либо порицание, а тем более порицание правительства просвещенного. Впрочем, в сем деле я сторона — и сторона, наиболее заинтересованная; следовательно, я могу заблуждаться в моих рассуждениях.

В конце сентября я совершил путешествие к устью Илима, отчасти, чтобы рассеяться, отчасти, чтобы приобрести некоторые познания в естественной истории, в которой я еще новичок. Я оставляю подробности до следующего письма, которое не замедлю отправить, ибо вскорости посылаю моего человека в Иркутск за покупками. Меня торопят, кончаю. О вы, знающий мою душу, вы, в ком бьется чувствительное сердце, скажите, увижу ли я моих детей?

8 ноября 1794, Илимск

<24>

Милостивый государь!

Как подробное описание моего путешествия на Тунгуску не было закончено, то я не счел уместным послать вашему сиятельству нечто бесформенное. Впрочем, предупреждаю, что и сие лишь очерк — и слабый очерк ученика минералогии. Я не умею выразить, с какой отрадою, добравшись до соседства с Тунгуской, я мог созерцать сии горы, кои называют первородными (я видел лишь их отроги), и, взбираясь на сии громады, я в воображении переселялся в те отдаленные времена, когда земля, обнаженная и бесплодная, представляла собою местопребывание ужасное и пустыню обширную, или же, переносясь в позднейшие времена, я, казалось, видел природу, медленную в ее поступательном движении, собирающую все силы, чтоб стряхнуть с поверхности земного шара видимость старости и, потрясши землю до глубочайших оснований, показать ее в совершенно новом виде. Сколь обширное поле для гипотез, и, мне кажется, далеко еще не исчерпаны все предположения об образовании земного шара и потрясениях, им перенесенных.

Впрочем, когда судьба, налагая на нас свою тяжелую руку, лишает нас общества образованных людей, она оставляет нам еще благодетельное утешение — изучать природу, вопрошать существа, не только лишённые рассудка, но и чувствительности и видимости жизни: камни и утёсы. Они отвечают вам, да, они отвечают, и часто искреннее, чем это делают иногда люди; по крайней мере более искренне, чем жители сих областей. Кстати, они чрезвычайно испугались моего путешествия, все еще думая, что я ищу серебряную руду, коей здесь и следа нет. Доброжелательным и простым обхождением со всеми я ничего не добился, приложи я больше хитрости, что мне претит, я бы многое узнал. Но я не теряю надежды. — Дети пишут мне, что хотят приехать повидаться со мною. Я знаю, что они спросят совета у вас. О, если бы он был мне благоприятен! Я кончаю, прося вас быть ко мне всегда тем же.

Моя сестра свидетельствует почтение вашему сиятельству.

22 ноября 1794 года, Илимск

<25>

Милостивый государь.

С нарочным, которого я отправил в Иркутск, я имел честь... нет, выслушайте лучше язык моего сердца, — я имел бесконечную радость получить два письма от вашего сиятельства. Г. Пиль оставил должность; сие письмо еще дойдет до вас, как надеюсь, обычным путем; но после сего никакой надежды ни писать, ни получать ни откуда известия. Признаюсь, что горесть подавляет меня; но я не отважусь доверить письмо жителям сего края, как бы невинна ни была моя переписка. Излияния взды-

хающей души, советы отца детям или, вернее, друзьям от друга, который не имеет других преимуществ, кроме возраста и опыта, сие, конечно, не может вызвать последствий. Но люди здесь столь коварны и к тому же столь грубы, что совершенно невинная вещь может быть живописуема черными красками. Ждать благоприятной минуты — вот на что я решился. Начинается новый год. О, да будет дано вам провести его в счастье и видеть желания ваши исполненными и прожить еще много таких лет, а мне да будет дано еще раз увидеть вас. Ах, зачем не можете вы увидеть мое сердце, оно говорит много больше, нежели могут выразить уста мои.

Сестра моя, которая рядом со мною, поручает мне выразить вам свои чувствования. Слезы льются из глаз ее. Вы, который сумеете оценить их значение, примите ее поздравления.

При письме бывшего генерал-губернатора, о котором он сообщает, что оно последнее, я получил восемьсот рублей, которые неизменная милость вашего сиятельства мне определила ежегодно на содержание; примите мою благодарность. Все, что я мог бы вам сказать в более изысканных выражениях, не могло бы сравняться с чувством самой задушевной признательности. Она живет в моем сердце и исчезнет только тогда, когда оно перестанет биться.

Прилагаю здесь письмо к моему престарелому отцу, которое и убедительно прошу ваше сиятельство доставить ему, так как сам я не имею никакой возможности это сделать.

1 января 1795. Илимск

Милостивый государь.

Не получая в течение пяти месяцев ниоткуда никаких известий, потеряв надежду, так сказать, их вскорости получить, судите о нашей радости, ибо в минуту, когда мы меньше всего того ожидали, мы получили с нарочным письмом вашего сиятельства и письма, в него вложенные. Значит, правда, что одному вам буду я обязан даже самым слабым утешением, которым можно наслаждаться в несчастье. Да, вы — наш ангел-хранитель, единая причина всего добра, которое может с нами случиться. Ах, ежели вы верите, что у меня сердце чувствительное и способное к благодарности, судите о полноте чувств, коими оно преисполняется при сей мысли!

Пакет вашего сиятельства пришел как раз вовремя, чтобы пролить бальзам в сердца, удрученные печальным зрелищем, которое часто представляет нам слабость рода человеческого. Клевета, зависть, предательство, измена, всякое отрицание нравственности — вот черты картины, которую ежедневно мы имеем перед глазами нашими. Ежели правда, что можно дойти до высшего презрения к племени Адама (чувство, в вину вменяемое покойному королю прусскому), то никогда не было края более благоприятствующего рождению чувства сего, чем тот, в котором мы обитаем. Впрочем, если бы вы сочли меня мизантропом, вы бы очень ошиблись. Чем старше я становлюсь, тем сильнее я чувствую, что человек — существо общественное и созданное, чтобы жить в обществе себе подобных.

Отец мой прислал мне подробные сведения о разделе своего имущества. И я имею в нем свою долю или, вернее, дети мои. Одна деревня назначена к продаже для

уплаты остатка моих долгов, часть которых была покрыта капиталом Елизаветы Васильевны; итак, она мой работодатель. Сей долг не самый вопиющий, конечно, но самый священный для меня, тем более, что это все ее состояние, а отец мой не назначил никакого капитала для покрытия оного. В случае непредвиденных смертей она ничего не получит. Не она просит ваше сиятельство быть ее заступником, а я — и притом на коленях. Ибо ежели я могу упрекать себя в том, что неосторожностью навлек на себя изгнание, в чем только я ни упрекну себя, если доведу сестру мою до нищеты. Ее! — О мой Бог-покровитель!

P.S. Моя сестра, которая на сей раз не читала мое письмо, свидетельствует свое уважение вашему сиятельству.

3 июня 1795 г.

<27>

Милостивый государь.

Сие письмо доставит до Иркутска моя сестра. Ваше сиятельство можете судить, что лишь необходимость заставляет ее предпринять сие путешествие. Она едет умолять о покровительстве, по-видимому, осторожность того требует. В другое время, при других обстоятельствах было бы достаточно презрения, чтобы отплатить за обиду; ибо, как вам сие известно, те, что разыгрывают господ в сем диком крае, в другом месте почитались бы отбросами общества. На меня ополчились и начинают с того, что хотят меня унижить. Угадаете ли бы причину сего? Полагают, что у меня 40 тысяч; будь я один, я остался бы почти равнодушным. Мы пребываем в надежде, что

губернатор, будучи человеком благородным, соблаговолит оказать нам милость. Но одного слова вашего сиятельства было бы достаточно, чтобы вернуть нам наше прежнее положение. О вы, кем мы существуем, неужто вы отнимете от нас вашу благодетельную длань? Уже отъезд г-на Пиля изменил здешнее мнение о нас. Нынешнее лето я провел почти в бездействии. Различные обстоятельства были причиною тому, что я не двинулся с места, несколько прогулок с сыном по лесам для собирания трав были единственным занятием, которое можно назвать трудом. Сие дитя кажется весьма склонно к естественной истории вообще и к зоологии и ботанике в частности. Минералогию он любит меньше. Как я сам мало образован и лишен помощи пригодных к сему книг, то и не могу дать ему достаточное образование. Итак, наши занятия ботаникой сводятся к рассматриванию цветов. А как у меня нет новых книг для чтения, мое единственное прибежище — немецкая литературная газета, которую вашему сиятельству было угодно мне прислать. Хотя она и старая, она не перестает меня занимать. Несколько дней тому назад, когда я читал ее в молчании ночи, каково было мое изумление, когда я встретил статью о г-не Дале, сообщающую о его смерти и обо всем, что было при его погребении. Ночной мрак усиливал волшебство воображения, и мне на миг показалось, что я снова вижу человека, с коим я был столь тесно связан в жизни моей, с коим в течение десяти лет у меня не было ни малейшей размолвки. Естественно, сие заставило меня снова вспомнить того, кто был первым двигателем моего благосостояния. Слеза скатилась по моей щеке, я заснул; но сон мой отнюдь не был спокоен.

Прошедшей зимой я сделал попытку заняться торговлей, послав человека с мелким товаром в Кяхту; не-

смотря на любезность г-на директора, который оказал мне полное содействие, выгоды из того я не получил. Не было убытка, но также не было и прибыли. Путешествие моей доброй подруги в Иркутск воспрепятствует мне повторить сию попытку нынешней зимой. Единственный товар нашего края, который годится для кяхтинской торговли, она же мена, есть показатель всей торговли по течению Илима: беличьи шкурки возросли в цене с тех пор, как китайцы снова начали посещать Кяхту. Причина сего не столько в спросе на них, как в их редкости (большое число охотников не дает зверьку времени размножиться), в увеличении обращения звонкой монеты (промен рубля в 1790 г. в Амстердаме был 35 стиверов, а ныне подчас и 25), которая с возобновлением китайского торгова хлынула в Сибирь и привела к тому, что по медной монете дают 5, 7, 10, а иногда и больше ажио. По такому вздорожанию всех товаров, которые меняют в Кяхте, видно, что в сем торге русские товары прибыли не дают, а вся прибыль падает на товары китайские, что и повысило цены на них почти вдвое. От сего даже происходит добро: даба или крашеное синее полотно, столь дешевое прежде, не может ныне повсеместно потребляемо быть всем простым людом; за время пресечения китайского торгова размножилось сеяние льна и удвоилось ныне по причине выше приведенной, ибо стали носить полотняные рубахи. Нетрудно было бы написать целый том о сем предмете, но ныне я не хотел бы утруждать внимание вашего сиятельства, а о чем умолять буду в заключение, возобновляя мольбу, указанную в начале письма, — слово, увы! одно слово для страждущих!

20 ноября 1795 года, Илимск

Простите, ваше сиятельство, что мы прилагаем при сем всю нашу переписку с просьбой к вашему сиятельству отправить ее по адресу. Вот уже полгода, как мы никому не писали; а на просьбу о продолжении нашей переписки с родными губернатор ответил, что берет на себя доставление наших писем вашему сиятельству; о прочем он умолчал. Г-н Пиль нам сие предсказывал.

<28>

Милостивый государь.

С нарочным, прибывшим из Иркутска, я только что получил письмо вашего сиятельства с всегдашними знаками вашей доброжелательности, вашей доброты ко мне. Губернатор присоединил к оному 500 рублей, предназначенных вами для нашего содержания. Примите наше благодарение. Оно исходит из сердец, проникнутых вашими милостями, вашим неистощимым великодушием, — проникнутых тем более, что первопричина сего доброго дела покоится единственно в вас, ибо что мы сделали, чтоб заслужить такое?

Так как я более шести месяцев оставался без известий от вашего сиятельства, ваше письмо, несмотря на все горькие истины, которые оно содержит, принесло мне бесконечную отраду. Для меня оно верный поручитель того, что вы даете мне место в вашей памяти, и, получив его как увещание, как родительское наказание, я скажу лишь: простите чувствительному сердцу, погнавшемуся за химерой, простите любящему всем существом человеку, что он захотел повидать детей своих; если я и подумал, что то статочное дело, никогда бы я того не захотел, чтобы оно совершилось к их вреду.

По-видимому, хотели с корыстными целями посягнуть на наш образ жизни и на спокойствие наше, как я уже имел честь сообщить вашему сиятельству в моем последнем письме.

Моя сестра по этому случаю ездила в Иркутск, и губернатор привел все в порядок.

<29>

Милостивый государь.

Несколько опомнившись от ошеломления, в которое меня повергло письмо вашего сиятельства, я все же не могу свыкнуться с мыслью, что больше никогда не увижу детей моих. Надежда, сия утешительная спутница человека вообще, а особливо человека несчастного, выплывает из всех затруднений и баюкает своими мечтами. Вы скажете, что я безумец... Да, это так! Как одержимый, я стремлюсь вслед за лелеемой мною мыслию, я насыщаюсь ею, я опьяняюсь ею, я исступленно наслаждаюсь счастьем, рожденным призраками моего воображения, подобно курильщикам опиума; но придя в себя, я, по их примеру, чувствую себя усталым от своего бреда, еще более несчастным, чувствующим сильнее, чем когда бы то ни было, тяжесть моего горя. То безумие, признаюсь, — но можно ли сие ставить мне в вину?

Я дописал как раз до сего места, собираясь письмо отправить с моим слугою до Иркутска, когда я получил от г-на генерал-губернатора два письма вашего сиятельства, написанные из Москвы. Ах, какую радость я испытал, читая оные! Верьте или не верьте, но слезы мои еще текут, когда я пишу вам ответ.

О судах нашей округи я позволю себе написать вашему сиятельству в другой раз, теперь могу сказать толь-

ко одно, что, имея дело с отбросами общества, нельзя останавливаться на полпути. Люди сего рода действуют только по соображениям самой гнусной корысти. Лишь дамоклов меч (если мне будет дозволено воспользоваться сим сравнением) может держать их в повиновении. Отымите вашу благодетельную длань, — и положение мое станет далеко не таким, как сейчас, хотя милостивый приказ, снявший с меня оковы в Новгороде, запрещает обращаться со мною со строгостью. Однако после поездки моей сестры в Иркутск мы пользуемся большим спокойствием. В другой раз напишу о сем несколько подробнее.

Г-н Лаксман, как, должно быть, уже известно вашему сиятельству, умер. Я оплакиваю его, может быть, больше, чем кто-либо другой, и хотя мои сожаления не вполне бескорыстны, могу сказать, что его смерть меня поистине огорчает. Это была находка для меня, особенно в сих краях, — вести переписку с человеком, коему размышление дало ясность мыслей. Он был любителем и великим знатоком естественной истории, я бы привлек его к нам; о, какая польза была бы для меня, а в особенности для моего сына, у которого, кажется, большая склонность к сей науке; а не имея помощи, мы с сыном часто останавливаемся в наших занятиях, особенно по ботанике, в коей у меня знания самые поверхностные.

Могу сказать, что смерть Шелехова также огорчила меня. Я не сужу о его нравственных качествах, но могу сказать, что он был человеком услужливым. В общем, я был счастлив в моих сибирских знакомствах, за изъятием тупиц той округи, в коей я живу.

Сестра моя свидетельствует нижайшее почтение вашему сиятельству и покорнейше просит отправить г-же Ржевской письмо, прилагаемое при сем. Уже около

двух лет она не имела о ней известий. В своем последнем письме г-жа Ржевская сообщила, что пишет ей с Лаксманом, но он умер по дороге, и неизвестно, было ли что-либо послано с ним. Прилагаемое письмо тем более важно, что в нем речь о разделе имения между моей сестрой и ее меньшей сестрою и что г-н Ржевский должен был получить для нее деньги. Поэтому она усердно просит ваше сиятельство доставить ему ее письмо.

Сыновья мне пишут, что ваше сиятельство советуете им покинуть службу в гвардии. Я не знаю ваши намерения на сей счет, но они могут быть лишь добрыми, а ваши советы для нас — закон. Однако вы сами знаете, что было бы гораздо выгоднее выйти в гвардию, как они уже близки к тому, а затем идти в отставку, когда заблагорассудится. Я сужу по тому, как было раньше. Вы вольны решать, ибо все, что вы сделаете, будет к лучшему.

9 июля 1796 года, Илимск

<30>

Новый год начался... Ах, если бы он мог, если бы он мог течь и кончиться согласно вашим пожеланиям! Год едва начался, а ваши благодеяния уже возобновились. Я получил несколько дней тому назад 500 рублей от губернатора, которые, как он мне указывает, были присланы для меня от вашего сиятельства. Примите обычную дань благодарения чувствительного сердца. Но я признаюсь вам, что скорбь овладела моей душою. Ни строки от вас. Не переменились ли вы ко мне? Нет, мое сердце отталкивает сию мысль. Она слишком мучительна.

Император начал свое царствование благодеяниями. Да будет небо благоприятно ему во всех его благих начинаниях. Его царствование уже благословляют. Рек-

руты вернулись к своим очагам. Тот, кто стонал, будучи вырван из объятий своих родных, опьяняется радостью, радостью тем более сильной, что она неожиданна. Ах, сколь сладко увидеть места, которые видели наше рождение... Ах, сколь жестоко надеяться часто понапрасну.

Я кончаю. Простите меня. Мой разум взволнован мыслями, которые гонят друг друга, мое сердце, преисполненное различными чувствованиями, мечется между лучом надежды и почти полным отчаянием, — признаюсь, покой бежит меня. Ах, если бы длань, кормящая меня, могла по крайней мере уготовить мне могилу в местах, которые видели мое рождение! Моя сестра, верная спутница моего несчастья, с теми же чувствами свидетельствует свое почтение вашему сиятельству.

Январь 1797

<31>

Милостивый государь.

Я возвращаюсь в Россию, чтобы жить в своем поместье. Я не знаю, кому я этим обязан. Но я хочу относить все хорошее, что случается со мной, к тому, кто делал мне добро постоянно в течение большей части жизни моей. Возвращаясь домой, я надеюсь иметь возможность припасть к вашим стопам и прижать вас к моему сердцу.

Ах, найдите мне выражения, которые могли бы выразить все, что я чувствую в сие мгновение и всю глубину моей благодарности. Я ожидаю сие мгновение с нетерпением, которое превосходит все границы; и сие мгновение будет одним из лучших в моей жизни.

Я здесь один, а моя подруга по несчастью осталась в Илимске. Я возвращаюсь туда через несколько дней с санями, чтобы сразу же выехать.

Имею честь быть с совершеннейшей признательностью и глубочайшим почтением и проч.

26 января, 1797. Иркутск

[P.S.] Еще в Илимске я получил 500 рублей от вашего сиятельства, как я уже имел честь сообщить вам в моем предыдущем письме. Примите мою нижайшую благодарность.

Я нашел в Иркутске два мои письма к вашему сиятельству. Я их не отсылаю, надеюсь увидеть вас.

3 февраля

Я непременно выезжаю завтра, осыпанный милостями губернатора. Боюсь, как бы оттепель не задержала меня в пути; но ничто не может воспрепятствовать мне в моем желании видеть ваше сиятельство. Так как по приказу его величества я должен жить в одной из моих деревень по моему выбору, я выбрал деревню, которая мне досталась от моего отца и находится в ста верстах от Москвы; полагаю, что мне придется быть проездом в сем городе.

<32>

Милостивый государь.

Я на самое короткое время в Казани и не нахожу ни одного знакомого человека, что вынуждает меня продолжать путешествие водою; здесь был один из слуг моего отца, прождавший меня очень долго. Итак, я не буду иметь удовольствия или, вернее, счастья увидеть вас до июля месяца, так как говорят, что я буду в Нижнем не раньше Петрова дня. Да будет угодно небу, чтобы я все же повидал вас. Кажется, все в заговоре, чтобы отдалить сие мгновение. Неужто небо мне совсем не благоприятно; кончаю, потому что почта отправляется.

26 мая 1797

Я опоздал отправить письмо и, не сделав ничего путевого в Казани, вернулся на мою баржу.

Завтра, по-видимому, мы тронемся в путь. Если плавание не будет замедлено непогодой и бурями, то к Петрову дню мы прибудем в Нижний. Сомневаюсь, чтоб это случилось раньше. Да будет угодно небу, чтобы я мог окончить мое путешествие. Оно начинает тяготить меня чрезвычайно. Меня огорчает, что у меня нет никого своих в Казани и что я не смею свернуть с пути, чтобы повидаться с отцом и с матерью. Я также не увижу моих детей, которые, как я узнал, находятся в Киеве или еще дальше. Значит, было суждено, что если прошлый год окончился для меня началом счастья, нынешний год будет самым роковым в моей жизни.

Лаишев, 1 июня 1797

<33>

Милостивый государь.

После того что я пробыл в Москве четыре дня, не повидавшись ни с кем и сделав лишь несколько нужных покупок, я вернулся домой примерно с неделю тому назад. Ваше сиятельство не можете себе представить почти младенческую радость, которую я испытал, увидев, что приближаюсь к своей цели и что мое возвращение из ссылки осуществилось. Ибо я, может быть, к стыду своему, признаюсь, что все время, пока я был в дороге и видел с собою фельдъегеря, я чувствовал себя еще в Илимске. Мое воображение еще и ныне переносит меня туда; оно водит меня, потрясенного, надломленного, так сказать, роковою потерей, постигшей меня в Тобольске, по тропам несчастья и питается лишь предметами печальными и бедственными. Хорошая погода вызывает в нем

более веселые картины, но буря и дождь, заключая меня под кровлею и замедляя, некоторым образом, полет моей души, разливают меланхолию во всем моем существе.

О, как бы я хотел поехать к моему старику отцу! Сие необходимо для моего сердца, сие еще нужнее для моих домашних обстоятельств. Если я добьюсь милостивого разрешения поехать к нему, сия милость будет почти столь же велика, как та, что вернула меня из Илимска. Ежели нет, — я пошлю туда моего сына.

Пребывание в деревне для меня ново во многих отношениях; поселяне для меня тоже новый народ. Сходство, которое я нахожу в нем с народом сибирским, то лукавство. Я не понравился моим вассалам, запретив им женить малолетних, что здесь обычай почти всеобщий и причина того, что население никогда не будет возрастать, или одна из причин, благоприятствующая сему. Я прошу ваше сиятельство помнить о том, кто в изгнании или дома всегда неизменен.

А. Радищев.

24 июля (1797), Немцово

<34>

Милостивый государь.

Мое последнее письмо к вашему сиятельству (NB. — если оно дошло до вас) показалось, вероятно, вам весьма мрачным, и я от всего сердца прошу извинить меня. Сто раз я говорил себе: зачем пускаться в отступление, зачем причинять ему неудовольствие, хотя бы и мимолетное; потому что, признайтесь, ваше сиятельство, мое письмо огорчило вас. Со своей стороны, признаюсь, что я печален.

Но я призываю к себе на помощь мою философию и мою риторику; я составляю рассуждения и силлогизмы во всех формах; я избавляю ваше сиятельство от необходимости выслушивать их содержание, и после того, что я храбро бился, чтобы разогнать тучи, затемняющие мой разум и мою душу, вот я теперь, как некогда Фёб, выходявший весь в сиянии из лона Амфитриты, я выхожу в наилучшем расположении всего только из бани — и еще с мокрой головой берусь за перо, чтобы поблагодарить ваше сиятельство за письмо от 2-го дня сентября, которое я получил 20-го числа того же месяца. Согласитесь, что человек очень смешное, очень странное существо: он плачет утром, смеется вечером, хотя в положении его ничто не изменилось; иногда он и с места не сдвинулся, а сидит в своем кресле в колпаке и ночных туфлях. Да, я был таков, каким только что изобразил себя, плакал утром и смеялся вечером, как безумец, а меж тем я уже не смеялся — я разумею от веселия сердца — с Тобольска, со времени разлучения с моей доброй подругой, хотя я имею все основания на свете быть более веселым вследствие благодати нашего всемилостивейшего императора.

Вашему сиятельству угодно знать, что я делаю и есть ли у меня соседи. Соседей хоть отбавляй; но я не видел никого. Г-н Нарышкин, Алексей Васильевич, с семейством. Он болен; он от меня в восьми верстах; затем... я не хочу перегружать письмо мое лишними именами. Гончаров, отчасти мой родственник, знаменитый своей парусиною, в сорока верстах; Калуга в шестидесяти; Янов в ста пятидесяти, это дальше, чем Москва. Он дважды писал мне и приглашал к нему приехать. Хотя мы и были некогда товарищами, слишком уж он далеко от места моего пребывания.

Что до моих занятий, читаю я мало, вовсе не пишу, сия мания у меня прошла. Я гуляю; отправляюсь в рощу, что за моим садом, в котором нынче не было ничего, кроме ябллок; итак, я иду в рощу — не для того, чтобы размышлять, не для того, чтобы стрелять дичь, которой там нет, но... конечно, ваше сиятельство, не догадаетесь, для чего: для того, чтобы собирать грибы! Приехав сюда, я был весь — зрение, и в сем отношении я наслаждался; я видел, как жали рожь, как снимали яровые, видел покос; я наблюдал, но запрещал себе размышления; я часто повторял прекрасную оду Горация «*Beatus ille*»*, коей я знаю лишь начало, и мне иногда казалось, что можно наслаждаться жизнью различным образом. По приезде глаза мои были поражены полями серого и желтого цвета, к осени серое превратилось в зеленое. По приезде я видел поля, покрытые прекрасными хлебами, которые ветер колебал золотыми волнами; колосья пали под косою жнеца, жесткая солома покрывает поля, по которым бродят стада коров и овец, — но рядом уже поднимается зеленая надежда землешца. Я повторяю: я был один, я наслаждался. Когда летние труды кончились, я увидел целые толпы сельских жителей, которые проходили мимо меня; подобно гусям и диким уткам, они покидали свои жилища, чтобы идти отыскивать себе пропитание, как птицы покидают север при приближении зимних непогод. Бодрость покинула мое сердце. Значит, есть для них страна обильнее, живительнее; значит, небо там чище и яснее; жилища там, значит, счастливее? Нет, крестьянин любит место, где он родился; только нужда заставляет его покидать свой дом и все то, что человек покидает с сожалением; но он вернется к себе, отягощенный добычею, которую его промысел соберет с людей, менее

* «Блажен тот» (лат.).

искусных, чем он, — и радость возвратится в его дом. Горе тому, кто смутит ее! Когда я вижу радость, я радуюсь сам, и сие случается довольно часто; я каждый день вижу, как проходят солдаты, которые свидятся со своими родными и друзьями. Какое ликование! Какие благословения тому, кто был сему причиною! Ах, когда же я увижу своих! Старший из моих гренадеров болен, и я теперь думаю, что то и есть истинная причина, по которой он хочет идти в отставку. Он болеет с тех пор, как он в Киеве. Мой меньшой в лагерях около сего города. Они надеются приехать ко мне: какая радость! Обнимая меня, они благословят того, кто возвратил им отца их, того, кто для них его сохранил. Они благословят вас.

21 сентября 1797 года

Мой адрес в Малом Ярославце, как я имел честь сообщить вашему сиятельству. Сей город ныне безуездный, и моя деревня Немцово отстоит от него лишь в полтора верстах. Мы Боровского уезда.

<35>

Милостивый государь.

Когда я сидел однажды вечером с моими детьми за чайным столом, ко мне вошли два человека военного вида. Сперва я подумал, что то гусары, которые часто оказывают мне честь своими посещениями; но никто не доложил об их прибытии. Подумайте, каково было мое изумление и моя радость! Я еще не имел времени опомниться, как я уже был в их объятиях. То были мои сыновья, приехавшие ко мне после семилетней разлуки. Бог, высшее существо, существо утешающее (да, в сие мгновение такова была молитва моего восхищенного разума,

таково было чувство мое до глубины взволнованной души), прими благодарение сердца, любящего тебя, и не страшющейся души, которая чувствует себя эманацией твоей неведомой сущности, и если молитва тленного существа может вознестись до твоего престола, на коем ты восседаешь во всей полноте твоего величия, твоей неопишуемой силы, — благослови руку, которая поддерживала меня, которая отняла у горя моего горечь и у отчаяния — все, что оно таит в себе разрушительного. Да, именно тогда я почувствовал всю глубину ваших благодеяний, я чувствовал, что я уже не в Сибири. После двухнедельного пребывания у меня мои сыновья уехали в Киев, и я воспользовался сим случаем, чтобы отправиться в Калугу; две ночи я ночевал у Янова и вернулся домой. В Калуге я нашел родственников, с которыми не был знаком; между прочим, прокурора Бахметева, из старых товарищей, и Пушкина, младшего брата того, который умер в Тобольске.

Повидав детей моих, я теперь хочу только повидать моего отца. Нет, я лгу, ибо мне очень хочется еще раз повидать вас.

6 ноября 1797. Немцово

<36>

Милостивый государь.

Письмо вашего сиятельства от 22 ноября получено мною лишь сегодня, 12 декабря, но как нельзя более ко времени, чтобы не остаться долго без ответа, потому что мой слуга, которого я отправляю в Москву, отвезет его.

Не полагая предела милостям вашим, ваше сиятельство говорите мне, что я не должен стесняться принять еще помощь от вас. Увы, я и не стеснялся и без вашего

великодушного предложения уже готов был просить вас помочь мне; теперь я прошу вас об этом, а именно прошу переслать моим детям в Киев 100 рублей, но не более, на дорогу ко мне. Они получили отставку по своему ходатайству, подав прошение, не дожидаясь моего ответа и в то время, когда я просил совета вашего сиятельства по сему поводу. Они, быть может, слишком поторопились, но боязнь сбиться с пути (они еще так молоды), живя среди товарищей всякого рода, боязнь сделать какой-либо ложный шаг — вот что заставило их идти в отставку. Впрочем, я имел сведения со стороны, что они всегда хорошо вели себя и считались среди лучших офицеров полка.

Вашему сиятельству может показаться странным, что, находясь у себя в деревне, я не могу распорядиться такой скромной суммой. Я, не колеблясь, объясню вам причину сего; отец мой, по своей болезни, не принимал участия в управлении моей деревней, приносящей в год 800 рублей, и поэтому она заложена в банке, куда вносят из дохода около 600 рублей в год, что идет еще со времени моего худого ведения дел. Негодяй приказчик, которому отец доверил управление деревней незадолго до моего прибытия, похитил остаток дохода и даже на два года продал плоды сада, взяв деньги вперед. Из-за небрежения того же приказчика половина деревни попала под опеку, но так как брат занят в Петербурге продажей моего дома, я имею надежду ее выручить. Простите, что докучаю вам, может быть, надоедаю, но вы так добры, так снисходительны ко мне.

Я совсем недавно узнал, что княгиня Дашкова пребывает не далее, как в 40 верстах от меня; я предполагаю в скором времени засвидетельствовать ей мое почтение,

если место ее пребывания не находится за пределами Калужской губернии; потому что в противном случае не знаю, хорошо ли мне выезжать за грань губернии, хотя по дороге туда не нужно проезжать ни через какой город.

Имею честь быть с истинной преданностью и глубочайшим уважением и проч.

23 декабря 1797. Немцово

Если ваше сиятельство соизволите исполнить мою просьбу, я прилагаю письмо для моих сыновей.

Я узнал из газет, что два секретаря тамошни получили повышение в связи с тарифом. Признаюсь, что я имею большое желание его просмотреть.

<37>

Милостивый государь.

Я должен воздать благодарение вашему сиятельству за письмо ваше от дня 17 декабря, которое я получил с моим слугою; вы соизволили согласиться на мою просьбу и послали деньги моим детям; хотя они уехали из Киева, не дождавшись от меня ответа, признательность моя за ваши благодеяния от сего не меньше.

В то время как я направлял вашему сиятельству мою просьбу касательно их, они, получив паспорта, уже тронулись в путь на извозчиках и на своих собственных лошадях и прибыли ко мне в канун Нового года.

В письмах, которые я вчера получил из Петербурга, меня обнадеживают, что мне разрешат съездить к моему отцу. Какая радость для меня, будь сие разрешение не столь ограниченным, и я при сей оказии имел бы счастье, да, счастье, увидеть вас!

9 января 1798 года. Немцово

<38>

Ответ на письмо, посланное мною государю императору, не замедлил, и я получил разрешение съездить один раз к моему отцу. Из копии письма генерал-прокурора, написанного по сему поводу, которую я при сем прилагаю, ваше сиятельство увидите, что мой маршрут не столь определен, как тот, по которому я возвращался из Иркутска, и я полагаю, что не будет в том большой беды, если я проеду через Москву, как мы обыкновенно ездим. Если и есть отсюда в Саратов другая дорога, то она, конечно, не короче. Итак, я буду иметь радость, столь благодетельную для души моей, увидеть того, кто доставил мне счастливые дни на лоне бедствий. Дабы ускорить мой отъезд, я послал сына в Москву, поручив ему мое письмо к вашему сиятельству.

Отправляясь к отцу по санному пути, я предполагаю провести там лето и вернуться в начале будущей зимы. В ожидании минуты, которая позволит мне явиться к вашему сиятельству, я осмелюсь представить вам подателя сего письма. Соболаговолите его принять как сына того, кто не перестает благословлять вас.

Январь, 1798 год. Немцово

<39>

Милостивый государь.

Я получил два письма от вашего сиятельства, одно по прибытии моем сюда, другое на следующий день. Что скажу вам? Ваши благодеяния предупреждают меня, разыскивают меня повсюду; а что вы получаете взамен? Ежели простая признательность глубоко растроганного сердца может вас удовлетворить, — то да, душа моя преисполнена чувством вашей доброты.

Пребывание здесь мне не слишком благоприятно, и ваше сиятельство простите меня за то, что я не сразу ответил на письма ваши: погода испортилась, и слишком ранняя весна производит на меня дурное действие; мое здоровье значительно страдает от того. На первое письмо вашего сиятельства я колебался ответить; но не мог удержаться, получив второе; скажите, хорошо или худо я поступил.

Я застал моего отца в положении, достойном жалости, а мать мою следует жалеть еще больше. — Как ужасна и печальна истина, возвещенная знаменитым французом, автором трагедий: «Ах, сколь редко наши последние дни бывают ясны!» — Насколько я был рад свидеться с ними, настолько же горестно мне было видеть их в столь плачевном состоянии.

Ваше сиятельство упрекает меня в том, что я не ответил на тот пункт вашего письма, где вы пишете, чтоб я заехал к вам на пути к себе в деревню. Раз навсегда я сказал себе, что слово ваше будет для меня приказанием, которое на сей раз я исполню тем более точно, что я тем удовлетворю желание мое еще раз увидеть вас. — Здесь я провожу время в кругу моих ближайших родственников, ибо по соседству нет никого, кроме нескольких чужаков: Карпова и некоего барина Зубова, о коем ваше сиятельство, должно быть, слышали.

Соблаговолите сохранить вашу благосклонность к тому, кто остается с глубочайшим душевным расположением,

ваш А. Радищев.

23 марта 1798 года.

<40>

Милостивый государь.

Я только что получил письмо вашего сиятельства от 29 июня; оно доставило мне тем более радости и удовлетворения, что для меня оно залог продолжения ваших непрерывных милостей. Я откровенно признаюсь вам, что пребывание здесь внушает мне лишь грусть, тем более что я почти все время нездоров, и если бы я не думал, что в последний раз вижу моих престарелых родителей, я бы уже давно уехал отсюда. Итак, я остаюсь — и рассчитываю уехать только в ноябре. Но как бы там ни было, я постараюсь застать ваше сиятельство в деревне.

Письмо вашего сиятельства, вероятно, не застало г. Нагеля в Иркутске, потому что он рассчитывал уехать в половине мая. Он сообщил мне, что ящики мои он оставил в Иркутске у комиссара Новицкого. Сблаговолите продолжать ваши благодеяния тому, кто с глубочайшим уважением и самой нерушимой преданностью и проч.

21 июля 1798

P.S. — Весна у нас была весьма суха, затем четыре недели шли дожди, а жара пришла следом, и сильная притом. Началась жатва; рожь посредственная, но овсы и прочие яровые будут превосходны. Человек принимает окраску предметов, его окружающих: я и читаю и говорю лишь о сельском хозяйстве, за исключением опытов, кои я пишу в расчете на будущее.

<41>

Милостивый государь.

Я пользуюсь верной оказией, чтобы написать вашему сиятельству. До сей поры таковой совершенно не

оказывалось. Я так часто испытывал неверность почты, что она мне совсем огадила; к тому же ваши приказания на сей счет весьма точны. Чего же ожидают, распечатывая мои письма? Никогда они не содержали ничего, что могло бы вызвать неудовольствие, никогда они сего содержать не будут.

Я довольно плохо провожу здесь время в рассуждении здоровья моего. С тех пор как я здесь, я испытал приступы болезней, мне доселе неизвестных. Я чувствую, что весьма состарился со времени возвращения моего. Тем не менее я толстею, и мой камзол напоминает мне о том каждый день. Впрочем, я здесь ничего не делаю, а только читаю пустые бредни о работах Экономического общества в Санкт-Петербурге. Самые важные из моих чтений — «Мессиада» Клопштока и «Энеида» по-латыни. Сия последняя действительно принесла мне удовольствие, потому что со школьных лет я не заглядывал в нее.

Несколько дней тому назад я получил письмо от г-на Нагеля, помеченное днем 28 апреля (не в ответ на мое письмо, писанное ему отсюда, а на то, которое я написал в конце прошлого года), в коем он извещает меня, что отправляется из Иркутска в конце мая, что оставил мои книги в Иркутске у комиссариатского чиновника. Он мне говорит, чтоб я написал ему, когда он будет проездом в Казани, что я и сделал. Я рассчитываю выехать отсюда только в начале будущей зимы, если меня что-либо не принудит сделать сие раньше, и тогда, сказав, вероятно, в последний раз «прости» моим престарелым родителям, я буду иметь до возвращения домой (если вы разрешите) отраду и удовольствие видеть вас — тоже, быть может, в последний раз. Я приношу бесконечную благодарность вашему сиятельству за газеты, которые

вы соблаговолили мне прислать. Из всех повременных листов, то ли французских, то ли немецких, которые в течение десяти лет попадались мне в руки, ни один не был написан слогом столь сжатым, столь сильным, столь соответствующим своему предмету, как лист Лондонского Меркурия. Если бы возможно было не заподозрить, что он находится на жалованье у английского министерства, он мог бы, хотя он только газетный писака, найти себе почетное место среди историков нашего времени. Если сия чересчур явная угодливость по отношению к английскому правительству воспрепятствует потомству назвать его другим Тацитом, коим именем наградили его некоторые поспешные хвалители, по крайней мере он будет достоин сего прозвища за то, что он столь верно говорит о пятиглавой и всем враждебной гидре французского правительства.

У нас до сей поры стояла довольно холодная погода, и как во всю зиму не было оттепели, сие вызвало чрезвычайную дороговизну кормов. Воз яровой соломы продавали за рубль пятьдесят, а пуд сена за 30 копеек. Цена упала со снегом.

Преображенское. Осень 1798

<42>

Милостивый государь.

Получив последнее письмо вашего сиятельства, я рассчитывал вместо письменного ответа явиться к вам лично и, удовлетворяя мое первейшее желание, еще раз в жизни увидеть вас, увидеть моего благодетеля, иметь сладость обнять его, воздать ему благодарения за его непрерывные милости и принести ему слезу — дань чувствительного сердца. Но судьба судила иное. Не входя в

скучные подробности причин, препятствовавших до сей поры моему отъезду отсюда, скажу, что одна из них заключалась в том, что мой отец внезапно решил произвести раздел имений, которые он не поделил между детьми, и хотя я не должен был в нем участвовать, я рассчитывал, что мне дадут некое обеспечение капитала, который моя покойная подруга передала в руки моему отцу и который по закону принадлежит мне. Я кусаю себе пальцы от того, что я еще не в пути, тем более что я лично хотел принести вам мои извинения и просить вашего прощения; ибо я чувствую, что письмо, которое я написал по поводу моего брата, могло раздосадовать ваше сиятельство. Простите меня за это, милостью прошу. То дружба моя к нему была тому причиною, и я лишь уступил настояниям — настояниям, тысячу раз повторенным. Не дай Бог, чтобы я просил ваше сиятельство компрометировать себя из-за меня, человека замаранного и вина которого, по-видимому, гораздо больше, чем я воображал, так как она может пасть на невинных.

Я кончаю со слезами на глазах, ибо не дано письму быть столь же сильным, как слово, как движение, а слово наиболее согласованное, выражение сильнейшее — еще далеки от того, что чувствует человек.

Единая мысль охватывает всю вселенную, вырывается из границ возможного; слово влачится за нею, и самый сильный ораторский прием — лишь тень простого чувствования, которое он хочет выразить. Я кончаю моим обычным припевом: соблаговолите вспомнить о том, кто плачет, лишившись случая увидеть вас, о том, кто с уважением и проч.

26 ноября 1798 года

<43>

Милостивый государь.

Проведя у отца моего два месяца дольше, нежели я ранее предполагал, я отправился в путь 27 января и добрался до дому лишь 7 марта. Судьба, казалось, противилась моей поездке, и, перенеся в дороге все, что можно вынести от холода и зимних непогод, я был вынужден остановиться в Тамбове по случаю болезни моего старшего сына, которая продолжалась более трех недель.

Я весьма странное существо. Возвращенный домой из глубин Сибири, спокойный во всех отношениях, я толстел, дни мои начинались и кончались один, как другой, но разум мой был мертвенным, а угнетенная душа моя билась в своей стихии, как утопающий бьется в воде. Теперь, когда я перенес все телесные тяготы, а также, если можно так выразиться, все тяготы душевные, все пытки разума, почему стал я бодрее, веселее, покойнее и вижу вещи с лучшей стороны? Неужто нужно подвергнуть мучениям плоть свою и дух, чтобы почувствовать себя лучше. Вот каков я был, вот каков я ныне: веселее, когда у меня больше огорчений, угрюмее, когда я слишком спокоен. Простите мне сию болтовню со свойственной вам снисходительностью и соблаговолите вспоминать о том, кто всегда с искренней преданностью и проч.

8 марта 1799 года

<44>

Милостивый государь.

Во всех моих скорбях, во всех моих тревогах я прибегаю всегда к вашей помощи. Вы никогда не отказывали мне в благодеянии. Откажете ли вы ныне? Сочтете

ли вы, что я прошу милостыни? Я того не думаю. Если бы я имел дело с другим, а не с вами, мой язык скорее бы онемел, чем произнес бы слово и сказал: помогите мне тремя стами рублями.

Ваше сиятельство можете подумать, что, имея деревни, я плохо веду хозяйство. Но сие не так. Мой доход состоит лишь из.....*, из которых 560 рублей ежегодно вносятся в банк.

Мой петербургский дом еще не продан (по отъезде брата я послал моего старшего сына, чтобы во что бы то ни стало разделаться с домом, так как доход с него не покрывает расходов). Я не мог добиться ни 10 000 рублей, кои полагаются мне после смерти моей подруги, ни даже обеспечения, сверх того — большое семейство. Ах, вопреки всей ясности души, которую дает нам малая доля философии, вопреки воспоминаниям о жизни, все превратности коей проистекали от большей или меньшей неосторожности, ошибки коей были лишь следствием восторженной чувствительности, — человек всегда платит дань человеческой природе, слабой и изможденной страданиями, а совершенный стоицизм есть химера или, самое большое, — философическая гордыня. Иначе Эмпедокл не бросился бы в Этну, Диоген покинул бы свою бочку, Марк Аврелий... не воздвиг бы храма Антиною, а Руссо не писал бы музыки. Не отказывайте мне в моей просьбе. Ах, милостивый государь! Не заставляйте меня краснеть!

17 апреля 1799 года

То мое пребывание в Тамбове и болезнь сына моего так расстроили мои денежные дела.

* В подлиннике прорвано.

<45>

Милостивый государь.

Пребывая в надежде, что ваше сиятельство уже в Москве, я пользуюсь оказией, чтобы отправить мое письмо. То не пошлое поздравление, то не общее изречение я выражаю, когда говорю: поздравляю вас с Новым годом, который скоро начнется. Чувствительное сердце чуждо часто удачным оборотам холодного эгоизма. Итак, я поздравляю ваше сиятельство с Новым годом со всей душевной искренностью, живите долго для утешения несчастных; ибо, вопреки Лейбницу и Панглосу, мы не обитаем, увы, в лучшем из возможных миров. Стоят холода. Нынешняя зима, с тех пор как она установилась, это зима сибирская, то есть без оттепели. Тело мое менее ощущало холод Сибири, ибо я был к нему менее чувствителен, ибо было сие десять лет тому назад, ибо ныне мне уже перевалило за пятьдесят. Земля вертится, время пролетит еще несколько шагов, кровь оледенеет, — и могила отверста. Не подумайте, что я одержим меланхолией. Нет. В тот час, что пишу вам сие, солнце подымается, сияя славой, воздух чист, грудь дышит вольно. Чего же еще любовнику природы? Но мне всегда будет недоставать вас.

27 декабря (1799)

<46>

Милостивый государь.

Уже давно у меня не было оказии, чтобы написать вашему сиятельству, уже давно я не имел удовольствия получать известия от вас. Со времени моего последнего письма я, быть может, и мог доставить вам тем или иным

способом мои письма, но так как душа моя слишком сильно чувствовала боль, ею переносимую, я счел за благо избавить ваше сиятельство от докучки читать послание, в котором отражалось бы состояние моего духа.

У меня были семейные огорчения... Можете ли поверить, что я, вспомнив об Илимске, пожалел, что я не там! В моем смятении я просил разрешения поехать в Петербург. Увы! Я буду еще докучать вашему сиятельству. Помогите мне, — и вот в чем дело. Мой дом продан примерно месяцев восемь тому назад, но я еще не получил ни гроша. Из продажной цены в десять тысяч — пятьсот барышнику, столько же и более за налоги, которые лежали на мне, расходы и содержание продавцов, так что чистая цена — восемь тысяч, из коих я получил пять тысяч заемными письмами, оплачиваемыми в течение трех лет в разные сроки. В уплату остальных трех тысяч бесчестный покупатель ухитрился дать вместо наличных денег заемные письма человека, имение которого находится в конкурсном управлении и под опекой, что повлекло за собою тяжбу и издержки.

В довершение бед меня вместе с другими обязуют платить за хищения одного олонецкого торговца солью, — а вашему сиятельству ведомо, виновен ли я в сем! Но платить надо.

Теперь время таково, что, за изъятием нескольких новинок, которые ваше сиятельство соблаговолили прислать мне для чтения, здесь, кроме газеты, читать нечего. Если у вас есть какие-нибудь журналы, в коих вы больше не имеете нужды, сделайте милость, пошлите их мне. Я перечитываю здесь посмертные творения Фридриха Великого и при сей okazji весьма желал бы перечесть его творения, напечатанные при жизни его под за-

главием «Творения философа из Сан-Суси», то есть его творения в стихах, как то: послания, оды, «Искусство войны», если ваше сиятельство могли бы мне оные одолжить.

Вот сколько просьб! Но величайшая из них — со- благоволите вспомнить о том, кто имеет честь с глубо- чайшим почтением и проч.

Немцово, 15 декабря 1800 года

Виктор Гюго

МАРЬОН ДЕЛОРМ

Драма

Действующие лица

Марьон Делорм.

Дидье.

Людовик XIII

Маркиз де Саверни.

Маркиз де Нанжи.

Ланжели.

Де Лафемас.

Герцог де Бельгард.

Маркиз де Бришанто.

Граф де Гассе.

Виконт де Бушаванн.

Шевалье де Рошбарон.

Граф де Виллак.

Шевалье де Монпеза.

Аббат де Гонди.

Граф де Шарнасе.

офицеры Анжуйского
полка.

Скарамуш. |
Грасье. | бродячие комедианты.
Тайбра. |

Советник при Верховном суде.
Глашатай.
Начальник стражи города Блуа.
Тюремщик.
Писец.
Палач.
Первый рабочий.
Второй рабочий.
Третий рабочий.
Слуга.
Роза.

Провинциальные комедианты, стражники,
народ, дворяне, пажи.

Франция. — 1638

Действие первое

СВИДАНИЕ

Блуа

Спальня. В глубине окно, открытое на балкон. Направо стол со свечой и кресло. Налево дверь с вышитой занавеской. Кровать в полумраке.

Явление первое

Марьон Делорм, в нарядном домашнем платье, вышивает у стола; маркиз де Саверни, белокурый безусый юноша, одет по последней моде 1638 года.

Саверни

(приближаясь к Марьон и пытаясь ее поцеловать)

Ну, помирись скорей со мной, моя Марьетта!

Марьон

(отталкивая его)

Лишь издали, маркиз, согласна я на это.

Саверни

(настойчиво)

Ну, поцелуй!

Марьон

(с гневом)

Маркиз!

Саверни

За что же гнев такой?

Со мной бывали вы, Марьон, совсем другой.

М а р ь о н

Вы забываете...

С а в е р н и

Нет, вспоминаю сладко.

М а р ь о н

(в сторону)

Какой назойливый!

С а в е р н и

Марьон, что за загадка?

Что думать нам о том, зачем и почему
Вы променяли блеск на здешнюю тюрьму? —
Меж тем как там по ней уже скучает Сена,
Она сидит в Блуа. Уж это ль не измена?
Никто не знает, что здесь делает она.

М а р ь о н

Я делаю все то, что делать я должна.
Свободна я, маркиз.

С а в е р н и

Свободны, безусловно,

Нам душу иссушив истомою любовной.
А как же я теперь? И де Гонди — на час
Он мессу задержал и дрался из-за вас?
Несмон, Ле-Прессиньи, д'Аркьен, Коссады оба?
В Париже без тебя всех их сжигает злоба,
И жены их, чтобы смягчить мужей,
Тебя вернуть в Париж хотели бы скорей.

М а р ь о н
(улыбаясь)

А Бовилен?

С а в е р н и
Влюблен.

М а р ь о н
А как с Серестом дело?

С а в е р н и
Он обожает вас.

М а р ь о н
А Понс?

С а в е р н и
Клянет вас смело.

М а р ь о н
Из всех лишь он влюблен. — А прокурор старик...
(Смеется.)

Ну, как его?

(Смеется громче.)
Лелу!

С а в е р н и
Он ждет вас каждый миг,
Он ваш портрет хранит, и что ни день — то ода.

М а р ь о н

Он с образом моим в душе провел два года.

С а в е р н и

Он на костер бы вас послал! — Молю открыть,
Зачем вы бросили всех нас?

М а р ь о н

(строго, опуская глаза)

Ну, так и быть,

Могу вам сообщить причину поворота
Произошедшего. Блестящее болото,
Где погрязла я, позором и грехом
Мне показалось вдруг. Затвором и постом
Решила искупить я эти прегрешенья.

С а в е р н и

Бьюсь об заклад, что здесь таится увлеченье!

М а р ь о н

И вы подумали...

С а в е р н и

Что вижу в первый раз

Я у затворницы сиянье нежных глаз.
Марьон! Любовь в глуши! Звучит немного странно
Такой простой конец роскошного романа.

М а р ь о н

Любви здесь нет.

С а в е р н и

Любовь!

М а р ь о н

Теперь который час?

Р о з а

(за сценой)

Уж полночь скоро.

М а р ь о н

Что?

С а в е р н и

Чтоб я ушел сейчас?

Хитрите вы, Марьон!

М а р ь о н

Я здесь одна, не знаю

Я ни души в Блуа. Друзей не принимаю...

К тому же в темноте и в этот поздний час

На нашей улице ограбить могут вас.

С а в е р н и

Пусть!

М а р ь о н

Могут вас убить. Здесь в темноте пустыня.

С а в е р н и

Отлично, пусть убьют.

М а р ь о н

Но...

С а в е р н и

Вы моя богиня!

Я покидаю вас, но знать хочу — кто он,
Тот милый пастушок, что вас пленил, Марьон.

М а р ь о н

Никто.

С а в е р н и

Марьон, пусть мы задиры, забияки,
Что нам доверено — в могильном скрыто мраке.
Посплетничать порой придворным любо, но
Что тайна — то у нас в душе сохранено.
Молчите?

(Садится.)

Остаюсь.

М а р ь о н

Что ж! Тайну вам открою.
Да, я люблю и жду.

С а в е р н и

Вот видите, что злою
Не надо быть. Куда ж прелестник ваш придет?

М а р ь о н

Сюда.

С а в е р н и

Когда?

М а р ь о н

Сейчас.

(Идет к балкону и слушает.)

И, вероятно, вот...

(Возвращается обратно.)

Нет.

(К Саверни.)

Рады вы?

С а в е р н и

Я? Нет!

М а р ь о н

Уйдите, Бога ради...

С а в е р н и

Уйду. Но кто мне путь сокрыл к моей отrade?

Из-за кого меня отсюда гонят вон?

М а р ь о н

Я знаю лишь одно: Дидье зовется он;

Меня зовут Мари — он только это знает...

С а в е р н и

Как!

М а р ь о н

Да.

С а в е р н и

(смеясь)

Так пастораль и в наши дни бывает?

Такую дружбу нам Ракан изображал.

Он влезет по стене, ваш светлый идеал?

М а р ь о н

Быть может. Но теперь идите без отсрочек.

(В сторону.)

Сил нет!

С а в е р н и

(снова делаясь серьезным)

Он дворянин — проворный ваш дружок?..

М а р ь о н

Не знаю ничего.

С а в е р н и

Как?

*(К Марьон, которая тихонько
подталкивает его к двери.)*

Ухожу!

(Возвращается.)

Ах, да!

Я от поэта дар привез с собой сюда.

*(Вынимает из кармана книгу
и передает ее Марьон.)*

Он посвятил вам том и стал знаком со славой.

М а р ь о н

(читает заглавие)

«Гирлянда нежностей — Марьон Делорм лукавой»...

С а в е р н и

О книге говорят, велик ее успех.

Она да «Сид» еще уже затмили всех.

М а р ь о н
(беря книгу)

Любезен автор наш.

С а в е р н и
Как тщетно славы бремя!
Ей с парнем из Блуа ночное сладко время.

М а р ь о н
Проводит Роза вас. Прощайте же, маркиз!

С а в е р н и
(откланиваясь)
Увы, Марьон, Марьон! Вы покатались вниз.

Явление второе

М а р ь о н, потом Д и д ь е

М а р ь о н
(одна; закрывает дверь, в которую вышел Саверни)
Иди ж!.. Я за Дидье боялась.

Слышно, как бьет полночь.

Звон полночный!

(Считает бой часов.)

Он был бы здесь уже, когда б явился точно.

(Идет на балкон и смотрит на улицу.)

Нет...

*(Возвращается раздосадованная
и опускается в кресло.)*

Опоздал! Уже!

На балконе появляется молодой человек. Он ловко перепрыгивает через перила, входит в комнату и кладет на кресло плащ и короткую шпагу. Одет по моде того времени, весь в черном. Полусапожки. Делает шаг и несколько мгновений смотрит на Марьон, сидящую с опущенными глазами.

Ах!

(С упреком.)

Скучен счет минут,
Когда так долго ждешь!..

Д и д ь е
(строго)

Я, не входя, был тут.
(Показывает на окно.)

М а р ь о н
(обиженно)

Как, сударь?

Д и д ь е
(не обращая на это внимания)

Подходя сегодня ночью к дому,
И состраданье к вам и смертную истому
Я чувствовал — почти что до потери сил.
И вот что я в душе моей произносил:
«Там в добродетели и в красоте высокой
Мой ангел бодрствует, не ведая порока,
Такое существо, пред кем на всех путях
Молиться следует и повергаться в прах.

А я... увы! кто я? Как червь, ползу с толпою.
 Зачем я гладь реки зеркальной беспокою,
 Срывая лилию? Дыханием своим
 Мне ль омрачить тебя, небесный серафим?
 И так как в чистоте она мне доверяла,
 Она в моих глазах еще святее стала.
 Имею ль право я принять любовь ее,
 С днем беззакатным слив безумие мое?»

М а р ь о н

(в сторону)

Он это почерпнул в истории священной...
 А вдруг он гугенот?

Д и д ь е

Но магией блаженной
 Звук нежных ваших слов меня во тьме обрел,
 Сомненья разогнал и к вам сюда привел.

М а р ь о н

Как, разве голос мой был слышен?.. Неужели?..

Д и д ь е

И с ним другой звучал...

М а р ь о н

(живо)

Служанки. В самом деле,
 Ведь голос у нее и громкий, и глухой,
 И на мужской похож. Но так как вы со мной,
 Я больше не сержусь. Сюда садитесь, милый.

(Указывает ему на место подле себя.)

Д и д ь е

О нет, у ваших ног!

*(Садится на табурет у ног Марьон
и глядит на нее в немом восхищении.)*

И повести унылой

Внемлите. Я Дидье. Безродный, я не знал
Моих родителей. Подкидыш, я лежал
На темной паперти, и доброю рукою
Старушка приняла к себе дитя чужое.
По-христиански я воспитан ею был
И после от нее в наследство получил
Немного денег — мой теперешний достаток.
Я был так одинок, и путь мой был не сладок.
Я путешествовал — и я людей узнал.
Одних я невзлюбил, а прочих презирал —
Затем, что я читал на лицах их созданий
Страницы гордости иль низменных страданий.
И пусть вам кажется, что говорит юнец, —
Я стар уже, как тот, кому грозит конец.
На что я ни наткнусь, все душу ранит больно;
От мира я устал, с меня людей довольно!
Вот так я жил один, без счастья, без огня,
Когда вы подошли, утешили меня.
О, я не знаю вас! Вы вечером, в июле,
В парижской улице передо мной мелькнули...
Затем последовал ряд мимолетных встреч,
Всегда сиял ваш взор, и грела ваша речь.
Любви страшился я, и я бежал отсюда —
И здесь вас нахожу, как ангела, как чудо.
Любовью раненный, истерзан, весь в огне,
Я душу вам открыл — вы разрешили мне.

Располагайте мной. Иной не знаю цели —
 Все сделаю для вас, чего б ни захотели,
 И с каждой прихотью согласен наперед.
 Кто докучает вам? Мари, пред вами тот,
 Кто, слова не сказав, простился с жизнью зыбкой,
 Всю кровь свою отдаст за милую улыбку!
 Угодно ль это вам? Ответьте, я молю.

М а р ь о н
 (улыбаясь)

Да, странный вы... Но я вас и таким люблю.

Д и д ь е

Мари, нельзя шутить, о друг мой несравненный,
 Словами этими — они навек священы.
 Вы любите меня? Известна ль вам любовь,
 Что превращается в наш день, и в ночь, и в кровь,
 Чем дольше скрытая, тем огненной сияет,
 И пламенем своим нам душу очищает,
 И в глубине сердец, куда мы прячем их,
 Сжигает призраки других страстей земных;
 Любовь, что ни надежд не знает, ни предела,
 Но все перенести, все вытерпеть умела?
 Вы о такой любви здесь говорили?

М а р ь о н
 (растроганно)

Да...

Д и д ь е

О, вы не знаете, что я ваш навсегда.
 С дня встречи нашей жизнь мечты озолотили,

И милые глаза мне в темноте светили.
 Все изменилось вдруг. Теперь вы предо мной,
 Как дух неведомый, небесный вестник мой.
 Ту жизнь, где я стонал глубоко, безысходно,
 Теперь увидел я прекрасной и свободной,
 Затем, что я до вас блуждал, был одинок,
 Боролся и страдал, но счастлив быть не мог.

М а р ь о н

О мой Дидье!

Д и д ь е

Мари!

М а р ь о н

Я вас люблю, мой милый!

Люблю — как вы меня, с такой же страстной силой.
 Нет, больше, может быть. Я вам обречена,
 Я вас везде ищу...

Д и д ь е

(падает на колени)

О, как мне ложь страшна!

Но если на мою твоя любовь ответит,
 Счастливица равного никто нигде не встретит!
 В сиянье никогда не меркнувшего дня
 Прильну к твоим ногам. Не обмани меня!

М а р ь о н

Чтоб вы поверили, — что надо, друг бесценный?

Д и д ь е

О, доказательство!

М а р ь о н

Какое?

Д и д ь е

Несомненно,

Свободны вы?

М а р ь о н

(в замешательстве)

Я?.. Да...

Д и д ь е

О, будьте мне женой!

Лелеять стану вас.

М а р ь о н

(в сторону)

Не быть ему со мной!..

Д и д ь е

Так что же?

М а р ь о н

Но...

Д и д ь е

Теперь мне все понятно стало.

Я беден. Речь моя, как дерзость, прозвучала.

Оставьте же мне мрак печального пути, —

Прощайте!

(Делает шаг, чтобы уйти,

Марьон удерживает его.)

М а р ь о н

Ах, Дидье, как можно так!..

(Плачет.)

Д и д ь е

(возвращаясь)

Прости.

К чему ж сомнения?

(Приближаясь к ней.)

Ты знаешь, дорогая,

Мы друг для друга мир, и родина святая,

И небеса! Уйти, укрыться от людей

И вместе быть — стократ счастливей королей!..

М а р ь о н

Ах, это был бы рай!

Д и д ь е

Так хочешь?

М а р ь о н

(в сторону)

Я несчастна!

(Громко.)

Я не могу, о нет!

(Вырывается из объятий Дидье и падает в кресло.)

Д и д ь е

(ледяным тоном)

Конечно, я напрасно

Вам это предложил. Не оплошаю вновь.

Довольно!

М а р ь о н

(в сторону)

Проклят день, когда пришла любовь!

(Громко.)

Вы душу мне своим упреком разорвали.

Я все вам объясню...

Д и д ь е

(холодно)

Что вы сейчас читали?

(Берет книгу со стола и читает.)

«Гирлянда нежностей — Марьон Делорм...» Вот смех!

(Горько.)

Стихи к прелестнице, что ныне манит всех!

(Бросает книгу на пол.)

О, мерзостная тварь, подлее всех на свете!

М а р ь о н

(дрожа)

Ах, что вы!..

Д и д ь е

Для чего нужны вам книги эти?

И здесь они зачем!

М а р ь о н

(неуверенно, опуская глаза)

Случайно...

Д и д ь е

Так узнай,
Ты, чей безгрешен взор и чье лицо — как рай!
Ты знаешь ли, Мари, что за Марьон такая?
Красавица она, но сердцем ведьма злая:
То Фрина, что свою прославленную плоть
Повсюду продает.

М а р ь о н

(закрыв лицо руками)

Прости меня Господь!

Шум шагов, звон оружия и крики за сценой.

Г о л о с н а у л и ц е

Спасите!

Д и д ь е

(удивленно)

Что за шум? На помощь призывают?

Крики продолжаются.

Г о л о с н а у л и ц е

О, помогите мне!

Д и д ь е

(смотрит с балкона)

Кого-то убивают!

*(Хватает шпагу и уже заносит ногу
над балконной решеткой, чтобы прыгнуть.)*

Марьон встает с кресла, бежит за ним и пытается удержать его за край одежды.

М а р ь о н

Дидье, вас там убьют!.. Останьтесь, милый мой!..

Д и д ь е

(прыгает на улицу)

Тогда его убьют, беднягу!..

(Крича за сценой.)

Тише!.. Стой!.. —

Держитесь, сударь!..

Бряцанье шпаг.

Ты, мерзавец! Получай-ка!..

Звон оружия, шум голосов, топот ног.

М а р ь о н

(на балконе, в ужасе)

О, небо!..

Г о л о с н а у л и ц е

Суший черт! Пропала наша шайка!

Звон оружия постепенно затихает, затем прекращается. Шум удаляющихся шагов. Дидье снова взбирается на балкон.

Д и д ь е

(еще за перилами балкона, лицом к улице)

Теперь свободен путь. Пора идти домой!

С а в е р н и

(за сценой)

О нет, я не уйду отсюда, сударь мой,
Вам руку не пожав.

Д и д ь е

(с досадой)

Идти скорее надо!

А благодарность мне — ненужная награда.

С а в е р н и

(взбирается на балкон)

Хочу благодарить!

Д и д ь е

Не к месту эта прыть!

И снизу вы могли меня благодарить.

Явление третье

Марьон, Дидье, Саверни

С а в е р н и

(прыгая через окно в комнату, со шпагой в руке)

Ах, сударь, черт возьми, да вы чрезмерно строги!

Спаси мне этак жизнь и скрыться на пороге... —

Простите, за окном! — Вот это шутка! Нет!

Не скажет никогда, однако, строгий свет,

Что, если Саверни в такой беде спасают,

Он не сказал: «Маркиз...» — как дальше называют

Вас, сударь мой?

Д и д ь е

Дидье.

С а в е р н и

А дальше как?

Д и д ь е

Никак.

На вас напали? Да. Я спас вас, это так.
Теперь идите прочь.

С а в е р н и

Вы слишком, сударь, скоры.

Уж лучше бы меня внизу убили воры.
Мне — слушать дерзости? Но, честию клянусь,
Без вас я был бы мертв, признаться не боюсь.
Мертв! К сердцу моему стремились шесть кинжалов.

*(Увидев Марьон, которая до тех пор
старалась остаться незамеченной.)*

Но ваше сердце здесь от счастья дрожало,
Я понимаю... Я свиданью помешал.
Простите.

(В сторону.)

Хороша ль?

*(Приближается к дрожащей Марьон
и узнает ее; тихо.)*

О, я ее узнал!

(Показывая на Дидье.)

Так это ваш дружок?

М а р ь о н

(тихо)

О, не губите!..

С а в е р н и

(кланяясь)

Смею ль?..

М а р ь о н

(тихо)

Я в первый раз люблю.

Д и д ь е

(в сторону)

Клянусь душой моею,
Он смотрит на нее, как записной нахал!
(Опрокидывает свечу ударом кулака.)

С а в е р н и

Вы погасили свет?

Д и д ь е

Я этим показал,
Что надобно отсель обоим удалиться.

С а в е р н и

Идем.

(К Марьон, которой он низко кланяется.)

Сударыня, прощайте.

Д и д ь е

(в сторону)

Хлыщ этот? С кем сравнится

(К Саверни.)

Ну, пойдем!

С а в е р н и

Вы, сударь, грубы, но
Вы жизнь мою спасли, и я скажу одно:
Вам предан, верен вам и всех друзей вам ближе
Марвиз де Саверни, отель де Нэль, в Париже.

Д и д ь е

Пусть так!

(в сторону)

Как он смотрел! Я зол, как никогда!

Они выходят через балкон. Слышен голос Д и д ь е за сценой:

Туда лежит ваш путь, а я пойду сюда.

Явление четвертое

М а р ь о н, Р о з а

Марьон на мгновение задумывается, затем зовет служанку

М а р ь о н

Ну, Роза...

Входит Роза. Марьон показывает ей на окно.

Затвори.

Р о з а

(закрыв окно, обернулась и видит, что Марьон отирает слезу; в сторону)

Она как будто плачет.

(Громко.)

Сударыня, пора ложиться.

М а р ь о н

Это значит —

Пора ложиться вам.

(Распускает волосы.)

Ну, помоги мне.

Р о з а
(раздевая ее)

Что ж,
Сегодняшний ваш гость, сударыня, хорош?
Богат?

М а р ь о н

Нет.

Р о з а
Смел?

М а р ь о н

О нет: ушел он, не целуя
Руки моей!

Р о з а
Так что ж вы с ним?

М а р ь о н

Его люблю я.

Действие второе

ВСТРЕЧА

Блуа

У входа в харчевню. Площадь. В глубине панорама города Блуа, холм, усеянный домами, башни собора св.Николая.

Явление первое

Граф де Гассе, маркиз де Бришанто, виконт де Бушаванн, шевалье де Рошбарон. Они сидят за столиками перед дверью харчевни; одни курят, другие играют в кости и пьют.

Затем — шевалье де Монпеза и граф де Виллак, затем — Ланжели, затем — Глашатай и толпа.

Б р и ш а н т о

(вставая к Г а с с е, который входит)

Гассе!

Пожимают друг другу руки.

Вернулся в полк, в Блуа? Наш гарнизон

(кланяется ему)

Спешит поздравить вас с днем ваших похорон.

(Разглядывает его наряд.)

Ах!

Г а с с е

Модно нынче так. Все желто, банты сини.

(Скрещивая руки на груди и закручивая усы.)

Хоть под боком Париж, живем мы, как в пустыне,
Томясь.

Б р и ш а н т о

Да, здесь Китай!

Г а с с е

Вот отчего навряд
Красотки к нам сюда приехать захотят.

Б у ш а в а н н

(прерывая игру)

Вы из Парижа, граф?

Р о ш б а р о н

(вынимая изо рта трубку)

А там какие вести?

Г а с с е

(кланяясь)

Да никаких. Корнель добился высшей чести.
Аст — герцог. Вообще, до черта пустяков!
Десятками казнят у нас еретиков.
Дуэли: третьего д'Анжен с д'Аркьеном бились
За то, что кружева кому-то невзлюбились,
А Лаварди и Понс — десятого числа
За то, что с Понсом в ночь жена Сурди ушла;
А сам Сурди с д'Альи за диву из театра
Де Мондори; а там Ножан кромсал Лашатра
Девятого числа за пустячок в стихах.
А Горд и Маргальян — за время на часах;
Д'Юмер и де Гонди — те по церковной части;
Из-за окраски пса или кобыльей масти
Субизов вызвали все братья де Бриссак;

Коссад и Латурнель — ну, эти просто так,
Чтобы потешиться, — и Латурнель в могиле.

Б р и ш а н т о

О, как счастлив Париж! Дуэли снова в силе.

Г а с с е

Так модно!

Б р и ш а н т о

Там любовь, дуэли и пиры.
Возможно жить лишь там, вдали от сей дыры.

(Зевая.)

А здесь зачали мы, нам скука горше ада.

(К Гассе.)

Так, значит, Латурнель пал жертвою Коссада?

Г а с с е

Разит он мастерски.

(Рассматривает рукава Рошбарона.)

Да что вы, милый друг!

Совсем не так одет теперь хороший круг.
И пуговики носить, по чести, так не ново, —
Но банты с лентами!

Б р и ш а н т о

Нам перечисли снова
Дуэли. Что король — рассержен?

Г а с с е

Кардинал

Взбешен и прекратить бесчинства приказал.

Б у ш а в а н н

А есть ли новости с войны?

Г а с с е

Не то мы сами

Оставили Фигер, не то он занят нами.

(Подумав.)

Нет, мы оставили.

Р о ш б а р о н

А что, узнав, сказал

Король?

Г а с с е

Был в ярости великий кардинал.

Б р и ш а н т е

Что слышно при дворе? Король здоров, наверно?

Г а с с е

Хворает кардинал, с ним дело вовсе скверно;
Носилки он завел.

Б р и ш а н т е

Ты что-то странным стал.

Тебе о короле, а ты все — кардинал!

Г а с с е

Так модно.

Б у ш а в а н н

Новостей, как видно, нет.

Г а с с е

Да что я!

Как так нет новостей? Есть чудо, да какое!

Оно два месяца Париж волнует весь.

О бегстве без следа иль об отъезде весть...

Б р и ш а н т о

О чем?

Г а с с е

Марьон Делорм, что дивной красотой
Затмила всех подруг.

Б р и ш а н т о

(с таинственным видом)

Тебе секрет открою:

Красотка здесь.

Г а с с е

В Блуа?

Б р и ш а н т о

Представь, инкогнито!

Г а с с е

(пожимая плечами)

Марьон? Да ты шутник, мой милый Бришанто!

Она, владычица капризной нашей моды?

Столица и Блуа — конечно, антиподы.

Здесь ветхо все, и все имеет жалкий вид.

(Показывает на башни собора св. Николая.)

И колоколенка не к месту здесь торчит.

Р о ш б а р о н

Конечно.

Б р и ш а н т о

Саверни за ней прокрался следом.
С ней и любовник тут — он никому не ведом,
Но от разбойников спас ночью Саверни;
За шиворот его собрались взять они,
Чтоб золотом его с долгами рассчитаться
И по его часам о времени справляться.

Г а с с е

Вот так история!

Р о ш б а р о н

А правда в этом есть?

Б р и ш а н т о

Как в том, что у меня в гербе безанов шесть!
И бедный Саверни теперь повсюду рыщет
И спасшего его неутомимо ищет.

Б у ш а в а н н

А почему же он Марьон не спросит?

Б р и ш а н т о

Нет!

Пустует дом ее, потерян всякий след!

Марьон и Дидье медленно проходят в глубь сцены, не замеченные собеседниками, и входят в маленькую дверь одного из боковых домов.

Г а с с е

Так надо было мне сюда, в Блуа, вернуться,
Чтоб с дивною Марьон в провинции столкнуться!
Входят де Виллак и де Монпеза, громко о чем-то споря.

В и л л а к

Я утверждаю — да!

М о н п е з а

Я утверждаю — нет!

В и л л а к

Корнель твой нехорош.

М о н п е з а

Он истинный поэт!

И, словом, он творец и «Сид» и «Мелиты».

В и л л а к

«Мелита» хороша, но плох твой «Сид», пойми ты!
И сочинив его, Корнель совсем упал,
Как, впрочем, все они, что б ты ни утверждал,
«Мелита» — может быть, пожалуй, «Галерея
Дворцовая», но «Сид» — нелепая затея!

Г а с с е

(к Монпеза)

О, как вы сдержанны!

М о н п е з а

«Сид» — чудо!

В и л л а к

Нет, он плох!

И Скюдери его шутя прикончить мог.
 И что за слог, окажи, — там странности повсюду,
 Я пошлостей его перечислять не буду,
 И любит называть он все по именам, —
 И непристоен «Сид» и неприятен нам,
 Герой там женится — скажите, в чем же драма?
 А «Брадаманту» ты читал? Читал «Пирама»?
 Такого ничего в твоём Корнеле нет.

Р о ш б а р о н

«Великий Сулейман» прочесть даю совет,
 Трагедию Мере — вот кто велик и славен!
 Но «Сид»!..

В и л л а к

Корнель в душе и дерзок и тщеславен.
 Не мнит ли сделаться он как Буаробер,
 Как Шапелен, Мере, как Серизе, Абер?
 Сравниться хочет он с Фаре, Жири, Мальвилем,
 Дюрье и Шеризи, Кольте и Гомбервилем,
 Всей Академией высокой.

Б р и ш а н т о

(иронически смеясь и пожимая плечами)

Вот вы как!

В и л л а к

Творить он захотел и сочинять. Дурак!
 Творить после Гарнье и после Теофиля,
 После Арди!.. Нахал! Творить! О простофиля!

Как будто гении, подобные всем им,
Хоть что-нибудь еще оставили другим!
Но Шапелен уже столкнул его с Парнаса.

Р о ш б а р о н

Бездельник ваш Корнель.

Б у ш а в а н н

Но мне епископ Грасса,
Годо, рассказывал, что он весьма умен.

М о н п е з а

Весьма.

В и л л а к

Тогда б писал не так, как пишет он, —
По Аристотелю, по правильной методе...

Г а с с е

Уймитесь, господа! Корнель сегодня в моде,
И он сменил Гарнье, как на глазах у нас
Широкополюй фетр уже сменил атлас.

М о н п е з а

Корнеля я люблю, и я поклонник фетра.

Г а с с е

(к Монпеза)

Ну и хватил же ты!

(К Виллаку.)

Я чту Гарнье как мэтра,
Но и Корнель не плох.

В и л л а к

Согласен я с тобой.

Р о ш б а р о н

Согласен — это ум и светлый и большой.

Б р и ш а н т о

Но этот ваш Корнель — ведь он совсем не знатен.

Р о ш б а р о н

Мещанства в имени мне запах неприятен.

Б у ш а в а н н

Да и отец его был мелкий адвокат,

Что наскребал гроши, когда скоблил дукат.

Входит Л а н ж е л и и молча садится один за столик. На нем черный бархатный костюм с золотыми блестками.

В и л л а к

Но если вас Корнель чарует, утешает —

Трагикомедии высокий жанр ветшает.

Театр совсем заглох из-за жестоких мер,

Что этот Ришелье...

Г а с с е

(искоса глядя на Ланжели)

Скажите: монсеньер,

Иль не кричите так.

Б р и ш а н т о

А, к черту кардинала!

Ужель ему солдат, казны и власти мало?

Свободно всей страной он управлять привык, —
Так хочет наш держать на привязи язык!

Б у ш а в а н н

Так смерть же Ришелье! Он льстит и убивает!
Под красной мантией кровь на руках скрывает!

Р о ш б а р о н

К чему тогда король?

Б р и ш а н т о

Народ идет в ночи
И видит вдалеке мерцание свечи:
Тот светоч — кардинал, король — фонарь, хранящий
От ветра за стеклом огонь его дрожащий.

Б у ш а в а н н

О, пусть же, наконец, прекрасный день придет
И ветром наших шпаг погасит светоч тот.

Р о ш б а р о н

Ах! Думали бы все, как я, о кардинале!..

Б р и ш а н т о

Соединимся мы.

(К Бушаванну.)

Ты против нас едва ли?

Б у ш а в а н н

Готовым к действию из нас быть должен всяк.

Л а н ж е л и

(встав, зловецим голосом)

Что? Заговор? Забыт, как видно, Марильяк!

Все вздрагивают, оглядываются и замолкают, пораженные, устремив глаза на Ланжели, который снова молча садится.

В и л л а к

(отводя Монпеза в сторону)

Когда ты говорил со мною о Корнеле,
Был тон твой грубоват и резок в самом деле.
Хотелось бы и мне, — ты хочешь или нет, —
Сказать...

М о н п е з а

На шпагах?

В и л л а к

Да.

М о н п е з а

Не лучше ль пистолет?

В и л л а к

То и другое — да.

М о н п е з а

(беря его под руку)

Поищем места, или...

Л а н ж е л и

(вставая)

Дуэль! Забыли вы о графе Бугенвиле.

Снова смятение среди присутствующих. В и л л а к и М о н п е з а
расходятся в разные стороны, пристально глядя на Ланжели.

Р о ш б а р о н

Кто этот, в черном весь и страшный, бродит тут?

Л а н ж е л и

Зовусь я Ланжели. Я королевский шут.

Б р и ш а н т о

(смеясь)

Я больше не дивлюсь, что двор в глубоком горе.

Б у ш а в а н н

Весьма забавный шут у кардинала в своре!

Л а н ж е л и

(стоя)

Потише, господа. Всесилен кардинал
И косит широко, лить кровь он не устал.
Он покрывает все багровою сутаной, —
И кончено.

Молчание.

Г а с с е

Фу, черт!

Р о ш б а р о н

Я бунтовать не стану.

Б р и ш а н т о

В сравненьи с ним Плутон — невиннейший шутник.

Из улиц и домов высыпает толпа народу и заполняет площадь; посреди толпы — конный Глашатай, окруженный четырьмя служителями мэрии, из которых один трубит, а другой бьет в барабан.

Г а с с е

Откуда здесь народ, и почему возник
Глашатай? Этот что еще наврет рассказчик?

Б р и ш а н т о

*(затесавшемся в толпу фигляру,
за спиной у которого сидит обезьянка)*

Друг, кто здесь чудище и кто его приказчик?

М о н п е з а

(к Рошбарону)

Взгляни-ка, Рошбарон, валеты из колод!

*(Показывает на четырех служителей мэрии,
одетых в ливреи.)*

Уж не из нашей ли сбежал весь этот сброд?

Г л а ш а т а й

(гнусавым голосом)

Молчанье, граждане!

Б р и ш а н т о
(тихо, к Гассе)

О, что за вид позорный!
Звук через нос летит, гнусавый и тлетворный...

Г л а ш а т а й
«Мы, божьей милостью, Людовик...»

Б у ш а в а н н
(тихо, к Бришанто)

Так сказал
Бурбонской мантией покрытый кардинал!

Л а н ж е л и
Вниманье!

Г л а ш а т а й
(продолжая)

«...Франции король, король Наварры...»

Б р и ш а н т о
(тихо, к Бушаванну)

Красивых титулов министр защитник ярый.

Г л а ш а т а й
(продолжая)

«...Всем, кто прочтет сие, монарший наш привет!»

(Кланяется.)

«Затем, что короли в течение долгих лет
Стремилась карами искоренить дуэли,
Но нарушители закона всё смелели,
И меры взятые зла не могли пресечь, —
К любезным подданным мы обращаем речь:

Отныне каждый, кто подрался на дуэли
 (Остался ль жив один иль оба уцелели)
 В тюрьму быть должен взят, судим, приговорен
 И — дворянин иль смерд — повешеньем казнен.
 И ни один из тех, кого наш суд осудит,
 Монаршей властью помилован не будет.
 Так повелели мы. Людовик. И Арман
 Де Ришелье».

Негодование среди дворян.

Б р и ш а н т о

К в о р а м причислил он дворян!

Б у ш а в а н н

Нас вешать!.. А скажи, как город тот зовется,
 В котором для дворян веревочка найдется?

Г л а ш а т а й

(продолжая)

«Приказываю я, — чтоб знали все его, —
 Указ сей выставить на площади. Прево».

Двое служителей мэрии прикрепляют большую доску с указом к
 железному брусу, торчащему из стены дома направо.

Г а с с е

Я рад, что сам указ, по крайности, повешен.

Б у ш а в а н н

(кивая головой)

Да, граф, и ждет того, кто в авторстве замешан.
 Глашатай удаляется. Народ расходится. Входит С а в е р н и.
 Смеркается.

Явление второе

Те же и маркиз де Саверни

Б р и ш а н т о
(идя навстречу Саверни)

А, братец Саверни! Ну что ж, ты разыскал
Того, кто от воров тебя во тьме спасал?

С а в е р н и

Я город обыскал, не ведая покоя:
Ни дамы, ни воров, ни юного героя...
Исчезло это все, как лживый сон, увы!

Б р и ш а н т о

Но видел ты его, когда вернулись вы,
Прогнав разбойников, и миг опасный минул?

С а в е р н и

Нет. Сразу он свечу зачем-то опрокинул.

Г а с с е

Как странно!

Б р и ш а н т о

Но узнать ты мог бы храбреца
При встрече?

С а в е р н и

Нет, его не видел я лица.

Б р и ш а н т о

Как звать его?

С а в е р н и

Дидье.

Р о ш б а р о н

Но имя дворянина

Не может так звучать.

С а в е р н и

Нет, имя — не причина.

И многие из тех, чей древен блеск имен,
Пред ним ничто. Само великодушие он!
Я был в руках воров, и никого с ним, кроме
Красотки, не было. Он спас меня. Огромен
Мой долг. Я заплачу — мне иначе позор! —
Всей кровию моей.

В и л л а к

Маркиз, с каких же пор

Вы платите долги?

С а в е р н и

(гордо)

Я вам скажу на это;

Я кровью их плачу, она — моя монета.

Совсем стемнело. Окна домов освещаются одно за другим. Входит фонарщик, зажигает фонарь над доской с указом и уходит. Маленькая дверь, в которую вошли М а р ь о н и Д и д ь е, открывается. Выходит Дидье в глубокой задумчивости; он идет медленными шагами, скрестив руки на груди.

Явление третье

Те же и Дидье

Дидье

(медленно приближаясь

и оставаясь не замеченным другими)

Маркиз де Саверни!.. О, как бы я хотел
Вновь встретить пошляка, что на Мари глядел.
Я наглость не прошу.

Бушаванн

(к Саверни, беседующему с Бришанто)

А, Саверни!

Дидье

(в сторону)

Ужели?

Медленными шагами приближается, пристально глядя на дворян,
и садится за столик под фонарем, который освещает указ;
в нескольких шагах от него — Ланжели, по-прежнему безмолвный
и неподвижный.

Бушаванн

(к Саверни, который оборачивается)

Ты видел ли указ?

Саверни

Какой?

Бушаванн

Что впредь дуэли

Запрещены.

С а в е р н и

Ну что ж, весьма разумно.

Б у ш а в а н н

Да,

Под страхом петли!

С а в е р н и

Как! Ты шутишь? Никогда.

А сволочь пусть висит.

Б р и ш а н т о

(показывая ему на указ)

Ну так читай скорее.

Указ перед тобой.

С а в е р н и

(замечая Дидье)

Пошлю я ротозея

Вот этого прочесть.

(К Дидье, повышая голос.)

Эй, как вас, милый?.. Кто

Прочтет указ?

(К Бришанто.)

Он глух, наверно, Бришанто?

Д и д ь е

*(не сводивший с него глаз,
медленно поднимает голову)*

Вы говорите мне?

С а в е р н и

Да. За вознаграждение
Прочти-ка мне листок вот этот без стеснения.

Д и д ь е

Я?

С а в е р н и

Видно, не знаком вам даже алфавит?

Д и д ь е

(вставая)

Бретеру тот указ повешеньем грозит,
Будь он хоть из дворян.

С а в е р н и

Ну, это просто ложно!

Для дворянина казнь такая невозможна
В том мире, где нам все давно принадлежит.
Перед петлею пусть простой народ дрожит.

(К дворянам.)

Ну и наглец!

(К Дидье, посмеиваясь.)

А вы не превзошли науки.
Вы, может быть, дружок, немного близоруки?
Снять шляпу и читать, отвесив мне поклон!

Д и д ь е

(опрокидывая стоящий перед ним столик)

Словам этими я, сударь, оскорблен.
Я прочитал указ, но где моя награда?
И голову твою и кровь, маркиз, мне надо.

С а в е р н и

(улыбаясь)

Я сразу угадал, что в нем кричит народ:
Он сразу распознал во мне старинный род.

Д и д ь е

А если нашу кровь теперь смешаем вместе,
Об этом ты, маркиз, что думаешь, по чести?

С а в е р н и

(становясь серьезным)

Как вы торопитесь свои окончить дни!
Меня зовут Гаспар, маркиз де Саверни.

Д и д ь е

А мне-то в этом что?

С а в е р н и

(холодно)

И первый мой свидетель —
Граф де Гассе, — его известна добродетель, —
А де Виллак, второй, по праву отнесен
К Фельядам должен быть, — их родич д'Обюссон.
А вы-то — дворянин?

Д и д ь е

Тебе какое дело?

Я найден был в углу церковного придела,
И безымянный я. Но вот на чем стою:
Могу я кровь пролить в обмен на кровь твою.

С а в е р н и

Нет, сударь, одного желанья слишком мало,
Но право знатности найденышу пристало:

Он знатен, может быть. Не столь большой изъян —
Вассалов возвышать, как унижать дворян.
Когда угодно вам?

Д и д ь е

Сейчас же мне угодно.

С а в е р н и

Так. Если ваша кровь и вправду благородна...

Д и д ь е

Мне шпагу!

С а в е р н и

Черт возьми! Нет шпаги у него,
Так можно вас принять Бог знает за кого!

(Предлагая Дидье собственную шпагу.)

Хотите? Сталь верна и славного закала.

Ланжели встает, обнажает свою шпагу и протягивает ее Дидье.

Л а н ж е л и

Чтоб делать глупости, попробуйте сначала
Клинок шута — ему вы окажите честь.

(Насмешливо.)

Послушайте: в обмен, чтоб счастье мне принести,
Вы мне оставите кусок веревки, милый.

Д и д ь е

(беря шпагу, с горечью)

Так...

(Маркизу.)

И Господь того, кто добр, теперь помилуй!

Б р и ш а н т о
(прыгая от радости)

Ура! Дуэль!

С а в е р н и
(к Дидье)

Куда же мы с вами станем?

Д и д ь е

Под

Вот этим фонарем.

Г а с с е

Просил бы я господ
Не сумасшествовать. Темно здесь без просвета.

Д и д ь е

Чтоб горло проколоть, нам здесь довольно света.

С а в е р н и

Недурно сказано.

В и л л а к

Здесь темь!

Д и д ь е

Наоборот!

И каждый наш клинок, как молния, блеснет.

Итак, маркиз, начнем!

Они сбрасывают с себя плащи, снимают шляпы, помахивая ими в виде приветствия, затем отбрасывают назад шляпы и обнажают шпаги.

С а в е р н и

Извольте.

Д и д ь е

Берегитесь!

Они скрещивают шпаги и дерутся молча и ожесточенно. Вдруг маленькая дверь приоткрывается, и появляется М а р ь о н в белом платье.

Явление четвертое

Те же и М а р ь о н

М а р ь о н

Что там за шум?

(Заметив Дидье под фонарем.)

Дидье!

(Дуэлянтам.)

Молю!

Дуэль продолжается.

Остановись!

С а в е р н и

Кто эта женщина?

Д и д ь е

(оборачиваясь)

О Боже!

Б у ш а в а н н
(подбегая к Саверни)

Нам беда!
На этот страшный крик уже идут сюда,
И стражников ночных я вижу приближенье.

Входит стража с факелами.

Б р и ш а н т о
(к Саверни)

Ты мертвым притворись!

С а в е р н и
(падая)

Ах!

(Тихо, к Бришанто, который склонился над ним.)

Чертовы каменя!

Дидье, думая, что убил его, останавливается.

Н а ч а л ь н и к с т р а ж и
Во имя короля!

Б р и ш а н т о
(к дворянам)

Теперь придется нам
Спасать маркиза.

Дворяне окружают Саверни.

Н а ч а л ь н и к с т р а ж и
Эй! Отведать петли вам!
Под самым фонарем с указом, право слово,
Деретесь! Каково!

(К Дидье.)

Сдавайтесь!

Стража набрасывается на Дидье, который остался один, и обезоруживает его.

Н а ч а л ь н и к с т р а ж и

(показывая на Саверни, лежащего на земле
и окруженного дворянами)

А другого

Как имя?

Б р и ш а н т о

То Гаспар, маркиз де Саверни.

Он мертв.

Н а ч а л ь н и к с т р а ж и

Ну, вовремя свои окончил дни,
И сделал хорошо — другая смерть похуже.

М а р ь о н

(испуганно)

Что он сказал?

Н а ч а л ь н и к с т р а ж и

(к Дидье)

Теперь нам, значит, этот нужен.

Идемте, сударь мой!

Стража уводит Дидье в одну сторону, дворяне уносят Саверни
в другую.

Д и д ь е

(к Марьон, застывшей от ужаса)

Забудь меня, Мари!

Прощай!

Явление пятое

Марьон, Ланжели

Марьон

(бежит за Дидье, чтобы удержать его)

О мой Дидье, ты так не говори!

Тебя — забыть?

Стража ее отталкивает; она в отчаянии возвращается к Ланжели.

Ему гибель угрожает?

Что сделал он, и что беднягу ожидает?

Ланжели

(берет ее за руку и молча подводит к указу)

Читайте.

Марьон

(читает и в ужасе отшатывается назад)

Боже! Смерть! Они убьют его!

И был мой страшный вопль причиной всего.

На помощь я звала, — на крик мой слишком громкий

Уже спешила смерть сквозь мрачные потемки.

Возможно ль? За дуэль! Такой ли это грех?

(К Ланжели.)

За это ж не казнят?

Ланжели

Казнят — и даже всех.

Марьон

Но можно убежать...

Л а н ж е л и

Их держат за стеною!

М а р ь о н

О, я всему была единою виною!

Бог за меня его карает.

(К Ланжели.)

Для него

Не пожалела б я на свете ничего.

О Господи! Тюрьма, казнь, даже истязанья...

Л а н ж е л и

Да, если захотят.

М а р ь о н

Но выпрошу свиданья

Я с королем! Всегда несчастных он прощал.

Л а н ж е л и

Король помилует, а как-то кардинал?

М а р ь о н

(в смятении)

Но что б вы сделали?

Л а н ж е л и

Проигранное дело!

Пусть он докатится до смертного предела.

М а р ь о н

Ответы ваши грудь и леденят и жгут.

Но кто же, сударь, вы?

Л а н ж е л и

Я королевский шут.

М а р ь о н

Дидье, Дидье! О, пусть жалка я и преступна,
Но сделаю я все, что женщине доступно.
Я за тобой пойду!

(Уходит в ту сторону, куда увели Дидье.)

Л а н ж е л и

(один)

Бог весть, куда придешь!

*(Подымая свою шагу, оставленную
на земле Дидье.)*

Из них я на шута всех менее похож.

(Уходит.)

Действие третье

КОМЕДИАНТЫ

Замок Нанжи

Парк в стиле Генриха IV. В глубине сцены, на холме, видны замки Нанжи, новый и старый. Старый — со стрельчатыми сводами и башенками, новый — островерхий, высокий кирпичный дом, углы из каменных плит. Ворота старого замка затянуты черным, и издали виден щит с гербами фамилий Нанжи и Саверни.

Явление первое

Лафемас, в повседневном одеянии судьи, маркиз де Саверни и переряжен: на нем офицерский мундир Анжуйского полка, черные усы и борода, на глазу пластырь.

Л а ф е м а с

При столкновении вы сами, сударь, были?

С а в е р н и

(крутя ус)

Мы вместе с Саверни в одном полку служили.
Он умер.

Л а ф е м а с

Кто — маркиз?

С а в е р н и

Еще как умер он!

Он ловким выпадом был насмерть поражен.
Клинок, прорвав камзол, меж ребер устремился,
Прошел сквозь легкое и в печень погрузился,
Где создается кровь, как то известно вам.
Какое зрелище представилось очам!

Л а ф е м а с

Он умер тотчас же?

С а в е р н и

Примерно. И страданья
Его прервались вдруг. Глядел я — содроганья
Сменили скоро бред, и наступил столбняк,
И оживить его мы не могли никак.

Л а ф е м а с

Черт!

С а в е р н и

Но поэтому исполнен я сомнений.
Что кровь у нас течет лишь по яремной вене.
И надо наказать Пеке и мудрецов,
Что роются в кишках еще рычащих псов.

Л а ф е м а с

Он умер, наш маркиз!

С а в е р н и

Удар, поверьте, знатный!

Л а ф е м а с

Вы врач и медикус известный, вероятно?

С а в е р н и

Нет.

Л а ф е м а с

Но начитаны и в медицине?

С а в е р н и

Да.

По Аристотелю.

Л а ф е м а с

И вот плоды труда!

С а в е р н и

Признаюсь, зло меня влечет всего сильнее,
И всякая мила мне злобная затея.
Мне сладко убивать, и я мечтал о том,

Что буду в двадцать лет солдатом иль врачом.
 Я долго выбирал, но все же выбрал шпагу, —
 Не так надежно, но быстрее. Люблю отвагу!
 Хотел поэтом стать, медвежьим вожаком,
 Но ужинать люблю, и каждый день притом,
 И бросил глупости.

Л а ф е м а с

Но, прихотью влекомый,
 Чтоб знать поэзию, вы изучали томы?

С а в е р н и

По... Аристотелю.

Л а ф е м а с

А Саверни вас знал —
 И лично?

С а в е р н и

Был всего я полковой капрал,
 Маркиз был офицер, а я в солдатском чине.

Л а ф е м а с

Так!

С а в е р н и

В полк тот я попал по той простой причине,
 Что быть отправленным туда имел я честь
 Коссадом. Скуден дар, но дарят то, что есть.
 Произвели меня. Я ус имею черный,
 Не хуже, чем другой. И ваш слуга покорный.

Л а ф е м а с

Так поручили вам явиться в этот дом,
Здесь дядю известить?

С а в е р н и

Мы с Бришанто

Покойника везли, как жениха, в карете,
Чтоб здесь похоронить маркиза на рассвете.

Л а ф е м а с

Как старый де Нанжи воспринял эту весть?

С а в е р н и

Без слез, без воплей он умел несчастье снести.

Л а ф е м а с

Но он любил его?

С а в е р н и

Гаспар наш был милее,

Чем жизнь, для старика бездетного; лелеял

Он мысль о юноше и нежно вспоминал,

Хотя племянника лет пять уж не видал.

В глубине сцены проходит старый м а р к и з д е Н а н ж и . У него седые волосы, бледное лицо, руки скрещены на груди. Одет по моде времени Генриха IV. Глубокий траур, звезда и лента ордена Святого Духа; идет медленно. Девять солдат в трауре, по три в ряд, с алебардой на правом плече и мушкетом на левом, следуют за ним на некотором расстоянии, останавливаясь, когда он останавливается, и снова шагая, когда он идет.

Л а ф е м а с

(*глядя на маркиза*)

Бедняга!

(Идет в глубину сцены и провожает маркиза глазами.)

С а в е р н и

(в сторону)

Дядюшка!

Входит Бришанто и подходит к Саверни.

Явление второе

Те же и Бришанто.

Б р и ш а н т о

Тсс... На ушко два слова.

(Смеясь.)

С тех пор, как умер он, каким он стал здоровым!

С а в е р н и

(тихо, показывая на проходящего маркиза)

Взгляни-ка, Бришанто. Как жаль мне, что пока

Держать в неведение просил ты старика.

Откроем-ка ему, что жив племянник милый.

Б р и ш а н т о

Нет, нет, необходим вот этот вид унылый.

Пусть слезы на глазах его весь день блестят,

Чтоб вероятным был для всех твой маскарад.

С а в е р н и

О бедный дядюшка!

Б р и ш а н т о

Тебя он встретит снова.

С а в е р н и

И смерть от радости тогда ему готова.
Такой удар не снести!

Б р и ш а н т о

Мой милый, лучше всех
Ты знаешь — надо так.

С а в е р н и

Но этот дикий смех
Его ужасен. Грусть кого угодно тронет.
Как он целует гроб!

Б р и ш а н т о

В котором никого нет.

С а в е р н и

Да. Но кровавый труп скрыт в сердце у него;
Там я покоюсь, там.

Л а ф е м а с

(возвращаясь)

Печальней ничего

Не видел мир; в глазах его укор и горе.

Б р и ш а н т о

(тихо, к Саверни)

Кто этот, в черном весь и с хитростью во взоре?

С а в е р н и

(показывая, что не знает)

Ах, кто-то из друзей, здесь в замке...

Б р и ш а н т о
(косо)

Воронье

На пададь так стремится желание свое.
Изо всех сил молчи пред рожею проклятой!
Безумец должен стать тут сдержанней Сократа.

Возвращается маркиз де Н а н ж и, по-прежнему погруженный в
глубокую задумчивость. Он входит медленными шагами, словно не за-
мечая никого, и садится на дерновую скамью.

Явление третье

Те же и маркиз де Н а н ж и.

Л а ф е м а с
(идет навстречу старому маркизу)

О господин маркиз! Потеря велика.
Племянник редкий был Гаспар — его рука
Покоила бы вас, я вам соболезную.
Он юн, прекрасен был — ему б судьбу иную!
Дам чтя он глубоко, и жил в нем Божий страх,
Был прав в своих делах и мудр в своих речах;
Он совершенством был, рождавшим умиление...

Старый маркиз закрывает лицо руками.

С а в е р н и
(тихо, к Бришанто)

Побрал бы черт его надгробное хваленье!
Маркиз еще грустней, коль хвалят Саверни,
Утешь его, мой друг, мой образ очерни.

Б р и ш а н т о

(Лафемасу)

Ошиблись, сударь, вы. Участья недостойный,
Товарищем плохим был Саверни покойный
И человеком злым — ему подобных нет.
Все хуже делался. Быть храбрым в двадцать лет
Немудрено. И смерть его была постыдной.

Л а ф е м а с

Дуэль! Такой ли грех? Мне слушать вас обидно.

(К Бришанто, с ехидством, указывая на его шагу.)

Вы, сударь, офицер?

Б р и ш а н т о

(тем же тоном, указывая на парик Лафемаса)

Вы служите в суде?

С а в е р н и

(тихо, к Бришанто)

Еще.

Б р и ш а н т о

А как он лгал, известно всем, везде.
С ним встретиться порой возможно было в храме,
Когда он обещал туда явиться даме.
Он волокитой был, развратником он был.

С а в е р н и

(тихо)

Так.

Б р и ш а н т о

Командир его за грубость не любил,
И красота его уже совсем завяла,
И шишка на глазу давно огромной стала,
Хромал он, и рыжел, и стал горбат притом.

С а в е р н и

Довольно!

Б р и ш а н т о

Душу он за карточным столом
Готов был проиграть. Не может быть сомненья,
Что он давно спустил отцовские владенья,
Его без устали губило мотовство.

С а в е р н и

(держая его за рукав, тихо)

Довольно, черт дери, так утешать его!

Л а ф е м а с

(к Бришанто)

Стыдитесь мертвого товарища бесславить.

Б р и ш а н т о

(показывая на Саверни)

Спросите у него.

С а в е р н и

Прошу меня избавить.

Л а ф е м а с

(ласково, старому маркизу)

Поверьте, монсеньер, что мы утешим вас.
Убийца под замком, и близок казни час!
Ему спасенья нет — все ясно в этом деле.

(К Бришанто и Саверни.)

Но отчего маркиз подрался на дуэли
С каким-то там Дидье, не очень ясно мне.
Дуэль же вообще я признаю вполне.

С а в е р н и

(в сторону)

Дидье!

Старый маркиз, который все время оставался безмолвным и неподвижным, встает и медленно уходит в сторону, противоположную той, откуда пришел. Стража сопровождает его.

Л а ф е м а с

(вытирая слезу)

О, я сражен подобною тоскою.

С л у г а

(вбегая)

Ах, господин маркиз!

Б р и ш а н т о

Оставь его в покое.

С л у г а

Но мы должны уже теперь узнать о том,
Как с погребеньем быть.

Б р и ш а н т о

Узнаете потом.

С л у г а

А тут еще пришли актеры из селенья
И ночевать у нас просили позволенья.

Б р и ш а н т о

Хоть для актеров день неважно выбран был,
Но долг радушия никто здесь не забыл.

(Показывая на овин налево.)

Пустите их в овин.

С л у г а

(держа в руках письмо)

Пакет получен. Срочно.

(Читает.)

«Мосье де Лафемас...»

Л а ф е м а с

Да, это мне. Так точно.

Б р и ш а н т о

(тихо, к Саверни, который пребывает в задумчивости)

Идем готовить все для похорон.

(Дергает его за рукав.)

Ты что задумался?

С а в е р н и

(в сторону)

Дидье! Ужели он?

Они уходят.

Явление четвертое

Л а ф е м а с

(один)

За государственной печатью — и большою,
Для очень важных дел. Что это значит? Вскрою.

(Читает.)

«Верховного судью в известность ставим мы:
Недавно убежал убийца из тюрьмы
По имени Дидье». Вот это неудача!
«С ним женщина, Делорм». С досады чуть не плачу!
«Извольте быть сюда как можно поскорей...»
О, я в отчаянье! Подать мне лошадей!
Так! Вот еще одно проигранное дело.
Ни одного в руках. Тот — умер, этот смело
Бежал. Но не уйдешь!

(Уходит.)

Появляется труппа бродячих комедиантов — мужчины, женщины, дети,
в характерных костюмах; на Дидье широкополая фетровая шляпа и
плащ.

Явление пятое

Комедианты, Марьон, Дидье.

С л у г а

(подводит комедиантов к овину)

Жилище ваше вот.

Но знайте, что маркиз поблизости живет,
И молчаливою да будет ваша свора.
Покойник в замке есть — его хоронят скоро,

И особливо я прошу вас не кричать,
Когда покойника здесь будут отпевать.

Г р а с ь е

(маленький и горбатый)

Спокойней будем мы, чем ваших гончих стая,
Что с лаем мечется, всех за ноги хватая.

С л у г а

Но пес ведь не фигляр как будто, мой дружок!

Т а й б р а

(к Грасье)

Молчи! Не то нас спать отправят на лужок.

Слуга уходит.

С к а р а м у ш

*(к Марьон и Дидье, которые до тех пор
неподвижно стояли в стороне)*

Ну, побеседуем. Теперь от вас не скрою,
Что убегал ли ты с красоткой за спиною,
Супруг ли ты ее иль раб плотских оков,
Бойтесь ли властей иль злобных колдунов,
Державших женщину, как зверя, в клетке тесной, —
Мне это узнавать совсем не интересно.
Что будете играть? Ролей мне подавай!
Ты, черноглазая, Химен изображай.

Марьон приседает.

Д и д ь е

(возмущенный, в сторону)

Как этот скоморох с ней вольно рассуждает!

С к а р а м у ш
(к Дидье)

Лжеца и хвастуна нам в труппе не хватает,
Тебе как раз к лицу. Напыжся и рычи,
Шагай уверенно и в миг один умчи
Жену Оргонову или его невесту
И Мавра пригвозди своим кинжалом к месту.
Трагическая роль! Высокой красоты!

Д и д ь е

Как вам желательно.

С к а р а м у ш

Брось, говори мне: ты!

(С глубоким поклоном.)

Привет тебе, хвастун!

Д и д ь е
(в сторону)

Что делать с негодяем?

С к а р а м у ш
(другим комедиантам)

Идемте, сварим суп и пьесу проиграем.

Все, исключая Марьон и Дидье, входят в овин.

Явление шестое

Марьон, Дидье, потом Грасье, Саверни,
потом Лафемас.

Дидье

(после долгого молчанья, с горьким смехом)

Мари! Достаточно ли бездна глубока?
Довольно ль вас вела во мрак моя рука?
Хотели вы за мной идти. Моя судьбина
Ломает вашу жизнь, как горная лавина.
Где очутились мы? Я вас предупреждал...

Марьон

(дрожа и ломая руки)

Вы упрекаете?

Дидье

Нет, лучше б я пропал,
И изгнан был навек, и проклят небесами,
Как никогда никто и хуже, чем мы с вами,
Когда бы сердце то, что верит лишь в тебя,
Послало бы упрек тебе, любовь моя!
Здесь, где мне мерзко все и все во мне убито,
Не ты ль хранитель мой, надежда и защита?
Кто стражу обманул, оковы распилил,
Кто низошел с небес и в ад со мной вступил?
Кто с бедным узником был узницей влюбленной,
С отважным беглецом — беглянкой окрыленной,
Чье сердце, полное уловок и любви.
Спасало, берегло, хранило дни мои?
Я обречен, я зол, — ты, слабая, святая,
От самого себя спасла меня, родная,

Был ненавистен я на этом свете всем, —
Ты, пожалев меня, мне предалась совсем.

М а р ь о н
(плача)

Мне счастье вас любить и следовать за вами.

Д и д ь е

Дай снова опьянюсь любимыми глазами!
Господь решил, создав дух непокорный мой,
Чтоб ангел с демоном повсюду шли за мной.
Будь он благословен, кто волей неземною
Скрыл демона от глаз! Ты ж, ангел, предо мною.

М а р ь о н

Вы повелитель мой, мне с вами всюду рай.

Д и д ь е

Я твой супруг.

М а р ь о н

Увы!

Д и д ь е

Мари, мне счастье дай,
Прощаясь с родиной жестокой и унылой,
Тебя перед людьми назвать супругой милой;
Согласна ты, скажи?

М а р ь о н

Сестрою вашей — да.
Вас буду братом звать...

Д и д ь е

Моею навсегда

Пред алтарем назвать тебя — такая сладость!
О, дай моей душе познать и эту радость.
Спокойна будь со мной, — не перейду черту,
Твою я сохраню для брака чистоту.

М а р ь о н

(в сторону)

Ах!

Д и д ь е

Как терзался я сейчас, судите сами, —
Терпеть, чтобы фигляр вас замарал словами!..
Ах, то не меньшая среди стольких горьких мук —
Знать, что вы входите в такой позорный круг.
Вы, нежная, цветок, вы оказались вместе
С отребьем женщин здесь, с фиглярами без чести.

М а р ь о н

Остерегайтесь их, Дидье!

Д и д ь е

Как воевал

Я с бешенством своим! Ведь он вам «ты» сказал,
Меж тем как я, супруг ваш, это еле смею,
Чтоб вас не оскорбить развязностью своею.

М а р ь о н

Не ссорьтесь здесь ни с кем — не то придет беда,
К обоим нам придет...

Д и д ь е

Она права всегда.

И пусть меня везде преследует злосчастье, —
 Ты сердце даришь мне, и молодость, и счастье.
 За что мне, о, скажи, такая благодать?[?]
 Я царство за нее обязан бы отдать,
 А дал тебе взамен безумье с нищетою.
 Тебя мне Бог послал, ад свел тебя со мною.
 Я в нашей участи не вижу правоты:
 За что я награжден, и в чем виновна ты?[?]

М а р ь о н

Все счастье мое от вас идет.

Д и д ь е

(снова мрачней)

Наверно,

Ты это говоришь, Мари, неліцемерно.
 Но знай, что у меня недобрая звезда.
 Откуда я пришел, теперь иду куда?[?]
 Мой черен небосвод; молю я, заклиная, —
 Еще не поздно, нет, — вернись назад, родная,
 И одного меня теперь ты отпусти.
 Когда устану я, увы! — в конце пути
 Постелят ложе мне — то ложе ледяное,
 Там тесно для двоих, то ложе роковое.
 Уйди!

М а р ь о н

Дидье, хочу вдали от хищных глаз
 Хоть это разделить я с вами... в смертный час.

Д и д ь е

К чему стремишься ты? О, следуя за мною,
Изгнанья ищешь ты и горя с нищетою,
И, знаешь, может быть, от слез и от скорбей
Померкнет нежный блеск возлюбленных очей.

Марьон опускает голову на руки.

Картина страшных бед передо мной мелькает,
И будущность твоя, Мари, меня путает.
Уйди!

М а р ь о н

(рыдая)

Убей меня, но так не говори
Со мною. Боже мой!

Д и д ь е

(обнимая ее)

О, сколько слез, Мари!
Я за одну из них всю кровь отдам, ликуя!
Будь все по-твоему — тебе всю власть вручу я.
Ты — слава, ты — любовь, ты — счастье, ты — мечты!
Мари, ответь же мне! Мой голос слышишь ты?

(Осторожно усаживает ее на дерновую скамью.)

М а р ь о н

(вырываясь из его объятий)

Не надо, больно мне!

Д и д ь е

(на коленях, склонившись к ее руке)

Слова твои ужасны.

М а р ь о н

(улыбаясь сквозь слезы)

Я плачу из-за вас! Вы злой...

Д и д ь е

Как вы прекрасны!

(Садится рядом с ней.)

Дай поцелую в лоб — невинно. Можно, да?

*(Целует ее в лоб. Оба в упоении
смотрят друг на друга.)*

Гляди в глаза мои — еще! — вот так! — всегда!

Г р а с ь е

(входя)

Химена, вас зовут в овин без замедленья.

Марьон быстро встает. Одновременно с Грасье входит С а в е р н и, останавливается в глубине сцены и внимательно смотрит на Марьон, не замечая Дидье, сидящего на скамье и скрытого кустарником.

С а в е р н и

(в глубине сцены, не замечаемый никем. В сторону)

Фу, черт! Опять Марьон. Вот это приключение!

(Смеется.)

Химена!

Г р а с ь е

(к Дидье, который хочет последовать за Марьон)

Будьте здесь, ревнивец молодой,

А я вас подражаю!

Д и д ь е

Черт!

М а р ь о н

(шепотом, к Дидье)

Совладай с собой.

Дидье снова садится. Марьон входит в овин.

С а в е р н и

(в глубине сцены, в сторону)

А с кем она теперь блуждает так бесславно?
Не с тем ли голубком, что спас меня недавно?
Он с ней, ее Дидье возлюбленный, ну да!

Входит Лафемас.

Л а ф е м а с

(в дорожном платье, кланяется Саверни)

Прощайте, сударь мой...

С а в е р н и

(кланяясь)

Ах, это вы? Куда?

Вы уезжаете?..

(Смеется.)

Л а ф е м а с

Что вас развеселило?

С а в е р н и

(смеясь)

Вам можно рассказать. Ей-Богу, очень мило.
Среди фигляров тех, чей табор здесь осел,
Ну, угадайте-ка, кого я рассмотрел.

Л а ф е м а с

Среди фигляров?

С а в е р н и

Там...

(Смеется еще громче.)

Марьон Делорм ютится.

Л а ф е м а с

(вздвигнув)

Марьон Делорм?

Д и д ь е

*(с момента появления Саверни и Лафемаса
не сводящий с них глаз)*

Как! Что?

(Привстает.)

С а в е р н и

(продолжая смеяться)

Пускай же разгласится

В Париже эта весть. Надеюсь, вы туда?

Л а ф е м а с

Все будет сделано, — в Париже буду, — да.
Так вы Марьон Делорм наверное узнали?

С а в е р н и

О! Спутаю Марьон я с кем-нибудь едва ли.

(Роется в кармане.)

Да вот ее портрет — сокровище мое!
Художник для меня изобразил ее.

(Протягивает Лафемасу медальон.)

Сравните.

(Показывая на ворота овина.)

Вот она, там, в воротах овина.
О, как Марьон к лицу зеленая баскина!

Л а ф е м а с

(переводя глаза с портрета на ворота овина)

Она! Марьон Делорм!

(В сторону.)

О, наконец, успех!

(К Саверни.)

Есть у нее дружок среда фигляров тех?

С а в е р н и

Еще бы! Кто видал подобных ей паломниц
Без спутника? Клянусь, я знаю этих скромниц.

Л а ф е м а с

(в сторону)

Велю их сторожить. И надо поскорей
Узнать, кто здесь из них притворный лицедей, —
Тогда он будет взят.

(Уходит.)

С а в е р н и

(глядя вслед Лафемасу, в сторону)

Не так я сделал что-то!

А впрочем...

(Отводит в сторону Грасье, который до сих пор оставался в углу, жестикулируя один и бормоча роль сквозь зубы.)

Это кто сидит вполоборота?

(Показывает ему на ворота овина.)

Г р а с ь е

Химена?

(Торжественно.)

Сударь, я не знаю их имен.

(Показывая на Дидье.)

Поговорите с тем, кто с нею сопряжен.

(Уходит в сторону парка.)

Явление седьмое

Дидье, Саверни.

С а в е р н и

(поворачиваясь к Дидье)

Вот с этим... Что за черт!.. Как он глядит! Создатель!
Да это, право же, дуэльный мой приятель!

(Громко, к Дидье.)

Не будь он под замком, я мог бы вас принять...

Д и д ь е

А вы, не будь он мертв, ей-ей... ни дать ни взять...
Тот самый. Я тогда ему сказал два слова,
И яма черная была ему готова.

С а в е р н и

Тсс! Это вы, Дидье?

Д и д ь е

А вы маркиз Гаспар?

С а в е р н и

Вы отвели тогда грозивший мне удар.

Обязан жизнью вам...

Он приближается к Дидье, раскрыв объятия. Дидье отступает.

Д и д ь е

Я изумлен приятно,

Маркиз; я полагал, что взял ее обратно.

С а в е р н и

Нет, вы меня спасли, мой милый. Если вдруг

Понадобится вам иль секундант, иль друг, —

Все, что хотите вы: кровь, жизнь мою, именье...

Д и д ь е

Отдайте мне, маркиз, ее изображение.

Саверни передает ему медальон. Дидье с горечью смотрит на портрет.

Чело невинное! В очах небесный свет!

Вся целомудрие... О, как похож портрет!

С а в е р н и

Вам кажется?

Д и д ь е

Для вас она и заказала

Портрет?

С а в е р н и

(подтверждая жестом слова Дидье и кланяясь ему)

Потом на вас внезапно поменяла
Всех тех, кто был в нее без памяти влюблен.
Счастливый человек!

Д и д ь е

(с громким смехом, в котором звучит безнадежность)

Я счастьем упоен!

С а в е р н и

Я поздравляю вас. Прекрасная девица,
И только знатные с ней в дружбу входят лица.
Такой любовницей гордиться может всяк.
Она и вес дает и в то же время знак
И вкуса лучшего. И станут все открыто
Вас всюду звать: «Друг нашей знаменитой!»

Дидье хочет отдать Саверни портрет, но тот отказывается.

Нет, нет, теперь он ваш. Я вам его дарю.
И дама и портрет — все вам.

Д и д ь е

Благодарю.

(Прячет портрет у себя на груди.)

С а в е р н и

О, как мила Марьон в испанском одеянье!
Так вы наследник мой... на дальнем расстоянии:
Так принял наш король от Меровингов трон,
Я был обоими Бриссаками сменен.

(Со смехом.)

Сам грозный кардинал вступал в ее покои,
И молодой д'Эффья, затем Сент-Мемы трое,
Четыре Аржанто. Да, в сердце у Марьон
Вы в лучшем обществе... и людном.

(Снова смеется.)

Д и д ь е

(в сторону)

Я сражен!

С а в е р н и

Вы мне расскажете... Горю от нетерпенья...
Я ж мертвецом слыву, и завтра погребенье.
А вы — вам удалось затворы отомкнуть
И с помощью Марьон пуститься в дальний путь.
Вас в труппу приняли к себе актеры эти.
Не правда ль, сказочки забавней нет на свете?

Д и д ь е

Интрига сложная!

С а в е р н и

Чтоб вас освободить,
Всем глазки строила Марьон.

Д и д ь е

(громовым голосом)

Не может быть!

С а в е р н и

Как! Вы ревнуете?

(Смеется.)

Нет ничего глупее!

Приревновать Марьон? Но добрым будьте с нею.
Малютка бедная! Вы свой умерьте пыл.

Д и д ь е

Не беспокойтесь!

(В сторону.)

Ах! Мой ангел бесом был.

Входят Лафемас и Грасье. Дидье уходит. Саверни следует
за ним.

Явление восьмое

Лафемас, Грасье.

Г р а с ь е

(Лафемасу)

Все в толк я не возьму, что, господин, вам надо.

(В сторону.)

На сыщика похож, а сам в плаще алькада.
Под бровию густой недобрый спрятан глаз.
Не иначе, как здесь шпионит он у нас.

Л а ф е м а с

(вынимая кошелек)

Дружок!

Г р а с ь е

(приближаясь к Лафемасу, вполголоса)

Химена вас, как видно, интригует,
Хотите знать, какой...

Л а ф е м а с

(вполголоса, улыбаясь)

Родриг здесь торжествует.

Г р а с ь е

Любезник кто?

Л а ф е м а с

Ну да!

Г р а с ь е

Кто чтит ее закон?

Л а ф е м а с

(с нетерпением)

Он здесь?

Г р а с ь е

Конечно.

Л а ф е м а с

(быстро подойдя к нему)

Где? Где? Покажи!

Г р а с ь е

(с глубоким поклоном)

Вот он.

Я без ума влюблен.

Л а ф е м а с

(обескураженный, удаляется с раздражением, затем возвращается и бренчит кошельком у ушей и глаз Грасье)

А звук червонцев звонок?

Г р а с ь е

Я эту музыку люблю еще с пеленок.

Л а ф е м а с

(в сторону)

Дидье в моих руках!

(К Грасье.)

Любитель вы монет?

Г р а с ь е

Там сколько?

Л а ф е м а с

Двадцать...

Г р а с ь е

Гм!

Л а ф е м а с

(позвякивая кошельком у самого носа Грасье)

Возьмешь?

Г р а с ь е

(вырывая у него из рук кошелек)

Еще бы!

(Театральным тоном обращается к Лафемасу, слушающему с беспокойством.)

Когда б твоя спина имела вместо впадин
Горб, равный животу, что у тебя громаден,
И эти два мешка ты б золотом набил,
А после мне свои богатства предложил...

Л а ф е м а с
(с живостью)

Что б ты сказал тогда?

Г р а с ь е
(кладя кошелек в карман)

Я взял бы их конечно,
И только бы сказал:

(с глубоким поклоном)
«Благодарю сердечно».

Л а ф е м а с
(в сторону, в ярости)

Мартышка мерзкая!

Г р а с ь е
(в сторону, смеясь)

Пшел к черту, старый кот!
(В сторону.)

Они стакнулись здесь и знают наперед,
Как надо отвечать, — все слажено заране.
О черти гнусные, египтяне, цыгане!

(К Грасье, направляющемуся к выходу.)

Верни хоть кошелек!

Г р а с ь е

(оборачиваясь, трагическим тоном)

Я вас спрошу сейчас —
Что человечество сказала бы о нас?
Вы предложили мне чудовищную сделку:
Товарища продать и совесть, как безделку.

(Хочет уйти.)

Л а ф е м а с

(удерживая его)

Но золото отдай.

Г р а с ь е

(все тем же тоном)

Храню я честь свою
И никому ни в чем отчета не даю.

(Кланяется и уходит в оvin.)

Явление девятое

Л а ф е м а с

(один)

Шут подлый! Гордость — где? В его душе растленной?
Мне в руки попадешь когда-нибудь, презренный!
Теперь же мне нужна поблагородней дичь.
Как в этой толчее верней Дидье настичь?
Арестовать их всех и допросить? Неловко!
Нет, не годится так. Во всем нужна сноровка.
Иголку отыскать в стогу не легче мне.
Ах, тигель дьявольский найти бы, чтоб в огне
Худых металлов смесь мгновенно растопилась
И крошка золота, что сплав скрывал, открылась.

Вернуться без Дидье? Что ж скажет кардинал!
Ужасно!

(Хлопает себя по лбу.)

Я на мысль удачную напал.
Дидье в моих руках!..

(Кричит в ворота овина.)

Эй, господа актеры,
Два слова!

Комедианты выходят из овина.

Явление десятое

Те же, актеры, среди них Марьон и Дидье; потом Саверни,
потом маркиз де Нанжи.

Скарамуш
(Лафемасу)

Кто нас звал?

Лафемас

Оставим разговоры
Ученые! Скажу, что герцог-кардинал
Актеров разыскать меня сюда послал
Для пьес его — детей крылатых вдохновенья,
Что сочиняет он в часы отдохновенья.
Давно его театр стал что-то плоховат,
И обновить его наш герцог будет рад.

Все комедианты с поспешностью приближаются к Лафемасу. Входит
Саверни, с любопытством наблюдающий за происходящим.

Грасье

(в сторону, пересчитывая в углу червонцы Лафемаса)

Не двадцать, — он солгал, — двенадцать! Вор негодный!

Л а ф е м а с

Отрывки из ролей читайте мне свободно,
Но все, чтобы я мог произвести отбор.

(В сторону.)

Коль вырвется Дидье, то очень он хитер.

(Громко.)

Все собрались?

М а р ь о н украдкой подходит к Д и д ь е и старается его увести.
Дидье отступает и отталкивает ее.

Г р а с ь е

(подходя к ним)

Эй вы, идите, что вы стали!

М а р ь о н

О Боже!

Дидье ее оставляет и вмешивается в толпу комедиантов; она следует за
ним.

Г р а с ь е

В добрый час вы в поле к нам пристали:
Оденут пышно вас, простят вам все грехи
И кардинальские дадут читать стихи.
Вот жребий!

Комедианты выстраиваются перед Лафемасом, Марьон и Дидье среди
них. Дидье, не глядя на Марьон, устремил глаза в землю. Руки его
скрещены под плащом. Марьон не сводит с Дидье взора, полного
тревоги.

Г р а с ь е

(во главе труппы, в сторону)

Кто б сказал, что этот ворон быстро
Здесь наберет шутов для кардинал-министра?

Л а ф е м а с

(к Грасье)

Ты — первый. Кто ты, друг?

Г р а с ь е

(с глубоким поклоном и пируэтом,
который подчеркивает его горб)

Грасье меня зовут.

И вот что лучшее могу пропеть я тут.

(Поет.)

В париках голов судейских
Много замыслов злодейских,
И из этого руна
В зал суда течет волна —
Штрафы, виселицы, пытки
Извергаются в избытке
От малейшего кивка
Президента-парика.
Адвокат, сидящий рядом,
Осыпает судей градом
Хитроумнейших речей
Из латинских словарей.

Л а ф е м а с

(прерывая его)

Фальшивишь, мой дружок, орланам всем на диво.
Молчи!

Г р а с ь е

Фальшивлю я, но песенка правдива.

Л а ф е м а с
(Скарамушу)

Теперь — ты.

С к а р а м у ш
(кланяясь)

Скарамуш зовут меня. Я б мог
В «Дуэнье» прочитать начальный монолог.
(Декламирует.)

«Прекрасны, — молвила испанцев королева, —
Прелат пред алтарем, солдат в бою, но дева
В постели нам милей и за решеткой вор...»

Лафемас прерывает его жестом и делает знак говорить Т а й б р а.
Тот отвечает низким поклоном и выпрямляется.

Т а й б р а
(напыщенно)

Меня зовут Тайбра. Я сын тибетских гор.
Я хана покарал, погиб Могол несчастный...

Л а ф е м а с

Не это...

(Тихо, к Северни, который стоит подле него.)

А Марьон действительно прекрасна!

Т а й б р а

Как? Это ж лучшее! Но, чтоб потешить вас,
Я Карлом Первым стал — мой слушайте рассказ.

(Декламирует напыщенно.)

«О, страшен жребий мой! Я небо призываю
В свидетели, о Бог, как тяжко я страдаю!

Себя ограбить сам отныне должен я, —
К другому перейдет любовь моя.
Ему я счастье дам, свою скрывая злобу,
И желчью едкою залью свою утробу.
Так птицы на себе на ветках гнезда вьют,
Так пчелы для других свершают в поле труд,
Так вы не для себя растите шерсть, бараны,
Так для чужих, быки, пасетесь средь поляны».

Л а ф е м а с

Прекрасно.

(К Саверни.)

Вот стихи! Из «Брадаманты». Вот
Как петь умел Гранье!

(К Марьон.)

Красотка, ваш черед.

Как вас зовут?

М а р ь о н

(дрожа)

Меня?.. Хименой.

Л а ф е м а с

В добрый час!

Химена? Значит, есть возлюбленный у вас!
И на дуэли он убил...

М а р ь о н

(испуганно)

Как?

Л а ф е м а с

И по свету

Скитается...

М а р ь о н

(в сторону)

Мой Бог!

Л а ф е м а с

Прочтите повесть эту.

М а р ь о н

(вполоборота к Дидье)

«О, если жизнь и честь так не милы тебе,
Что предаешься сам убийственной судьбе,
То за любовь мою, молю, Родриг, в отплату
Сражайся, чтоб меня не дали супостату.
Сражайся, чтоб спасти меня от брачных уз
И чтоб немислим стал грозящий мне союз.
И что еще скажу? Иди, готовься к бою,
Чтобы умолкла я, смиряясь пред тобою.
И если нежный друг в меня еще влюблен,
В бою из-за меня пусть побеждает он!»

Лафемас встает и любезно целует ее руку. Марьон, бледная, смотрит на Дидье, который стоит неподвижно, опустив глаза.

Л а ф е м а с

Химена, голос ваш проникнуть в сердце может,
Как в мире ни один, и струны в нем тревожит.
О, как прелестны вы!

(К Саверни.)

Конечно, спору нет, —
В сравненье с Гарнье Корнель плохой поэт,
Но он в своих стихах старания удвоил
С тех пор, как кардинал его себе присвоил.

(К Марьон.)

Как ваш прекрасен дар! Как томен черный глаз!
О! Пребыванье здесь, Химена, не для вас.
Прошу вас сесть сюда.

(Садится и делает Марьон знак сесть с ним рядом.)

Она отступает.)

М а р ь о н

(тихо, к Дидье, с ужасом)

Как я боюсь разлуки!

Л а ф е м а с

(улыбаясь)

Присядьте рядышком.

Дидье отталкивает Марьон. Она испуганно падает на скамью
рядом с Лафемасом.

М а р ь о н

(в сторону)

Дрожу в смертельной муке.

Л а ф е м а с

(улыбаясь Марьон, с упреком)

Ну, наконец!

(К Дидье.)

Кто вы?

Дидье делает шаг к Лафемасу, сбрасывает плащ и надвигает шляпу на глаза.

Д и д ь е

(серьезным тоном)

Дидье!

Все поражены.

(Лафемасу, который торжествующе посмеивается.)

Теперь

Все остальные пусть уйдут к себе за дверь.

Вот ваша дичь в силке. Добыча ваша — с вами.

Она досталась вам немалыми трудами.

М а р ь о н

(подбегает к нему)

Дидье!

Д и д ь е

(холодно глядя на нее)

Сударыня, судьба предрешена.

Она отступает и в изнеможении падает на скамью.

(К Лафемасу.)

Я видел, как вокруг бродил ты, сатана,

И как в твоих глазах светился отблеск ада,

Что у тебя в душе. Мне мало было надо,

Чтоб избежать тебя, твоих нечистых дел,

Но за твои труды — тебя я пожалел.

Мзду за меня бери, сдаюсь я добровольно.

Л а ф е м а с

(сдерживая гнев, силясь засмеяться)

Послушайте, Дидье, комедии довольно.

Д и д ь е

Нет, ты ее играл!

Л а ф е м а с

Я плохо бы сыграл,

Но мне способствовал сам герцог-кардинал
Создать трагедию, где роль для вас готова.

Марьон в ужасе вскрикивает. Дидье отворачивается с презрением.

Чего вы головой качаете сурово?

Мы вашу всю игру досмотрим до конца;
А ваш бессмертный дух уже в руках творца.

М а р ь о н

О!

В эту минуту маркиз де Нанж и проходит в глубине сцены, все в таком же состоянии, с отрядом алебардщиков. На крик Марьон он останавливается и поворачивается к присутствующим, бледный, безмолвный.

Л а ф е м а с

(к маркизу де Нанжи)

Господин маркиз, у вас прошу подмоги.
Вот весть счастливая! Надзор здесь нужен строгий.
Тот, кем убит Гаспар преступно, был в бегах,
Но снова схвачен мной.

М а р ь о н

(бросаясь к ногам Лафемаса)

Имейте жалость, ах!

Л а ф е м а с
(учтиво)

Как? Вы у ног моих? У ваших быть мне вечно!

М а р ь о н
(на коленях, ломая руки)

О господин судья! Зачем бесчеловечно
Судить? Когда-нибудь строжайший наш судья
Помилует и вас. О! Умоляю я!

Л а ф е м а с
(улыбаясь)

Ужели проповедь вы нам читать хотите?
Блистайте красотой и на балах царите,
К тому ж меня совсем не надо поучать,
Я счастлив вам служить, но он убийца...

Д и д ь е
(к Марьон)

Встать!

Марьон встает, дрожа.

(К Лафемасу.)

Лжешь! То была дуэль.

Л а ф е м а с

Как, сударь!

Д и д ь е

Лжешь, презренный!

Л а ф е м а с

Молчать!

(К Марьон.)

Нет, кровь за кровь. Таков закон священный.
Злодейски им убит

(показывая на де Нанжи)

племянник молодой

Маркиза де Нанжи. Пред вестью роковой
Король и Франция поникли в грусти вечной.
Останься он в живых... тогда еще, конечно,
Я мог подумать бы... и тронули б меня...

С а в е р н и

(делая шаг вперед)

Убитый человек не умер. Это я!

Общее изумление.

Л а ф е м а с

(вздрагнув)

Гаспар де Саверни! Что думать нам о чуде?
Там гроб его стоит.

С а в е р н и

(срывая свои фальшивые усы, пластырь и черный парик)

Но мертвым он не будет.

Узнали вы меня?

М а р к и з д е Н а н ж и
(как бы пробужденный от сна,
с криком бросается в его объятия)

Гаспар, племянник мой!
Дитя любимое!

Они крепко обнимают друг друга.

М а р ь о н
(падая на колени и устремив взор к небу)

Дидье спасен судьбой.

Д и д ь е
(холодно, к Северни)

К чему? Мне смерть мила.

М а р ь о н
(все еще на коленях)

Ему — благословенье!

Д и д ь е
(продолжает. Не слушая ее)

А иначе ужель попался б я в мгновенье!
Я мог бы шпорою порвать без лишних слов
Паучью эту сеть для ловли комаров.
Но нынче только смерть — души моей стремленье,
Вы плохо платите, маркиз, за одолженье.

М а р ь о н
Что? Нет, он будет жить!

Л а ф е м а с

Нет, делу не конец,
Действительно ль маркиз вот этот молодец?

М а р ь о н

Да!

Л а ф е м а с

Это требует немедля разъяснения.

М а р ь о н

*(указывает ему на маркиза де Нанжи, который все еще
держит Саверни в своих объятиях)*

Смотрите, как старик исполнен умиления.

Л а ф е м а с

Так это Саверни? Гаспар?

М а р ь о н

Кого еще

Так старый де Нанжи ласкал бы горячо?

М а р к и з д е Н а н ж и

Гаспар ли это мой! Кровь, счастье, сын желанный!..

(К Марьон.)

Он задал, кажется, вопрос нам этот странный?

Л а ф е м а с

(маркизу де Нанжи)

Вы утверждаете, что перед вами он,
Племянник ваш Гаспар?

М а р к и з д е Н а н ж и
(с силой)

Да!

Л а ф е м а с
(к Саверни)

Я, творя закон,
Монаршим именем теперь вас арестую,
Отдайте шпагу.

Изумление и смятение среди присутствующих.

М а р к и з д е Н а н ж и
Сын!

М а р ь о н
Мой Бог!

Д и д ь е

Вот и вторую
Вы голову нашли, чтоб римский кардинал
В той и другой руке по голове держал.

М а р к и з д е Н а н ж и
Но кто вам право дал?..

Л а ф е м а с
Спросите кардинала;
Известный всем указ его рука скрепляла.

(К Саверни.)

Отдайте шпагу мне.

Д и д ь е

(*глядя на Саверни*)

Безумец!

С а в е р н и

(*протягивая свою шпагу Лафемасу*)

Вот она.

М а р к и з д е Н а н ж и

(*останавливая его*)

Постойте. Никому здесь воля не дана.
Здесь я единственный, кто властвует и судит,
И в замке у меня король лишь гостем будет.

(*К Саверни.*)

Вручи мне шпагу, сын.

Саверни отдает ему шпагу и обнимает его.

Л а ф е м а с

Поверьте, сударь, мне,
То ветхие права, угасшие вполне.
Боюсь, что кардинал мне не простит. Однако
Я не хочу ничем печалить вас...

Д и д ь е

Собака!

Л а ф е м а с

(*кланяясь маркизу*)

И подчиняюсь. Зато по долгу своему
Прошу мне стражу дать и отворить тюрьму.

М а р к и з д е Н а н ж и
(своим стражам)

Все предки ваши нам служили так достойно.
Я запрещаю вам ступить хоть шаг.

Л а ф е м а с
(громовым голосом)

Спокойно!

Послушайте, могуч верховный трибунал,
И в нем меня судьей назначил кардинал.
Обоих их — в тюрьму! Немедля отведите,
У каждой из дверей по двое сторожите.
Вы мне ответите. И смелым будет тот
Из вас, кто слов моих, как нужно, не поймет.
Когда приказов он моих не исполняет,
То, значит, голова ему ступать мешает.

Стражи, пораженные, безмолвно окружают обоих узников.
Маркиз де Нанжи, возмущенный, отворачивается и закрывает
глаза рукой.

М а р ь о н

Дидье! Погибло все!

(Лафемасу.)

О сударь!

Л а ф е м а с
(тихо, к Марьон)

Вечерком

Ко мне зайдите вы потолковать вдвоем.

М а р ь о н
(в сторону)

Чего он хочет? О, страшны его улыбки!
И мрак в его душе таинственный и зыбкий.

(Бросается к Дидье.)

Дидье!

Д и д ь е
(холодно)

Сударыня, прощайте.

М а р ь о н

(трепещет от звуков его голоса)

Горе мне!

О я несчастная!

(Падает на скамью.)

Д и д ь е

Несчастливая вполне.

С а в е р н и

*(обнимает маркиза де Нанжи,
затем обращается к Лафемасу)*

Поздравить можно вас теперь с двойной наградой?

С л у г а

(входя, к маркизу)

Уже для похорон готово все, что надо.
Угодно будет вам обряд печальный сей
Свершить сегодня же?

Л а ф е м а с

Нет, через тридцать дней.

Стража уводит Дидье и Саверни.

Действие четвертое

КОРОЛЬ

Замок Шамбор
Лейб-гвардейская зала.

Явление первое

Герцог Бельгард в богатой придворной одежде, пышно расшитой и украшенной кружевами, на шее орден Святого Духа, на плаще — кавалерская звезда; маркиз де Нанжи, в глубоком трауре, как всегда — в сопровождении своей стражи. Они проходят по зале в глубине сцены.

Герцог Бельгард

Приговорен?

Маркиз де Нанжи

Увы!

Герцог Бельгард

Так, но в монаршей воле
Помиловать. У нас Людовик на престоле!
Не плачьте. Снизойдет и не к такой вине
Сын Генриха...

Маркиз де Нанжи

Кому служил я на войне.

Герцог Бельгард

Да. Мы его отцу немало послужили!
Немало панцирей железных износили,
А не шелков. Теперь вас, старый друг, молю:
Вы лишь *Ventre-Saint-Gris* скажите королю, —

И Ришелье тогда ни с чем, наверно, будет.
Покамест спрячьтесь тут.

(Открывает боковую дверь.)

Сюда король прибудет.

К тому же, милый друг, печальный ваш наряд
Покажется иным, пожалуй, смешноват.

М а р к и з д е Н а н ж и

Над трауром шутить!

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Фатишки!.. Кум любезный,

Побудьте здесь пока. А я, чтоб быть полезным
Вам, против Ришелье настрою короля,
Вас, топнув, вызову. — Как нравится моя
Затея вам?

М а р к и з д е Н а н ж и

(пожимая ему руку)

Спасибо.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

*(одному из мушкетеров, который прохаживается перед
маленькой позолоченной дверью)*

На два слова!

Что делает король?

М у ш к е т е р

Уединился снова.

(Тихо.)

С тем, в черном, государь.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д
(в сторону)

Я верно угадал:
Он смертный приговор кому-то подписал.
(Старому маркизу, пожимая ему руку.)

Мужайтесь!
(Вводит маркиза в соседнюю галерею.)

А пока глядите восхищенно:
Сам Приматиччо здесь писал цветы плафона.

Оба уходят. Через парадную дверь, расположенную в глубине сцены и ведущую на лестницу, входит М а р ь о н в глубоком трауре.

Явление второе

М а р ь о н, стража.

А л е б а р д щ и к
(к Марьон)

Сударыня, нельзя!

М а р ь о н
(направляясь к двери)

Прошу вас!

А л е б а р д щ и к
(преграждая путь алебардой)

Входа нет.

М а р ь о н
(с презрением)

Здесь против женщины блеснул бы пистолет,
Не за нее!

М у ш к е т е р
(смеясь, алебардщику)

Лови!

М а р ь о н
(твердым голосом)

Прочь эту алебарду.
Я во дворец иду, и к герцогу Бельгарду.

А л е б а р д щ и к
(опуская алебарду в сторону)

Ох, эти старички!

М у ш к е т е р
Войдите.

Она решительным шагом идет вперед.

А л е б а р д щ и к
(в сторону)

Ну и ну!

Старик не так уж стар, и, верно, в старину
Король его за то, что волю дал он сердцу,
Послал бы в башню.

М у ш к е т е р
(делая алебардщику знак молчать)

Тсс... Там открывают дверцу.

Позолоченная дверь открывается. Из нее выходит Л а ф е м а с, держа в руке пергаментный свиток, с которого свешивается красная восковая печать на шелковых шнурах.

Явление третье

М а р ь о н, Л а ф е м а с.

Оба удивлены. М а р ь о н отшатывается с ужасом.

Л а ф е м а с

(медленно приближаясь к Марьон, тихо)

Вы здесь зачем?

М а р ь о н

А вы?

Л а ф е м а с

*(развертывает пергаментный свиток
и показывает его Марьон)*

А подпись вам видна?

М а р ь о н

(взглянув, закрывает лицо руками)

О Боже!

Л а ф е м а с

(склонившись к ней, на ухо)

Хочешь ли?

Марьон вздрагивает и в упор смотрит на него. Он не сводит с нее пристального взгляда.

(Еще тише.)

Что ж?

М а р ь о н
(отталкивая его)

Скройся, сатана!

Л а ф е м а с
(выпрямляясь, с усмешкой)

Так не хотите вы?

М а р ь о н
Тебя бояться, что ли?
Здесь милует король, царящий на престоле.

Л а ф е м а с
Простите ж короля!.. Но с вами не шучу.
*(Поворачивается к ней спиной, потом
вдруг возвращается, скрещивает руки на груди
и говорит ей на ухо.)*

Вы проклянете час, когда я расхожусь.

(Уходит.)

Входит герцог Бельгард.

Явление четвертое

Марьон, герцог Бельгард.

М а р ь о н
(идет к герцогу)

Вы, герцог, всем дворцом владеете свободно.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Прелестная, вы — здесь!..

(Кланяясь.)

Но что же вам угодно?

М а р ь о н

Мне к королю...

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Когда?

М а р ь о н

Сейчас.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Зачем?

М а р ь о н

Молю!

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

(со смехом)

Явиться поскорей велите королю.

Какая скорая!

М а р ь о н

Отказ ли это?

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Что вы!

(Улыбаясь.)

Друг с другом никогда мы не были суровы.

М а р ь о н

Отлично. Но когда увижу короля?

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Побудьте с герцогом, красавица моя.

Я слово вам даю, что здесь король проходит.

Но побеседуем. Что, детка, происходит?

Вы в черном! Как у дам придворных, строг убор.

А прежде вы всегда смеялись!

М а р ь о н

Монсеньер,

Я больше не смеюсь.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Она в слезах! Что это?

М а р ь о н

(отирая слезы, твердым голосом)

Как свидеться с его величеством, совета

Прошу.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

А цель?

М а р ь о н

Ах! За...

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Обидел кардинал,

Как и маркиза, вас?

М а р ь о н

Да.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

(открывая перед нею дверь галереи)

Спрячьтесь в этот зал.

Все недовольные должны там собираться.

Пока не подан знак, прошу не появляться.

М а р ь о н выходит. Он закрывает за нею дверь.

Я рад был для Нанжи сил не жалеть моих.

Не будет мне трудней трудиться за двоих.

Понемногу зала наполняется придворными. Они беседуют.
Герцог Бельгард переходит от одного к другому. Входит Л а н ж е л и.

Явление пятое

П р и д в о р н ы е.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

(герцогу Бопрео)

Привет вам, герцог!

Г е р ц о г Б о п р е о

Вам!

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Какие толки света?

Г е р ц о г Б о п р е о

Что новый кардинал...

Герцог Бельгард

Епископ Арльский это?

Герцог Бопрео

Отенский, слышал я. Что он получит сан,
Уверен весь Париж.

Аббат де Гонди

И справедливо дан
Сей сан. Епископ бил врагов неодолимо
Под Ла-Рошелю.

Герцог Бельгард

Да-с!

Ланжели

Хвалю решение Рима:
Из пушек должно бить по людям.

Аббат де Гонди

(смеясь)

Эй ты, шут! —

Ну и дурак же ты...

Ланжели

(кланяясь)

Да, так меня зовут.

Входит Лафемас. Все придворные окружают его и наперебой за ним ухаживают. Герцог Бельгард наблюдает это с досадой.

Герцог Бельгард
(к Ланжели)

Шут, это кто еще в плаще из горностая?

Ланжели

И всякий льнет к нему, от восхищенья тая.

Герцог Бельгард

Я, кажется, его не видел никогда;
Не брат ли короля прислал его сюда?

Ланжели

Не так бы встретили!

Герцог Бельгард
(смотрит на важничающего Лафемаса)

Он словно гранд Испаний!

Ланжели

Да это Лафемас — он интендант Шампани
И первый из судей...

Герцог Бельгард
(тихо)

Творящий адский суд.
Палач при Ришелье — ведь так его зовут?

Ланжели
(все так же тихо)

Да, да!

Герцог Бельгард

Он — при дворе?

Ланжели

Вас это удивляет?

Тигр лишний никогда в зверинце не мешает.

Представить вам его?

Герцог Бельгард

(надменно)

Шут!

Ланжели

Честию клянусь!

Вот с ним бы я дружил, признаться не боюсь.

Взгляните на других. Все превзошли науку:

Он срубит голову, коль не пожмет вам руку.

(Идет за Лафемасом и представляет его герцогу, который кланяется довольно неблагосклонно.)

Ланжели

(кланяясь)

Я, герцог, ваш слуга.

Герцог Бельгард

(кланяясь)

Я очень рад.

(Тихо.)

Мой Бог!

Нет, только Ришелье нас так унижить мог.

Лафемас удаляется.

В и к о н т д е Р о г а н

(громко хохочет среди кучки придворных в глубине зала)

Прелестно!

Л а н ж е л и

Что?

В и к о н т д е Р о г а н

Марьон — там, в галерее новой!

Л а н ж е л и

Да?

В и к о н т д е Р о г а н

Шутка у меня на этот счет готова:
Людовик девственный и грешная Марьон...

Л а н ж е л и

Прелестно сказано! Я прямо восхищен.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

(графу Шарнасе)

Скажите, господин волчатник, как с облавой?
И как охота здесь?

Г р а ф Ш а р н а с е

Ах, сударь! Горе, право!

Сожрали волки трех в Шамборе пастухов —
Обрадовался я, что тьма у нас волков.
Обрыскал все леса, а толку никакого.

(К Ланжели.)

Шут, что веселого?

Л а н ж е л и

Нет ничего такого...

А впрочем. В Божанси — казнь за дуэль. Изволь!

А б б а т д е Г о н д и

Возможно ли! За вздор такой казнить...

Открывается позолоченная дверь.

П р и в р а т н и к

Король!

Входит король. Он весь в черном, бледен, глаза опущены. На камзоле и на плаще — знаки ордена Святого Духа. На голове — шляпа. Все придворные обнажают головы и молча расступаются перед ним. Гвардейцы наклоняют свои пики или берут мушкеты на караул.

Явление шестое.

Те же, король.

Король входит медленными шагами, не поднимая головы, и проходит через толпу придворных, затем останавливается на авансцене и стоит несколько мгновений молча, в раздумье. Придворные удаляются в глубь сцены.

К о р о л ь

(у рампы)

Все хуже с каждым днем...

(К придворным, кивнув головой.)

Храни вас длань Господня!

(Опускается в большое кресло и тяжело вздыхает.)

Я, господин Бельгард, совсем не спал сегодня!

Г е р ц о г Б е л ь г а р д
(приближаясь с тремя глубокими поклонами)

Но, государь, уже давно никто не спит.

К о р о л ь
(живо)

Так к бездне Франция и к гибели спешит?

Г е р ц о г Б е л ь г а р д
Десница мощная ведет ее умело.

К о р о л ь
Да, трудное в руках у кардинала дело.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д
О!

К о р о л ь
Старость герцога я плохо берегу.
Не только царствовать, я жить едва могу!

Г е р ц о г Б е л ь г а р д
Ведь кардинал не стар...

К о р о л ь
Теперь, Бельгард любезный,
Лишь будьте искренни — и будете полезны.
Что он за человек?

Г е р ц о г Б е л ь г а р д
Кто, государь?

К о р о л ь

Ну он.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Кто? Кардинал?

К о р о л ь

Ну да.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

О, взор мой ослеплен

И еле различит...

К о р о л ь

О, сколько слов прекрасных!

(Осматриваясь по сторонам.)

Но эминенций нет — ни серых здесь, ни красных,

Нет соглядатаев. Дозвольте королю

Знать ваше мнение о Ришелье...

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Молю!

Увольте, государь.

К о р о л ь

Всю правду!

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

(смело)

Всю? Он гений.

К о р о л ь

Вы это повторить решитесь, без сомнений,
И в Риме? Слышите ль, как стонет вся страна,
Меж Ришелье и мной страдать осуждена.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Ах!

К о р о л ь

Разве всем теперь не ведает он сразу —
Войной, законами? Он отдает приказы,
Ну чем он не король? Изменой разогнал
Он Лигу и теперь свой грозный меч подъял
На друга — Австрию, откуда королева.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Но разрешил же вам он, государь, без гнева
Крольчатник завести...

К о р о л ь

Какая-то игра

Ведется с Данией...

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Но цену серебра

Вы назначаете.

К о р о л ь

(с возрастающей досадой)

Меня он ссорит с Римом...

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

С благоволением, ничем не объяснимым,
Дал вам издать указ, чтоб денег тратил всяк
Не более экю, когда идет в кабак.

К о р о л ь

А договоры те, что держит он в секрете...

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Зато он терпит сбор охотников в Планшете.

К о р о л ь

Он все творит один, и жалоб тяжкий стон
Летит к нему давно — я в тень преобразен,
Молящих голос стал чужд царственному слуху.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Зато излечивать дано вам золотуху.

Гнев короля усиливается.

К о р о л ь

Он хочет орден мой дать брату своему, —
Я этим возмущен, я запрещаю ему.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Но...

К о р о л ь

Все его родных поносят...

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Зависть гложет.

К о р о л ь

А жизнь племянницы его на что похожа!

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Навет!

К о р о л ь

А сколько сот пехоты держит он?

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Но конных только сто.

К о р о л ь

Я этим возмущен!

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Он Францию спасет...

К о р о л ь

Мою он губит душу.

Одной рукой у нас еретиков он душит,

Другой — со шведскими он пишет договор.

(На ухо Бельгарду.)

А как подумаю я, сколько под топор

На площадь Гревскую он шлет людей! Ужасно!

И все друзья мои. На нем и платье красно

От крови их. Меня ж он трауром облек.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

С своими кардинал не так же ль был жесток?

К о р о л ь

И если любит тех, с кем так он поступает,
Я горячо любим...

(Резко, после молчания, скрестив руки на груди.)

Мою он мать ссылает!

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Желаньям вашего величества вполне
Он предан, кажется.

К о р о л ь

Он ненавистен мне!

Меня он душит. Здесь я больше не свободен,
Здесь не хозяин я, — а я на что-то годен.
Но он, меня давя тяжелою стопой,
Рискует разбудить дух королевский мой.
Пусть я и слаб и хил, а жизнь его пылает,
Ей каждое мое дыханье угрожает,
И потушить ее смогу я, как свечу.
Когда я вслух скажу, про что еще молчу.

Молчание.

Он все в моей стране, как может, ухудшает.
Хворает сам король — и Франция страдает.
Снаружи и внутри — повсюду кардинал,
Король — нигде. Как зверь, он Австрию глодал,
Он корабли мои не защищает в море,
Не хочет, чтоб я был с Густав-Адольфом в ссоре...
Да что там! Он везде, он — сердце короля,

Полна им Франция, мой дом, моя семья.
Ах! Очень жалок я!

(Подходит к окну.)

И дождь стучит докучно.

Герцог Бельгард

Вам тяжело, государь?

Король

О мой Бельгард, мне скучно.

Молчание.

Мне, первому в стране, пришлось последним стать.

О, браконьеру я хотел бы трон отдать!

Весь день охотиться, другой не знать забавы,

Не знать стеснения и спать в тени дубравы,

Слуг короля громить, с грозою петь в лесах

И в чаще вольно жить, как птица в небесах!

Свободный селянин в доме своем хозяин,

А в Лувре у меня всегда пурпурный Каин, —

Так важен и так строг, и вечно шепчет он:

«Вам, верно, государь, угоден сей закон?»

Он разлучил меня с страной, мне Богом данной,

И, как ребенка, скрыл под мантией багряной.

Когда вы спросите: «Кого туда, шала,

Упрятал кардинал?» — вам скажут: «Короля!»

И вечно списки жертв рябят перед глазами:

То с дуэлянтами, а то с еретиками.

В дуэли грех какой, я что-то не пойму...

И трупы, трупы... Ах! На что они ему?

Бельгард топает ногой. Входят маркиз де Нанжи и Марьон.

Явление седьмое

Те же, Марьон, маркиз де Нанжи.

Маркиз де Нанжи приближается со своей стражей к королю и за несколько шагов от него становится на одно колено.

Марьон падает на колени у входа.

Маркиз де Нанжи

Управы!

Король

На кого?

Маркиз де Нанжи

На злого беса в алом,

Что величают здесь министром-карданалом.

Марьон

И милости...

Король

Кому?

Марьон

Дидье.

Маркиз де Нанжи

И Саверни.

Король

Два эти имени! Встречались мне они.

М а р к и з д е Н а н ж и
Пощады, государь!

К о р о л ь
А кто вам эти люди?

М а р к и з д е Н а н ж и
Я — дядя Саверни.

М а р ь о н
Дидье мне братом будет.

К о р о л ь
Что, дядя и сестра, вас привело сюда?

М а р к и з д е Н а н ж и
(показывая по очереди на правую и левую руку короля)

От правой — милости, от левой — я суда
Хочу! Я — де Нанжи, маркиз, И я владею
Ста копыеносцами и крепостью моею.
Я против Ришелье Армана Дюплесси,
Взываю к королю и к Богу в небеси.
И я по праву здесь и в этом не раскаюсь.
Гаспар де Саверни, о коем я стараюсь,
Племянник мой...

М а р ь о н
(тихо, маркизу)

Маркиз, а мой несчастный брат!

М а р к и з д е Н а н ж и

Гаспар ввязался в спор, но кто же виноват,
 Что поединком все окончилось некстати
 С каким-то там Дидье — он из недавней знати;
 Но благородства дух в них до конца пылал,
 А кардинал своих ищеек разослал.

К о р о л ь

Известно дело мне. Довольно. Что еще там?

М а р к и з д е Н а н ж и

(поднимаясь)

Пусть к вашим, государь, прибавится заботам
 То обстоятельство, что кардинал — тиран
 И замышляет зло и нашей кровью пьян.
 Покойный ваш отец, наш Генрих незабвенный,
 Со знатью в мире жил и в дружбе неизменной.
 Хранимый ею, он умел ее хранить
 И лишь преступника способен был казнить.
 Дворянство Франции на лучшее пригодно,
 Чем головы терять позорно и бесплодно.
 И кто оплот всему — знал Генрих, чей кафтан
 Был залит, и не раз, в сраженьях кровью ран.
 Вот время, что своим я буду звать упорно.
 Дух древней знати жил среди вельмож придворных;
 Дворян священник бы не тронул никогда.
 Невинный точно знал, что не придет беда.
 И так как к временам приблизились мы скверным,
 Храните, государь, дворян, престолу верных.
 Поверьте старику — еще наступит час,
 Когда, припомнив все, вздохнете вы не раз,

Что площадь Гревская у нас в таком почете,
И всех погибших там невольно перечтете.
Вы с горечью тогда свой оглядите двор,
Бесстрашных тех вблизи искать ваш будет взор
Вотще! — Погибли все. А не были бы стары...
Междоусобицы еще горят пожары,
И в городе еще набатный слышен звон.
Палач не нужен нам. Пусть отдыхает он.
Пусть спрячет свои топор. Не надо плахи грозной,
А то начнете вы, когда уж будет поздно,
Оплакивать того, чей вот сейчас костяк
В цепях качается, нам предвещаая мрак.
Нет, государь, ведь кровь — плохое орошение.
На Гревской площади не вырастут растенья,
И никому не мил ваш царственный балкон,
Когда пустеет Лувр и люден Монфокон.
Позор придворному, что вас увеселяет,
В то время как палач топор приготавливает.
Пусть сладко льстец поет, пусть повторяет он,
Что вы — сын Генриха, прославленный Бурбон.
Как голос сей ни льстив, как он ни сладок будет,
Звук павшей головы скорей услышат люди.
Довольно вам играть! Помыслите о том,
Что пред Господним вы предстанете судом.
Чтоб вас предупредить, скажу вам без боязни,
Что битвы честные куда нужней, чем казни,
И то не честь стране и не венец удач,
Что воин не у дел, а нужен ей палач.
И горек Франции, где мы родились с вами,
Тот пастырь, что налог взимает головами.
Подобных извергов не терпит род людской.
Он скипетр ваш берет кровавою рукой.

К о р о л ь

Но монсеньер — мой друг, и все должны отменно
Быть преданны ему.

М а р к и з д е Н а н ж и

О!

К о р о л ь

Это непременно.

М а р к и з д е Н а н ж и

О!

К о р о л ь

Наставленьем нас не мучьте вы своим.

(Показывает на свои седеющие волосы.)

Вот что нас делает до времени седым.

М а р к и з д е Н а н ж и

Здесь молит вас старик, здесь женщина рыдает!

А час, что все решит, незримо наступает.

К о р о л ь

Чего хотите вы?

М а р к и з д е Н а н ж и

Пошады Саверни!

М а р ь о н

И милость для Дидье!

К о р о л ь

Видали в наши дни,
Что милость с правдою бывает часто в ссоре.

М а р ь о н

Мы молим, государь, участия в нашем горе.
Ведь вы не знаете, что дуэлянты те,
Почти что отроки, в безвыходной беде.
Смерть, Боже правый! Смерть на виселице черной!
О, пожалейте их! Мне чужд язык придворный,
Я плохо говорю. Быть может, слезы — грех.
Но этот кардинал — ведь он страшнее всех.
За что разгневался, за что несчастных губит?
Не знает он Дидье. Кто знал его, тот любит!
Смерть в этом возрасте... За поединок! — Нет!
У них есть матери!.. Подумать страшно... Бред...
Вы не допустите... Как женщина несчастна!
Не может убеждать она разумно, ясно,
У нас лишь вопли есть и слез невольных град,
Нам на колени стать велит ваш первый взгляд.
О! Если их вина вас чем-то оскорбляет,
Простите их скорей. Ведь молодость не знает
Сама, что делает, безумная, она;
За слово резкое уж ссора зажжена,
И оскорбления уж полетели роем;
Все это пустяки. Но мир наш так устроен.
Всем этим господам известно это — их
Спросите, государь! Не так ли?.. Вы моих
Спасти могли б друзей, произнеся полслова.
О! Я бы вас любить всю жизнь была готова.
Пощада! Господи, умей я говорить,

Вы так сказали бы: «Хочу ее простить,
То бедное дитя, молящее упрямо».
Как душно мне! Дидье! Прошу...

К о р о л ь

Кто эта дама?

М а р ь о н

Сестра несчастного. У ваших ног дрожу.
Народу вы родной...

К о р о л ь

Я всем принадлежу.
Дуэль — ужасный бич; бороться должно с нею.

М а р ь о н

Но жалость всем нужна.

К о р о л ь

Пример еще нужнее.

М а р к и з д е Н а н ж и

Позвольте, государь, вам дать один совет:
Сложите их лета — и будет сорок лет.

М а р ь о н

Но мать имеете, о государь, вы сами,
Жену и сына, тех, кто так любимы вами.
Ведь и у вас есть брат, — так сжальтесь над сестрой.

К о р о л ь

Нет, брата нет...

(Задумывается на минуту.)

Ах да, есть... Герцог — брат он мой.

(Замечая свиту маркиза.)

К маркизу де Нанжи мы обращаем слово:
В осаде ли дворец иль то поход крестовый,
Что с гвардией своей сюда явился он?
Вы герцог или пэр?

М а р к и з д е Н а н ж и

Бретонский я барон

И этих герцогов и пэров родовитей,
Что здесь вы, государь, указами творите.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

(в сторону)

Вот гордость адская, вот непокорный нрав!

К о р о л ь

Отлично. В замок свой несите ваших прав
Весь список, но хоть здесь оставьте нас в покое —
И будем квиты мы.

М а р к и з д е Н а н ж и

(содрогаясь)

Невинны эти двое...

Хоть снисхождение имейте к их летам
И к сердцу старика, что к вашим пал ногам.

Король делает резкое движение, выражающее гнев и отказ.
Маркиз медленно поднимается.

Когда родитель ваш и общий благодетель, —
Чей был соратник я, и я — увы! — свидетель
Убийства, — был пронзен кинжалом, я хранил
Всю ночь покойного — я долгу верен был.
Погибли мой отец и братья дорогие
В междоусобицы години роковые.
Любившую меня я потерял, увы!
И ныне тот старик, с кем так жестоки вы,
Подобен вздернутой на дыбе жертве ката,
Что мучиться ее оставил до заката.
Так кости все мои Господь переломал
Железной палицей. И вечер мой настал!

(Кладя руку на грудь.)

Удар последний здесь. О, сохрани вас Боже!

Низко кланяется и уходит. Марьон с трудом поднимается с колен и почти замертво падает в амбразуре позолоченной двери, ведущей в кабинет короля.

К о р о л ь

*(отерев слезы, следит глазами
за уходящим маркизом; Бельгарду)*

Король быть должен тверд, когда его тревожат.
Как трудно добрым быть... Он душу мне пронзил,

*(на мгновение задумывается,
потом резко прерывает молчание)*

Не будет милости! Вчера я нагрешил.

(Приближаясь к Бельгарду.)

Мне, герцог, кажется, еще до их прихода
Была у вас в речах излишняя свобода,
И это принесет вам очень сильный вред,
Когда всю суть моих сегодняшних бесед
Узнает кардинал. Впредь будьте осторожны.

(Зевая.)

Я плохо спал, Бельгард, и сны мои тревожны.

*(Жестом высылая из комнаты стражу
и придворных.)*

Идите, господа, прощайте!

(К Ланжели.)

Будь со мной!

Все выходят кроме Марьон, которую король не видит. Герцог Бельгард замечает ее, полулежащую на пороге двери, и подходит к ней.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

(тихо, к Марьон)

А вам не место здесь. И что за срам такой,
Что на пороге вы, как статуя, застыли?
Идемте, милая!

М а р ь о н

Жду, чтоб меня убили.

Л а н ж е л и

(тихо, герцогу)

Пусть будет там она.

(Тихо, к Марьон.)

Останьтесь.

*(Снова подходит к королю, который сел
в кресло и глубоко задумался.)*

Явленне восьмое

К о р о л ь, Л а н ж е л и

К о р о л ь

(с глубоким вздохом)

Ланжели!

Я болен, горечью мне сердце обожгли.
Я больше не смеюсь. Глаза оцепенели,
Слез нету. Иногда слова твои умели
Разгладить мне чело; величие мое
Забыв, склонись к душе, развесели ее.

Л а н ж е л и

Не правда ль, жизнь таит и горечь и страданье?

К о р о л ь

Увы!

Л а н ж е л и

А человек... он хрупок, как дыханье.

К о р о л ь

Дыханье скорбное...

Л а н ж е л и

А если он король,

То в сердце обречен нести двойную боль, —
Не так ли, государь?

К о р о л ь

Двойная ноша!

Л а н ж е л и

Верно;

В могиле лучше быть, хоть тьма ее безмерна.

К о р о л ь

Я думал так всегда.

Л а н ж е л и

В гробу быть иль на свет

Не появляться бы... другого счастья нет!

К о р о л ь

О, сколь мне речь твоя приятна и отрадна!

Молчание.

Л а н ж е л и

Но разве выход есть из той могилы смрадной?

К о р о л ь

(становясь все грустнее от слов шута)

Как знать! Но умереть сейчас хотел бы я.

Молчание.

Как я несчастен, шут! Поймешь ли ты меня?

Л а н ж е л и

Я вижу, государь, поникли вы в печали,

Истаяли.

К о р о л ь

Меня развеселишь едва ли!

(Подходит к шуту.)

Со мною, видишь ли, весь твой потерян труд.
И что за ремесло! Ты королевский шут.
Паяц, который вдруг то поднят, то отброшен.
Твой смех, состарившись, гримасой перекошен.
Зачем ты в мире здесь, к чему игра твоя
И для чего живешь?

Л а н ж е л и

О, любопытен я!

Но вы... зачем вам жить? Я вас в душе жалею.
И что вы за король? Вы женщина скорее!
И пусть я лишь паяц, на нитке, слаб и хил, —
Плащ королевский ваш такую ж нить прикрыл.
А я бы предпочел, скажу вам без обмана,
Быть куклой короля, чем куклою Армана.

Молчание.

К о р о л ь

*(задумчиво, впадая все в большую печаль
от слов шута)*

Ты шутишь, но ты прав. Пришел из ада он.
Не сам ли сатана в него преобразен?
И не его ль в душе моей зияет метка?
Что скажешь?

Л а н ж е л и

Думал я об этом сам нередко.

К о р о л ь

Про это говорить теперь не должно нам.
Как беды гонятся за мною по пятам:

Сюда мне присланы испанские бакланы,
Но рыбной ловли нет. Крутом одни поляны.
Не может прихвастнуть прославленный Шамбор
Прудом, где бы вода дошла хотя б до шпор.
Я выйду с удочкой — поля, с мушкетом — море.
О, как несчастен я!

Л а н ж е л и

Полна тоски и горя
Вся ваша, жизнь.

К о р о л ь

А ты б меня повеселил.

Л а н ж е л и

Напротив, огорчу. Я слышал, что вам мил, —
И очень правильно, — уход за соколами,
Что куропаток бьют, и знаете вы сами
Как важен для того сокольничий.

К о р о л ь

(живо)

Он — бог!

Л а н ж е л и

Так вот двоих из них я слышу смертный вздох.

К о р о л ь

Двоих?

Л а н ж е л и

Да.

К о р о л ь

Кто они?

Л а н ж е л и

Известные...

К о р о л ь

Но кто же?

Л а н ж е л и

Да те, из-за кого вас просьбами тревожат.

К о р о л ь

Дидье и Саверни?

Л а н ж е л и

Да, им подобных нет.

К о р о л ь

Вот неудача-то! Страшнее злейших бед.
Искусство их и так в упадке и застое.
Со мной оно умрет, как, впрочем, все другое.
Из-за чего дрались?

Л а н ж е л и

За странную мечту —
Что сокол кречета обгонит на лету.

К о р о л ь

Неверно. Но едва ль заслуживает казни.

Молчание.

Я мог бы их спасти, когда б не тень боязни,
Что слишком мягким он меня сочтет, увьи!

Молчание.

(К Ланжели.)

Так хочет Ришелье повесить их?

Л а н ж е л и

А вы?

К о р о л ь

(подумав и помолчав)

Они умрут!

Л а н ж е л и

Умрут.

К о р о л ь

Как быть? Моя охота...

Л а н ж е л и

(приблизившись к окну)

Взгляните, государь!

К о р о л ь

(резко оборачиваясь)

На что?

Л а н ж е л и

Там видно что-то.

К о р о л ь

(поднявшись и подходя к окну)

Что?

Л а н ж е л и

(показывая ему на что-то за окном)

Смена часовых теперь идет.

К о р о л ь

Ну что?

И это все?

Л а н ж е л и

Кто в желтом там?

К о р о л ь

Никто, —

Капрал...

Л а н ж е л и

Сюда привел другого человека.

И что ему шепнул?

К о р о л ь

Пароль. Ведь так от века

Положено... Ну что?

Л а н ж е л и

Веду я вот к чему:

Король — как часовой, и ведомо ему:
 Не пика — скипетр длань его отягощает;
 Как он отцарствует, тогда его сменяет
 Капрал всех королей — смерть, чтоб другой король
 Державу получил, а с ней такой пароль,
 Как Милосердие, что прямо дан нам Богом.

К о р о л ь

Нет, *Правосудие!* Хотя решенье строго,
 Им должно умереть.

Л а н ж е л и

Как вам, как мне, как всем.

Смерть говорит: «Я все, что мне предложат, ем».
 Хоть тесно мертвецам, но спать спокойно можно,
 А с кардиналом вам и тесно и тревожно.
 Да что там, государь, — день, месяц минут, год...
 И, совершенно все, все трое в свой черед,
 Дурак — я, вы — король и кардинал-властитель,
 Спокойно мы уснем; и пусть, как победитель,
 В великой гордости кичится человек —
 В шесть футов будет гроб, чтоб спать ему навек.
 И Ришелье давно уж изменяют силы.

К о р о л ь

Да, очень жизнь темна, и так светлы могилы!
 Но ты со мной еще дурачься и шути.

Л а н ж е л и

Я, государь, пришел, чтоб вам сказать: прости.

К о р о л ь

Что?

Л а н ж е л и

Покидаю вас...

К о р о л ь

Послушай, что за бредни?

Из службы королям идут лишь в путь последний.

Л а н ж е л и

Да... скоро я умру.

К о р о л ь

Ты вправду помрачен?

Шут!

Л а н ж е л и

Вешает меня Людовик и Бурбон.

К о р о л ь

Так расскажи теперь всерьез об этом деле.

Л а н ж е л и

В несчастной той и я участвовал дуэли;
А впрочем, хоть не я, но шпага эта — вот,
Вот, государь.

(Преклонив колено, подает шпагу королю.)

К о р о л ь

(беря шпагу и разглядывая ее)

Меня сомнение берет.

Да... Шага... Отчего?

Л а н ж е л и

Рожден я дворянином.

Мы в преступлении замешаны едином

Все трое.

К о р о л ь

(серьезно и мрачно)

Так. Прощай. Позволь мне, бедный шут,

Тебя поцеловать, пока еще ты тут.

Л а н ж е л и

(в сторону)

Ужасно, как всерьез он принимает дело!

К о р о л ь

(помолчав)

Нет, правосудью я не ставил бы предела,

Но вас, Арман, не зря жестоким назовут:

Погибнут за дуэль сокольничьи и шут.

(Прохаживается сильно взволнованный, приложив руку ко лбу. Потом обращается к встревоженному Ланжели.)

Утешься, бедный шут: вся жизнь — одно страданье,

Смерть лучше. Человек непрочен, как дыханье...

Л а н ж е л и

(в сторону)

Черт!

К о р о л ь

(продолжает прохаживаться; он очень взволнован)

Бедный шут, теперь приходит твой черед!

Л а н ж е л и

(в сторону)

Однако у меня по лбу струится пот.

(Громко.)

Коль не заступитесь...

К о р о л ь

А с кем мне веселиться?

Ты мне придешь сказать, что в мире том творится?

Вот случай редкостный.

Л а н ж е л и

(в сторону)

Какой урок мне дан!

Король продолжает прохаживаться большими шагами, время от времени обращаясь к Ланжели.

К о р о л ь

О Ланжели! Как вновь взнесется наш Арман!

(Скрещивает на груди руки.)

Вернись ли к власти я, вот что меня тревожит.

Л а н ж е л и

Монтень изрек: «Как знать?» Рабле сказал: «Быть может»...

К о р о л ь

(с жестом решимости)

Шут, дай пергамент мне!

Ланжели поспешно подает ему лист пергамента, лежащий на столе около чернильницы. Король быстро пишет несколько слов, затем отдает пергамент Ланжели.

Я всех прощаю вас.

Л а н ж е л и

Как? Всех троих?

К о р о л ь

Ну да.

Л а н ж е л и

(подбегая к Марьон)

Сюда, скорей, сейчас!

И в ноги королю!

М а р ь о н

(падая на колени)

Оказана пощада?

Л а н ж е л и

И это я...

М а р ь о н

Но чьи ж лобзать колени надо —
Его иль ваши?

К о р о л ь

(изумленно разглядывал Марьон, в сторону)

Что за странный поворот?
Иль это западня?

Л а н ж е л и
(передавая пергамент Марьон)

Помилованье — вот.
Марьон целует пергамент и прячет его на груди.

К о р о л ь
(в сторону)

Обман?

(К Марьон.)

Сударыня, прошу — повремените;
Где этот лист?

М а р ь о н
Бог мой!
(Смело показывает королю на свою грудь.)

Его вот здесь ищите
И с сердцем вырвите.

Король останавливается в замешательстве и отступает.

Л а н ж е л и
(тихо к Марьон)

Держитесь, милый друг;
Король наш ни за что туда не сунет рук.

К о р о л ь
(к Марьон)

Отдайте, говорю.

М а р ь о н

Возьмите!

К о р о л ь
(опуская глаза)

Чары девы!

Л а н ж е л и
(тихо, к Марьон)

Он не коснулся бы корсажа королевы!

К о р о л ь
(после минутного колебания, не поднимая глаз,
жестом приказывает Марьон удалиться)

Ступайте.

М а р ь о н
(с глубоким поклоном королю)

Я бегу их вырвать из оков.
(Уходит.)

Л а н ж е л и

Она — сестра Дидье, что холит соколов.

К о р о л ь

Мне это все равно... Но непонятна сила,
С которою она меня вот так смутила.

Молчание.

Тебя опять просить я должен, Ланжели!
Шут, ты меня провел.

Л а н ж е л и

Но знают короли,
Что милость оказать и самому приятно.

К о р о л ь

Шут прав! В дни казней я тоскую безотрадно;
И прав Нанжи: мертвец не годен ни к чему,
И людный Монфокон — смерть Лувру моему.

(Прохаживается большими шагами.)

Как он посмел отнять, преступно и лукаво,
У сына Генриха помилованья право?
Обезоружен я, отцовской отнят трон!
Я в этом Ришелье, как в гробе, заключен,
И мантия его — мой саван погребальный.
Нет, этим юношам судьбы такой печальной
Я не хочу. Нет. Жизнь прекрасней всех даров.

(После короткого раздумья.)

Бог властен смертному раскрыть могильный ров,
Но не король. Прошу, не совершу злодея,ства,
И этих мальчиков счастливые семейства
Меня благословят. Решаю! Подписал
Король. Пусть бесится, как хочет, кардинал.
Зато мой друг Бельгард веселым глянет оком.

Л а н ж е л и

Подчас и королем быть можно ненароком.

Действие пятое

КАРДИНАЛ

Замок Божанси. Тюремный двор. В глубине башня. К ней с обеих сторон примыкает высокая стена. Налево высокие стрельчатые ворота; направо калитка, пробитая в стене. Около двери каменный стол и каменная скамья.

Явление первое

Рабочие разбирают угол стены в глубине сцены налево. Брешь уже довольно велика.

Первый рабочий
(ударяя киркой)

Ух! Тяжело!

Второй рабочий
(ударяя киркой)

Пока стена не упадет,
Возиться с проклятой!

Третий рабочий
(ударяя киркой)

Пьер, видел эшафот?

Первый рабочий

Да.

(Идет к воротам и обмеривает их.)

Тут, действительно, как будто места мало,
Чтобы могли пройти носилки кардинала.

Т р е т и й р а б о ч и й

Так это целый дом?

П е р в ы й р а б о ч и й

(утвердительно кивая головой)

Весь в занавесках он.

Их носит на спине едва ль не батальон.

В т о р о й р а б о ч и й

Я встретил чудище под вечер средь тумана.

Казалось, в темноте несут Левиафана.

Т р е т и й р а б о ч и й

Зачем он явится с охраною своей?

П е р в ы й р а б о ч и й

Чтоб поглядеть на казнь тех молодых людей.

Так развлекаясь, он поддерживает силы.

В т о р о й р а б о ч и й

Ну что ж, пора кончать!

Они снова принимаются за работу; стена почти разрушена.

Т р е т и й р а б о ч и й

Видал ли, братец милый,

Для знати эшафот?

П е р в ы й р а б о ч и й

Все им одним.

В т о р о й р а б о ч и й

Ну вот,
Кто стал бы строить нам такой же эшафот?

П е р в ы й р а б о ч и й

А понял ли ты, что те люди совершили,
Чтоб их казнить, Морис?

Т р е т и й р а б о ч и й

Нет. Так в суде решили.

Рабочие продолжают ломать стену. Входит Лафемас. Рабочие замолкают. Он выходит из глубины сцены, словно идет из внутреннего тюремного двора. Он останавливается около рабочих, как будто рассматривая брешь, и дает им какие-то указания. Когда пролом закончен, он велит им затянуть его черным сукном, которое совершенно скрывает брешь; затем отпускает рабочих. Почти в то же время появляется Марьон в белом платье и под вуалем. Она входит в ворота, быстро проходит по двору тюрьмы и стучит в калитку. Лафемас направляется в ту же сторону медленными шагами. Калитка открывается. Появляется Привратник.

Явление второе

Марьон, Лафемас.

Марьон

(показывая привратнику пергамент)

С приказом короля!

П р и в р а т н и к

Нельзя сюда.

Марьон

Но как!

Л а ф е м а с

(предъявляя привратнику бумагу)

Подписан герцогом!

П р и в р а т н и к

Войдите.

Лафемас, перед тем как войти, оглядывается; одно мгновение он смотрит на Марьон, затем подходит к ней. Привратник закрывает калитку.

Л а ф е м а с

(к Марьон)

Вот так так!

Что это, вы опять проникли в эти стены?

М а р ь о н

(с торжеством показывая пергамент)

Помилованье здесь!

Л а ф е м а с

(показывая свою бумагу)

А здесь его отмена.

М а р ь о н

(с криком ужаса)

Приказ мой дан вчера!

Л а ф е м а с

А мой сегодня дан.

М а р ь о н

(закрывая лицо руками)

Надежды больше нет!

Л а ф е м а с

Надежды все — обман.

И милость королей — непрочная опора;
Подходит медленно и убегает скоро.

М а р ь о н

Но мне же сам король спасти их обещал!

Л а ф е м а с

Что может сам король, коль хочет кардинал?

М а р ь о н

Дидье! Последняя надежда гаснет, милый!

Л а ф е м а с

(тихо)

Нет, не последняя.

М а р ь о н

О Боже!

Л а ф е м а с

(подходя к ней, тихо)

Здесь, в унылой
Тюрьме, есть человек, который вдохновлен,
Быть может, вами так, что все исполнит он!

М а р ь о н

Уйди!

Л а ф е м а с

И это все?

М а р ь о н

Оставь меня в покое!

Л а ф е м а с

Характер женщины причудливо устроен!
Быть ласковой ко всем не трудно было ей, —
А ныне, чтоб спасти того, кто всех милей...

М а р ь о н

(поворачивается к калитке, с мольбой сложив руки)

О, даже для тебя я чести не нарушу!
Я не могу! Твой дух мою очистил душу.
Дидье мой, близ тебя я сделалась иной!
Я, словно девушка, стою перед тобой.

Л а ф е м а с

Любите же его!

М а р ь о н

Вот зверь! От преступления
К пороку он идет!

Л а ф е м а с

Одно лишь одолжение
Могу вам оказать.

М а р ь о н

Какое?

Л а ф е м а с

В девять — казнь.
Проститься хочешь с ним, отбросивши боязнь?

М а р ь о н
(дрожа всем телом)

Сегодня вечером!

Л а ф е м а с
И даже без сомненья,
Прибудет кардинал взглянуть на представленье.

Марьон погружается в глубокую задумчивость, полную отчаяния. Вдруг она проводит обеими руками по лбу и обращается, как потерянная, к Лафемасу.

М а р ь о н

А что б вы сделали, чтоб им помочь уйти?

Л а ф е м а с
(тихо)

Ага, согласны? Что ж, легко могу найти
Двух верных мне людей, чтоб здесь, у поворота,
Поставить на часах...

(Прислушивается, повернувшись к двери.)

Уж не идет ли кто-то?

М а р ь о н
(ломаю руки)

И вы б его спасли?

Л а ф е м а с
Да.

(Тихо)

Но я говорю
Здесь громко для тюрьмы.

М а р ь о н
(с отчаянием)

Идем!

Лафемас направляется к воротам и манит Марьон пальцем за собою. Она падает на колени, повернувшись лицом к тюремной калитке, затем судорожным движением поднимается и исчезает в воротах вслед за Лафемасом. Калитка открывается, оттуда выходят Саверни и Дидье, окруженные стражей.

Явление третье

С а в е р н и, одетый по последней моде, входит шумно и весело. Д и д ь е, весь в черном, бледный, идет медленными шагами. Их ведет т ю р е м щ и к в сопровождении д в у х а л е б а р д щ и к о в. Тюремщик ставит алебардщиков на часы около черного занавеса. Дидье молча садится на каменную скамью.

С а в е р н и
(тюремщику, который открыл ему дверь)

Благодарю!
Как здесь легко дышать!

Т ю р е м щ и к
(отводя его в сторону, тихо)

Два слова, разрешите.

С а в е р н и
Хоть сто!

Т ю р е м щ и к
(еще более понижая голос)

Хотите вы бежать?

С а в е р н и
(с живостью)

Но как, скажите?

Т ю р е м щ и к

Я все устрою сам.

С а в е р н и
Серьезно?

Тюремщик кивает головой.

Кардинал

Хотел, чтоб я не мог отправиться на бал!
Но, черт возьми, еще мы потанцуем лихо!
Прекрасна жизнь!

(Тюремщику.)

Когда ж?

Т ю р е м щ и к

Когда все станет тихо.

С а в е р н и
(потирая руки)

Я этим восхищен, конечно. Но скажи,
Кто помощь мне прислал?

Т ю р е м щ и к

Ваш дядя де Нанжи.

С а в е р н и

О добрый дядюшка!

(Тюремщику.)

Да, но бежать — обоим?

Т ю р е м щ и к

Нет, только одному.

С а в е р н и

Награду мы удвоим.

Т ю р е м щ и к

Нет, только одному.

С а в е р н и

(качая головой)

Ах, одному?

(Тихо, тюремщику.)

Как быть?

(Показывая на Дидье.)

Тогда спасай его.

Т ю р е м щ и к

Извольте шутить?

С а в е р н и

Да нет же.

Т ю р е м щ и к

Сударь, мне не ясно ваше слово!

Старался дядя ваш для вас, не для чужого.

С а в е р н и

Как! Пусть же саваны обоим нам несут.

(Отворачивается от изумленного тюремщика.)

Входит П и с е ц.

Здесь можно быть одним не больше трех минут!

П и с е ц

(кланяясь заключенным)

К вам, господа, сейчас прибудет член Палаты,
Советник короля.

(Снова кланяется и уходит.)

С а в е р н и

Так.

(Смеется)

Что за рок проклятый
Всего лишь двадцать раз дожить до сентября!

Д и д ь е

(держа в руках портрет, приближается к рампе и останавливается, погруженный в созерцание)

Явись! Гляди в глаза! Вот так, моя заря!
О, как ты хороша в своей красе прелестной!
Ты разве женщина? Ты, верно, гость небесный!
И сам Господь, твой взор наполнив чистотой,
Смешал в нем страсти блеск с невинностью святой.
И этот детский рот, капризно приоткрытый,
Так целомудренно...

(Бросая портрет с яростью на землю.)

О, лучше бы о плиты
Нашедшая меня разбила череп мой,
А не взяла дитя и унесла домой!
И чем пред матерью моею я провинился.
Что в наказание на этот свет родился?
Ах, чтобы любящей родительницей быть,
Она должна была младенца задушить,

С а в е р н и

(возвращаясь из глубины тюремного двора)

Как кружат ласточки в прохладе предвечерней!
Наверно будет дождь.

Д и д ь е

(не слушая его)

О, что тебя неверней
На свете, женщина, безумней и горчей!
Мятежна, глубока ты, как волна морей.
Я морю этому — уввы! — мой парус вверил,
И я на небесах звезде единой верил.
Корабль пошел ко дну. К могиле я приплыл,
Но добрым я рожден, мой путь прекрасен был.
Божественный огонь во мне пылал, наверно,
Дух сердце оживлял. — О, как ты лицемерна!
Как смертная тебя не охватила дрожь,
Когда позорную ты мне шептала ложь?

С а в е р н и

Опять вы про Марьон? Так помешаться можно
Легко!

Д и д ь е

*(не слушая его, поднимает портрет
и устремляет на него взор)*

Среди всего, что мерзостно и ложно,
Тебя отброшу я, пропахшую грехом.
Ты демон, ангельским прикрывшийся крылом!

(Снова прячет портрет у себя на груди.)

Вернись ко мне на грудь!

(Подходит к Саверни.)

Но это просто чудо!

Он жив, ее портрет. Скажу тебе: покуда
Ты безмятежно спал в безмолвии ночном,
Он сердце мне глодал. Готов поклясться в том!

С а в е р н и

Поговорим про смерть, друг, сделай одолженье!

(В сторону.)

Я от нее грущу — ему в ней утешенье.

Д и д ь е

О чем вы просите? Ведь я не слышал вас.
Я забываю все, мой дух совсем угас.
Никак не совладать мне с чувствами моими
С тех пор, как услышал я роковое имя.

С а в е р н и

(беря его под руку)

Смерть!

Д и д ь е
(радостно)

Вот что! Смерть!

С а в е р н и

Так я теперь совсем не прочь
О ней потолковать.

Д и д ь е

Как спал ты эту ночь?

С а в е р н и

Прескверно: не заснешь на этом твердом ложе.

Д и д ь е

Когда умрете вы, не мягкой будет то же
Постель, но нерушим загробный будет сон.
И это все. Ад есть — но что такое он
В сравненье с жизнью?

С а в е р н и

Да, мой страж пронесся мимо.
Но быть повешенным — вот что мне нестерпимо!

Д и д ь е

По мне и это смерть, и после — тот же сон.

С а в е р н и

Я рад за вас, Дидье, но сам я огорчен.
Не смерть меня страшит, скажу я без рисовки:
Пусть смертью будет смерть, а не кусок веревки.

Д и д ь е

Обличий смерти — тьма, петля — из них одно.
 Не спору, страшным быть мгновение должно,
 Когда вас узел сжал, как задувают пламя,
 И душу вольную вдруг разлучают с вами.
 Но как подумаешь, не все ли нам равно, —
 О, лишь бы на земле все сделалось темно! —
 Лежишь ли под плитой, что хвалит вас и душит,
 Иль злобный ветер ночей останки ваши сушит,
 И ворон, каркая, уже разнес в когтях
 Лохмотья бедные, ваш бездыханный прах?

С а в е р н и

Вы в мрачной мудрости не знаете предела.

Д и д ь е

Пусть клювы коршунов мое терзают тело
 И черви точат пусть, — не так ли с королем
 Бывает? Это мне, мой милый, нипочем!
 Когда навеки жизнь плоть мертвую покинет,
 Незримою рукой душа надгробье сдвинет
 И в небо улетит.

Входит С о в е т н и к в сопровождении алебардщиков, одетых в черное.

Явление четвертое

Те же, С о в е т н и к палаты в парадном одеянье, т ю р е м щ и к и,
 с т р а ж а.

Т ю р е м щ и к
 (объявляет)

Советник короля!

С о в е т н и к

(кланяясь по очереди Саверни и Дидье)

Тяжка и горестна обязанность моя,
И строг закон...

С а в е р н и

Так, так. Отказ в смягченье кары?

С о в е т н и к

(развертывает лист пергамента и читает)

«Людовик, Франции король, король Наварры,
Преступным людям сим отказываем мы
В той просьбе, что они прислали из тюрьмы.
Но, дабы их очаг от срама был избавлен.
Тот и другой злодей да будет обезглавлен».

С а в е р н и

Как хорошо!

С о в е т н и к

(снова, кланяясь)

Теперь вам наготове быть.

Сегодня казнь.

(Откланивается, собираясь уйти.)

Д и д ь е

(не меняя задумчивой позы, к Саверни)

Итак, прошу вас не забыть

Когда по смерти труп холодным прахом станет,
Пусть члены мертвые меч палача изранит,
Пусть руки вывернут и кости истолкут,

В канавы сточные, как падаль повлекут, —
Из этой плоти всей, зловонной и кровавой,
Бессмертная душа возносится со славой!

С о в е т н и к

(возвращаясь, к Дидье)

О смерти надобно подумать вам,
Все кончено...

Д и д ь е

(кратко)

Зачем меня прервали вы?

С а в е р н и

(радостно, к Дидье)

Петли не будет!

Д и д ь е

Так. Программу изменили.

Головорез придет с преосвященством, или
Топор заржавел бы! Так хочет кардинал.

С а в е р н и

О, как вы холодны! А я возликовал

(к советнику)

И благодарен вам за это извещение.

С о в е т н и к

Я, сударь, был бы рад вам возвестить прощенье...

С а в е р н и

(прерывая его)

В котором же часу?

С о в е т н и к

Казнь? — Ровно в девять, да.

Д и д ь е

Я рад, что солнца мне не видеть никогда.

С а в е р н и

Где будет эшафот?

С о в е т н и к

(указывая рукой на соседний двор)

Да тут, на этом месте;

Мы монсеньера ждем.

Уходит со своими подручными. Узники остаются одни. Смеркается. Видно лишь, как в глубине сцены поблескивают алебарды двух часовых, которые безмолвно прохаживаются перед проломом.

Явление пятое

Д и д ь е, С а в е р н и.

Д и д ь е

(торжественно, после некоторого молчания)

Теперь мы с вами вместе
Подумаем, Гаспар, в последний этот час
О горькой участи, что ожидает нас.
Мы сверстники, но вас старше я намного,
И я хочу вам быть опорой и подмогой;
Тем более что я вас погубил, — беда
Шла от меня, — ты был еще счастлив тогда.
Я тронул жизнь твою; мое прикосновенье
Сломало эту жизнь в единое мгновенье.

Итак, вступаем мы под своды темноты
Могильной. Руку дай!

Слышны удары молотков.

С а в е р н и

Шум этот слышишь ты?

Д и д ь е

Там строят эшафот иль нам гроба готовят.

Саверни садится на каменную скамью.

В последний миг сердца иные прекословят,
И держит жизнь людей так цепко иногда!

Часы бьют один раз.

Мне, кажется, зовет нас кто-то... Слышишь, да?

Второй удар часов.

С а в е р н и

Нет, это бьют часы.

Третий удар.

Д и д ь е

Так.

Четвертый удар.

С а в е р н и

Из часовни это.

Еще четыре удара.

Д и д ь е

И все же это звук и зова и привета.

С а в е р н и

Нам ждать еще лишь час.

Облокачивается на каменный стол и опускает голову на руки. Часовые сменяются.

Д и д ь е

Но берегись, дружок,
Споткнуться, ослабев, о роковой порог.
В кровавой горнице так низки арки свода.
Что людям голову срубают с плеч у входа.
Брат, твердо мы пойдем навстречу палачам.
Пусть эшафот дрожит, — дрожать невместно нам.
Им головы нужны, клянусь душой моею:
Взойдем на эшафот, не преклоняя шею.

(Подходит к неподвижно сидящему Саверни.)

Мужайся!

(Берет его за руку и убеждается, что он спит.)

Он уснул! А я ему пою
Про мужество! Пред ним я мальчик, признаю!..

(Садится.)

Спи, ты, что можешь спать! Но час наступит скоро
Заснуть вот так и мне. О, только б тень позора
И ненависть ушли из сердца моего!
О, пусть в могиле я не помню ничего!

Совсем стемнело. В то время как Дидье все более углубляется в свои мысли, через пролом входят М а р ь о н и т ю р е м щ и к. Тюремщик идет впереди с потайным фонарем и свертком. Он опускает то и другое на землю, затем осторожно подходит к Марьон, которая осталась на пороге, бледная, неподвижная, в смятении.

Явление шестое

Те же, М а р ь о н и т ю р е м щ и к.

Т ю р е м щ и к
(к М а р ь о н)

Смотрите, главное — уйти до их прихода.

(Удаляется и до конца этого явления прохаживается взад и вперед в глубине тюремного двора.)

М а р ь о н

(идет, пошатываясь, погруженная в мучительные мысли. Время от времени проводит рукой по лицу, будто стараясь отереть что-то)

Как в жгучих клеймах, я в лобзаниях уroda.

(Вдруг замечает в темноте Дидье, вскрикивает, бежит и, задыхаясь, падает к его ногам.)

Дидае, Дидье, Дидье!

Д и д ь е

(как бы внезапно пробудившись)

Она!

(Холодным тоном.)

Зачем вы тут?

М а р ь о н

А где ж мне быть? К твоим ногам уста прильнут!
Мне здесь так хорошо!.. Возлюбленные руки!
Дай их скорее мне!.. Вот след кровавой муки
Оков? Злодеи, как твою терзали плоть!

(Плачет. Слышны ее рыдания.)

Д и д ь е

Зачем вы плачете?

М а р ь о н

Нет, я смеюсь! Слезами
Я вас не огорчу...

(Смеется.)

Сейчас бежим мы с вами.
Какое счастье! Ты жив будешь! Все прошло!

(Снова припадает к коленям Дидье и плачет.)

Как я растерзана! Как сердцу тяжело!..

Д и д ь е

Сударыня...

М а р ь о н

*(поднимается, не слушая его, и бежит за свертком,
который передает Дидье)*

Нельзя терять мгновений даже!
Вот этот плащ надень! Я заплатила страже!
Бежать из Божанси мы можем, милый мой.
Пройдем мы улицей за этою стеной.
Прибудет Ришелье взглянуть, как исполняют
Его веление. Всегда пальбой встречают
Прибытие его... О, не теряй минут!
Все будет кончено, коль нас застанут тут!

Д и д ь е

Отлично.

М а р ь о н

Но скорей... Ах, Боже, я с тобою!
Спасен... Ну, говори... Люблю я всей душою!

Д и д ь е

Так там есть улица за этою стеной?

М а р ь о н

Я там сейчас была. Путь верен, милый мой.
При мне последнее окошко заперали.
Там кто-нибудь теперь нам встретится едва ли,
И за прохожего там приняли бы вас.
Переоденьтесь же немедленно, сейчас!
Смеяться будем мы над этим всем в дороге.
Скорей!

Д и д ь е

(отталкивая ногой сверток с одеждой)

Куда спешить?

М а р ь о н

Смерть на твоём пороге.
Бежим, Дидье! Скорей!.. Я здесь, бежим!

Д и д ь е

К чему?

М а р ь о н

О, чтоб тебя спасти!.. Скорей покинь тюрьму!
Как ты суров со мной...

Д и д ь е

(с печальной улыбкой)

Вы знаете, мужчины
Бывают странными и вовсе без причины!

М а р ь о н

Пора, идем скорей! Там кони. Ах, идем!
Все, что захочешь ты, скажи мне, но потом.
Скорее!

Д и д ь е

Это кто стоит перед стеною?

М а р ь о н

Тюремщик. Он, как те, уже подкуплен мною.
Вы сомневаетесь?.. У вас смущенный вид...

Д и д ь е

Нет, но случается, что нам обман грозит.

М а р ь о н

Бежим! Когда б ты знал, что каждое мгновенье
Мне слышится толпы гудящей приближенье!
О, я тебя молю, молю, как никогда!

Д и д ь е

(показывая на спящего Саверни)

Вы для кого из нас пришли сюда?

М а р ь о н

(озадаченная, в сторону)

Не выдал ли Гаспар меня неосторожно?

(Громко.)

Ужели вам со мной так говорить возможно?
Откуда на меня обрушилась гроза?

Д и д ь е

Ну, вскиньте голову, глядите мне в глаза!

Дрожащая Марьон смотрит ему в глаза.

Да, верно, — сходство есть.

М а р ь о н

О, ты моя отрада!

Любимый мой, идем!

Д и д ь е

Не отрывайте взгляда.

(Пристально смотрит на нее.)

М а р ь о н

(потрясенная взглядом Дидье)

Лобзанья гнусные ужели видит он?

(Громко.)

Ты словно тайною какой-то окружен.

Ты сердишься, Дидье. Скажи мне, что с тобою?

Мы подозрения в душе таим порою

И горько сетуем впоследствии, когда

От нашей скрытности произойдет беда.

Ах, в мыслях у тебя царила я бессменно!

Ужели это все умчалось так мгновенно,

И я разлюблена?.. Иль ты Блуа забыл.

Смиранный мой приют, где ты со мною был?

Так мы любили там в тиши благословенной,
Как будто бы одни остались во Вселенной.
Но ты, мой милый друг, ты мрачен был подчас.
Я думала: никто, никто не видит нас.
Чудесно было там. Погибло все мгновенно.
О, как ты клялся мне, что буду неизменно
Любовию твоей, все тайны мне вверял
И, что ты мой навек, так нежно уверял!
Я ни о чем тебя ни разу не просила,
Все домыслы твои всегда с тобой делила,
Но нынче уступи! Дидье, близка беда.
С живым и с мертвым я останусь навсегда.
Все с вами, мой Дидье, мне будет наслажденьем,
Побег иль плаха... — О, с каким он нетерпеньем
Вдруг оттолкнул меня! — Оставь хоть руку мне.
Не сбрасывай с колен, мой бедный лоб в огне.
Бежала я сюда и до смерти устала...
О, что сказал бы тот, кто видел, как блистала,
Как веселилась я! Все изменилось вдруг.
Сердит ты на меня, скажи мне, милый друг?
Дидье, у ваших ног мне хочется остаться.
Но как мне тягостно — я в том должна признаться, —
Что слова не могу добиться я от вас.
Что с вами, наконец? Скажи мне иль сейчас
Убей меня!.. Ну вот, я более не плачу,
Я улыбаюсь вам, глубоко слезы прячу.
Ну улыбнитесь мне, а то я разлюблю,
Я слушалась всегда, послушайся — молю,
Но холодом оков душа твоя объята,
Зови меня Мари, мой милый, как когда-то...

Д и д ь е

Мари или Марьон?

М а р ь о н

(в ужасе падая на землю)

О, милосердным будь!

Д и д ь е

Сударыня, сюда ведет не легкий путь,
И тюрьмы королей не строились из глины;
Здесь стража грозная, здесь стены-исполины.
Чтобы открылось вам все множество дверей,
Кому вы отдались, признайтесь поскорей?

М а р ь о н

Дидье! Кто вам сказал?

Д и д ь е

Никто. Я догадался.

М а р ь о н

Клянусь создателем — чтобы ты жив остался,
Чтобы ты мог бежать — я правду говорю, —
Чтоб палачей смягчить, поверь...

Д и д ь е

Благодарю.

(Скрестив руки на груди.)

Дойти до этого — вот ужас, в самом деле!
Ведь это срам, еще не виданный доселе...

(Мечется по тюремному двору с криками бешенства.)

Торговец этот где, позорный и срамной,
Что продал голову мою, прельстясь ценой?
Тюремщик где? Судья? Где человек презренный?
Его я раздавлю, как образ ваш нетленный
Я раздроблю...

(Останавливается, собираясь раздавить миниатюру между ладонями, но затем сдерживается и продолжает со страстным волнением.)

Судья! Пишите ваш закон!
Пусть на весах у вас — я этим не смущен —
Фальшивой гирею, склоняющей судьбины,
Лежит честь женщины иль голова мужчины!

(К Марьон.)

Ступайте вновь к нему!

М а р ь о н

Молю, не будь таким!
Мне твой презрительный ответ невыносим.
Я трепещу, Дидье, и мертвая паду я...
Пойми, что здесь любовь пылает, торжествуя,
И если некогда был человек любим,
То это мною ты...

Д и д ь е

Обман мне нестерпим!
Родиться женщиной я мог себе на горе
И тоже утопать в распутстве и в позоре,
Собою торговать, всем подставляя грудь,
Чтоб первый встречный мог на ней часок уснуть, —
Но если встретил бы меня не как забаву
Невиннейший чудак, влюбленный в честь и в славу,

И если бы в себя влюбить мне довелось
 Скитальца, грезю пронзенного насквозь.
 Скорее, чем ему в позоре не признаться,
 Скрыть от него, кто я, и молча с ним остаться,
 Не заявив ему открыто наперед,
 Что мой невинный взор ежеминутно жжет,
 Скорей, чем так солгать, — о, я, собрав всю силу,
 Ногтями б вырыла сама себе могилу!

М а р ь о н

Ах!

Д и д ь е

(показывая на свою грудь)

Вы смеялись бы, себя увидев тут,
 В том странном зеркале, что сердцем все зовут!
 Его разбив в куски, вы поступили верно.
 Вы чистой были там, простой, нелицемерной...
 О женщина! Ну, чем, скажи, был виноват
 Тот, кто любил тебя, как самый нежный брат?

(Протягивает ей портрет.)

И надлежит теперь мне возвратить вам это —
 Святой залог любви чистейшей и привета.

М а р ь о н

(отворачивается с криком)

Мой Бог!

Д и д ь е

Не для меня ль портрет заказан тот?

(Смеется и яростно кидает медальон на землю.)

М а р ь о н

(задыхаясь)

Пусть кто-нибудь меня из жалости убьет!

Т ю р е м щ и к

Спешите...

М а р ь о н

Час идет, мгновенье улетает!

Дидье, мне говорить ваш взор не разрешает,

Не может быть никто обязан мне ничем.

Меня вы прокляли и бросили совсем.

Я более, чем срам и злобу, заслужила.

О, слишком вы добры, — и вам я с новой силой

Благословенье шлю, — но близок страшный час.

Бегите, ваш палач не позабыл про вас!

Я все устроила, побег возможен... Слушай!

Мне не отказывай, я погубила душу!

Толкни меня, ударь, отбрось пинком ноги,

О, растопчи меня, Дидье мой, — но беги!..

Д и д ь е

Бежать? Но от кого? Ее мольбам не внемлю.

Лишь от нее бежать, — и я бегу... под землю.

Т ю р е м щ и к

Спешите!

М а р ь о н

Убегай!

Д и д ь е

Нет.

М а р ь о н

Сжался! И прости!

Д и д ь е

Кого?

М а р ь о н

Как повлекут по страшному пути
Тебя... Глядеть на то!.. При этой мысли стыну!
О нет! Ты будешь жить! Тебя я не покину!
Согласен ли ты взять в раскаянье живом, —
Чтобы топтать ее, простой служанкой в дом, —
Ту, что в скитаниях ты называл, бывало,
Женой своей...

Д и д ь е

Женой!

Вдали слышен пушечный, выстрел.

Вот и вдовства начало!

М а р ь о н

Дидье мой!

Т ю р е м щ и к

Поздно.

Барабанный бой. Входит Советник в сопровождении монахов
с факелами, палача, солдат, народа.

М а р ь о н

Ах!

Явление седьмое

Те же. Советник, палач, народ, солдаты.

Советник

Ну, вот и ваш черед!

Марьон

(к Дидье)

Предупреждала я... палач сюда идет!

Дидье

(Советнику.)

Готовы, сударь, мы.

Советник

Которого тут имя

Гаспар де Саверни?

Дидье указывает ему на спящего Саверни.

(Палачу.)

Буди!

Палач

(трясет Саверни за плечо)

Клянусь святыми,

Он спит! Эй, монсеньер!..

Саверни

(протирая глаза)

Такой разрушить сон

Как ты осмелился?

Д и д ь е

О, только прерван он.

С а в е р н и

(еще в полудреме, замечает Марьон и кланяется ей)

В чудесном этом сне я видел вас, красотка!

С о в е т н и к

Предали ль душу вы в Господни руки кротко?

С а в е р н и

Да, сударь.

С о в е т н и к

(протягивая ему лист бумаги)

Подписать должны бумагу вы.

С а в е р н и

(берет пергамент и пробегает содержание его глазами)

А, это протокол... Что умер я, увы,
Свидетельствую сам потомкам в назиданье.

*(Ставит свою подпись и снова просматривает протокол,
потом берет перо, что-то исправляет. Писцу.)*

Я вам подправил здесь кой-где правописанье.

(Палачу.)

Ты разбудил меня и спать уложишь вновь.

С о в е т н и к

(к Дидье)

Дидье?

Дидье подходит. Советник передает ему перо.

Пишите здесь.

М а р ь о н

(закрывая рукой глаза)

О Боже, стынет кровь!

Д и д ь е

О, эта подпись мне — такое наслаждение!

Стража окружает их, чтобы увести.

С а в е р н и

(кому-то в толпе)

Пусть девочка пройдет! Прошу как одолженья!

Д и д ь е

(к Саверни)

Мой брат! Вы для меня свершили этот шаг.

Обнимемся теперь.

(Обнимает Саверни.)

М а р ь о н

(подбегая к нему)

А я вам разве враг?

О, поцелуй меня!

Д и д ь е

(показывая на Саверни)

Сударыня, мы дружны.

М а р ь о н
(протягивая руки)

О, как жестоки вы к той женщине недужной,
Что молит всех людей, колени преклоня,
Вам милость оказать, а вас — простить меня!

Д и д ь е
(кидается к Марьон, задыхаясь, обливаясь слезами)

Так нет же, нет! Увы, разбито сердце это!
Нет, я тебя люблю — и, видно, без привета
С тобою не прощусь. — И не по силам мне
Жестоким с виду быть, внутри горя в огне!
Люблю! Приди ко мне!

(Судорожно сжимает ее в объятиях.)

Умру я скоро. Надо
Мне высказать любовь. Вот высшая отрада.

М а р ь о н

Дидье!..

Он снова самозабвенно целует ее.

Д и д ь е

Приди ко мне! — Теперь спрошу у вас,
Кто б равнодушно мог в такой жестокий час
Не попроситься с ней, несчастной, нежной, смелой,
Которая ему так предалась всецело?
О, как я был неправ! Кто смеет пожелать,
Чтоб, не простив ее, пошел я умирать?
Приди ко мне, Мари! Из женщин всех на свете
(И мне сочувствуют сердечно вот все эти!)

Та, что любима мной, кому любовь верна,
Кого я сердцем чту — все это ты одна!
Затем, что ты была добра, нежна со мною.
Послушай, жизнь уже за смертной пеленою!
Пронзает ныне смерть все истины лучом,
И если ты лгала — ты неповинна в том!
Падение твое искуплено тобою.
Мать, верно, бросила дитя свое родное,
Как некогда моя... И даже быть могло,
Что продали тебя... О, подними чело!
Теперь внимайте все! В подобное мгновенье
Земля скрывается, как тень, как дуновенье,
И под своей ногой я чую эшафот.
Лишь истину вещать невинный может рот!
Небесный ангел ты, замаранный землею,
Мари, жена моя, возлюбленная мною,
Во имя господя, — к которому иду, —
Тебя прощаю я...

М а р ь о н

(задыхаясь, в слезах)

Ах!..

Д и д ь е

Дорогая, жду:

И ты меня простишь!

(Становится перед ней на колени.)

М а р ь о н

Дидье!..

Д и д ь е

(не вставая с колен)

Прости, родная!

Я злым с тобою был. Господь, тебя карая,
Меня тебе послал. Но ты меня оплачь...
О, как мне горестно, что был я твой палач!
Не покидай меня! Прости меня скорее!

М а р ь о н

Ах!

Д и д ь е

Слово мне скажи и лоб сожми теснее.
Но, коль в волнении сердечной полноты
И слова вымолвить уже не можешь ты, —
Знак мне подай...

Марьон кладет ему обе руки на лоб. Он встает с колен и крепко
обнимает ее с просветленной улыбкой.

Идем!

М а р ь о н

(обезумев, бросается между Дидье и солдатами)

Безумье это! Или

Они, что я с тобой, Дидье мой, позабыли?
Но умертвить тебя я не позволю им! —
О, как вас умолять? Всем существом моим
Молю! И коль хранят доселе души ваши
Хоть что-то, что дрожит в ответ на слезы наши,

И если вас Господь еще не проклял всех,
Вы не убьете, нет!..

(К собравшимся зрителям.)

Предупреждаю тех,
Что нынче вечером в дома свои вернутся:
Ни мать, ни сестры им уже не улыбнутся,
Но скажут: «Боже мой, какой великий грех!
Ведь вы могли спасти того, кто лучше всех!»
Что я умру с тобой, пусть знают все на свете,
И от стыда сгорят сейчас убийцы эти.

Д и д ь е

Нет, дай мне умереть. Позволь мне это, друг!
Я ранен глубоко, — и это мой недуг
Едва ли исцелим... в могилу горе спрячу.
Но если, милая, — ты видишь, как я плачу? —
Придет достойнейший к твоей руке прильнуть,
Ты друга, спящего в могиле, не забудь.

М а р ь о н

Дидье! Ты будешь жить! Поверить не могу я
В их непреклонность!

Д и д ь е

О, забудь мечту такую!
К моей могиле пусть твой привыкает взгляд.
И мертвым буду я тебе милей стократ!
Жить в памяти твоей я буду нерушимо,
Но жить возле тебя с душой, тоской палимой,

Мне, что всю жизнь любить одну бы мог тебя!
 Представь себе, мой друг, как я, любовь губя,
 Тебя бы огорчал сомненьями моими, —
 Поверь, я никогда не совладал бы с ними!
 Ты б думала, что я скрываю в сердце боль,
 И мучилась. Нет, дай мне умереть, позволю!

С о в е т н и к

(к Марьон)

Вы можете спасти их от судьбины грозной.
 Прибудет кардинал — просить еще не поздно.

М а р ь о н

Да, правда... Кардинал! Его ведь ждут сюда!
 Вы все услышите, как он мне скажет — да!
 Дидье, увидишь ты... Молить я буду страстно!
 Как ты помыслить мог?.. Ведь это бред ужасный,
 Чтоб добрый кардинал, старик, так злобен был
 И не простил тебя. Ведь ты меня простил!

Бьет девять часов. Дидье делает всем знак замолчать. Марьон слушает с ужасом. После девятого удара Дидье опирается на плечо Саверни.

Д и д ь е

(к народу)

А вы, которые собрались к месту казни,
 Свидетельствуйте, что без дрожи и боязни
 Мы оба слушали, как пробил этот час,
 Глашатай вечности, раскрывшейся для нас.

Пушечный выстрел у ворот тюрьмы. Черная завеса, скрывавшая пролом в стене, падает. Появляются огромные носилки кардинала. Их

несут двадцать четыре пеших гвардейца, окруженные двадцатью другими гвардейцами с алебардами и факелами. Носилки ярко-красные и украшены гербом дома Ришелье. Занавески опущены. Носилки медленно проносят в глубину сцены. Глухой ропот толпы.

Марьон

*(подползая на коленях к носилкам
и ломая руки)*

О монсеньер, молю, Христа Иисуса ради
Обоих пощадить!

Г о л о с и з н о с и л о к

Ни слова о пощаде!

Марьон падает на мостовую. Носилки проносят, за ними ведут обоих приговоренных к казни. Народ с громкими восклицаниями следует за ними. Марьон остается одна. Она приподнимается и ползет на руках, оглядываясь по сторонам.

Марьон

Что он сказал?.. Где все? Дидье! Дидье!.. О мрак!
Нет никого!.. Народ! Я брежу? Иль то знак,
Что я сошла с ума?..

Толпа в беспорядке возвращается. Носилки появляются в глубине сцены, с той стороны, куда их унесли. Марьон встает с ужасным воплем.

Он снова!

Г в а р д е й ц ы

(раздвигая толпу)

Пропустите!

М а р ь о н

*(стоя с развевающимися волосами
и указывая народу на носилки)*

Вот в красном палача проносят! Все глядите!

(Падает на мостовую.)

Виктор Гюго

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПРОЩАНИЕ АРАВИТЯНКИ

И живите с нами; земля сия
пространна перед вами, живите и
промышляйте на ней и приобретайте
ее во владение.

Книга Бытия, XXXIV

Не радуют тебя в моей стране счастливой
Ни стройной пальмы тень, ни пышные оливы,
Ей изобилие, ни покой,
Ни то, что голос твой любви тревогой знойной
Волнует грудь подруг, летящих в пляске стройной
На склоне горном под луной.

Прощай, мой белый друг! Конь, выбранный тобою,
Уже оседлан мной, чтоб верною тропюю,
Тебя не сбросив, он понес...
Он землю бьет ногой, и грудь его литая,
Чернея, лоснится, — так лоснится, блистая,
Волной отточенный утес.

Ты любишь вечный путь. О, если бы пределом
Поставил ты своим досуг в жилище белом —
Шатра гостеприимный кров!
О, будь мечтателем, что под луной двурогой
Сказанья слушает у мирного порога
И к звездам улететь готов.

Когда б остался ты, то девушка любая
Кремнистою тропой, и конь твой быстроногий
 Рой искр из-под копыт метет...
Об острие копья, что пронеслось, сверкая,
Незрячих демонов полуночная стая
 Порой с налету крылья рвет.

Когда вернешься ты неведомо откуда,
Взберись на черный холм, что схож с горбом верблюда,
 И отыщи мой бедный дом, —
Узнаешь ты его, он как домок пчелиный,
А дверь распахнута и смотрит в те долины,
 Откуда ласточек мы ждем.

Но если не придешь — припоминай порою
Тех дочерей пустынь, что легкою стопою
 Босые пляшут на песке.
О юноша-орел! К чужим брегам летая,
Не забывай меня! Наверно, не одна я
 Тобою бредила в тоске.

Прощай же! Путь твой прям. Но солнце беспощадно,
Нас золотит оно, а вас сжигает жадно, —
 О берегись его, мой друг!
И берегись старух, бредущих одиноко,
И тех, кто вечером на берегу потока
 Жезлом волшебным чертит круг!

Sinite parvules venire ad me.

*Jesus**

Впустите всех детей. О, кто сказать посмеет,
Что резвый детский смех лазурный шар развеет,
Мной сотворенный в тишине?

Друзья, кто вам сказал, что игры их и крики
Тревожат гордых муз божественные лики?
Бегите, малыши, ко мне!

Резвитесь вокруг меня, кричите и пляшите!
Мне взор ваш заблестит, как в полдень луч в зените.
Ваш голос труд мой усладит.

Ведь в мире, где живем без радости и света,
Лишь детский звонкий смех, звуча в душе поэта,
Глубинный хор не заглушит.

Гонители детей! Вам разве неизвестно,
Что каждый, в хоровод детей войдя чудесный,
Душой становится нежней?

Иль мните, что боюсь увидет пред собою
Сквозь творческие сны, где кровь течет рекою,
Головки светлые детей?

Сознайтесь! Может быть, настолько вы безумны,
Что вам теперь милей, чем этот гомон шумный,
Дом опустелый и немой?

Детей моих отнять? Осудит жалость это, —
Улыбка детская нужна душе поэта,
Как светоч темноте ночной!

* Пустите детей ко мне. *Иисус (лат.)*.

Не говорите мне, что крик детей веселый
Наитий заглушит священные глаголы,
 Что песню шепчет тишина...
Ах! что мне, муза, дар поэзии и слава!
Бессмертье ваше — тлен, тщеславная забава, —
 Простая радость мне нужна.

И я не жду добра от жребия такого, —
Зачем мне вечно петь для отзвука пустого,
 И для тщеславных петь забав,
И горечь пить одну, и скуку, и томленье,
И искупать весь день ночные сновиденья,
 Могиле славу завещав!

Куда милее мне в кругу семейном радость,
Веселье детское и мирной жизни сладость;
 Пусть слава и стихи мои
Исчезнут, смущены домашней кутерьмою,
Как перед школьников ватагой озорною
 Взлетают к небу воробы!

О нет! Среди детей ничто не увядает,
И лютик, радуясь, быстрее раскрывает
 Свой золотистый лепесток,
Свежей баллады слог, и на крылах могучих
Взмывают орды ввысь, парят в гремящих тучах
 Отряды величавых строк.

Стихи средь детских игр — и звонче и нетленней,
Благоуханный гимн цветет, как сад весенний,
 А вы, что умерли душой,
Поверьте мне, друзья, стихам на этом свете
Поэзию дают резвящиеся дети,
 Как зори поят луг росой.

Сбегайтесь, дети! Вам — и дом, и сад зеленый!
 Ломайте и полы, и стены, и балконы!

И вечером и по утрам
 Носитесь радостно, как полевые пчелы,
 Помчится песнь моя и с ней мой дух веселый
 По вашим молодым следам!

Есть нежные сердца, к житейскому глухие,
 Им сродны голоса и звуки золотые,
 Те, что услышаны в тиши,
 Обрывки яркие симфонии могучей,
 В ней гул морских валов и листьев рой летучий,
 Святая музыка души.

Каков бы ни был мир грядущих поколений,
 И нужно ль вспоминать или искать забвений,
 Карает иль прощает Бог, —
 Я жить хочу всегда с моей мечтой на свете,
 Но только в доме том, где обитают дети,
 Чтоб гомон их я слышать мог.

И если ту страну увижу в жизни снова,
 Страну, чье возлюбил я царственное слово,
 Чьи скалы радуют меня,
 Где в детстве видел я полки Наполеона,
 Сады Валенсии и крепости Леона,
 Испания — страна моя!

О, если посету я снова край старинный,
 Где римский акведук протянут над долиной,
 Где древни призраки дворцов, —
 Пусть вновь везут меня под сводом золоченым
 Повозок, что всегда полны сребристым звоном
 Веселых круглых бубенцов.

11 мая 1830

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ДРУГОМУ

Они опять про то! Что ж, наконец, открою:
Все, в чем меня корят, — мой век, любимый мною.
Никто не тронул бы, безвестного, меня,
Когда б не содержал я атома огня,
Что золотым лучом украсил наше время.

Вчера я — гражданин. Теперь поэта бремя
Несу. «Романтик» я, а после «либерал».
Кусайте же меня, куда б я ни шагал.
Я мрачен, и мое всех отравляет слово,
Мое второе я удар принять готово.

Ты помнишь первые мои шаги... И ты
Спешешь меня облить потоком клеветы,
Когтя мои стихи резвее всех на свете!
Не мил ли я тебе, как розовые дети?
А ты коришь меня: «Ах, сударь, что за срам!
Все стансы — босиком; корсета нет у драм».
Но муза девственный покров с себя срывает,
И светлый огонь искусств все правила сжигает.
Ты, буквоед Жеронт, теперь, врагам на страх,
Все изумляешься в изношенных стихах,
Что громкий голос мой — заклятый враг порядка,
Что жив еще малыш, которого так сладко
И хлебом и водой сам Буало питал, —
Малец тяжеловат его коленям стал.
Перед тобой — стихи с крылами и с когтями.
О! Эти не пойдут вослед за образцами,
Как за учителем толпа учеников...
Сноп молний из моих взвывается стихов.
И вот ты издаешь унылый вой шакала
Из клетки своего почтенного журнала.

Премудрость ветхую ведешь навстречу мне —
 Бугура самого, за ним отца Рене,
 И, чтимыми давя поэта именами,
 «Мятежник!» — наконец вопишь ты со слезами.

«Аминь, аминь, аминь!» — педантов хор твердит.
 Я схвачен — мне теперь экзамен предстоит.
 Сорбонна порет чушь, каракули марая;
 С гусяного пера Злость брызжет шутовская:
 «Чего они хотят, новаторы? Стихов?»
 Их черным книгам люб один ночной покров.
 Читает в ужасе их дева молодая,
 Пинд содрогается, рычанью рифм внимая.
 Все ими сметено! Александрийский стих
 Цезуры разметал и прыгает без них.
 Как вепрь в густой траве иль в чаще мяты белой,
 Явился перенос, строку ломая смело.
 Что нам грозит, друзья! Ришле — в стране теней,
 А нам авторитет теперь всего нужней.
 Вернемся к правилам, бесчестие забудем.
 Кастальский ключ — вода: отныне трезвы будем.
 Всем здравомыслящим завет навеки дан:
 Коль истинный мудрец стремленьем обуян,
 В словесном мастерстве их вождь — Квинтилиан,
 И Лейбниц — в алгебре, Вегеций — в деле ратном».
 Слыть мудростью всегда невежеству приятно.

И неужели мне тебе сказать нельзя
 То, что сказал другим, им палкой не грозя?
 Довольно прикрывать лицо свое личиной, —
 Долой же домино риторики рутинной!
 Уже известно всем: мы гнали пред собой

И рифму, и язык, и самый разум в бой,
И на Лагарпа шла, готовая сразиться,
Неукротимая повстанцев вереница.
К старинным правилам привязан нами был
Горящий уголек, что всех объединил, —
То вольность! Нищее тогда восстало слово
В союзе с разумом, нагое, без покрова,
И мысли взор блеснул из непроглядной тьмы.
Тогда, ораторы, творцы, поэты, мы,
Бег стрелки часовой рукою ускоряя,
Твердим риторике: «Пришла пора какая,
Гляди, голубушка!» Отвагою горя,
Я побесчинствовал в стенах монастыря.
Я с факелом в руке раздвинул створки драмы;
Пираты, парус свой крепили мы упрямый,
И нами трех единств сожжен архипелаг,
Над Геликоном я победный поднял флаг.
Все сразу — вдребезги! С стиха намордник сняли.
Долой Расина! Мы Мольера увенчали.
О, умники! Дюсис ничто перед Ротру,
Теперь Лукреция выходит поутру,
Чтоб смертный яд пролить тайком на наши розы,
Плешивым, вам страшны косматых драм угрозы.
Пусть якобинец я, ужасный человек, —
Александрейский стих растерзан мной навек.
Слова придворные, и слоги все, дворяне,
Резвившиеся встарь на парковой поляне, —
Сердечком губы — вы шептались меж собой.
Другим словам кричу: «Эй, горбуны, на бой!
Подагрики, хромцы в своей одежде нищей,
Сюда, скорей ко мне в орлиное жилище!»
Я снес свои грехи в исповедали тень,
Пусть Герострат я, пусть я Аттила, Кастень...

Ну что ж! Теперь сердись и посылай за стражей,
Приятель, грохочи, бушуй — не двинусь даже.
На мнимый наш успех обидою горя,
Ты ненавидишь век, где люди, говоря
Стихами, не должны отвесить три поклона.
Бесстыден и правдив наш век неблагосклонный,
Где грубым может быть и лирик и мудрец,
Где истины вино — отрада для сердец;
Везде мечтатели пьяны его струями...
Глаза зажмуришь ты над нашими строками;
Слов ясность чистая твой обжигает взор;
Тебе враждебен стих правдивый. «О, позор!» —
Вопишь ты, разозлен строфою обнаженной.
А нимфы чистые? Они во время оно
В невинной наготе под сению лесов
Плясали в нежной мгле июльских вечеров.
И нужно ль, приоткрыв окно перед зарею,
Задергивать ее туманной пеленою
И фиговым листком светила прятать зной?
А в наготе волны ужели вкус дурной?
Пегасовы крыла, о Пиндар, о Вергилий, —
Возможно ли, чтоб их, как непристойность, скрыли?
Конь крылья раскрывал над славною горой,
Огромной бабочкой полет свершая свой.
В бесстыдстве упрекнуть едва ли солнце можно,
Пусть платице цветок поднимет осторожно.
И Каллиопа там, меж звездами паря,
Ужель за облаком показывает зря
Сверкающую грудь страдальцу Алигьери?
Ты весь в прошедшем дне, возвращен ты в старой вере,
И наготою Олимп тебя бы возмутил.

Амуров-голышей ты б в юбку нарядил.
Ты хочешь видеть муз в наряде золоченом, —
Твой вкус воспитан был напыщенным Титоном.
Менад безумный пляс ты счел бы за канкан.
Сам Аполлон тебе — один из могикан,
Киприду бы назвал ты дикой и бесстыдной.

Все дело в возрасте — в нем наша мудрость, видно.
«Пойми, что ты неправ, — тихонько он ворчит. —
Раскашляется тот, кто громко закричит.
Забудь их новшества, забудь юнцов надменных,
Не нарушай покой своих мокрот почтенных.
У юных путь иной. Ты лучше их не тронь.
Для них лишь пепел там, где для тебя огонь.
Зачем на них идешь ты, как на супостата?
Так век наш либерал, как был ты паж когда-то.
Ты штору опусти и ставни все закрой,
Скорей задуй свечу — к ней повернись спиной.
Что мудрого душа? Глухонемая это...
Тебе ведь все равно, что иногда поэту,
Как птице, хочется запеть без всяких уз;
И озорной юнец, мальчишка с Пинда, муз
Питомец, искусал среди жрецов вопящих
Всю грудь иссохшую у девяти кормящих».
Но убедить тебя, как видно, нелегко.
Напрасно сам Вольтер, склонившись на ушко
Тебе сказал: «Дружок, несносен ты, однако».
Ты в ярости кипишь: «Как, эти дети мрака
Войной на имена великие идут,
Что вокруг великого Людовика цветут?»
Ты уверяешь нас, что тщетны все старанья,

Что очень крут подъем и коротко дыханье,
 Ты предрекаешь нам в грядущем неуспех,
 Ты говоришь: «Батте глядит на нас на всех.
 Танкред из бронзы весь, а Гамлет ваш из глины,
 И вечны Буало фальшивые седины».
 Увенчан лаврами, косою ты бросил взгляд
 На кучу, где стихи нечистые лежат.
 И старый добрый вкус — старик, что подметает
 На Пинде всякий сор, — в ответ тебе мигает.
 И вот уж, осмелев, с отвагою в груди
 Ты нам кричишь: «Смету я вас и сам!»
Мети.

Париж, ноябрь 1834

К Л.

С тростинкой хрупкою надежды наши схожи,
 Дитя мое, в руках Господних наши души,
 Всей нашей жизни нить в суровой власти Божьей,
 Прервется нить — и где веселия огни?
 Ведь колыбель и смерти ложе, —
 От века на земле сродни.

Я некогда впивал душою ослепленной
 Чистейшие лучи моих грядущих дней,
 Звезду на небесах, над морем Альциону
 И пламенный цветок среди лесных теней.
 Виденья этой грезы сонной
 Исчезли из души моей.

И если близ тебя, дитя, рыдает кто-то,
Не спрашивай его, зачем он слезы льет, —
Ведь плакать радостно, когда томит забота,
Когда несчастного жестокий рок гнетет.
Слеза всегда смывает что-то
И утешение несет.

Таким мой создан дух, что не смутил ни разу
Меня ни человек, ни мысль его, ни разум;
Ни Библию не чту я в сердце, ни Коран,
Смешит меня софист и не страшит тиран;
И алчность хищная мою не мучит душу,
Лишь честь — вожатый мой, и страх меня не душит.
Окаменев, стою утесом гордым я:
Не сдвинут никогда меня, клянусь, друзья,
Вспять — страх, или вперед — корыстное стремленье.
Я сильных не щажу, но слабым — снисхожденье.
Мирские почести меня не привлекут.
Поверьте мне, друзья, я всем доволен тут,
И высшее мое исполнено желанье.
У неба не прошу иного воздаянья,
И божества ко мне добрей быть не могли.
О, не завидны мне в пределах сей земли
Ни олимпийский лавр, ни славный столп Траяна,
Пока передо мной твоя улыбка, Жанна.

ДВОЕ НИЩИХ

По́дать — Священной Римской империи,
десятину — папскому престолу.

Петром и цезарем зовут их в мире этом.
Один все молится, другой — всегда с мушкетом,
И оба прячутся в засаде у дорог:
Петр руку протянул, а тот нажал курок.
Ограбив путников, собирают денег груды
И царствуют, веля платить за изумруды.
Тиар тому, кто сам не носит башмаков.
Законы, догматы — как заросли лесов,
Где святость древних прав во тьме веков ветвится.
Кто в чаще той засел, тот ада не боится.
От них не убежать. Остановись, плати!
Через священный лес тебя ведут пути.
О, пусть в невежестве народ не пребывает,
Пусть рабства пот ему чело не омывает...
Христос! Ведь ты за них молился на кресте!
Они рабочие, отверженные те, —
Страдальцы вечные, усталые от пыток,
Владеющие всем; у них добра избыток:
Болезней множество, — кто станет их лечить?
И много малышей, — их надо накормить...
И этих богачей без крова и без пищи!
Теснят алтарь и трон — голодных двое нищих!

СВАТОВСТВО РОЛАНДА

На берегу сошлись и бьются. Страшен бой!
Уж трупы их коней чернеют под горой.
На островке они средь бурной, быстрой Роны,
Что мимо катит вал холодный и зеленый...
И, пенясь, на траву выносит мокрый ил.
Не столь бы страшен был архангел Михаил
В сраженье яростном, поднявший меч на Феба.
Когда был начат бой, еще темнело небо.
Но кто баронов тех вчера бы видеть мог,
Пока тяжелый шлем на их чело не лег,
Увидел бы пажей, как девушек кудрявых,
Встречавших милые семейные забавы
Улыбкой радостной. Теперь взгляни на них,
На исступленный бой двух призраков ночных,
В которых сатана дух для борьбы влагает.
В глазницах их огонь зловеший полыхает.
Удары все сильней. Бой словно гром гремит,
И лодочников страх невольный леденит,
И в лес они бегут, в душе творя молитву,
И только издали глядят на эту битву –
Затем что из юнцов, вступивших в смертный бой,
Один был Оливьер, Роландом был другой.

Они, скрестив мечи, томимы черной злобой,
И слова одного не вымолвили оба.
Вот юный Оливьер, граф; Вьенны сюзерен
Его отец — Жерар, и дед его — Гарен.
Для боя поутру одел его родитель:
Изваян на щите Вакх, дивный победитель
Норманнов, и Руан, весь ужасом объят.
Вакх улыбается, его два тигра мчат,

И гонит бог вина всех, кто привержен сидру.
Своими крыльями шлем увенчала гидра.
Сей панцирь надевал царь Соломон не раз.
Сияет длинный меч, как Люциферов глаз.
В тот незабвенный час, когда родные стены
Граф юный покидал, архиепископ Вьенны
Благословил его, стремящегося вдаль.

Роланд в железе весь, с ним верный Дюрандаль.

Вплотную борются; их глухо бормотанье;
Росою на металл ложится их дыханье;
Стоят нога к ноге. Гром битвы у реки
Даль грозно сотрясал. Уже летят куски
То шишаков, то лат, скрываясь под волною
Или в густой траве. Широкою струею
Кровь с головы течет, их замутняя взор.
Ужаснейший удар Роланд нанес в упор,
Меч вырвал у врага и отрубил забрало;
И гибель в этот миг пред юношей предстала.
Он вспомнил об отце, в душе призвал творца.
И Дюрандаль блеснул у самого лица,
В руке Роландовой взнесенный. О спаситель!
«Брат матери моей, французский повелитель,
Я званья своего достоин должен быть,
Я ль безоружного врага могу убить? —
Роланд воскликнул. — Ты не виноват нисколько.
Ступай, достань клинок хорошего закала,
И пусть нам поскорей напиться подадут».
Ответил Оливьер:

«Спасибо! Принесут».

Сказал Роланд:

«Спеши».

И с просьбою сыновней
 Граф лодочника шлет, что скрылся за часовней.
 «Скорее в Вьенну мчись и меч возьми другой;
 Да графу расскажи, как нынче жарок бой».
 И вот уж, о враге заботясь, как о друге,
 Один с другого снял тяжелый груз кольчуги.
 Спешат умыть лицо, беседуют часок...
 Вернулся посланный — он славный был ходок.
 Граф древний меч прислал, что свято был лелеем,
 И крепкого вина, любимого Помпеем,
 Которое взрастил холмов Турнонских склон.
 То меч прославленный был гордый Клозамон,
 Что Яркоблещущим среди людей зовется.
 И лодочник ушел. Опять без злобы льется
 Беседа. Все кругом отрадою полно.
 И в кубок Оливьер Роланду льет вино.
 Но вот опять сошлись, и поединок в силе;
 И снова юноши в проклятый круг вступили.
 Их опьяняет бой. И входит в их сердца
 Тот бог, что биться их заставит до конца
 Победоносного, удары учащая,
 С сверканием мечей сверканье глаз мешая.

Так бьются. Кровь течет багровою струей.
 Уж день кончается, и солнце за рекой
 Касается земли. Ночь очень близко.

«Что-то, —

Вдруг говорит Роланд, — долит меня дремота;
 Мне нездоровится. Когда б теперь я мог
 Немного отдохнуть!» —

«Пусть мне поможет Бог, —

Красавец Оливьер ему ответил кратко, —
 Вас победить, Роланд, мечом, не лихорадкой.
 Ложитесь на траву, а я всю ночь готов
 Над вами бодрствовать, гоняя комаров.
 Усните». —

«Ты, вассал, еще младенец, видно,
 Поверил шутке ты, и это мне обидно.
 Могу без отдыха, не хвастаясь, ей-ей,
 Четыре биться дня и столько же ночей».

Бой снова. Смерть близка. Обильно кровь струится,
 Меч по мечу скользит, меч за мечом стремится,
 От столкновения их искр вылетает рой
 И борется с вокруг царящей темнотой.
 Удары сыплются... Уже река в тумане.
 И мнится путнику: он видит на поляне
 Во мгле чудовищных двух дровосеков тень.

Опять грохочет бой — родится новый день.
 Ночь возвращается. Все бьются. Вновь зарею
 Зарделись небеса — конца не видно бою.

Мир в третий раз ночной покрылся темнотой.
 Они, чтоб отдохнуть, присели под сосной;
 И снова бой...

Жерар за вьеннскою стеною
 Ждет сына третий день с волнением и тоскою.
 Вот он на башню шлет седого мудреца;
 Гадатель говорит: «Их битве нет конца».
 Четыре дня прошло. Брег острова отлогий
 Дрожит от грохота и ежится в тревоге.
 Они без усталости друг друга бьют мечом.
 Перемахнуть овраг обоим нипочем
 И в гущу врезаться кустарников колючих.

Там носятся они, как тень смерчей летучих.
 О, ошибка смертная, о, ужас, пыл сердец!
 Граф Вьенны охватил Роланда наконец,
 И крови собственной тогда Роланд напился,
 И славный Дюрандаль в реке глубокой скрылся.

«Теперь черед за мной — вы для меня пример;
 Достану вам клинок, — промолвил Оливьер. —
 Давно хранит отец гиганта Синнагога —
 Меч, что других мечей прекраснее намного,
 Он взят моим отцом в победный светлый час».

Роланд ему в ответ: «Нет, мне на этот раз
 Довольно палицы». И вырвал дуб зеленый
 С корнями. В этот миг противник разъяренный
 Такой же вырвал вяз. Роланд обижен был.
 Великодушья он такого не любил
 И не терпел ни в чем себе уподобленья.

Вот уж без мечей, в припадке исступленья,
 Друг друга бьют стволом, забыв про тяжесть ран,
 Как великана бьет в сказаньях великан.

И пятый раз вокруг дерева потемнели.
 Вдруг Оливьер — орел со взорами газели —
 Сказал:

«Мне кажется, не кончить нам, пока
 Останется у нас хотя б одна рука.
 Так с львом ведет борьбу свирепая пантера.
 Не лучше ль братом стать вам графа Оливьера?»
 Есть у меня сестра красавица. На ней
 Женитесь».

«Черт возьми! Тем лучше, чем скорей!
 Ответствовал Роланд. — Но выпьем после боя».

Так Ода сделалась невестою героя.

НОВЫЕ ДАЛИ

Гомер поэтом был. И в эти времена
Всем миром правила владычица-война.
Уверен, в бой стремясь, был каждый юный воин,
Что смерти доблестной и славной он достоин.
Что боги лучшего тогда могли послать,
Чем саван, чтобы Рим в сражениях спасти,
Иль гроб прославленный у врат Лакедемона?
На подвиг отрок шел за отчие законы,
Спеша опередить других идущих в бой,
Им угрожавший всем кончиной роковой.
Но смерть со славою, как дивный дар, манила,
Улисс угадывал за прялкою Ахилла,
Тот платье девичье, рыча, с себя срывал,
И восклицали все: «Пред нами вождь предстал!»
Ахилла грозный лик среди рокового боя
Стал лаской царственной для каждого героя.
Был смертоносный меч, как друг, мужчине мил,
И коршун яростный над музою кружил,
В сражении за ней он следовал повсюду,
И пела муза та лишь тел безгласных груду.
Тигрица — божество, ты, воплощенье зла,
Ты черной тучею над Грецией плыла;
В глухом отчаянье ты к небесам взывала,
Твердя: «Убей, убей, умри, убей — все мало!»
И конь чудовищный ярился под тобой.
По ветру волосы — ты врезывалась в бой
Героев, и богов могучих, и тиранов.
Ты зажигала ад в рядах враждебных станов,
Герою меч дала, сумела научить.
Как Гектора вокруг стен безжалостно влачить.
Меж тем как смертное копье еще свистело,

И кровь бойца лилась, и остывало тело,
И череп урною могильною зиял,
И дротик плащ ночной богини разрывал,
И черная змея на грудь ее вползала,
И битва на Олимп в бессмертный сон вступала —
Был голос музы той неумолим и строг,
И обагряла кровь у губ прекрасных рог.
Палатки, башни, дым, изрубленные латы,
И стоны раненых, и чей-то шлем пернатый,
И вихорь колесниц, и труб военных вой —
Все было в стройный гимн превращено тобой.

А ныне муза — мир... И стан ее воздушный
Объятьем не теснит, сверкая, панцирь душный.
Поэт кричит войне: «Умри ты, злая тень!»
И манит за собой людей в цветущий день.
И из его стихов, везде звучащих звонко,
Блестя, слеза падет на розу, на ребенка;
Из окрыленных строф звезд возникает рой,
И почки на ветвях уже шумят листвою,
И все его мечты — как свет зари прекрасной;
Поют его уста и ласково и ясно.
Напрасно ты грозишь зловещей похвальбой,
Ты, злое прошлое. Покончено с тобой!
Уже в могиле ты. Известно людям стало:
Те козни мерзкие, что ты во мгле сплетала,
Истлели; и войны мы больше не хотим;
И братьям помогать мы примемся своим,
Чтоб подлость искупить, содеянную нами.
Свою судьбу творим своими же руками.
И вот, изгнанник, я без усталости тружусь,
Чтоб человек сказал: «Я больше не боюсь.
Надежды полон я, не помню мрачной бури.
Из сердца вынут страх, и тонет взор в лазури».

КОММЕНТАРИИ

В настоящем томе представлены переводы Анны Ахматовой 1910-х — начала 1950-х годов. Это период, когда Ахматова еще не считала себя профессиональным переводчиком, переводила «для себя», выполняла просьбы близких друзей или глубоко уважаемых ею ученых (как это было в случае с переводами иноязычных текстов Пушкина). Переводить прозу ей казалось легче, чем переводить стихи. Первый ее большой официальный заказ был именно на перевод прозы — писем П.П. Рубенса. Переводы стихов в 1930-е годы и в военные годы в Ташкенте можно оценить как подступы к работе переводчика-профессионала. После постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» августа 1946 г. заказы на переводы стали, по сути дела, единственным способом заработка. Письма А.Н. Радищева и драма В. Гюго «Марьон Делорм», переводы стихов, выполненные Ахматовой и как тяжелый подневольный труд, и как все более заинтересовывающая ее возможность погружения в чужой стиль, чужую творческую лабораторию, принципиально отличную от ее собственной, стали ее творческой победой. Щедро тратя на переводческий труд свои душевные силы, на пути обретения профессионализма Ахматова и в 1950-е годы пользовалась советами и помощью коллег, друзей, специалистов в той области литературы и истории, к которой принадлежали переводимые ею авторы. Во вступительной статье к настоящему тому и в ком-

ментариях к переводам приводятся документы и письма, раскрывающие творческое общение Ахматовой с кругом ученых-пушкинистов, с коллегами-переводчиками, в том числе с М.Л. Лозинским — блистательным переводчиком, советы которого позволяли Ахматовой совершенствоваться и оттачивать свое мастерство.

Рейнер Мария Рильке

71 *Одиночество*. Впервые — Новый мир. 1969. № 5. С. 53, публикация В.М. Жирмунского. После текста дата и место написания: 1910. Царское Село. Перевод стихотворения австрийского поэта Райнера Мария Рильке (1875—1926) из книги «Канун Рождества» («Advent», 1898).

Антеру ди Кенталь

72 *Заре*. Впервые — в кн. «Подорожник», Пб.; Берлин: Петрополис, 1921. Стихотворение португальского поэта Антеру ди Кенталя (1842—1891), надгробная надпись для памятника шестнадцатилетней сестры поэта Жуакино де Ароужо. Переведено в июле 1920 г.

Петр-Павел Рубенс. Письма

Впервые отдельной книгой: Петр Павел Рубенс. Письма. Пер. А.А. Ахматовой. Под общей ред. А.В. Луначарского и А.М. Эфроса. М.;Л.: «Academia», 1933. Тираж 5300 экз. Частично перепечатаны в кн.: «Мастера искусства об искусстве». Т. 3. М.: «Искусство», 1967. Четыре письма вошли в издание: Анна Ахматова. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1987, примеч. Н.Н. Глен.

Перевод писем фламандского живописца Питера Пауэла Рубенса (1577—1640) был завершен Ахматовой в

марте 1931 г. Книга сдана в набор 25 марта 1933 г., подписана в печать 20 сентября 1933 г. Ахматовой переведено 81 письмо, отбор их для перевода сделан А.М. Эфросом на основании двухтомного собрания «Писем» Рубенса на французском языке, изданного П. Колэном в 1926—1927 гг. Обширные примечания выполнены В.Д. Загоскиной и М.И. Фабрикантом. Ахматова переводила с французского, под текстами проставлены редакторские пометы: «Подлинник по-французски», «Подлинник по-итальянски». Под строкой в тексте были приведены переводы латинских цитат, по-видимому выполненные Ахматовой, за исключением одной, пропущенной (?) при публикации (см. стр. 164). Одной из особенностей перевода Ахматовой была русификация имени художника, звучавшего как Питер или Питерус Пауэл на его родном языке, или Пьетро Паоло на итальянский манер, — так он подписывал свои письма. Большая часть сведений, приводимых нами в комментариях, почерпнута из комментариев Загоскиной и Фабриканта в издании 1933 г. (с. 293—340).

I. ИСПАНИЯ — РИМ

Письмо I

75 Аннибале Кьеппио — юрист, профессор гражданского права. С 1591 г. секретарь герцога Мантуанского, позднее граф, министр финансов. Друг и покровитель Рубенса при дворе.

Его светлость — Виченцо I, герцог Мантуанский (1562—1612), сын Галиельмо Гонзага и Элеоноры, дочери императора Фердинанда I, покровитель искусств, собиратель художественных ценностей. Рубенс состоял на службе у герцога в качестве придворного художника с 1600 по 1608 г.

75 *Мое путешествие* — дипломатическая миссия, с которой Рубенс был отправлен герцогом Виченцо I в Испанию с подарками для короля Филиппа III, его министра герцога Лермы и других придворных. Королю предназначались карета с лошадьми (Ахматова переводит это слово как каретка), одиннадцать аркебуз, сосуды из горного хрусталя с ароматами. Герцогу Лерме — шестнадцать картин (в том числе копии с картин Рафаэля работы художника Пьетро Факкети), предназначенных для общественной галереи, и золотые и серебряные сосуды. Фаворитке короля графине Лемос — крест с мощами и два канделябра из горного хрусталя. Столь объемный и хрупкий груз Рубенс должен был доставить из Мантуи через Болонью, Флоренцию и Пизу в Ливорно или Геную, откуда на корабле или попутной галере отправиться в Испанию — в Аликанте и оттуда в Мадрид. По пути он должен был платить таможенные пошлины, пересекая границы итальянских княжеств, заботиться о ваннах из вина и корме для лошадей, предназначенных в подарок королю, о сохранности картин и горного хрусталя.

Письмо II

79 *Великий герцог* Тосканский — Фердинанд I Медичи, дядя Мантуанского герцога Виченцо I. Крупный государственный деятель, одно время был кардиналом в Риме, где создал замечательную картинную галерею на вилле Медичи.

Наша светлейшая госпожа — вторая жена герцога Виченцо I, Элеонора Медичи.

Письмо IV

83 Написано после переезда из Аликанто в Валла-долид, где Рубенс остановился в доме резидента Мантуанского герцога в Испании, *Аннибале Иберти*. Из картин, привезенных Рубенсом, только две остались не поврежденными продолжительным ливнем, обрушившимся на Испанию в мае 1603 г., — «Святой Иероним» Квинтино Массейса и «Портрет герцога Мантуанского» Фр. Поурбюса. За два месяца — с конца мая по середину июля 1603 г. — Рубенс реставрировал копии Факкети и написал для подарка герцогу Лерме взамен утраченных две картины: «Гераклит» и «Демокрит».

Письмо V

86 По-видимому, дата в письме ошибочна — следует читать: 17 июля 1603 г., так как резидент Аннибале Иберти рассказывал герцогу о только что состоявшемся вручении подарков испанскому королю Филиппу III и герцогу Лерме в письме от 17 июля. На это письмо, содержащее подробный отчет о церемонии вручения подарков, ссылается Рубенс.

Письмо VI

89 *...отправить меня во Францию.* — Мантуанский герцог Виченцо I собирался послать Рубенса во Францию, чтобы он написал серию портретов французских красавиц для его собрания портретов прекраснейших женщин Европы. Идея художнику не нравилась, и он всячески уклонялся от этой поездки.

Римская миссия — поездка 1601 г. с поручением герцога сделать копии с ряда картин.

Король и королева — Генрих IV, первый из династии Бурбонов (1553—1610), и его вторая жена Мария Медичи, прославившиеся как покровители искусств.

90 Карло Росси и де ла Бросс — придворные художники и архитекторы, через которых Рубенс предлагает герцогу получить из Парижа уже готовые портреты французских красавиц работы французских мастеров.

...для окончания того, что я начал. — Точных сведений о работе Рубенса в 1603 г. в Испании не сохранилось. Возможно, речь идет о копиях с картин Тициана и мозаик Рафаэля, либо о портрете герцога Лермы, — один из таких портретов до 1629 г. хранился в Мантуе в собрании герцога Виченцо I, или о начале работы над серией картин, изображающих двенадцать апостолов.

Письмо VII

91 В Риме Рубенс жил и работал в 1605 г. вместе со своим братом Филиппом, рукой которого написано письмо.

Санта Мария ин Валличелла — церковь святой Марии и святого Георгия в центре Рима, перестройка которой была начата в 1575 г., фасад закончен в 1605 г. Рубенс получил заказ на образ для главного алтаря.

92 Кардинал Боргезе — известный меценат, владелец виллы Боргезе. Получил звание кардинала в 1605 г., был также протектором Германии и Бельгии. Просьба Рубенса продлить ему на три месяца пребывание в Риме была удовлетворена.

Письмо VIII

93 Речь идет о поездке герцога Виченцо I в Спа на воды для лечения ревматизма. Рубенс должен был сопровождать герцога в этой поездке. *Распря* Папы Павла V с венецианцами происходила из-за нарушения Венецией привилегий Церковной области. В 1606 г. Папа издал буллу, отлучающую венецианское правительство от церкви.

Генеральный комиссар по церковным делам Яков Серра, получивший от Папы Павла V звание кардинала, участвовал в улаживании конфликта.

...святой образ Мадонны дела Валличелла... — Первоначально расположенный в нише на улице образ Мадонны предполагалось перенести в храм (Кьеза Нуова) и расположить в верхней части алтаря. Поверх нее должна была располагаться картина Рубенса — Мадонна с младенцем, окруженная ангелами. В нижней части картины художник поместил шесть фигур святых: Григорий, Домцилла, Маврикий, Папий, Нерей и Ахилл. Эту картину Рубенс считал лучшей своей работой, но расположение ее высоко в алтаре было неудачным, плохое освещение не давало возможности зрителям и молящимся рассмотреть и оценить ее достоинства.

Письмо IX

94 Предложение Рубенса Мантуанскому герцогу приобрести картину «Санта Мария дела Валличелла» не было принято. Художник изготовил для Рима копию картины на камне, несколько видоизменив ее композицию (картина разделена на три части — алтарный образ и две боковые створки). Оригинал он оставил себе, увез в Антверпен и поставил на могиле своей матери.

Письмо X

98 Христофор Померанчо (Кристофорг Ронкалли, 1532—1626) — итальянский художник, жил и работал в Риме.

Джованни Маньи — резидент Мантуанского герцога в Риме.

Письмо XI

99 Мать Рубенса, Мария Пейпелинкс (1538—1608), умерла в Антверпене от астмы. Рубенс, выехавший из Рима во Фландрию 28 октября 1608 г., уже не застал ее в живых.

II. ХУДОЖНИК

Письмо XII

101 Иоганн Фабер — немецкий врач, вылечивший Рубенса от тяжелого плеврита в 1606 г. В благодарность за спасение художник написал для него картину «Петух и жемчужное зерно».

Адам Эльсхеймер (1578—1610) — выдающийся немецкий художник, с 1600 г. живший и работавший в Риме. Рубенс был знаком с ним, ценил его очень высоко, копировал ряд его картин. В собрании Рубенса было четыре картины Эльсхеймера.

102 Брат мой — Филипп, библиотекарь кардинала Асканио Колонна. Во время болезни Рубенса исполнял при нем должность секретаря и вел его переписку. Врач Иоганн Фабер писал об обоих братьях в книге «Свод сведений по медицине Новой Испании» (Рим, 1651): «Наконец я еще

хочу упомянуть П.П. Рубенса, ученого, любителя бронзовых и мраморных древностей, который, так же как и его брат Филипп, знаменитый своими книгами, был учеником Юстуса Липсиуса, достойными последователями которого оба заслуживали быть. Но П.П. Рубенс является блестящим примером необычайного счастья. На самом деле: как искусный художник он прославился в Голландии, Нидерландах, Италии, Франции, Англии и Испании; ему удалось в Антверпене в течение двадцати лет заработать больше двухсот тысяч золотых. Однажды в Риме, когда мне посчастливилось с помощью Божьей вылечить его от тяжелого плеврита, он изобразил для меня петуха и написал к этой картине следующие шуточные, но все же ученые слова: «Знаменитому Иоганесу Фаберу, доктору медицины, моему Эскулапу, посвящаю я это произведение во исполнение обещания, данного мной, ради восстановления моего здоровья, когда отчаялись в моем выздоровлении».

102 *Господин Скиоппио* — Гаспар Шоппе, писатель. Отрекшись от протестантизма, перешел в католичество, прославляя папство, что принесло ему богатство и почести в Риме. Считал себя другом Рубенса.

Письмо XIII

103 *Яков де Би* (р. 1581) — художник, гравер, издатель и торговец картинами в Антверпене. Гравировал картины для собрания герцога Карла Арсхетского, был посредником между герцогом и художниками, в том числе и Рубенсом, при продаже их картин. В 1615 г. Рубенс рисовал титульный лист для книги де Би «Золотые монеты римских императоров от Юлия Цезаря до Валентиниана». Число учеников Рубенса после его возвращения из Италии было

чрезвычайно велико, но история почти не сохранила их имен. Датский врач Отто Шперлинг описал мастерскую Рубенса в 1621 г.: «Мы увидели большой зал без окон, который освещался через отверстие в потолке. В этом зале сидело множество молодых людей. Все они работали над разными картинами, которые Рубенс намечал углем и на которых он указывал тон краской. Молодые люди должны были целиком выполнить эти картины в красках. Потом Рубенс заканчивал их собственноручно кистью».

104 *Николас Роккок* (1560–1640) — бюргер-мейстер Антверпена и старшина гильдии ружейных стрелков, друг Рубенса. Благодаря его покровительству Рубенс получал важнейшие заказы, — например, заказ на алтарный образ — три картины для алтаря Антверпенского собора: «Снятие со креста» (в центре), «Принесение во храм» и «Посещение Марией Елизаветы». Рубенс написал несколько портретов своего друга, помещал его изображение в картины на библейские сюжеты.

Родственники моей жены — первой жены Рубенса, Изабеллы Брант (1591–1626).

«*Юнона и Аргус*» — картина была продана Рубенсом без посредничества Якова де Би, которому она не понравилась, возможно, потому, что частично была выполнена учениками художника.

Письмо XIV

105 *Эрцгерцог Альберт* (1559–1621) — кардинал, архиепископ Толедский, вице-король Португалии, затем супруг Изабеллы, дочери Филиппа II. С 1599 г. Изабелла и Альберт были наместниками Испанских Нидерландов. Рубенс, картины которого супруги высоко ценили,

был назначен придворным художником эрцгерцога в 1609 г. Эскиз к триптиху для главного алтаря собора святого Бавона в Генте был исполнен Рубенсом в 1612 г. Планы сменяющих друг друга епископов Гентских относительно украшения главного алтаря неоднократно менялись, в результате лишь после того, как в алтаре было выделено место для картины Рубенса, он закончил ее в 1624 г.

Письмо XV

107 Питер де Висхер — фламандский купец, представитель эрцгерцога Леопольда-Вильгельма Австрийского при Брюссельском дворе. Леопольд-Вильгельм владел замечательным собранием картин, часть которых из собрания его дворца в Вене перешла в Венскую картинную галерею. В этом собрании находилось несколько картин Рубенса — «Оплакивание Христа», «Коронование героя» и др. О какой конкретно картине идет речь в настоящем письме — неизвестно.

Письма XVI—XIX

107 Герцог Вольфганг-Вильгельм — пфальц-граф Баварский, герцог Нейбургский (1578—1653).

Проект алтаря, посвященного святому Михаилу, предназначался для одной из Баварских церквей. Картина «Св. Михаил, поражающий восставших ангелов» была выполнена учениками Рубенса по его рисункам и лишь «прописана» им. Герцог Вольфганг-Вильгельм подарил ее церкви городка Хейман близ Регенсбурга.

108 Инвентарь коллекции... герцога Арсхотского (мы бы перевели французское слово *inventaire* как опись) —

Шарля де Гроу — содержал не только перечень картин, среди которых были и картины Рубенса, но и описание огромной и ценнейшей коллекции древних монет. Часть этой коллекции Рубенс приобрел для себя и выгодно перепродал затем французским коллекционерам.

108 *Картины для боковых алтарей* — для иезуитской церкви в Нейбурге, «Поклонение пастухов» («Рождество Христово») и «Сошествие св. Духа» («Святой дух»), были выполнены главным образом учениками Рубенса по его рисункам, однако при продаже их он писал о них как о собственных работах. Самим художником была написана центральная часть триптиха — «Страшный суд» (1618).

Письмо XX

112 Не установлено, для какой картины были нужны Рубенсу натурщицы, с которых он собирался писать *этюды сирен в натуральную величину*.

Письмо XXI

113 *Фабрицио Вальгуарнера* — итальянский врач, лечивший Рубенса от ревматизма, от которого художник страдал всю жизнь. Картина «Поклонение волхвов» не была подарена врачу, а продана Рубенсом настоятельнице женского монастыря в Левене.

Письма XXII—XXIII

113 *Георг Гельдорп* — художник, живший в Антверпене и Лондоне. Заказ на алтарный образ для церкви св. Петра в Кёльне, переданный Рубенсу Гельдорпом, оплачивал банкир Эверард Ябах.

Рубенс написал по этому заказу картину «Мучение св. Петра», над которой начал работать в 1638 г. В момент смерти художника (1640) картина еще оставалась в его мастерской и была куплена на посмертной распродаже агентом семьи Ябах. Наследники банкира Ябаха, выполняя волю покойного, передали картину в Кёльнскую церковь св. Петра. Основная работа над картиной выполнена учениками Рубенса по его рисункам, сам художник исправлял и «прописывал» картину при ее завершении.

114 Я очень люблю Кёльн... — Рубенс родился в 1577 г. в Энгене, маленьком городке Вестфалии, куда его родители бежали из Антверпена во время преследования протестантов. Но очень скоро семья переехала в Кёльн, где будущий художник прожил первые десять лет своей жизни (1578–1589).

Письмо XXIV

115 Юстус Сустерманс (1597–1681) — фламандский живописец, портретист, придворный художник Тосканских герцогов Фердинанда II и Козимо III. Одно время работал в Мантуе, был другом Рубенса.

116 Андреас де Шуттер — поверенный Сустерманса в Антверпене. Речь идет о картине «Бедствия войны», заказанной Сустермансом для герцога Тосканского (1638).

Взятие Ганнау и Веймарское поражение — события Тридцатилетней войны (1618–1648), в которую оказались втянуты все европейские государства — либо на стороне Габсбургов и Католической лиги, либо на стороне княжеств Протестантской унии. Результатом войны было крайнее ослабление Германии.

Письма XXV–XXVI

118 Бальтазар *Жербье* (1592–1667) — живописец, миниатюрист, политический авантюрист, на совести которого немало интриг и предательств. Тайный агент герцога Букингема, дипломатический представитель Англии в Брюсселе, раскрывший испанскому королю тайну заговора нидерландского дворянства, пытавшегося освободить от испанского владычества южные провинции Нидерландов. Посредник при покупке картин для собраний английских королей.

Эдуард Норрет — художник-иллюстратор, считавшийся знатоком живописи.

Вернульст — *Петер Вер-Хульст*, малоизвестный антверпенский художник. Картина «Сен-Лоренсо в Эскуриале» выполнена им по рисунку Рубенса, сделанному в Испании с натуры.

Письмо XXVII

120 *Франческо Ди-Кеснуа* — Франсуа Дюкенуа (1594–1642) — знаменитый фламандский скульптор, работавший в Риме, в храме св. Петра. Колоссальная статуя св. Андрея, выполненная им для Папы Урбана VIII, принадлежит к числу лучших памятников скульптуры XVII в. Скульптор прислал Рубенсу слепки с барельефа двух детей-ангелов, созданных им для гробницы Ван ден Хюффеля.

Письмо XXVIII

121 *Лука Файдгербе* (1617–1697) — бельгийский архитектор и скульптор, любимый ученик Рубенса. После смерти Рубенса по его желанию над алтарем капеллы, где

он погребен, была установлена статуя Мадонны работы Файдгербе. Рубенс доверял ученику присмотр за своим домом в Антверпене и за принадлежащими ему ценностями (золотая цепь, пожалованная художнику английским королем Карлом I после окончания плафонов в Уайтхолле).

121 Стен — поместье Рубенса близ Антверпена и Малина (Мехельна), купленное им в 1635 г. за 93 000 гульденов.

Письмо XXIX

122 Поздравления с бракосочетанием посланы семейством Рубенса в Малин, где жили родственники невесты двадцатитрехлетнего Файдгербе. **Жена** Рубенса — Елена Фоурмен, на которой он женился в 1630 г. после смерти в 1626 г. его первой жены, Изабеллы Брант.

Сыновья — дети от первого брака, Альберт и Николас.

Письма XXX—XXXI

122 Питер ван Веен — брат учителя Рубенса, Отто ван Веена, адвокат, живущий в Гааге. Речь идет о желании Рубенса юридически утвердить за собой единоличное право на воспроизведение в гравюрах на меди, изготавливаемых в его мастерской и под его руководством, своих картин и запретить граверам Генеральных Штатов (северных, свободных от испанского владычества нидерландских провинций), в частности живущим в Гааге, делать гравюры с его картин. Официальная бумага выдавалась лишь на гравирование конкретных, включенных в список законченных картин, сюжеты которых должны были быть описаны.

125 Господин де Гейн — возможно, рисовальщик и гравер Якоб де Гейн (1565—1629).

Письмо XXXII

126 Карлтон — сэр Дедлей Карлтон — дипломат, английский посланник в Гааге. Карлтон помогал Рубенсу в его ходатайстве о единоличном праве на гравирование своих картин. До вмешательства посланника Британии члены Генеральных Штатов 17 мая 1619 г. отказали Рубенсу в его просьбе на том основании, что он не является жителем Генеральных Штатов. С помощью Карлтона Рубенсу удалось добиться пересмотра этого решения. 8 августа 1619 г. он получил от правительства Генеральных Штатов следующую бумагу: «Питер Рубенс, проживающий в Антверпене и рекомендованный господином Карлтоном, Посланником Короля Британии, должен представить им оттиск каждой доски, которую он собирается выпускать».

Письмо XXXIII

127 Акт запрещения, который получил Рубенс от Генеральных Штатов, гласил, что Штаты «запрещают всем и каждому жителю вышеозначенных объединенных Нидерландов, занимающимся гравюрой, резцом и травлением, в течение семи лет под страхом конфискации подобных скопированных резцом и травлением картин и, кроме того, под страхом штрафа в 100 каролигульденов копировать резцом или травлением те композиции Питера Рубенса, живописца, проживающего в Антверпене, резанные на меди и которые еще будут вырезаны, изображения которых он предварительно должен показать».

Письма XXXIV–XXXV

129 Причуды моего гравера — психическая болезнь в начале 1620-х годов лучшего гравера мастерской Рубен-

са, Луки Ворстермана (1593—1675). Именно гравюры этого мастера по рисункам Ван Дейка с картин Рубенса положили начало антверпенской школе граверов, созданной Рубенсом.

130 Книга об архитектуре генуэзских Дворцов — изданный в 1622 г. альбом «Генуэзские дворцы» в двух частях, — серия гравюр по рисункам Рубенса, выполненных гравером Рейкемансом, — 139 таблиц, дающих разрезы и виды тридцати одного дворца и четырех церквей. Рисунки созданы Рубенсом во время путешествия в Геную и ее пригород, Сан-Пьетро д'Арена в 1603 г. с Мантуанским герцогом Виченцо I.

Письмо XXXVI

131 Привилегии, о которых идет речь в письме, — единоличное право изготавливать гравюры по своим картинам, данное Рубенсу во Франции в 1619 г. на десять лет и возобновленное в 1632 г. Такие же привилегии были даны художнику во Фландрии, Испании, Португалии, Австрии, Голландии, т.е. почти во всех европейских странах, что приносило ему значительный доход.

132 Аббат Скалья — дипломат, посланник герцога Савойского. См. о нем также в письме LXXXI и коммент. к нему. Политические и придворные интриги, о которых Рубенс пишет дипломату Жербье, принесли ему в свое время много огорчений, так как коронованные особы не считали его фигуру достаточно влиятельной и значительной, чтобы представлять ту или иную страну в решении политических вопросов.

III. ПИСЬМА К КАРЛТОНУ

Содержание писем к английскому посланнику сэру Д. Карлтону, объединенных в раздел III, — переговоры между ним и Рубенсом об обмене коллекциями и продаже картин с 1618 по 1621 г.

Письмо XXXVII

133 Джордж Гейдж — католический пастор, посредник при продаже картин.

Франциск-Питерсен де Греббер (1590—1649) — художник, автор портретов, жанровых картин и картонов для шпалер, в которых заметно влияние Рубенса.

Письмо XXXVIII

137 Лучший ученик — по-видимому, Ван Дейк.

Письмо XXXIX

140 Генуэзские вельможи — семейство Паллавичини, на вилле которых в Генуе останавливался Рубенс. Банкир Николай Паллавичини был заочным крестным отцом второго сына Рубенса.

Список мраморов — описание коллекции скульптур Карлтона: «21 большая фигура, 8 детских фигур, 4 торса, 57 голов средних и 12 маленьких, 17 постаментов, 1 большая и 4 маленьких урны. 4 рельефа, 6 ног, 1 рука, 1 камень с надписями и 1 статуэтка св. Себастьяна <...> 12 бюстов римских императоров» (приведен комментаторами издания «Письма Рубенса», с. 316). Выгодно получив эту коллекцию в обмен на свои работы, Рубенс через несколько лет перепродал ее герцогу Букингемскому за 100 000 флоринов.

Письмо XL

142 Лайонель Уэйк — английский купец, банкир герцога Альбрехта, живший в Антверпене.

Шпалеры, на которых изображена история римского трибуна и полководца *Камилла*, выполнены по рисункам Рубенса.

Письмо XLI

144 ...очень искусный мастер помог мне закончить пейзаж... — Пейзаж на картине Рубенса «Изгнание Агари», возможно, написан художником Яном Вильденсом (1586—1673), который часто выполнял подобные поручения мастера.

145 Шпалеры на сюжеты из *истории Сципиона и Ганнибала* (III в. до н.э., война карфагенян с римлянами) и истории римского консула *Деция Муса* — выполнены по рисункам Рубенса. В последнем случае Карлтона интересовали не шпалеры, а сами рисунки — восемь картонов, нарисованных Рубенсом по заказу брюссельского мастера, изготавливающего шпалеры. По этим рисункам, в работе над которыми принимали участие Ван Дейк и Ян Вильденс, выполнено несколько серий шпалер.

Письмо XLIII

147 Вильям Трумбаль — английский агент в Брюсселе, уполномоченный Карлтона.

148 Бассано — семья итальянских живописцев эпохи Возрождения; Рубенсу предлагали картину венецианца Якопо Бассано (1515—1592), его же картина «Охота» предназначалась в подарок наследнику английского престола, будущему королю Карлу I.

Письмо XLIV

148 Картина «*Львиная охота*» была возвращена Рубенсу, как не полностью принадлежащая руке художника.

149 *Заказы Его Величества и Его высочества*, о которых идет речь в письме, — на картины для банкетного зала нового дворца Уайтхолл, на сюжеты, прославляющие царствование Иакова Первого.

IV. ГУМАНИСТ

Письмо XLV

150 *Франциск Свертс* (1567—1629) — фламандский историк, приятель Рубенса.

Камден — английский ученый, очевидно спрашивавший мнения Рубенса о подлинности изображения древнеегипетской богини плодородия.

Систр — древнеегипетский музыкальный инструмент, с которым обычно изображалась *Изида*.

151 *Флювиальные урны* — сосуды особой формы, атрибуты речных божеств, употреблялись для вина во время пиршеств.

Зауфея — римская жрица, которую сатирик Ювенал осуждал за пристрастие к пьянству.

Письмо XLVI

151 *Геварт Жан Каспар* — фламандский ученый, государственный секретарь города Антверпена. Рубенс в 1625 г. написал его портрет. Геварт сочинил свадебный гимн в честь второго брака художника и надгробную надпись, высеченную на его гробнице.

152 Ваш Марк — римский император Марк Аврелий (II в. н.э.), над комментариями к философским сочинениям которого работал Геварт.

Библиотека св. Лаврентия находится в монастыре св. Лаврентия в Эскуриале, резиденции испанского короля.

Франческо Браво — фламандский писатель.

153 Жестокое страдания — подагра.

Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс (ок. 160 — ок. 222) — христианский богослов.

Папиньян Эмилий (ок. 150—212) — римский юрист, оказавший большое влияние на развитие римского права.

Маркиз — Амброзиус Спинола (1571—1630), итальянец, гемуэзец, дипломат и военачальник на службе эрцгерцога Альберта. Сражался за Испанию в борьбе с Северными Нидерландами. В 1628 г. в Мадриде вел переговоры с королем Испании Филиппом IV о мире с Англией. Рубенс высоко ценил человеческие качества Спинолы, написал несколько его портретов. Идея способствовать миру Испании и Англии также отвечала внутренним убеждениям художника, который имел в это время подобное же дипломатическое поручение.

Инфанта — Изабелла, супруга эрцгерцога Альберта. Оба они были наместниками Испанских Нидерландов.

154 Король. — Филипп IV. Безвольный и апатичный, он передоверил управление Испанией графу Оливаресу.

Потеря флота. — 9 сентября 1628 г. голландский адмирал Пит Хейн захватил около Кубы испанский флот с грузом серебра.

155 Альберт — старший сын Рубенса, увлекавшийся латинской и греческой филологией, изучением древностей и нумизматикой.

Письмо XLVII

157 Везель — крепость, взятая голландскими войсками в августе 1628 г., эпизод войны между Испанскими Нидерландами и Соединенными Штатами Нидерландов. Рубенс был всецело на стороне Испании.

Буа ле Дюк — крепость в Северном Брабанте, взята голландцами в октябре 1629 г.

158 Я стремлюсь вернуться на родину.. — В Антверпен из Лондона, где Рубенс выполнял в том числе и дипломатическое поручение: содействовать миру Англии и Испании.

Брант Ян — брат первой жены Рубенса.

Де Пап Ян — чиновник в Антверпене. По заказу его жены Рубенс совместно со своими учениками исполнил алтарный образ Троицы для церкви Больших Кармелитов в Антверпене. И Брант, и де Пап были сослуживцами Геварта. Извинения Рубенса касаются прежде всего тех забот о своем сыне, которые он возложил на Геварта.

Письмо XLVIII

159 Франциск Юниус (1589–1677) — выдающийся филолог и археолог, библиотекарь и хранитель коллекций графа Арунделя. Речь идет о книге Юниуса «О живописи древних», впервые изданной в Амстердаме в

1637 г. и затем многократно переиздававшейся с многочисленными дополнениями.

...как Орфей в смысл слов Эвридики. — Древнегреческий миф об Орфее и Эвридике многократно использовался греческими и римскими поэтами. В частности, в «Метаморфозах» Овидия рассказывается о том, что, потеряв любимую супругу, Орфей спустился в подземное царство, очаровал своим пением властителя царства мертвых Аида и его супругу Персефону, напомнив им об их взаимной любви, и получил разрешение вывести Эвридику из подземного царства с условием: не оглядываться назад, пока не покинет Авернских долин. Орфей, опасаясь, что Эвридика отстала, оглянулся и потерял ее вновь, уже навсегда. «Голос последним «прости» прозвучал, но почти не достиг он Слуха его, и она воротилась в обитель умерших» (пер. С. Шервинского).

161 Апеллес и Тиманф — греческие живописцы IV в. до н.э.

Плиний-старший (23–79) — римский ученый и писатель.

V. ПИСЬМА К ПЕЙРЕСКУ

Письмо XLIX

162 Пейреск — Николя Клод Фабри де Пейреск (1586–1627), коллекционер, знаток античного искусства, путешественник. Энциклопедически образованный ученый, Пейреск помогал Рубенсу советами при выборе сюжетов картин и картонов для гобеленов, уточнении портретов изображаемых исторических лиц, костюмов и пр. Переписка Рубенса и Пейреска началась в 1616 г., личное знакомство состоялось в 1623 г. в Париже. Коллекционирование античных монет и резных камней — *гемм* было страстью обоих.

163 *Аббат* церкви Сент-Амбруаз — Клод Мож (ок. 1600—1653), крупнейший коллекционер и знаток искусств, казначей и советник французской королевы в области искусств. Благодаря ему Рубенс получил заказ на картины для Люксембургской галереи, над которыми начал работать в 1623 г.

Шадюк Луи — коллекционер медалей и эротических резных камней, отказавший Пейреску, желавшему сделать с них слепки.

Diva vulva с бабочкиными крыльями — раковина, служившая монетой. В последующем рассуждении обыгрывается многозначность латинского термина vulva — влагалище, матка. Латинская цитата в тексте письма в издании 1933 г. осталась без перевода.

164 *Валавэ* — брат Пейреска, приятель Рубенса, живший в Париже.

165 *Мессалина мне нравится.* — Видимо, речь идет об изображении Мессалины-Валерии, третьей жены римского императора Клавдия.

Письмо L

165 *Севильские Васильенцы* — тайная христианская секта, основанная во II в. Василидом Александрийским, с которой боролась инквизиция.

Амстердамские Розенкрейцеры — масонский орден, отделения которого существовали в Голландии и во Фландрии. Основателем ордена был Христиан Розэ. Книга, о которой пишет Рубенс, — по-видимому, изданная в 1459 г. «La nocce chimique de Christian Rose-croix» или «La reformation universelle du monde entier avec la fama fraternitatis de l'ordre respectable de la Rose-croix».

166 Голли, Фонтенэ, Алеандр, Павел Парент — коллекционеры.

Коберген — по-видимому, Венцель (Винченцо) Кебергер (1556—1635), живописец, архитектор и инженер при дворе наместника во Фландрии.

Кардинал дела Куэва — представитель испанского эрцгерцога во Фландрии.

Письмо LI

167 Сестра короля — Генриетта Французская, дочь Марии Медичи, сестра Людовика XIII, бракосочетание которой с Карлом I состоялось 11 мая 1625 г.

Герцог де Шеврез представлял на бракосочетании короля Англии Карла I.

Брат Вашей Милости — Валавэ.

168 Легат — кардинал Фр. Барбарини.

Кавалер дель Поццо — итальянский археолог Кассиано дель Поццо, принимавший участие в подготовке издания гравюр с гемм и резных камней из собрания Рубенса.

Дони — итальянский антиквар.

170 Королева-Мать — Мария Медичи, жена Генриха IV, мать Людовика XIII и Генриетты Французской. По заказу Марии Медичи Рубенс выполнил для ее нового Люксембургского дворца серию картин, изображающих жизнь и правление Марии Медичи.

Кардинал — Ришелье, министр Людовика XIII.

171 Осада Бреды, крепости в Северном Брабанте, — важнейший эпизод войны Испании с Северными Нидерландами. Осада длилась с июля 1624 по июнь 1625 г. и ознаменовалась победой Испании и торжественными празднествами в Брюсселе.

Письмо LII

172 Речь идет о знаменитой древнеримской фреске «Альдобрандинская свадьба», найденной в Риме на Квиринале при Папе Клименте VIII (1592–1605). Рубенс описывает ее по памяти.

Scaphio — сосуд для жертвоприношений.

173 Юнона — древнеримская богиня, жена Юпитера.

Люцина — древнеримская богиня деторождения.

Письмо LIII

173 Путешествие в Испанию. — Рубенс уехал из Антверпена в Испанию в конце августа 1628 г. с дипломатическим поручением от наместника испанского короля и его супруги, инфанты Изабеллы. Ему не было разрешено ни посетить своих парижских друзей, ни остановиться в Париже, что крайне раздосадовало художника.

174 Дююи Пьер (1582–1651) — адвокат, библиотечарь и автор политических трудов, доверенное лицо французского короля.

Вдовствующая королева Франции — Мария Медичи.

Портрет Его Величества верхом — портрет Филиппа IV в полном вооружении, с жезлом главнокомандующего в руке.

175 ...осаду Ларошели. — *Ларошель* — крепость на Атлантическом побережье Франции, оплот гугенотов, была взята войсками кардинала Ришелье в конце 1628 г.

175 Пикъери Николас — зять Рубенса, муж Елизаветы Фоурмен, сестры Елены Фоурмен, второй жены Рубенса.

Письмо LIV

177 Написано в августе 1629 г. из Лондона, куда Рубенс был отправлен королем Филиппом IV со сложным дипломатическим поручением: подготовить подписание мирного договора между Англией и Испанией, препятствовать заключению союза между Францией и Англией и всячески способствовать заключению союза между Испанскими Нидерландами и Соединенными провинциями. Миссия Рубенса прошла удачно, он завоевал благорасположение короля, пожаловавшего ему дворянство и наградившего его ценными подарками. Английская знать устраивала празднества в честь Рубенса — дипломата и художника, Кэмбриджский университет присвоил ему титул магистра искусств. Начало письма Рубенса включает несколько латинских цитат из «Энеиды» Вергилия, из Горация и «Одиссеи» Гомера, которые Ахматова приводит под строкой в переводах А.А. Фета и В.А. Жуковского.

Покойный герцог Букингем — Джордж Виллерс герцог Букингем (1594—1628), генерал-адмирал английского флота, министр двух английских королей, Иакова I и Карла I, с которым Рубенс познакомился на бракосочетании Карла I с Генриеттой Французской. Рубенсом написан портрет герцога Букингемского, который, через своего агента Б. Жербье, в 1627 г. купил у Рубенса значительную часть его коллекций — античных статуй, картин старых и современных мастеров, гемм, медалей и пр. В 1628 г. герцог Букингемский был убит противниками его политики, направленной на укрепление королевской власти и на союз Англии с Францией и Голландией против Испании.

176 Граф д'Арундель — Томас Говард Арундель (1580—1646) — знаменитый английский собиратель греческих скульптур, коллекционер картин и статуй. В 1620 г. Рубенс написал его портрет с женой.

Селден Джон (1584—1654) — юрист и государственный деятель, апологет морского могущества Англии, сторонник парламентской республики и противник усиления власти Карла I, посягнувшего на привилегии парламента. В 1621 и 1829 гг. был заключен в тюрьму, как участник протеста Палаты общин против королевской власти. Второе издание его книги «De Diis Sytis syntagmata duo» («О Сирийских богах...») вышло в 1627 г.

177 Кавалер Коттон и секретарь Босуэлл — коллекционеры и знатоки искусств. *Босуэлл* — английский посланник в Гааге, затем королевский архивариус.

Прокопий (кон. V в. — 60-е гг. VI в.) — византийский историк. Наряду с официальной историей царствования Юстиниана написал тайную историю, где разоблачал деспотизм Юстиниана и развратную жизнь его супруги Феодоры. Лакуны, о которых пишет Рубенс, были напечатаны по ватиканской рукописи в Париже в 1622 г.

Плантен Христофер (1514—1589) — основатель знаменитой типографской фирмы в Антверпене.

Дреббель Корнелис (1572—1634) — голландский физик и механик, изобретатель микроскопа, термометра, автор проекта подводной лодки. Создатель пурпуровой краски. Работал над изобретением вечного двигателя, благодаря чему и был приглашен к английскому двору.

Письмо LV

180 Геварт Жан Каспар — см. о нем в коммент. к письму XLVI.

Юпитер Плювий — Юпитер Дожденосец, одно из наименований верховного божества древних римлян.

181 Пифон — дракон, охранявший, по античному преданию, знаменитое святилище Древней Греции Дельфы.

182 Евсевий (263—300) — первый историк христианской церкви, автор «Церковной истории».

183 Tabula Isiaca — античный памятник с изображением мистериальных сцен, открытый в Риме в 1515 г.

22 июня город Мантуя был взят приступом имперскими войсками. — 22 июня 1630 г., после смерти последнего герцога Гонзага, в результате войны «за мантуанское наследство», в которой участвовали Франция, Испания и Австрия, город Матуя был взят австрийскими войсками и разграблен.

184 Эти рисунки отменно хорошо исполнены. — Речь идет о рисунках Клода Меллана — знаменитого французского гравера, услугами которого пользовался Пейреск. Рубенсу был прислан портрет Пейреска, гравированный Мелланом, и рисунки его работы.

Письмо LVI

185 Три года тому назад — в 1631 г.

Бегство Королевы-Матери. — Речь идет о Марии Медичи, которая потерпела поражение в борьбе с карди-

налом Ришелье и вынуждена была в 1631 г., чтобы избежать заключения в замок Компьень, искать убежища за пределами Франции. Инфанта Изабелла приняла ее и ее сына, Гастона Орлеанского, во Фландрии, пыталась склонить испанского короля на сторону Марии Медичи. Активную роль в этих переговорах играл Рубенс, выступавший на стороне Королевы-Матери.

186 ...живу с моей женой и детьми. — Речь идет о Елене Фоурмен, матери пяти его детей.

187 Кардинал Инфант — Фердинанд (1609—1641), брат короля Филиппа IV. Назначен наместником Испанских Нидерландов после смерти инфанты Изабеллы. Оформление торжественного въезда инфанта Фердинанда в Антверпен было поручено Рубенсу. Изображения триумфальных арок, картины и рисунки, выполненные для этих торжеств Рубенсом и его учениками, сопровождаемые латинскими «Надписями и Эпиграммами» Геварта, были изданы в виде альбома, содержащего более ста гравюр работы Теодора ван Тульдена, лишь в 1641 г. под заглавием: «Торжественное шествие в честь Светлейшего Принца Фердинанда Австрийского, Инфанта Испании, Святейшей Церкви Кардинала Бельгии и правителя Бургундии».

189 Отец Сильвестр ди Пнетра Санта — ученый, автор книги «*De Symbolis Heroicis libri IX*», которую Рубенс оформлял в 1632—1633 гг.

190 Гиерон — царь Сиракуз, поручивший Архимеду (287—212 до н.э.) установить количество примесей серебра в золотой короне, изготовленной ювелиром, которого царь подозревал в мошенничестве. Архимед нашел решение во время купания — определение веса тела по объе-

му вытесненной им воды, — его восклицание «Эврика!» — «Нашел!» — вошло в историю.

191 Тяжба Рубенса в Париже — судебный процесс против гравера, нарушившего данные Рубенсу привилегии на самостоятельное изготовление гравюр со своих картин. Речь шла о гравюре Ворстермана с картины Рубенса «Распятый Христос». Противники художника, проигравшие процесс, подали апелляцию на том основании, что привилегии Рубенса существовали с 1619 по 1629 г. и затем были возобновлены лишь в 1632 г. Поэтому три года привилегий не существовало, и парижский изготовитель гравюр не нарушал закон. В 1636 г. Рубенс вторично выиграл процесс (см. об этом в последующих письмах), граверную доску копииста было постановлено уничтожить.

192 Роккок Николас. — См. о нем в коммент. к письму XIII.

193 Индийская компания. — Ост-Индийская компания была образована в Голландии в 1602 г. как акционерное общество, имевшее право на монопольную торговлю с Ост-Индией.

Письмо LVII

195 Проход Французской армии. — 9 июня 1635 г. Франция и Голландия объявили войну Испании.

Письмо LVIII

198 Тавернье Мишель — торговец произведениями искусства, ему Рубенс поручил продажу в Париже своих гравюр.

198 *...мы стали хозяевами страны...* — Рубенс перечисляет места битв и выражает веру в победу Испании и Испанских Нидерландов.

200 *Гарпократ* — греческий бог молчания.

Отец Ливий — преподаватель английской коллегии иезуитов в Льеже, математик и физик, автор ряда сочинений в этих областях науки.

Письмо LIX

202 *...я отправил мою работу в Англию...* — Очевидно, картину для Банкетного зала нового дворца Уайтхолл (см. об этом в письме XLIV). Рубенсу заказали плафоны для этого дворца, они были готовы еще в 1634 г., но год пролежали в Антверпене, так как Рубенс не мог получить за них деньги — 3000 фунтов стерлингов. Сюжетами картин являются события, прославляющие царствование короля Иакова I. О какой конкретно картине идет речь в данном письме — неизвестно.

205 *Эвклид* — греческий математик III в. до н.э., создатель «эвклидовой геометрии».

Письмо LX

206 *Помесье* — Стен. См. коммент. к письму XXVIII.

Копия древней живописи, найденной в Риме. — См. письмо LI и коммент. к нему.

207 *Время Антонинов* — II в. н.э., по имени римского императора Антонина Пия (138–161).

Коммод (161–192) — римский император, сын Марка Аврелия.

207 Огромный том — издание 1632 г. «Roma Sotteranea, opera postuma di Antonio Bosio. In Roma oppresso Guglielmo Facciotti».

Галерея Джустиниани — издание 1635 г. гравюр с рисунков художника Сандрарта (1606—1688), изображающих скульптуры собрания маркиза Джустиниани.

VI. ПИСЬМА К ВАЛАВЭ

Письмо LXI

208 Валавэ. — См. коммент к письму XLIX.

209 Теофиль — французский поэт Теофиль де Вио (1590—1626), вольнодумец и сатирик, автор трагедии «Пирам и Фисба» 1617 г., сборника «Сатирический Парнас» 1622 г. За вольнодумные стихи неоднократно подвергался преследованиям, в 1619 г. был выслан из Франции, после возвращения в 1623 г. за сборник «Сатирический Парнас» арестован, приговорен к сожжению. Рубенс пишет о том, что он был казнен (письмо написано в 1624 г.). На самом деле поэт два года провел в тюрьме, после пересмотра приговора осужден на пожизненное изгнание из Франции. Выполнению приговора помешала ранняя смерть поэта.

Книга отца Скрибиана — ректора иезуитской коллегии в Брюсселе Каролуса Скрибиануса (1561—1629), изданная в 1624 г.

Осада Бреды — см. коммент. к письму LI.

Принц Оранский — принц Морис Оранский, глава Северных Нидерландов.

209 Маркиз — маркиз Амброзиус Спинола, сторонник Испании, во главе собственного войска поддерживал инфанту Изабеллу и ее мужа, герцога Альберта в борьбе с Северными Нидерландами. С 1605 г. — главнокомандующий войсками Испанских Нидерландов. См. о нем коммент. к письму XLVI.

210 Герцог Шарль де Круа д'Арсхотский — коллекционер, собиратель картин и древних монет.

Письмо LXII

211 Монсеньер Кардинал — Ришелье.

212 Ее Величество — Генриетта Французская, жена английского короля Карла I.

Валтелина — спорная территория, предмет борьбы Франции и Испании.

213 Сиффле — Филипп Шиффле, капеллан инфанты Изабеллы.

Письмо LXIV

215 Феодосий I Великий (346—395) — римский император.

Аврелий — римский император II в. н.э. Марк Аврелий.

Проб (232—282) — римский император.

Я пошлю Вашей Милости несколько экземпляров... — Первые две из перечисленных книг написаны бра-том художника, Филиппом Рубенсом.

Юсто — Юстус ван Эгмонт (1610—1674), художник, один из учеников Рубенса, в будущем известный портретист, член Французской академии.

216 *Д'Аргуж* — казначей королевы Марии Медичи.

217 *Задуманное нами предприятие* — издание гравюр с античных памятников из коллекций Рубенса, Пейреска, Роккокса, дель Поццо и Алеандра.

Дюпон Пьер — адвокат и библиотекарь французского короля.

Письмо LXV

217 Речь идет о дипломатических поручениях инфанты Изабеллы Испанской, которые выполнял Рубенс в 1625 г., во время войны Испании с Северными Нидерландами.

Письмо LXVI

220 *Монморанси* Анри (1595—1632) — адмирал и маршал Франции.

Субиз Бенжамен (1585—1642) — французский генерал, предводитель гугенотов. Речь идет о событиях одного из этапов Тридцатилетней войны (1618—1648).

Адмирал *Олтен*, генерал *Туарас* — военачальники. В Тридцатилетней войне участвовали Священная Римская империя, Папство, католические Испания и Франция (Католическая лига) против сил Протестантской унии, в которую в разное время входили гугенотская Франция, протестантские княжества Германии, Англия, Дания и Голландия. Преимущество католической Франции в 1625 г. стало очевидным после взятия острова *Ре*, дающего стратегическое преимущество над крепостью Ларошель, оплотом гугенотов, считавшейся неприступной.

221 *Граф Тилли* Иоганн Церклас (1559–1639) — фельдмаршал войск Католической лиги, в 1625 г. одержавший блестящую победу над Данией.

Валленштейн Альберт Венцеслав Евсевий (1583–1634) — знаменитый полководец Тридцатилетней войны, главнокомандующий императорскими войсками.

Письмо LXVII

222 Речь идет о сражениях, интригах и политических памфлетах 1625 г., периода Тридцатилетней войны.

224 *Дон Диего Мессиа* маркиз Леганес — коллекционер, с 1627 г. испанский посланник в Брюсселе.

Каприз господина де Водемона — отказ от своих владительных прав Франсуа II, герцога Лорренского де Водемона в пользу сына.

Письмо LXVIII

225 *Auctarium Гольциуса* — «Добавления» Х. Гольциуса к книге «Полный свод антикварного дела», изданной в 1579 г. и переизданной де Би в 1618 г.

де Ту Жан Огюст (1609–1677) — историк и библиофил, собравший в Париже огромную библиотеку, с которой был знаком Рубенс.

де Би Яков (Жак). — См. письмо XIII и коммент. к нему.

226 «Греция» *Людовика Нонния* — книга «Монеты Греции, или таблицы островов Греции, которые до сих

пор не были известны, по Гольциусу, с примечаниями и объяснениями Людовика Нонния» (Антверпен, 1615).

226 *Аббат ц. Сент-Амбруаз ничего не написал мне...* — Речь идет о планах Рубенса написать серию картин для второй галереи Люксембургского дворца, посвященную жизни короля Генриха IV. Это было пожеланием королевы-матери Марии Медичи, желавшей прославления в картинах Рубенса своего супруга.

227 *Граф* (герцог) *д'Оливарес* — министр Испанского короля.

Рассказ... о дуэлях. — В начале XVII в. во Франции был издан целый ряд указов, запрещающих дуэли под страхом смертной казни и конфискации имущества (эдикт 1623 г. и проч. См. об этом также в коммент. к переводу Ахматовой «Марьон Делорм» В. Гюго).

Письмо LXIX

230 *Барневельт* Ян ван Ольден (1547—1619) — голландский государственный деятель, благодаря которому в 1609 г. заключено перемирие Северных Нидерландов с Испанскими на 12 лет. Это осуществилось вопреки воле штатгальтера Морица Оранского. Барневельт был заключен в тюрьму и обезглавлен.

231 *Легат* — кардинал Фр. Барберини.

Письмо LXX

232 *Недовольные Рубенсом* — то ли его политической позицией, то ли задержкой с выполнением эскизов картин из жизни Генриха IV королева-мать Мария Медичи и

кардинал Ришелье собирались предложить этот заказ другим художникам — кавалеру д'Арпино (Джузеппе Чезаре), Гвидо Рени и др. В результате заказ остался за Рубенсом.

232 *Армяне* — реформаторы, отправшие от господствующей протестантской церкви в Голландии.

Письмо LXXI

233 «*Апологетика*» и «*Увещание*» — два политических трактата, один в защиту договора французского короля, представляющего католичество, с гугенотами, другой против такого договора.

Риго (1577—1654) — французский философ, хранитель королевской библиотеки, автор «Апологетики».

234 *Эти юнцы* — короли Людовик XIII и Филипп IV.

Письмо LXXII

235 *Рисунки для шитых шпалер...* — В 1625 г. Рубенс закончил работу по заказу французского короля над рисунками для серии гобеленов «История Константина Великого». Пейреск, который был посредником между художником и его заказчиками, сообщил Рубенсу мнение знатоков о его рисунках: они восхищались археологической точностью костюмов, но были недовольны тем, что Рубенс изобразил всех своих героев с «кривыми ногами». По рисункам Рубенса было выткано несколько серий гобеленов.

Письмо LXXIII

236 Известия — осуждение парижским Парламентом книги иезуита отца Сантареля, доказывающего, что Папа имеет право смещать государей, еретиков или неспособных. Парижские иезуиты поддержали решение Парламента и отреклись от книги Сантареля.

237 Эдикт, запрещающий дуэли... — новый эдикт 1626 г., в котором суровость наказания определялась в зависимости от исхода дуэли.

Сен-Шапельская камейя — найденная в Сен-Шапели, в Париже, камейя, названная «Апофеоз Августа», атрибутированная позже как изображение похода Германика на Восток.

VII. ПИСЬМА К ДЮПЮИ

Письма к Пьеру Дюпюи (1582—1651), адвокату, библиотечарю и доверенному лицу французского короля, образованнейшему человеку своего времени, автору нескольких трудов политического содержания, написаны в 1626—1630 гг. из Антверпена в Париж.

Письмо LXXIV

238 Речь идет о событиях Тридцатилетней войны: войсках Священной римской империи и ее союзниках, крестьянском восстании под предводительством Стефана Фадингера, умершего от ран 5 июня 1626 г. при осаде императорскими войсками города Линца.

Письмо LXXV

241 ...я потерял превосходную подругу. — Речь идет о смерти первой жены Рубенса, Изабеллы Брант 20 июня 1626 г., вероятно, от чумы, свирепствовавшей в Антверпене в 1626–1629 гг.

Письмо LXXVI

243 *Поэму о Галерее Медичи* написал латинскими стихами Клод Моризо, посвящена она кардиналу Ришелье.

Рея — древняя греческая богиня, титанида, дочь Урана и Геи, мать олимпийских богов — Геры, Аида, Посейдона и Зевса. В период поздней античности отождествлялась с фригийской Великой матерью богов — *Кибелой*.

244 *Граф Генрих Бергский* — Генрих ван Берг, главнокомандующий войсками Испанских Нидерландов, сменивший на этом посту маркиза Спинолу. В дальнейшем возглавил заговор фламандских дворян, хотевших свергнуть испанское владычество и объединиться с Голландией (Северными Нидерландами).

245 *Габор Бетлен* (1580–1629) — потомок старинного венгерского рода, вел борьбу за освобождение Венгрии из-под власти Австрии и династии Габсбургов.

Письмо LXXVII

246 *«Библиотека Топографов Франции», «Декларация Короля»*. — Речь идет о книгах топографов «Библиотека авторов, которые писали об истории и топографии Франции» и «Декларация короля против господина Собиза и других приверженцев партии Англии», изданных в 1627 г. в Париже.

249 *Дон Джованни де Медичи* — архитектор канала для отвода вод Рейна, работа над которым была начата летом 1626 г. План этого строительства принадлежал маркизу Спиноле и ставил своей целью подорвать торговлю Голландии с Германией. Однако идея осуществлена не была.

251 *Отец Петан* — ученый-иезуит.

Гравюры камней — оттиски 1625 г. по рисункам Рубенса для издания гравюр лучших резных камней из собрания художника и других коллекций. Издание не состоялось, было изготовлено лишь восемь гравюр и титульный лист.

Письмо LXXVIII

252 *Гроль, Бреда* — крепости в Северном Брабанте, овладение ими было большим успехом Католической лиги и ослабляло позиции Северных Нидерландов.

253 *Портрет графа де Бикуа* (полководца графа Лонгваля де Бикуа, 1571—1621) — очевидно, гравюра Ворстермана по рисунку Рубенса 1621 г.

Портрет господина маркиза Спинолы с натуры Рубенс написал после взятия крепости Бреда в 1625 г.

Письмо LXXIX

254 *«Письма Филарха против Нарцисса»* — книга отца Гулю, направленная против известного в XVII в. писателя, академика Бальзака (1584—1654), автора сочинений «Христианский Сократ» и др.

255 *Предложения дона Диего Мессиа*, маркиза Леганес, зятя маркиза Спинолы и испанского посланника в Брюсселе, — план 1627 г. совместного нападения на Ан-

глию объединенных сил Франции, Испании и Южных Нидерландов.

Письмо LXXX

255 Речь идет о поездках Рубенса 1629 г. с дипломатическими поручениями в Испанию и Англию.

256 *Остров* — Англия, куда Рубенс прибыл в августе 1629 г.

Селден Иоганн (1584—1654) — английский государственный деятель, знаток античности, автор примечаний к надписям в издании собрания Арундела 1628 г. «*Martona Arundeliana*». Политические пристрастия Селдена, члена Палаты общин и противника единовластия короля, посягающего на права Парламента, не раз приводили его в тюрьму (1621, 1629 гг.)

Письмо LXXXI

258 *Аббат Скалья* — савойский посланник во Франции, предложивший свое посредничество для урегулирования отношений Испании и Англии. Вел борьбу против маркиза Спинолы вплоть до смерти последнего 15 марта 1630 г. См. также письмо XXXVI и коммент. к нему.

Маркиз де Санта Круц сменил Спинолу на посту главнокомандующего войсками Испанских Нидерландов (1628).

259 «*Триумф Короля*» — картина Рубенса «Триумфальный въезд Генриха IV в Париж».

Уильям Шекспир**МАКБЕТ***(Отрывок из III картины I действия)*

261 Впервые опубликован Р.Д. Тименчиком — Timencik R. Achmatova's Macbeth. — Slavic and East European Journal. 1980. Vol. 24. № 4. В России — Тименчик Р.Д. Анна Ахматова. Отрывок из перевода «Макбета» // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 18–21. Был опубликован по черновому автографу из собрания М.С. Лесмана. Набросок относится, по-видимому, к ноябрю-декабрю 1933 г., когда Ахматова, закончившая работу над переводом писем Рубенса, предполагала получить от издательства «Academia» заказ на перевод Шекспира. Отказ от дальнейшей работы над переводом трагедии, по предположению Р.Д. Тименчика, связан с выходом в 1934 г. двух других новых переводов «Макбета» — Сергея Соловьева и Анны Радловой.

ИЗ КНИГИ «РУКОЮ ПУШКИНА»*Джорж Ноэль Гордон Байрон (1788–1824)*

266 *Гяур*. Строки 1–21. Печ. по кн. «Рукою Пушкина». М.; Л., 1935. С. 28–29. Пушкин дословно перевел первые двадцать с половиной строк поэмы Байрона «Гяур», допустив некоторые неточности, — например, спутав английское слово grave — могила с французским la greve — берег: «Ни одного дуновения воздуха, чтобы разбить этот вал, накатывающийся на Афинский берег...». Выписка и перевод были осуществлены Пушкиным, возможно, в 1820 г., это первый из известных ученым переводов поэта. Ахматовой было поручено сделать подстрочный перевод этого отрывка.

Вильям Вордсворт (1770—1850)

267 Экскурсия. Подстрочный перевод строк 1—24 начала поэмы. Печ. по кн. «Рукою Пушкина». С. 91—92.

Бари Корнуол (Проктер Брайан Уоллер; 1787—1874)

Марциан Колонна. Подстрочный перевод отрывка — ч. III, строфа VII. Печ. по кн. «Рукою Пушкина». С. 96.

Александр Сергеевич Пушкин (1799—1837)

ФРАНЦУЗСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Стихотворения, написанные Пушкиным на французском языке в детстве, до поступления в Царскосельский Лицей, и в лицейские годы, печатались неоднократно. Ахматовой (для издания: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Изд. Академии наук СССР, 1937. Т. 1. Лицейские стихотворения) были отредактированы существовавшие до нее русские подстрочные переводы этих стихотворений, а некоторые заново переведены. За основу редакции, по-видимому, были взяты переводы, сделанные другими авторами до начала работы над академическим изданием и помещенные в подготовительном издании 1936 г.: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Стихотворения 1913—1930. В этом томе, подготовленном М.А. Цявловским, авторы подстрочных переводов не обозначены.

Работа по редактированию и переводу выполнена Ахматовой, по-видимому, в начале 1935 г., — 7 апреля 1935 г. том был сдан в набор, 9 февраля 1937 г. подписан в печать.

268 **Мой портрет.** Стихотворение «Mon portrait» написано Пушкиным в 1814 г. Перевод (до-ахматовский) в издании 1936 г.:

Вы просите, чтобы я написал свой портрет
И притом с натуры.
Дорогой мой, его не долго сделать.
Правда — в виде миниатюры.

Я — молодой шалун,
Еще на школьной скамье;
Отнюдь не глуп, скажу без жеманства
И приторных ужимок.

Никогда не было болтуна,
Ни доктора Сорбонны
Несносней и крикливей,
Чем моя особа.

Рост мой с самыми долговязыми
Не может сравниться;
Я свеж лицом, у меня русые волосы
И курчавая голова.

Люблю я свет, и его шум,
Ненавижу одиночество;
Гнушаюсь распрями и ссорами,
А малость и науками.

Спектакли, балы мне весьма по вкусу.
И если говорить начистоту,
Сказал бы я, что еще люблю,
Когда бы не был в Лицее.

По всему этому, дорогой мой друг,
Легко меня узнать.
Да! Каким господь меня создал,
Я и хочу всегда казаться.

Суший бес и проказник,
 Сушая мартышка лицом,
 Много, слишком много ветрености —
 Вот вам Пушкин.

Ахматовой переведены также варианты французского текста этого стихотворения: строка 9—10: Да! не было болтуна / Ни доктора Сорбонны, 14: Увы, не равняется, 24—25: Если бы я не был в Лицее. / По всему этому, мой милый друг.

В последующих научных изданиях Пушкина, восходящих к тексту т. 1 академического издания, французские подстрочные переводы многократно редактировались, имя Ахматовой не упоминалось.

270 Кж. В.М. Волконской. Шуточное французское четверостишие Пушкина приведено в воспоминаниях М.И. Жихарева, по-видимому, неточно, с нарушениями правил французского стиха. Обращено к фрейлине Варваре Михайловне Волконской, за горничной которой Натальей ухаживал лицеист Пушкин и, приняв ее за Наталью, поцеловал в темном коридоре. Перевод в издании 1936 г.:

Mademoiselle! Вас отлично можно
 Принять за сводню,
 Либо за старую шкуру,
 Но за грацию — конечно, нет.

270 Куплеты. Французские куплеты написаны Пушкиным для исполнения на вечере у лицеистского преподавателя музыки Тешер де Фергюссона. Перевод в издании 1936 г.:

Когда поэт в порыве восторга
Читает оду или мадригал,
Когда рассказчик плетет слово за словом,
Или когда слушаешь попугая,
Не находя чему посмеяться,
Дремлешь, позевываешь в платок
И только ждешь, когда можно будет сказать:
«До приятного свиданья».

Но наедине с возлюбленной
Или в кругу людей с умом
Возвращается истинное счастье.
Снова бываешь доволен, поешь, смеешься.
Длите ваши мирные ночные досуги
И, когда вечер подойдет к концу,
Пойте друзьям, пойте бутылкам:
«До приятного свиданья».

Друзья, преходяща жизнь,
И все утекает с временем!
Летуча и сама любовь,
Птица наших весенних дней;
Слишком рано исчезает она, смеясь украдкой,
И навсегда — прости, надежда!
Уж не скажешь, как упорхнет:
«До приятного свиданья».

Время уносится, печально и жестоко,
И рано ли, поздно ли — мы все пойдем на небо:
Бывает, и даже часто,
Случай нас спасает от гроба,
Удаляются полчища мук,
И ужасный, черный скелет
Уходит стучаться в другие двери:
«До приятного свиданья».

Но что? Я чувствую, что утомился,
 Утомив и любезных слушателей.
 Итак, я схожу с Парнаса,
 Не для певцов он создан.
 Вдохновляюсь я на одни куплеты,
 В моей власти только припев,
 Довольно... прости, перо!
 «До приятного свиданья».

Ахматова перевела для т. 1 также варианты французского текста этих куплетов: строка 13: Длите эти мирные бдения, 23: Когда она упорхнет, не скажешь более, 32: Нашим, 37—38: На мгновенье я вдохновляюсь, У меня власть лишь над двумя куплетами.

Даниэл Варужан

Варужан Даниэл (1884—1915) родился в Западной Армении, учился в Венеции и Бельгии, писать начал с 1904 г. Он выпустил несколько сборников стихов — «Погром» (1908), «Сердце племени» (1909), «Языческие песни» (1912). Книга «Песня хлеба» вышла посмертно в 1921 г. Варужан был арестован 11 апреля 1915 г. и через два дня, 13 апреля, убит без суда и следствия. Его стихи, проникнутые болью за судьбу армянского народа, патриотизмом и сочувствием к человеку, были известны в России. Валерий Брюсов включил их в свою антологию «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» (М., 1916). Стихи Варужана предполагалось включить и в антологию армянской поэзии, которая готовилась в начале 1930-х годов под редакцией М. Горького. Уже были собраны и переведены тексты, оформление книги выполнено выдающимся армянским графиком и живописцем Акопом Коджояном. Но книга была задержана, состав ее пересмотр-

рен, и она вышла лишь в 1940 г. под редакцией С.С. Арутюняна и В.Я. Кирпотина. Перевод Ахматовой в антологию включен не был.

272 Первый грех. Впервые — Звезда. 1936. № 7. С. 3—4. Поэты Армении. Л.: Сов. писатель, 1979. Б-ка поэта, малая серия. С. 323—335. Позже был включен в кн. «Армянские поэты нового времени». 1983. С. 338. Б-ка поэта, большая серия.

Легенда о «первом грехе» — убийстве девой, соблазненной Духом зла, ее любимого синеглазого козленка (или младенца, брата и пр.) во имя счастья, — является вариацией всемирно распространенного сюжета. Ахматова размышляла над ним в связи с образами «Фауста» Гёте, позже — споря при встрече в 1941 г. с М.И. Цветаевой о ее поэме-сказке «Молодец» (1922).

Егише Чаренц

Чаренц Егише (псевд., наст. фам. Согомонян Егише Абгарович; 1897—1937), армянский поэт, публицист, автор мемуаров. Он начинал в русле символизма Блока, его первый поэтический сборник — «Три песни печально-бледной девушки» (1914) и последующие — исполнены гражданской скорби и тревожного ожидания грядущего. Какое-то время он был увлечен революционной героиней, отдал должное теме Ленина, в советские годы вел большую организаторскую работу среди армянских писателей, много переводил — Пушкина, Маяковского, Горького, Гёте, Верхарна, Уитмена, писал статьи об армянских поэтах. В книгах Чаренца 1930-х годов преобладают философские и нравственные раздумья, темы народности, роли личности в истории и современности. В 1934 г. на русском языке начали

готовить сборник избранного в Гослитиздате, в который должны были войти и переводы Ахматовой. Но в связи с арестом поэта в 1937 г. и его смертью книга не вышла. Переводы Ахматовой из Чаренца печатались в кн.: Чаренц Е. Избранное. М.: Гослитиздат, 1956; Антология армянской советской литературы. Ереван, 1957; Чаренц Е. Поэмы и баллады. Ереван, 1960, и др.

277 Газелла моей матери. Впервые — газ. «Литературный Ленинград». 1936. 29 сент. Под загл. «Моей матери». Пер. 1936 г.

Тут — тутовое дерево, шелковица.

278 В подвале Зимнего дворца. Впервые — Е. Чаренц. Избранное. М.: Гослитиздат, 1956. Пер. 1936 г.

281 Гимн любви, посвященный отважным юношам будущего. Впервые — газ. «Коммунист». Ереван. 1956. 13 мая; «Комсомольская правда». 1957. 29 сент.

283 Наш язык. Т.Э. Хзмаян, сопоставляя текст Чаренца с текстом перевода Ахматовой, находит ее перевод «поразительно точным», хотя и отмечает воздействие образной системы Мандельштама, например: 1-я строка подлинника: «Наш язык — гибкий и варварский (языческий)...» У Ахматовой: «Дикий наш язык и непокорный...» У Мандельштама: «Дикая кошка — армянская речь...».

Станислав Балинский

Польский поэт Станислав Балинский (1899–1984), жил в эмиграции: с 1940 г. он находился во Франции, с 1942 г. в Англии. В готовящуюся в Ташкенте в 1942 г. книгу стихов польских поэтов было включено шесть сти-

хотворений Балинского: кроме «Варшавской колядки» в переводе Ахматовой — «Вторая родина» («Во Франции было сонно...») в переводе Л. Пеньковского, «Последняя мелодия 1940» («Когда весь в розах, уж ненужных...»), «Баллада о двух свечах» («Я обращаюсь к ксендзу...») и «Избавление» («Там, где людские руки из облаков бросают...») в переводе А. Эфроса, «Отчизна Шопена» («О, как дивно-прекрасна была эта странная дама!...») в переводе Н. Ашукина. Подстрочный перевод польского текста «Варшавской колядки 1939 года»:

О, Матерь Божья, отложи День Рожденья (Рождество)
 На иное время.
 Пусть не видят очи Создателя,
 Как угнетают нас.

Пусть Сын родится
 Под другими звездами,
 А не у нас, не среди мучений
 Варшавской земли. <...>

А если ты всё же решишь
 Родить сына среди варшавских пепелищ,
 То лучше сразу после рождения
 Отправь его на распятие.

285 Варшавская колядка 1939 года. Впервые — Знамя. 1998. № 7, публикация Евг. Ефимова.

Эди Огнецвет

Огнецвет Эди (наст. фамилия — Каган Эди Семеновна, род. 1916) — поэтесса и автор либретто детских опер, ею изданы сборники стихов «Мое поколение» (1935), «Стихи» (1938), «На берегу Волги» (1940), «Мой род-

ной край» (1945), «Дорога в будущее» (1949) и др. В русском переводе — «Другу на фронт» (Ташкент, 1942), «Васильки» (М., 1948), «Песня о пионерском флаге» (М., 1951) и др.

287 **Узбекское небо.** Впервые — Звезда. 1946. № 4. С. 58. Пер. с белорусского.

Омар Хайям

Хайям Омар (ок. 1040 — 1123) — великий таджикский поэт, классик персидской литературы, математик, философ. Писал на персидском языке. Знаменит своими философскими четверостишиями — рубаи.

288 «Если пьешь ты вино, только с умным дели его, друг...» — Впервые в статье С.А. Сомовой: Анна Ахматова в Ташкенте // Воспоминания об Анне Ахматовой. М.: Сов. писатель, 1991. С. 373. Светлана Александровна Сомова — поэтесса, переводчик, литературный консультант Союза писателей Ташкента.

А.Н. Радищев

ПИСЬМА ИЗ ССЫЛКИ К ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ РОМАНОВИЧУ ВОРОНЦОВУ

Перевод Ахматовой впервые в кн.: Радищев А.Н. Избранные сочинения. М.: ГИХЛ, 1949; 2-е изд. — М.: ГИХЛ, 1952. Подгот. текста и вступ. статья Г.П. Макогоненко, примеч. к разделу «Письма из ссылки» Н.В. Алексеевой. В издании 1949 г. имя Ахматовой не названо.

Анне Ахматовой принадлежит перевод французского текста 44 писем и нескольких абзацев в двух русских письмах Александра Николаевича Радищева (1749–1802) графу Александру Романовичу Воронцову (1741–1805),

крупному государственному деятелю России XVIII в., стоявшему в оппозиции по отношению к императрице Екатерине II. С 1773 г. граф Воронцов был президентом Коммерц-коллегии, с 1777 г. Радищев служил под его началом. После выхода «Путешествия из Петербурга в Москву» и последующих репрессий Радищева (в 1790 г. сослан в Сибирь) Воронцов, даже будучи не согласен с радикальными выводами Радищева, сделал все для облегчения его участи: снабжал его деньгами и книгами, заботился о хорошем отношении к ссыльному сибирской администрации.

До появления перевода Анны Ахматовой письма Радищева, написанные по-французски, использовались в научных исследованиях ученых, занимавшихся его творчеством, лишь в виде небольших отрывков. Так, в «Истории русской литературы», т. IV, изд. Академии наук СССР, М.; Л., 1947, автор главы X, посвященной А.Н. Радищеву, Григорий Александрович Гуковский приводил отрывки из этих писем либо в собственном переводе, либо в переводе Я.Л. Барскова, — ср., например, отрывок письма Радищева от 24 июня 1791 г. в переводе Барскова с соответствующим переводом Ахматовой (с. 299):

«Какая богатая своими естественными произведениями страна эта Сибирь! Какая мощная страна! Нужны еще века, — но когда она будет населена, она предназначена играть со временем великую роль в летописях мира. Когда могучая сила, когда непреодолимая причина придаст благотворную активность закосневшим народностям этих мест, тогда еще увидят, как потомки товарищей Ермака будут искать и откроют себе путь через льды Северного океана, сльвущие непроходимыми, поставя таким образом Сибирь в непосредственную связь с Европой, выведут земледелие этой необъятной страны из состояния застоя, в котором оно находится; ибо по справкам, которые я имею об устьях Оби, о заливе, который русские называют Карским морем, о проливе у Вай-

гача, в этих местах можно легко проложить себе короткий и свободный от льдов путь. Если бы я должен был влачить свое существование в этой губернии, я охотно вызвался бы найти этот проход, несмотря на все затруднения, обычные в такого рода предприятиях» (подлинник по-французски. История русской литературы. Т. IV. С. 550.). При сравнении этого перевода, достаточно точно передающего смысл французского оригинала, с ахматовским — «Что за богатый край сия Сибирь, что за мощный край!..» и далее — отчетливо видна большая стилистическая стройность ахматовского текста, более удачный выбор значений переводимых слов (*сельское хозяйство* вместо *земледелие*, *опасности* вместо *затруднения* и т. д.).

<1>

291 *Мой добрый друг, моя сестра* — Елизавета Васильевна Рубановская, сестра покойной жены Радищева, Анны Васильевны (ум. в 1783 г.). После смерти сестры воспитывала четверых детей Радищева, последовала за ним в Сибирь, где стала его женой. Умерла на обратном пути из Сибири, в Тобольске, в 1797 г.

Двое моих малолетних детей — Павел 8 лет и Екатерина 9 лет.

Брат — Моисей Николаевич Радищев.

292 *«Путешествие Лессепа»* — сочинение барона Жана Батиста Бартелеми Лессепа (1766–1834), в котором говорится о его участии в научной экспедиции Лаперуза на Камчатку и в Сибирь в 1787–1788 гг. Издано в Париже в 1790 г. Радищев просил о доставке ему именно этого французского издания. Русский перевод — «Путешествие Лессепова по Камчатке и по южной стороне

Сибири» вышел в 1801–1802 гг., перевод его приписывали Радищеву.

292 «*Физико-экономическая библиотека* поучительная и занимательная» — энциклопедия практических знаний на французском языке, издавалась в Париже А.А. Пармантье и Н. Дейсом.

293 *Готский, Геттингенский и Берлинский альманахи* — ежегодники на французском и немецком языках, заключающие в себе сведения о важнейших событиях протекшего года, научные статьи по вопросам дипломатии, статистики, торговли и биржевых операций, анекдоты из жизни знаменитых людей и пр.

Два моих старших... — сыновья Радищева Василий и Николай, продолжавшие образование под руководством своего дяди, М.Н. Радищева, советника Архангельской таможни, и регулярно отчитывавшиеся в письмах к графу Воронцову о своих успехах в науках.

Панглосс — герой романа Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1759), сохранявший веру в то, что «все к лучшему в этом лучшем из миров», несмотря на все злоключения и болезни. Герой Вольтера и его высказывание были чрезвычайно популярны в России в конце XVIII — начале XIX вв.

...сделать нечто для образования моих старших. — Возможно, речь идет о трактате Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии» 1792 г., посвященном старшим детям писателя.

<2>

294 *Место назначения* — город Илимск.

295 «Мемуары Вагнера» — сочинение Иоганна Людвиг Вагнера, почт-директора в г. Пилаве и прусского шпиона, приговоренного Россией к смертной казни, замененной ссылкой в Сибирь. Его мемуары были изданы в Берлине в 1789 г. под заглавием: «Участь Иоганна-Людвиг Вагнера, испытанная им во время государственной его ссылки русскими от 1759 до 1763 года, описанная им самим, с присовокуплением дополнительных сведений и наблюдений в Сибири и царстве Казанском». Радищев читал их во французском (неполном) переиздании 1790 г.

«Сорванные маски» — книга Дандело-старшего «Сорванная маска, или Мое мнение против Талейрана-Перигор, еще министра внешних отношений!!!».

«Жизнь Верженна» г. Майера — сочинения М. Майера «Общественная и частная жизнь Шарля-Гравье графа Верженна» (Париж, 1789) и «Портрет графа Верженна» (Льеж, 1788). *Верженн Шарль Гравье* (1717—1787) — дипломат Франции периода абсолютизма, министр иностранных дел, глава совета финансов и государственный секретарь при Людовике XVI.

«Энциклопедический, или Всеобщий журнал» — издававшийся с 1756 г в Льеже, затем в Булони, один из наиболее содержательных французских журналов XVIII в., близких «энциклопедистам». Отражал события времени Великой французской революции, публиковал подробные рецензии на книги и брошюры политического содержания. Сведения о многих книгах, которые обсуждал Радищев в письмах к графу Воронцову, он почерпнул из статей в этом французском журнале.

<3>

296 ...мы, наконец, совершенно готовы... — Речь идет о продолжении путешествия Радищева и его семьи к месту ссылки через Иркутск в Илимск.

<4>

299...*Стерн называет «путешественниками поневоле»*... — Стерн Лоренс (1713—1768), английский писатель, автор «Сентиментального путешествия по Франции и Италии» (1768). От имени своего героя Стерн предлагал деление путешествующих на несколько категорий: путешествующие по причине недуга тела, немощи духа или непреложной необходимости. Третья категория включает в себя «мучеников странствования», среди которых в первую очередь — преступники, путешествующие под присмотром «гувернеров, приставленных к ним административными властями». Радищев читал книгу по-французски, первый русский перевод вышел в 1793 г.

<5>

300 Остановка в Томске по пути из Тобольска в Иркутск была вынужденной, из-за болезни Е.В. Рубановской (зубная боль).

<7>

304 Шелехов Григорий Иванович (1747—1795) — крупный купец и путешественник, владелец нескольких кораблей и руководитель экспедиций с целью открытия новых островов на Тихом океане, основатель Российско-Американской компании. Описание его путешествия — «Российского купца именитого рыльского гражданина Григория Шелехова первое странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному океану к американским берегам, с обстоятельным уведомлением об открытии новообретенных им островов Кыктака и Афагнака и прочее с чертежами и со изображением самого морехода и наблюдаемых им диких людей» (СПб., 1791).

305 Полковник Бентам — сподвижник Шелехова, давший ему сто солдат для защиты и охраны вновь открытых им островов.

306 Несчастные личности — ссыльные.

Цыфиркины и кутейкины — нарицательные имена, взятые из комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» (Цыфиркин — отставной сержант, Кутейкин — семинарист).

307 Честолюбец какой-нибудь Александр — Александр Македонский.

Гельвеций Клод Адриан (1715—1771) — французский философ-материалист. Слова Гельвеция, которые неточно цитирует Радищев, — из книги «Об уме»: «Люди становятся тупыми, когда они перестают быть охвачены страстью».

«Жизнь Базедова» — книга Майера «Характер и сочинения Базедова», вышедшая в Гамбурге в 1791 г. на немецком языке. Базедов Иоганн Бернгардт (1723—1790) — немецкий педагог, автор популярной в XVIII в. теории воспитания и реформатор школьного образования. О вопросах воспитания в понимании Ж.Ж. Руссо Радищев говорит в своем трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» 1792 г.

Грослей Пьер Жан (1718—1785) — французский писатель. Радищев имеет в виду книгу «Жизнь Грослея написанная частью им самим, продолженная и опубликованная аббатом Мейдьё, посвященная незнакомцу» (Париж, 1787). Книга на французском языке, Грослею принадлежат в ней первые 144 страницы.

308 Генерал-губернатор — Пиль Иван Афанасьевич, с 1789 по 1794 г. генерал-губернатор Иркутский и Колыванский. Через Пиля, зависящего от графа Воронцо-

ва и нуждавшегося в его покровительстве, Радищев получал письма, посылки и деньги от Воронцова и письма от родных и друзей.

309 *Здесьшний вице-губернатор* — Андрей Сидорович Михайлов. С этим же вице-губернатором Радищев посылал письма своему другу, масону А.М. Кутузову, в Берлин.

<10>

312 *Госпожа Ржевская* — Глафира Ивановна, урожд. Алымова, жена сенатора М.П. Ржевского, воспитывалась в Смольном монастыре с Е.В. Рубановской. Переписывалась с нею, посылала ей в Сибирь вещи, заботилась о старших детях Радищева.

<12>

314 *Лаксман Эрик* (1737—1796) — академик и путешественник, специалист в области экономики и химии, естествоиспытатель, знаток флоры и минеральных богатств Сибири и озера Байкал.

317 *Русская книга*, о присылке которой просит Радищев, — «Открытие сокровенных художеств, служащих для фабрикантов, художников, мастеровых людей и для экономики», перевел с немецкого Михайло Агентов совместно со студентом Иваном Гавриловым (М., 1768—1771). Не раз переиздавалась, 3-е изд. — 1790 г.

Немецкая книга «Природная магия» Галена — возможно, книга по медицине римского врача и естествоиспытателя Клавдия Галена.

«Химический словарь» Макэра — «Начальные основания умозрительной и деятельной химии» (пер. с фр.

Козьмы Флоринского. СПб., 1774—1775, 2-е изд. — 1791), или «Магазин натуральной истории, химии и физики, или полное собрание материй, принадлежащих к сим наукам...», почерпнуто из сочинений Макера, Бомара и Сиго де ля Фон, в 10 частях (М., 1788—1790). Периодическое издание, выходившее как приложение к «Московским ведомостям», содержало также сведения «по врачебной науке». Во время пребывания в Илимске Радищев учил своих сыновей истории, географии, языкам немецкому и французскому, лечил местных жителей. В Лейпциге Радищев пять лет изучал медицину, хотя не считал себя профессиональным врачом. Лекарствами его снабжал граф Воронцов.

320 Племянники — два сына сестры Радищева, Марии Николаевны Аблязовой, и Петра Евграфовича Аблязова (ум. в 1782 г.). Они вернулись в Россию после усовершенствования в науках в Лейдене и Лозанне.

<13>

322 Маленькие альманахи — выпуски «Готского альманаха», научно-популярного энциклопедического издания на немецком и французском языках, иллюстрированного большим количеством гравюр.

323 Я могу стать счастливым человеком по Руссо и пойти на четвереньках. — Одно из основных положений философии Ж.Ж. Руссо, выраженное им в «Рассуждении о начале и основании неравенства между людьми» — восхваление естественного состояния человечества до развития цивилизации.

Наставник в развитии чувствительности... — Радищев, много думавший над проблемами воспитания своих детей и юношества вообще, имеет в виду роман-трактат Руссо

«Эмиль, или О воспитании», где, в частности, показаны нежные чувства молодых людей Эмиля и Софи, а также роман в письмах «Юлия, или Новая Элоиза» (1761). Осуждения тщеславия и честолюбия Руссо, возможно, основаны на его «Исповеди», самом знаменитом сочинении философа, где он подвергает беспощадному анализу свой характер.

323 *Был другим псом-Диогеном.* — Радищев осуждает Руссо за эгоцентризм и самоуглубление и сравнивает его с древнегреческим философом Диогеном, который, по преданию, жил в бочке, как пес, отказывался от земных благ и на предложение Александра Македонского просить у него все, что тот захочет, ответил: «Посторонись от солнца, которое ты мне заградил».

324 *Путешествия Штеллера и Гмелина.* — Штеллер (Стеллер) Георг Вильгельм (1709—1746), естествоиспытатель, путешественник, прославившийся исследованиями Сибири и Камчатки. Книга Стеллера «Описание земли Камчатки» вышла на немецком языке в 1774 г. Гмелин Иоганн Георг (1709—1755) — профессор естествознания и химии, совершивший ряд экспедиций в Сибирь и на Камчатку. Им изданы книги «Сибирская флора, или История сибирской растительности» (4 т., 1774—1769, на лат. яз.) и «Путешествие по Сибири» (на фр. яз.).

<15>

326 Речь идет о книгах И.Г. Георги «Описание Российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга» (1790, на нем. яз.; рус. пер. 1794) и И.Ф. Германа «Статистическое описание Российского государства с вниманием на население, свойства страны и торговлю», на нем. яз. издана в С.-Петербурге и Лейпциге в 1790 г.

327 *Георги* Иоганн Готлиб (1729–1802) — профессор естествознания и химии, участник и руководитель многих научных экспедиций по России, в том числе по Сибири, описанных им в книге «Путешествие по различным провинциям Российского государства» (1771–1777), автор записок о Японии и первого этнографического атласа — описания народов, населяющих Россию.

Герман И. Ф. — академик, специалист по технологии, химии и минералогии, автор работ о рудниках в Сибири и на Урале. Одна из его книг — «Опыт минералогического описания Уральских рудных гор» — издана в Берлине и Штеттине в 1789 г.

328 *Ренованц* Иван Михайлович (1744–1798) — член-корреспондент Академии наук, инспектор Горного училища, автор книги «Минералогические, географические и другие смешанные известия о Алтайских горах, принадлежащих к Российскому владению», издана на нем. яз. в Ревеле и Фрейберге (1788, 1789), переведена на русский В.М. Севергиным в 1792 г.

Фальк Иоганн Петр (1727–1774) — естествоиспытатель и доктор медицины, директор Ботанического сада в Санкт-Петербурге. Результатом его экспедиции в Приуральские степи явилась книга на нем. яз., изданная после его смерти Георги и Лаксманом в 1785–1786 гг. «Данные к топографическому познанию Российского государства».

Гольденштедт Иоанн Антон (1745–1781) — академик, естествоиспытатель. Радищев имеет в виду его книгу «Путешествие по России и в Кавказских горах», изданную после его смерти Палласом в 1787 и 1791 гг.

<16>

329 Покойная сестра — Елизавета Романовна Полянская (1739—1792), урожденная графиня Воронцова, фаворитка Петра III.

331 Мир с турками есть событие... — 29 декабря 1791 г. в Яссах был заключен мир в результате второй при Екатерине войны России с Турцией. По Ясскому миру России были «навсегда» возвращены Крым и Черноморское побережье от Бессарабии до Кавказа. Первая война с Турцией была в 1768—1774 гг. и закончилась Кучук-Кайнарджийским миром, по которому Россия получила Керчь-Еникале, Азов и Кинбурн, а также равные права с англичанами и французами для русских кораблей в турецких водах.

Карфаген был разрушен во время Третьей Пунической войны. — В 146 г. до н.э. римлянами.

Французский посол — граф де Прие Франсуа Эммануил Гиньяр (1735—1821), был послом в Константинополе в 1768—1785 гг.

Неккер Жак (1732—1804) — французский государственный деятель, банкир, министр финансов, первый министр Людовика XVI в 1776—1781 гг. Путем реформ и лавирования пытался предотвратить назревающую революцию во Франции.

<17>

333 Линней Карл (1707—1778) — крупнейший шведский естествоиспытатель, ботаник, классификатор растений. Его фундаментальные работы, выдержавшие огромное число изданий, — «Система природы» и «Основы ботаники».

<18>

334 *...боязнь... следует за нами неотступно.* — Неточная цитата из оды I книги 3 Квинта Горация Флакка. Эту фразу — «печаль следует за мной по пятам» — Радищев цитирует также в письме от июня 1794 г. (см. с. 348).

<19>

340 *Я начал стронться.* — Новый дом из восьми комнат Радищев построил на свои средства, собранные с помощью графа Воронцова, взамен ветхого «воеводского» дома. Он был готов к ноябрю 1793 г.

<20>

341 *Повышение по службе моего брата* — М.Н. Радищева, архангельского чиновника, получившего чин коллежского советника.

342 *Зобы на шейках моих детей.* — Заболевание щитовидной железы у детей было вызвано употреблением горной ключевой воды. Как только ее исключили из употребления, опухоли стали постепенно уменьшаться и в конце концов исчезли.

<21>

343 Соображения о торговле с китайцами сформулированы Радищевым в статье «Письмо о китайском торге».

345 *Лакедемоняне были ворами.* — Лакедемоняне — жители древнегреческого военно-общинного рабовладельческого государства Лакедемон (Спарта) на юге Пеллопоннеса. Полноправными членами государственной общины были немногие спартиаты, занимавшиеся только военными упражнениями и войнами; заниматься ремеслами, торговлей или земледельческим трудом им запрещалось.

Военные грабежи и военная добыча поощрялись как проявление воинской доблести.

<22>

347 Отец... ослеп. — Николай Афанасьевич Радищев, живший в своем родовом имении Аблязово (Преображенское) Саратовской губернии, был к этому времени тяжело болен и разорен. Мать Радищева, Феклу Степановну, разбил паралич после известия о суде над сыном и его высылке. Финансовые дела отца были крайне запутаны, большую часть принадлежавших ему деревень отец передал во владение своим детям, в том числе и А.Н. Радищеву и его детям от первого брака.

Дети в Петербурге одни... — В феврале 1794 г. два старших сына Радищева приехали из Архангельска, где они воспитывались в доме своего дяди, М.Н. Радищева, в Петербург для поступления на военную службу.

Ах, сколь редко наши последние дни бывают ясны! — Эту фразу, сказанную «одним знаменитым поэтом», или «истину, возвещенную знаменитым французом, автором трагедий», Радищев повторяет в письме от 23 марта 1798 г. Фраза является «общим местом», восходящим к античным философам-стоикам. Она содержится в «Письме к Луцию» Сенеки, ее цитирует Монтень: «Последний день жизни — самый главный день, и он редко бывает ясным».

348 ...печаль, по выражению латинского поэта, следует за мною по пятам. — Цитата из оды I книги III Квинта Горация Флакка («Страхи и призраки несутся за человеком по пятам, тяжелая дума (печаль) не покидает триремы вместе с плывущим, садится за спиной всадника»).

<23>

350 Генерал-губернатор решился покинуть свое место. — Генерал-губернатор И.А. Пиль после его насто-

ятельных просьб вышел в отставку в декабре 1794 г. по состоянию здоровья и уехал из Сибири в январе 1795 г. Поскольку все сношения с родными и друзьями шли через него, то Радищев опасался предстоящих трудностей. Эти опасения оправдались, после отъезда Пиля илимская администрация ужесточила условия жизни ссыльного и практически прекратила его связь со столицами. В последующих письмах Радищев подчеркивает грубость и коварство местных властей при перлюстрации его писем и невозможность отправки их обычной почтой.

351 ...увиджу ли я моих детей? — Свидание Радищева со старшими сыновьями в Сибири не состоялось, так как граф Воронцов нашел опасным для них подавать об этом прошение императрице Екатерине II. Он увидел их в 1797 г., когда, после смерти Екатерины, Павел I смягчил участь ссыльного и разрешил ему вернуться в одно из родовых имений Европейской части России.

<26>

354 Покойный король прусский — Фридрих II, умерший в 1786 г.

355 ...остатка моих долгов... — При разделе имущества между детьми Н.А. Радищев не признал второго брака сына и троих его детей, матерью которых была Е.В. Рубановская. Из воспоминаний сына Радищева от первого брака, Павла Александровича Радищева, известно, что Е.В. Рубановская еще в 1790 г. пожертвовала своим состоянием, чтобы облегчить участь арестованного, спасти его от пыток и истязаний С.И. Шешковского, которому отдала все свои бриллианты. Она продала дачу на Петровском острове и часть причитающегося ей наследственного дома в Луговой Миллионной, чтобы расплатиться с частью долгов Радищева, привезти к нему детей и обеспечить ему более или менее сносную жизнь в Илимске.

<27>

355 *Сие письмо доставит до Иркутска моя сестра.* — Речь в этом письме идет о невыносимых притеснениях семьи ссыльного со стороны илимской администрации — заседателей, исправников и пр., вымогавших взятки, грозящих тюремным заключением. Письмо об этом было доставлено Е.В. Рубановской лично иркутскому губернатору Л.Т. Нагелю, через него получил известия о притеснениях Радищева граф Воронцов. После их вмешательства притеснения прекратились, и с февраля 1796 г. восстановилась связь Радищева с родственниками и друзьями.

356 *Сын* — Павел Александрович Радищев.

Даль Герман Юрьевич (ум. в 1789 г.) — директор таможи, сначала в Риге, затем в Петербурге, под началом которого Радищев служил с 1780 г., а затем, после отставки Даля, занял его место.

357 *Директор* Кяхтинской торговли — Петр Дмитриевич Вонифантьев.

<29>

360 *Милостивый приказ, снявший с меня оковы в Новгороде.* — В июле-августе 1790 г. Радищеву был вынесен и утвержден Сенатом смертный приговор. 4 сентября указом Екатерины смертная казнь была заменена десятилетним пребыванием в Илимском остроге, и 8 сентября Радищев был отправлен из Санкт-Петербурга в ссылку в оковах. По ходатайству графа Воронцова оковы были сняты на первой остановке, в Новгороде.

<30>

361 *Император начал свое царствование благоденствиями.* — Екатерина II умерла 6 ноября 1796 г. Павел I

вступил на престол 7 ноября. Первые его указы — об отмене чрезвычайного иркутского набора по десять человек с тысячи и о предоставлении права заключенным и сосланным подавать апелляции на несправедливые решения присутственных мест, а также частным лицам посылать прошения на имя царя. В день вступления на престол по приказу Павла I был послан запрос иркутскому губернатору Нагелю о поведении Радищева в ссылке. 27 ноября был подписан указ об освобождении Радищева из илимской ссылки с обязательным проживанием под надзором полиции в своих деревнях.

<31>

362 Я возвращаюсь в Россию, чтобы жить в своем поместье. — В деревне Немцово Малоярославского уезда Калужской губернии («в ста верстах от Москвы»), выделенной Радищеву отцом при разделе имений между детьми.

Я здесь один. — Получив известие об освобождении, посланное из Иркутска губернатором Л.Т. Нагелем с курьером, Радищев немедленно отправился в Иркутск, где 25 января получил все документы и «прогоны» на дорогу до Немцова.

363 Я непременно выезжаю завтра. — Обратно в Илимск, чтобы забрать семью и распродать и раздать имущество. Семья Радищевых выехала из Илимска 20 февраля 1797 г. — «при стечении всех илимских жителей в 3 часа пополудни». Об этих событиях и о путешествии из Илимска Радищев писал в «Дневнике путешествия из Сибири».

<32>

364 Я не смею свернуть с пути. — Радищева в поездке сопровождал фельдъегерь, т.е. он еще не был свободен и не имел права отклоняться от назначенного ему маршрута, поэтому он не смог навестить отца в его саратовском имении. Графа Разумовского Радищев навестил по дороге из Нижнего Новгорода в Москву в его селе Андреевском.

<33>

364 Роковая потеря — смерть Е.В. Рубановской, простудившейся во время переезда семьи от Иркутска до Тобольска, умершей в Тобольске 7 апреля 1797 г. На руках Радищева осталось трое малолетних детей — 1792, 1795 и 1796 года рождения.

365 О, как бы я хотел поехать к моему старику отцу! — На такую поездку Радищеву, по-прежнему оставшемуся ссыльным, нужно было специальное разрешение, получив которое он смог навестить отца лишь в марте 1798 г.

Поселяне для меня тоже новый народ. — Сравнение характеров и быта крепостных и свободных народов Сибири проводилось Радищевым неоднократно, см., например, «Описание моего владения» и др.

<34>

366 Феб, выходявший весь в сиянии из лона Амфитриты... — Здесь имеется в виду восход солнца над морем. Феб (Аполлон), в греческой мифологии бог солнца и света, покровитель искусств, Амфитрита — морская нимфа, жена бога морей Посейдона.

Нарышкин Алексей Васильевич (1742—1800) — бывший государственный деятель, сподвижник графа Во-

ронцова, поэт и переводчик. Переводил, в частности, в 1760-е годы французскую «Энциклопедию».

366 Гончаров Афанасий Николаевич (1760—1832) — внук богатого калужского купца, основателя полотняного и бумажного завода в Калужской губернии. В 1789 г. получил от Екатерины II потомственное дворянство. Дед Натальи Николаевны Гончаровой (Пушкиной).

Янов Сергей Николаевич — приятель детства Радищева. Был послан, как и Радищев, в 1766 г. в числе шести пажей в Лейпцигский университет, где проявил блестящие способности. Десять лет служил на дипломатическом поприще, в 1782 г. был послан в Тобольск директором экономики казенной палаты. Возможно, ему посвящено произведение Радищева 1782 г. «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске».

367 Прекрасная ода Горация — второй эпод Квинта Горация Флакка «На Альфия», в котором поэт прославляет радости сельской жизни. Радищев называет его по первым словам оды — «Блажен тот...».

368 Старший из моих гренадеров. — Старшие сыновья Радищева Василий и Николай служили в Малороссийском гренадерском полку, расквартированном в Киеве.

<35>

369 Пушкины — Михаил Алексеевич и Сергей Алексеевич, приговоренные в 1772 г. за подделку ассигнаций к смертной казни, замененной для Сергея заточением в Соловецкий монастырь, где он умер, а для Михаила высылкой в Сибирь, куда за ним последовала жена, урожденная княжна Волконская. Видимо, речь идет о третьем, «младшем» брате умершего в Тобольске Михаила.

<36>

369 *Письмо... получено мною лишь сегодня.* — Задержка писем объяснялась тем, что по приказу Павла I о тайном надзоре за Радищевым его корреспонденция в нераспечатанном виде доставлялась московскому почт-директору И.Б. Пестелю и копии со всех писем доставлялись лично Павлу I.

370 *...получили отставку.* — Старшие сыновья Радищева вышли в отставку 30 октября 1797 г.

Княгиня Дашкова — Екатерина Романовна Дашкова (1744—1810), родная сестра графа А.Р. Воронцова, первый президент Академии наук. В результате конфликта с Екатериной II Дашкова считалась в отпуске с 1794 г. и с 1796 г. жила в своем подмосковном имении Троицкое. Однако Павел I приказал ей выехать в имение сына Коротово Новгородской губернии, и она смогла вернуться в Троицкое лишь в 1798 г. Радищев был знаком с Дашковой до своей ссылки, бывал в ее доме и пользовался ее расположением.

<38>

372 *Ответ на письмо, посланное мною государю императору.* — 6 декабря 1797 г. Радищев подал прошение на имя Павла I о разрешении ему навестить престарелых родителей. Разрешение было дано 28 декабря, и писатель отправился в Саратовскую губернию «по санному пути» со всеми своими семерыми детьми.

<39>

373 *Некий барин Zubov...* — Василий Николаевич Zubov, помещик села Анненково в шести верстах от Аблязова, родной дядя Платона Zubova, фаворита Екатерины II. Был известен крайне жестоким обращением с крепостными.

<40>

374 *Пребывание здесь внушает мне лишь грусть.* — Возможно, это настроение связано с категорическим нежеланием отца признать своими внуками детей Радищева от Е.В. Рубановской.

Итак, я остаюсь... — Радищев покинул имение родителей лишь 27 января 1799 г. и прибыл в свою деревню Немцово 7 марта.

Ящики — оставшаяся в Иркутске библиотека Радищева, составленная из книг, присылаемых ему графом Воронцовым и родственниками из петербургской библиотеки писателя.

Я и читаю и говорю лишь о сельском хозяйстве. — Радищев подбирал материалы и обдумывал сочинение «Описание моего владения» (1801—1802).

<41>

375 *Читаю пустые бредни о работах Экономического общества в Санкт-Петербурге.* — Труды Вольного экономического общества, учрежденного Екатериной II в 1766 г.

«Мессиада» Клопштока и *«Энеида»*. — *Клопшток* Фридрих Готлиб (1724—1803) — немецкий поэт и теоретик стихосложения. *«Мессиада»* — эпическая поэма в немецких гекзаметрах на библейские темы, над четырьмя томами которой автор работал более двадцати лет (1751—1773). На русский язык была переведена в 1785—1786 гг. другом Радищева масоном А.М. Кутузовым. *«Энеида»* — героико-эпическая поэма Вергилия (70—19 гг. до н.э.), написанная по мотивам *«Илиады»* Гомера.

376 *Тацит* Корнелий (ок. 55 — ок. 120) — древнеримский историк.

376 *Пятиглавая гидра французского правительства...* — Правительство Директории из пяти Директоров, избранное на основе контрреволюционной конституции 1795 г. и существовавшее с 1795 по 1799 г.

<42>

377 *Письмо... по поводу брата...* — Видимо, просьба о месте службы для Моисея Николаевича, которая была исполнена благодаря хлопотам графа Воронцова через Завадовского и князя Куракина.

<44>

379 *Эмпедокл не бросился бы в Этну.* — Одна из легенд о смерти древнегреческого философа и поэта Эмпедокла (ок. 485—425 до н.э.).

Антиной — римский юноша, прославившийся своей красотой. Храм в его честь воздвигнут римским императором *Марком Аврелием* Антонином (121—180), известным так же как последний римский крупный философ-стоик.

<45>

380 *Лейбниц* Готфрид Вильгельм (1646—1716) — немецкий философ.

<46>

381 *Фридрих Великий* — прусский король Фридрих II (1740—1786).

382 *«Сочинения философа из Сан-Суси»* — собрание произведений Фридриха II, составленное им самим на французском языке. *Сан-Суси* — дворец Фридриха в Потсдаме.

Виктор Гюго
МАРЬОН ДЕЛОРМ. ДРАМА

В переводе Ахматовой впервые — Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1953; 2-е изд. — М.: Искусство, 1958. Перевод выполнен Ахматовой по договору (от 29 декабря 1952 г.) с издательством «Художественная литература». Том 3 подписан в печать 10 ноября 1953 г. Комментарии С. Брахмана. Предисловие Гюго к драме «Марьон Делорм», написанное им в августе 1831 г., Ахматовой не переводилось, оно было взято из издания: Гюго В. Избранные драмы: В 2 т. Л.: Худож. лит., 1937, в т. 1 которого и предисловие, и текст драмы «Марьон Делорм» переведены Бенедиктом Константиновичем Лившицем (1886—1939). Лившиц — поэт и переводчик, в 1930-е годы много переводивший французских поэтов — «От романтиков до сюрреалистов» (1934), «Французская лирика XIX—XX вв.» (2-е изд., 1937). В 1937 г. Б.К. Лившиц был арестован, погиб в лагерях в 1939 г., — поэтому даже используя его перевод предисловия к драме «Марьон Делорм», издатели не могли назвать имя переводчика.

Гюго Виктор Мари (1802—1885) — выдающийся французский писатель, член Французской академии (с 1841 г.). Первоначальное название драмы — «Дуэль во времена Ришелье». Историческая эпоха, отображенная в романтической драме Гюго, — время правления во Франции Людовика XIII (1610—1643), становления абсолютной монархии. Точно указанное время действия — 1638 год. Наряду с подлинными историческими лицами — слабохарактерным королем Людовиком XIII, всевластным его первым министром, кардиналом Ришелье (который появляется лишь мельком в финале, но о нем говорят многократно все герои и его действия являются стержнем сюжета драмы), знаменитой куртизан-

кой XVII в., собиравшей в своем салоне цвет французской знати, — Марьон Делорм, аристократами Ланжели, де Лафемасом, герцогом де Бельмасом и др. — Гюго создал романтические образы лиц, реально не существовавших, но типичных для той эпохи и круга. Таков главный герой драмы *Дидье*. Постановка пьесы в 1829 г. была запрещена цензурой, четвертое действие послужило поводом к запрещению изображать на сцене коронованных особ. «Марьон Делорм» впервые поставлена через год после победы июльской революции 1830 г. и свержения династии Бурбонов, в театре Порт-Сен-Мартен 11 августа 1831 г.

Предисловие к драме в переводе Б.К. Лившица:

«Эта пьеса, представленная через полтора года после «Эрнани», была написана на три месяца раньше. Обе драмы сочинены в 1829 г.: «Марьон Делорм» — в июне, «Эрнани» — в сентябре. За исключением кое-каких незначительных поправок, которые нисколько не меняют ни основной мысли произведения, ни сущности характеров, ни соответствующей силы страстей, ни хода событий, ни даже расположения сцен или добавочных эпизодов, автор издает в августе 1831 г. свою пьесу в том виде, как она была написана в июне 1829 г. Она дана здесь без какой-либо существенной переработки или изменений, дополнительных спаек и иных переделок, не считая приспособления пьесы к условиям сцены, которого всегда требует постановка. Автор ограничился этим, то есть тем, что кое-где подрезал самые края своего произведения, без чего драма не могла бы плотно улечься в рамки театра.

Итак, пьеса два года оставалась вдали от театра. Мотивы этой отсрочки, с июля 1829 г. до июля 1830 г., известны публике: она была вынужденной, автору чинили препятствия. Сюда относятся, — быть может, он когда-нибудь опишет эту небольшую полуполитическую, полулитературную

историю, — сюда относятся цензурное вето, последовательное запрещение пьесы двумя министерствами — Мартиньяка и Полиньяка, и прямо выраженная воля короля Карла X. (Если автор произносит слово цензура, не прибавляя к нему эпитета, то только потому, что он достаточно открыто и достаточно долго боролся против нее, пока она господствовала, и имеет право не поносить ее сейчас, когда она принадлежит к числу низвергнутых сил. Если ее когда-нибудь осмелятся восстановить, тогда мы посмотрим.)

Отсрочка постановки «Марьон Делорм» еще на один год, с 1830 по 1831, была добровольной. Автор сам от нее воздерживался. Так как многие лица, с которыми автор не имеет чести быть знакомым, писали ему, спрашивая, существуют ли еще какие-нибудь новые препятствия к постановке пьесы, — автор благодарит их за любезное внимание, проявленное ими к столь маловажному событию, и считает своим долгом объяснить перед ними.

После изумительной революции 1830 г., когда театр среди общей свободы завоевал и свою свободу, заживо погребенные Реставрацией пьесы «сокрушили теменем камень своей гробницы», как говорит Иов, и всей толпой с большим шумом рассыпались по театрам Парижа, куда публика явилась рукоплескать им, еще трепещущим от радости и гнева. То было актом справедливости. Это опустошение цензурных архивов продолжалось несколько недель, вызывая у всех большое удовлетворение. Театр Французской Комедии вспомнил о «Марьон Делорм». Несколько влиятельных членов труппы посетили автора, они настойчиво уговаривали его, чтобы он позволил им поставить это произведение, освобожденное, подобно другим, от запрета. В то время повсюду проклинали Карла X, и запрещенный им четвертый акт пьесы имел бы, по их мнению, у зрителей политический успех. Автор должен откровенно сказать здесь, как он и тогда го-

ворил в дружеском кругу лицам, обратившимся к нему с этой просьбой, и, в частности, большой актрисе, так блестяще исполнявшей роль доньи Соль: именно это соображение — вероятность успеха политического характера — побудило его еще некоторое время не выпускать своего произведения в свет. Он почувствовал, что находится в особом положении.

Правда, он в продолжение многих лет принадлежит к числу если не самых знаменитых, то по крайней мере самых деятельных сторонников оппозиции; правда, с тех пор как он достиг зрелого возраста, он глубоко предан всем идеям прогресса, усовершенствования и свободы; правда, он, быть может, кое-чем засвидетельствовал свою преданность им, в частности — ровно год тому назад, по поводу этой самой «Марьон Делорм»; но он вспомнил, что, когда политические страсти привели его шестнадцатилетним юношей в литературный мир, его первые воззрения, то есть первые иллюзии, были роялистскими и вандейскими; он вспомнил, что написал «Оду на коронавание», — правда, в эпоху, когда Карл X, будучи популярным королем, говорил, вызывая этим общее ликование: «Конец цензуре! Конец алебардам!» Автору не хотелось, чтобы когда-нибудь ему могли поставить в упрек это прошлое — прошлое, исполненное, конечно, ошибок, но вместе с тем и убежденности, добросовестности и бескорыстия, какими будет исполнена, как он надеется, вся его жизнь. Он понял, что ему запрещен дозволенный всякому другому политический успех в связи с падением Карла X; что ему не подобает быть одной из отдушин, через которые вырвался бы наружу общественный гнев; что при виде этой пьянящей июльской революции его голос мог слиться с голосами лишь тех, кто рукоплескал народу, но не тех, кто проклинал короля. Автор поступил, как велел ему долг. Он сделал то, что сделал бы на его месте всякий благородный человек: он не дал согласия на постановку своей пьесы.

Вообще говоря, скандальный успех, достигаемый с помощью политических намеков, мало улыбается автору, — об этом он заявляет прямо. Подобный успех немногого стоит и бывает непрочен. Автор хотел с добросовестностью художника изобразить Людовика XIII, а не того или иного из его потомков. К тому же именно теперь, когда нет больше цензуры, авторы должны сами быть своими цензорами, честными, строгими и внимательными. Тогда они будут высоко держать знамя искусства. Когда располагаешь полной свободой, надо соблюдать во всем меру.

Сейчас, когда триста шестьдесят пять дней, то есть, по нынешним временам, триста шестьдесят пять событий, отделяют нас от низвергнутого короля; когда поток народного возмущения перестал обрушиваться на последние шаткие годы Реставрации, подобно морю, которое отступило от пустынного берега; когда Карл X забыт основательнее, чем Людовик XIII, — автор дал свою пьесу публике, и публика приняла ее совершенно так же, как автор дал ее: чистосердечно, без задних мыслей, как явление искусства, хорошее или плохое, но и только.

Автор поздравляет с этим себя и публику. Это уже кое-что, это — много, это, в настоящий момент увлечения политикой, для людей искусства — все, если литературное предприятие воспринимается именно как литературное.

И, наконец, автор должен заметить, что в царствование старшей линии Бурбонов этой пьесе была бы навсегда и решительным образом закрыта дорога в театр. Не будь июльской революции, ее никогда бы не поставили на сцене. Если бы данное произведение обладало большими достоинствами, на него можно было бы указать тем, кто утверждает, что июльская революция повредила искусству. Нетрудно было бы доказать, что это великое потрясение, при-

ведшее к свободе и гражданскому равенству, не повредило искусству, а послужило ему на пользу; что оно было ему не только полезно, но и необходимо. В самом деле, в последующие годы Реставрации новый дух XIX в. проник повсюду, преобразовал все, начал все сызнова: историю, поэзию, философию — все, кроме театра. Это странное явление объясняется очень просто: цензура окружала театр каменной стеной. Не было никакой возможности чистосердечно, во весь рост, честно, с беспристрастием, но вместе с тем и со строгостью художника, вывести на сцену короля, священника, вельможу, средние века, историю, прошлое. Мешала цензура, снисходительная к написанным в духе господствующей школы и исполненным условностей произведениям, которые все прикрашивают и, следовательно, все искажают, безжалостная к истинному искусству, добросовестному и искреннему. Можно с трудом насчитать несколько исключений; всего три-четыре подлинно исторических и драматических произведения смогли проскользнуть на сцену в те редкие моменты, когда полиция, занятая в другом месте, оставляла ее дверь приоткрытой. Так цензура не пропускала искусство в театр. Видок преграждал путь Корнею. А ведь цензура была неотъемлемой частью Реставрации: одна не могла исчезнуть без другой. Должна была, следовательно, совершиться социальная революция, чтобы могла произойти революция искусства. Когда-нибудь июль 1830 г. будет признан датой столько же литературной, как и политической. Теперь искусство свободно: от него зависит оставаться достойным.

Прибавим в заключение, что публика — так оно должно быть, и так оно есть — никогда не была лучше, просвещеннее и серьезнее, чем в настоящее время. Революции хороши тем, что они способствуют быстрому и одновременному и всестороннему — созреванию умов. В такое вре-

мя, как наше, инстинкт масс через два года становится господствующим вкусом. Жалкие, бывшие предметом споров слова «классический» и «романтический» канули в бездну 1830 г., как «глюкист» и «пиччинист» исчезли в пучине 1789 г. Осталось только искусство. Художника, изучающего публику, — а ее надо непрестанно изучать, — очень поощряет то, что в массах с каждым днем развивается все более серьезное и глубокое понимание того, что соответствует данному веку, не только в политике, но и в литературе. Отрадно видеть, как эта публика, обремененная множеством материальных забот, которые ее беспрестанно мучают и угнетают, толпой стекается смотреть первые произведения возрождающегося искусства, даже если они так несовершенны и полны недостатков, как это. Чувствуется, что она внимательна, проникнута симпатией и полна доброй воли, независимо от того, преподносят ли ей в исторической пьесе уроки прошлого или поучают ее в драме страстей вечным истинам. Несомненно, не было еще, на наш взгляд, более благоприятного момента для драмы. Настало, думается нам, время для того, кого Бог одарил гениальностью, создать целый театр, обширный и простой, единый и разнообразный, национальный по историческим сюжетам, народный по своей правдивости, человечный, непринужденный и всеобъемлющий по изображению страстей. За работу, драматурги! Эта работа прекрасна, она почетна. Вы имеете дело с великим народом, привыкшим к великим деяниям. Он видел их и совершал их сам.

Огромное расстояние отделяет нынешний век от веков минувших. Теперь театр может потрясти массы и всколыхнуть их до самого основания. Прежде народ был гигантской стеной, на которой искусство чертило лишь фреску.

Есть люди, и в том числе возвышенного ума, которые говорят, что поэзия умерла, что искусство невозможно.

Почему? Все всегда возможно во все времена, и в такое время, в какое мы живем, возможно больше вещей, чем когда-либо. Поистине можно ожидать всего хорошего от этих новых поколений, которые призывает такое великолепное будущее, одушевляет такой высокий замысел, поддерживает такая законная вера в самих себя. Автор этой драмы, гордящийся тем, что он принадлежит к ним, и счастливый тем, что он слышал порою в их устах свое имя, хотя он и занимает среди них самое скромное место, автор этой драмы ждет всего от своих молодых современников — даже великого поэта. Пусть этот еще скрытый гений, если он существует, не позволяет тем, кто жалуется на бесплодие, сухость и прозаизм нашего времени, лишит его мужества. Слишком зрелая эпоха? Невозможен самобытный гений? Не слушай их, юноша! Если бы кто-нибудь сказал в конце XVIII в., после времен Регентства, Вольтера, Бомарше, Людовика XV, Калиостро и Марата, что еще возможны Карлы Великие, грандиозные, поэтические и почти сказочные Карлы Великие, — все скептики того времени — то есть все общество — пожали плечами и рассмеялись. И что же! В начале XIX в. у нас были император и империя. Почему бы теперь не родиться поэту, который был бы по сравнению с Шекспиром тем, чем Наполеон является по сравнению с Карлом Великим?

Август 1831

Два министерства — Мартиньяка и Полиньяка. Министерство Мартиньяка в 1829 г. пыталось лавировать между партией короля, Карла X, и либеральной оппозицией, чем вызвало недовольство тех и других, и в августе 1829 г. было смещено министерством Полиньяка, крайне реакционным. Мартиньяк Жан Батист (1776—1832) — министр внутренних дел, фак-

тический глава кабинета в 1828—1829 гг., пытавшийся реформами укрепить монархию. *Полиньяк* Жюль Арман (1780—1847) — ярый клерикал, глава правительства в 1829—1830 гг., политика которого привела к июльской революции 1830 г.

...пьесы «сокрушили теменем камень своей гробницы», как говорит Иов. — Эта фраза в переводе Б. Лившица не имеет аналогии в каноническом библейском тексте. В переводах Ахматовой подобные цитаты она дословно брала из Библии (см. ниже ее переводы стихотворений Гюго).

Большая актриса — m-lle Марс, исполнявшая роль доньи Соль в драме Гюго «Эрнани» 1830 г.

«Ода на коронавание» — произведение Гюго (1825), когда он, молодой, но уже прославленный литератор, получил почетное приглашение на коронацию Карла X в Реймсе, и новый король вручил ему орден Почетного легиона.

Видок преграждал путь Корнелю. — Видок — полицейский сыщик и доносчик, в прошлом преступник. В 1828 г. появились «Мемуары Видока», откровенно повествующие о его неблагоприятной деятельности. Корнель Пьер (1606—1684) — великий французский драматург эпохи классицизма, положительные герои которого являются воплощением гражданской доблести и общественного долга.

«Глюкист» и «пиччинист» исчезли в пучине 1789 г. — Гюго имеет в виду, что революции вытесняют из общественного сознания даже значительные литературные или музыковедческие споры, каковыми были споры о классицизме и романтизме в канун июльской революции 1830 г. или споры сторонников Глюка или Пиччини в оперной музыке.

Глюк Кристоф Виллибальд (1714—1787) — знаменитый оперный композитор, реформатор оперы, начиная с написанных в Вене опер «Орфей и Эвридика» и «Альцеста». Превратил итальянскую и французскую оперу из легкой и развлекательной в исполненную драматизма и героики музыкальную трагедию. Пиччини Никколо (1728—1800) — итальянский оперный композитор, сторонник легкой сентиментальной и комической оперы.

После времен Регентства, Вольтера, Бомарше, Людовика XV, Калиостро и Марата... — Имена названы Гюго по принципу широкой известности этих людей: после них, казалось бы, невозможны новые Карлы Великие, но это суждение ошибочно. *Время Регентства* — правление Филиппа Орлеанского при малолетнем Людовике XV (1715—1723). *Вольтер* Франсуа Мари Аруэ (1694—1778) — писатель и философ, один из вождей французского просветительства XVIII в. *Бомарше* Пьер Огюстен Карон (1732—1799) — писатель, выдающийся драматург комедиограф. *Калиостро* — авантюрист конца XVIII в., мистификатор, гипнотизер, алхимик. *Марат* Жан Поль (1743—1793) — один из вождей Великой французской революции, оратор, ученый и публицист. Борец с жирондистами, добившийся установления якобинской диктатуры. *Карл Великий* (ок. 742—814) — франкский король, с 800 г. — император. Его победоносные войны в Италии и Саксонии привели к образованию огромной империи.

Действие первое

391 *Такую дружбу нам Ракан изображал.* — Ракан Оноре де Бюэй (1589—1670) — французский поэт, член Французской академии с 1634 г. Наиболее известное

его произведение — «Пастушеские сцены» (1625). Автор многочисленных сентиментальных стихов, псалмов, пасторалей с элементами комического.

392 «Сид» — трагикомедия (позже определялась как трагедия) П. Корнеля, поставленная и изданная в 1637 г. Положила начало эпохе расцвета французского классицизма, хотя борьба страсти и долга в этой трагикомедии еще не приобрела классицистской стройности утверждения главенства долга как государственного понятия. Долг понимался как принцип рыцарской фамильной чести, герои мало считались с королевской властью и действовали по законам рыцарской вольницы.

394 Подходя сегодня ночью к дому... — Сравнительная перевод Ахматовой с предшествующим переводом Б. Лившица, можно заметить строгую выдержанность торжественного слога в переводе Ахматовой, соответствующую содержанию речи и характеру героя Дидье — человека высоконравственного, преклоняющегося перед добродетелью и чистотой, не прощающего порока и презирующего падших или оступившихся. Приведем для сравнения соответствующий отрывок в переводе Б. Лившица:

В темноте завидя это зданье,
Я испытал прилив огромный состраданья.
Да, состраданья к вам. Я, проклятый судьбой,
Так рассуждал сейчас и спорил сам с собой:
Там, наверху, меня порою ждет полночной,
Девической красой сияя непорочно,
Такое существо, перед которым в прах
Должны склоняться все с молитвой на устах.
А я? Кто я такой? Я только червь ничтожный!
Зачем же гладь реки смущать неосторожно,

Срывая лилию? Зачем, как черный дым,
 Мрачить лазурь души дыханием своим?
 Не поступлю ли я заведомо бесчестно,
 Когда воспользуюсь невинностью небесной
 Безгрешной девушки и дерзостно солью
 С ее роскошным днем глухую ночь свою?

М а р ь о н

Он слишком, кажется, привержен к богословью.
 Не гугенот ли он?

В переводе Ахматовой отклик Марьон на пылкую речь Дидье звучит иначе: «Он это почерпнул в истории священной. А вдруг он гугенот?» Восторженная речь Дидье в тексте Гюго и в переводе Ахматовой насыщена библейскими поэтическими образами — таковы сравнение возлюбленной с лилией, себя с червем и пр. Перевод Ахматовой, в частности слова о Библии как об «истории священной», точнее психологически и стилистически передают текст Гюго, чем фраза Б. Лившица «привержен к богословью». В словах: «А вдруг он гугенот?» в переводе Ахматовой — звучит испуг, что исторически оправдано: это испуг и за судьбу их любви, и за жизнь возлюбленного. *Гугенот* — протестант-кальвинист, здесь также в смысле: человек религиозный, придерживающийся строгой морали. Борьба католиков и гугенотов во Франции к началу XVIII в. временно затихла, так как после отречения от кальвинизма вождя гугенотов Генриха Бурбона, он, став королем Генрихом IV, издал в 1598 г. эдикт о веротерпимости. Однако вступление Франции в 1635 г. в «Тридцатилетнюю войну» (1618—1648) на стороне союза католических государств привело к новому обострению борьбы с «еретиками» —

гугенотами внутри страны (см. во 2-м действии: «Десятками казнят у нас еретиков»).

402 Фрина — греческая куртизанка.

Действие второе

411 Кардинал — Ришелье Арман Жан дю Плесси (1585—1642), герцог, кардинал, первый министр Людовика XIII и фактический правитель Франции с 1624 г.

414 У меня в гербе безанов шесть. — Здесь: заявление о своей знатности. *Безан* — от французского *le besant*, византийская монета, позже — золотой или серебряный диск на гербе.

415 «Мелита, или Подложные письма» — первая комедия Пьера Корнеля, поставленная в 1629 г. Ранние произведения П. Корнеля противопоставляются «Сиду», постановка и публикация которого вызвали бурную полемику. Против трагедии и ее автора выступали Ж. де Сюдери, Ж. Мере и др. Кардинал Ришелье потребовал от Французской академии официального осуждения «Сиды». В 1638 г. было опубликовано «Мнение Французской академии о трагикомедии «Сид», осуждавшее трагедию за отступление от классицизма.

416 Сюдери Жорж (1601—1667) — поэт и драматург, член Французской академии с 1650 г. В галантных стихах, пасторалях, трагикомедиях и комедиях на сюжеты пасторальных романов и античной истории прославлял французскую знать. Автор брошюры «Замечания по поводу «Сиды» (1637),

«Брадаманта» (1580) — трагикомедия Робера Гарнье (1544—1590), одного из предшественников французс-

кого классицизма. Написана на сюжет «Неистового Роланда» Ариосто.

416 «Пирам» — «Пирам и Фисба» (1617), трагедия Теофиля де Вио (1590—1626), французского поэта и драматурга, известного своими вольнодумными стихами, конфликтами с государством и церковью, за которые он подвергался репрессиям — приговорен к сожжению, выслан из Франции и т. д.

«**Великий Сулейман**» — произведение Жана Мере (1604—1685), поэта и драматурга-классициста, разработавшего правила «трех единства» классической трагедии.

Буаробер Франсуа Ле Метель (1592—1662) — аббат, писатель, литературный секретарь кардинала Ришелье. Автор сценариев для придворных балетов, остроумных сатирических посланий, пьес, написанных в подражание испанской комедии «плаща и шпаги».

Шапелен Жан (ум. в 1674) — второстепенный поэт, сторонник Ришелье. Член Французской академии. Им составлен текст отрицательного отзыва академии о «Сиде» Корнеля.

Фаре Николая (ок. 1596—1646) — поэт и драматург, способствовал созданию Французской академии.

Серизе, Абер, Жири, Мальвиль, Шеризи и пр. — Гюго называет имена второстепенных французских авторов, современников Корнеля.

Дюрье Пьер (1605—1658) — поэт и переводчик.

Кольте Гийом (1598—1659) — поэт, в числе пяти поэтов работал при кардинале Ришелье, сочинял стихи для

его драматургических набросков. Член первого состава Французской академии (1634).

416 Гомбервиль Марен Леруа де (1600–1664) — автор прециозных стихов, популярного романа «Изгнание Полександра» (1629–1637), член Французской академии с 1634 г.

Академия высокая — Французская академия, основанная кардиналом Ришелье в 1629 г. Помимо выдающихся писателей в нее входили второстепенные авторы, поддерживавшие кардинала Ришелье.

Арди Александр (ок. 1560 или 1570 — ок. 1631 или 1632) — придворный драматург, автор около 700 трагедий, трагикомедий и пасторалей, преимущественно на античные или испанские сюжеты. Пользовался успехом в аристократических кругах Франции.

417 Епископ Грасса Годо — Антуан Годо (1605–1672), епископ, поэт, автор трактатов на темы морали.

Аристотель (384–322 до н.э.) — древнегреческий философ, ученый-энциклопедист, создатель «Поэтики» и «Риторики». Среди эстетических учений Аристотеля одна из важнейших — созданная им концепция трагедии.

420 Марильяк — Маршал Луи Марильяк, был казнен в 1632 г. за участие в заговоре против кардинала Ришелье, организованном матерью короля Людовика XIII, Марией Медичи (1573–1642), после смерти в 1610 г. Генриха IV — регентшей при малолетнем Людовике XIII, правившем в 1610–1643 гг.

421 Дуэль! Забыли вы о графе Бугенвиле. — Кардинал Ришелье запретил дуэли под страхом смерти. Не-

смотря на этот запрет, граф Бугенвиль в 1627 г. дрался на дуэли средь бела дня на Королевской площади в Париже, за что был казнен.

422 Плутон — в античной мифологии бог подземного мира.

424 Прево — в средневековой Франции должностное лицо с судебными и административными функциями.

Действие третье

440 И надо наказать Пеке и мудрецов... — Пеке Жан (1622—1674) — медик и анатом, обессмертивший свое имя открытиями в области физиологии.

442 Орден Святого Духа — рыцарский орден, учрежденный во Франции Генрихом III в 1578 г.

445 ...сдержанней Сократа. — Сократ (466—399 до н.э.) — древнегреческий философ, за враждебное отношение к афинской демократии был приговорен к смерти и должен был выпить кубок яда.

451 Химена — здесь: молодая героиня, испанка (по имени главной героини трагикомедии Корнеля «Сид»).

452 ...умчи / Жену Оргонову или его невесту / И Мавра пригвозди своим кинжалом к месту. — Дидье предлагается сыграть типаж «лжеца и хвастуна», примеры возможных сюжетов и ролей для него Гюго берет из разных пьес, в том числе из комедии Мольера «Тартюф, или Обманщик», написанной в 1664 г., т.е. намного позже, чем происходит действие его драмы.

Жена Оргонова — Эльмира.

461 Баскина (от фр. *la basquine*) — юбка национального костюма басконок. Здесь: часть испанского костюма.

464 Так принял наш король от Меровингов трон. — *Меровинги* — первая династия франкских королей (V—VIII вв.). Сравнение ироническое, так как речь идет о смене любовников Марьон.

466 Алькад — алькальд, городской судья, старшина общины в Испании.

467 Родриг здесь торжествует. — Дон Родриго — главный герой трагедии Корнеля «Сид», возлюбленный Химены, по трагическому стечению обстоятельств вынужденный убить ее отца, но в конце концов ставший мужем Химены.

476 «О, если жизнь и честь так не милы тебе...» — Марьон читает монолог Химены из 5 действия, 1 явления трагедии Корнеля «Сид».

485 Здесь я единственный, кто властвует и судит. — Во Франции XVII в. феодал в своем поместье являлся высшей политической и судебной властью. С этими феодальными привилегиями боролся сторонник абсолютизма кардинал Ришелье.

Действие четвертое

488 Вы лишь *Ventre-Saint-Gris* скажите королю. — Двусмысленное французское выражение (*ventre* — брюхо, утроба, *saint* — святой, *Gris* — пьяница), которое употреблялось в кругу приближенных короля Генриха IV в качестве клятвы, должно напомнить королю-сыну о дружбе маркиза де Нанжи с его отцом.

490 Приматиччо Франческо — итальянский художник, скульптор и архитектор XVI в., принимавший участие в украшении Шамборского замка.

497 Епископ Арльский это. — Арль — порт на юге Франции.

Епископ бил врагов неодолимо / Под Ла-Рошелю. — См. коммент. к письму LIII к Рубенсу.

503 Эминенция (от лат. eminentia и фр. la éminence) — превосходство, совершенство. *Votre Eminence* — ваше преосвященство, титул кардинала. *Красная эминенция* — здесь: Ришелье, по цвету пурпурной кардинальской мантии. *Серая эминенция* (от фр. *Eminence gris*) — тайный советник, «серый кардинал», здесь — аббат Жозеф, помощник и «тьень» Ришелье.

504 Изменой разогнал / Он Лигу... — Лига и Уния — наименования двух противостоящих объединений сил и государств в период Тридцатилетней войны 1618—1648 гг. Лига — объединение католических сил и государств, Уния — объединение протестантских сил, гугенотов.

...свой грозный меч подъял / На друга Австрию. — Австрия была одним из главных государств Католической лиги. Из рода австрийских Габсбургов происходила жена Людовика XIII, Анна Австрийская, дочь испанского короля Филиппа II Габсбурга и внука Карла V Габсбурга, германского императора и испанского короля, отца Филиппа II. Далее в диалоге короля и герцога Бельгарда перечисляются интриги Ришелье в период Тридцатилетней войны, направленные на ослабление государств Католической лиги с целью усиления Франции.

505 *Зато излечивать дано вам золотуху.* — По древнему поверью, короли Франции и Англии могли излечить больного золотухой одним прикосновением.

506 *Гревская площадь* — место казней в Париже.

507 *Мою он мать ссылает!* — Королева-мать Мария Медичи подвергалась преследованиям после неудачного заговора против Ришелье в 1630 г.

Густав-Адольф — шведский король (1611–1632), противник Лиги и германского императора в Тридцатилетней войне. Людовик XIII как католик и король католической Франции должен был быть противником Густава-Адольфа, но Ришелье поддерживал того, чтобы ослабить прежде всего Германию и Австрию во имя усиления Франции.

512 *Когда пустеет Лувр и люден Монфокон.* — *Лувр* — королевская резиденция в Париже. *Монфокон* — пригород Парижа, место заточения и казни политических преступников, в данном случае — противников Ришелье.

517 *Родитель ваш... пронзен кинжалом.* — Генрих IV в 1610 г. был убит ударом кинжала фанатиком — иезуитом Равальяком.

529 *Монтень изрек: «Как знать?» Рабле сказал: «Быть может»...* — Крылатые фразы, одна — из «Опытов» французского философа-гуманиста Мишеля де Монтеня (1533–1592), выражающая его сомнения в догмах, прежде всего — догмах религии. Вторая — сказана великим французским писателем Франсуа Рабле (1494–1553) перед смертью: «Я отправляюсь искать великое быть м о ж е т».

Действие пятое

535 Левнафан — в библейской мифологии морское чудовище наподобие крокодила, гигантского змея или дракона.

554 К твоим ногам уста прильнут! — Сцена перед казнью в изображении Гюго и переводе Ахматовой приближена к евангельскому сюжету о Христе и Марии Магдалине, здесь: грешнице, ставшей святой благодаря великой очищающей силе любви. Ср. строки Ф.И. Тютчева: «*Душа готова как Мария / К ногам Христа навек прильнуть...*» (1855).

574 Стоя с развевающимися волосами. — Гюго придал Марьон в заключительной сцене драмы облик героини картины своего современника Эжена Делакруа (1789–1863) «Свобода на баррикадах» — женщины с развевающимися волосами, призывающей к ненависти и борьбе.

Перевод финала драмы принадлежит к бесспорным удачам Ахматовой. Ср. с переводом Б. Лившица, у которого в ремарке героиня характеризуется как женщина «с растрепанными волосами», а ее заключительная фраза переведена так: «*Вот в красной мантии палач! Вот он — дивитесь!*»

Виктор Гюго

СТИХОТВОРЕНИЯ

Перевод Ахматовой впервые в изд.: Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. М.: ГИХЛ. Т. 1, XII, XIII, 1953–1956 гг. Переводы выполнены Ахматовой по договорам от 18 июня 1952 г. с издательством «Художественная литература» на

112 строк, затем в 1954 г. на 400 строк и 21 марта 1956 г. на 167 строк, — «из них «Несколько слов другому» — впервые публикуемые». Составляя в 1960-е годы список своих переводов, в который вошли имена 42 авторов, Ахматова первым называет имя Гюго: «1. Гюго — «Марьон Делорм (2 издания). 1-а) Гюго — стихи в 1-ом, XII, XIII тт. собр. соч.». Восемь стихотворений, переведенные Ахматовой, взяты из сборников Гюго «Восточные мотивы» («Прощание аравитянки»), «Осенние листья» («Впустите всех детей...»), «Созерцания» («Несколько слов другому»), «Лучи и тени» (К Л. — «С тростинкой хрупкою надежды наши схожи...»), «Искусство быть дедом» («Таким мой создан дух...»), «Легенда веков» («Двое нищих», «Свадьба Роланда» и «Новые дали»).

575 Прощание аравитянки. Написано Гюго 14 ноября 1828 г., вошло в сборник 1829 г. «Восточные мотивы», в котором ярко выражена симпатия поэта к борющейся за независимость против турок Греции.

Аравитянка — библейское наименование жительницы пустыни; аравитяне — кочевые племена, населяющие пустыни и степи севера Аравийского полуострова.

Эпиграф — Бытие, 34, 10, приведен Ахматовой по русскому тексту Библии с незначительным осовремениванием текста (пред вами — перед вами). Романтическая экзотика Востока передана Ахматовой средствами русского романтического стиха. «Белый друг», уезжающий от аравитянки, — это «юноша-орел», цели которого не определены в тексте, а опасности, ему грозящие, — не реального, а мистического свойства: старухи, напоминающие шекспировских ведьм из «Макбета», некие колдуны-заклинатели, чертящие волшебный круг на берегу потока.

577 «Впустите всех детей. О, кто сказать посмеет...» Написано Гюго в мае 1830 г., входило в сборник «Осенние листья», изданный 1 декабря 1831 г.

Эпиграф — сокращенная фраза из обращения Иисуса к ученикам, имеющаяся в Евангелиях от Матфея, 19,14; Марка, 10, 14 и Луки, 18, 16: «Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко мне, ибо таковых есть Царство Небесное. И возложив на них руки, пошел оттуда». Точную фразу Ахматова, очевидно, взяла из Евангелия от Марка, 10,14: «...пустите детей приходить ко мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие».

580—584 **Несколько слов другому.** Написано Гюго в ноябре 1834 г. в Париже. Входило в сборник «Созерцания» 1856 г. Является декларацией поэта-романтика, порывающего с прежде считавшимися незыблемыми канонами классицизма.

Жеронт — герой комедий Мольера «Лекарь поневоле» и «Плутни Скапена», малообразованный богач, попадающий впросак из-за своей доверчивости, прямолинейности и самоуверенности.

Буало Никола (1636—1711) — французский поэт, теоретик классицизма. Одним из основополагающих тезисов его поэтики был принцип подражания природе.

Бугур, отец Рене — французские литераторы эпохи классицизма.

Ришле Пьер Сезар (1631—1698) — французский лексикограф, автор словаря.

Кастальский ключ — родник на горе Парнас, около Дельф, символ поэтического вдохновения.

Квинтилиан Марк Фабий (ок. 35—95) — римский ритор, учитель красноречия, автор книги «Наставление в ораторском искусстве».

Вегетий — теоретик военного искусства.

Лагарп Жан Франсуа де (1739—1803) — французский драматург и теоретик классицизма.

Геликон — гора в Греции, в Беотии, синоним Парнаса; обиталище муз.

Долой Расина! Мы Мольера увенчали. — Имена Расина и Мольера используются Гюго как нарицательные: *Расин* — здесь: представитель устарелой школы классицизма, *Мольер* — здесь: автор-новатор, которому следует романтическая школа.

Дюсис Жан Франсуа (1733—1816) — французский драматург, сторонник просветительского классицизма, перелавший для французской сцены трагедии Шекспира, подчиняя их сюжетам правилам «трех единств» классицизма.

Ротру Жан де (1609—1650) — французский драматург, ранние пьесы которого отличались остротой и запутанностью сюжета, испанским колоритом в духе Лопе де Вега и изображением бурных страстей. В конце 1630-х годов под влиянием Корнеля принял законы классицизма, прежде всего правило «трех единств», сохранив и в своих поздних пьесах лучшие черты раннего творчества.

Лукреция — героиня одной из древнеримских легенд. Тит Ливий рассказывает историю юной римлянки VI в.

до н.э., которую обесчестил сын последнего римского царя Тарквиния Гордого Секст. Она заставила отца и мужа поклясться, что они отомстят ее обидчику, и закололась на их глазах. Следствием этого было падение царской власти в Риме. Этот сюжет был использован Овидием, Шекспиром и многими другими авторами.

Герострат — грек из Малой Азии, который, желая прославиться, сжег в 356 г. до н.э. храм Артемиды в Эфесе.

Аттила (ум. в 453 г.) — предводитель гуннов, возглавлял союз гуннских племен, совершавших опустошительные набеги на Галлию и Италию.

Пиндар (522 или 518 — ок. 442 до н.э.) — древнегреческий поэт, автор торжественных победных од.

Вергилий (70—19 до н.э.) — римский поэт, автор эпической поэмы «Энеида».

Каллиопа — в греческой мифологии одна из девяти муз, покровительница эпической поэзии, мать поэта и певца Орфея.

Страдалец Алигьери — Данте.

Менады — вакханки, в греческой мифологии спутники Диониса.

Один из могикан. — Могикане — племя индейцев-алгонкинов на восточном побережье Северной Америки, истребленное в XVIII в. голландскими и английскими колонизаторами.

Не нарушай покой своих мокрот почтенных. — В XVII в. в схоластической медицине было распространено

но учение о том, что все болезни являются следствием накопления в организме вредных мокрот. Подобную теорию излагает в комедии Мольера «Лекарь поневоле» невежественный Сганарель столь же невежественному Жеронту.

Пинд — гора на севере Греции, обиталище Аполлона и муз, аналог Геликона и Парнаса.

Великий Людовик — Людовик XIV (1643–1715).

Баттё Шарль (1713–1780) — литератор, теоретик искусства, автор курса истории литературы.

Танкред — благородный рыцарь, герой одноименной трагедии Вольтера, действие которой происходит в 1005 г. в рыцарской республике Сиракузы, осажденной маврами. Танкред — псевдоисторическое лицо, гордый воин, победитель мавров, не сломленный ни страданиями, ни клеветой, ни интригами злодея, стремящегося отнять у него честь, богатства и возлюбленную Аменаиду.

585 К Л. («С тростинкой хрупкою надежды наши схожи...»). Написано Гюго 2 июня 1839 г. Входило в сборник «Лучи и тени» 1840 г. Обращено, возможно, к дочери Леопольдине.

Альциона — героиня древнегреческих мифов: дочь Атланта, одна из Плеяд; жена царя Кеика, погибшего при кораблекрушении. Альциона от отчаяния бросилась в море и была превращена в зимородка или чайку.

586 «Таким мой создан дух...». Входило в сборник «Искусство быть дедом» (1877).

Столп Траяна. — Траян Марк Ульпий (53–117) — римский император (98–117). Прославился справедливос-

тью, уничтожением доносчиков и многочисленными победоносными войнами. После завоевания Дакии и превращения ее в 106 г. в римскую провинцию — по приказанию Траяна в Риме была сооружена обширная площадь, получившая название «Форум Траяна», в центре которой высилась мраморная колонна, украшенная барельефами с изображениями эпизодов войны с даками. Высота колонны равнялась высоте скрытого при сооружении форума Квиринального холма (ок. 40 метров). Форум был открыт в 112 г.

Жанна — внучка Гюго.

587 Двое нищих. Вошло в лирико-эпический цикл «Легенда веков», три тома которого печатались в 1859, 1877 и 1883 гг.

Петром и цезарем зовут их в мире этом. — Святой *Петр* — здесь: символ католичества и Папской власти, в пользу которой со времен Карла Великого был установлен особый налог, который обязано было платить все население страны; *цезарь* — здесь: королевская власть, также разоряющая народ податями и налогами.

588—594 Сватовство Роланда. Поэма входила в цикл «Легенда веков». Написана Гюго по мотивам старинных франкских народных героических сказаний о витязе Роланде, в частности — средневекового франкского эпоса «Песнь о Роланде» XII в.

Роланд — историческое лицо, маркграф или префект бретонской марки Хруодланд, принимал участие в походах Карла Великого, в последнем походе 778 г. против испан-

ских мавров командовал арьергардом французских войск, когда основная часть армии Карла Великого покидала Испанию, погиб в 778 г. в битве с басками в Ронсевальском ущелье. Сюжет поэмы «Сватовство Роланда» Гюго окрашен иронией в адрес героев, отважно сражающихся не с врагами Франции и христианства, а друг с другом по неясной из текста поэмы причине.

Архангел Михаил / ...поднявший меч на Феба. — В сознании старофранцузских авторов «Песни о Роланде» античные божества — Аполлон (Феб) и пр. — были одними из мусульманских идолов или божеств и упоминались рядом с Магометом.

Один был Оливьер. — В «Песни о Роланде» граф Оливье, друг Роланда и брат его невесты Альды (у Гюго — Оды) противопоставлен безрассудно смелому Роланду как более осторожный и разумный. У Гюго это два юных и безрассудных пажа.

...с ним верный Дюрандаль. — У сподвижников Карла Великого мечи и кони носили имена, имеющие значимый смысл. *Дюрандаль* — меч Роланда — от слова *dur* — твердый, прочный. Гюго также приводит имена мечей, хранившихся в роду графа Вьеннского Оливьера — *Клозамон*, *Синнагог*, — но эти названия расшифровываются поэтом произвольно, что придает расшифровке иронический смысл: *Клозамон*, что Яркobleщущим среди людей зовется.

Шисак — остроконечная вершина металлического шлема.

Брат матери моей, французов повелитель. — Роланд обращается к Карлу Великому, которому приходился племянником.

Так Ода сделалась невестою героя. — Это единственная (заключительная) строка поэмы Гюго, оправдывающая название — «Сватовство Роланда» и усугубляющая иронический смысл всего произведения. В «Песни о Роланде» невеста Альда упоминается тоже мельком, хотя ей уделено несколько больше внимания: она умирает от горя при известии о смерти суженого, несмотря на то, что Карл предлагает ей заменить погибшего племянника Роланда своим сыном и наследником Людовиком. Перевод Ахматовой передает иронию, свойственную стиху Гюго в этом произведении.

593 Новые дали. Входило в цикл «Легенда веков». Построено на противопоставлении эпохи Гомера, когда Муза воспевала прежде всего войны и гибель героев, — и новой эпохи мирных радостей, ставших объектом внимания современной Музы.

Лакедемон — Спарта.

Улисс угадывал за прялкою Ахилла. — По древнегреческому преданию, мать Ахилла, богиня Фетида, желая уберечь его от Троянского похода, спрятала сына среди девушек во дворце царя Ликомеда, нарядив его в женское платье. Но хитроумный Улисс (Одиссей) принес девушкам дары, среди которых были меч и военные доспехи. Ахилл сразу выбрал их и этим выдал себя.

И пела муза та лишь тел безгласных груду. — Речь идет о многочисленных сценах сражений в древнегреческих сказаниях, и в частности в «Илиаде» Гомера.

Тигрица — божество, ты, воплощение зла (и далее). — Гюго использует «внутренние цитаты» из «Илиады» Гомера: черная туча войн над Грецией — черные тучи, мрак над полем битвы, в котором греки не видят ни своих, ни врагов — «Мраком покрыты глубоким и ратные мужи, и кони» («Илиада» в пер. Н.И. Гнедича, гл. XVII, ст. 644);

«Убей, убей, умри, убей...» — ср. крик Ахиллеса над телом умирающего врага Гектора: «Но к нему, и к умершему, сын быстроногий Пелеев / Крикнул еще: «Умирай!» («Илиада», гл. XXII, ст. 364–365).

Герою меч дала... — Ахиллесу, в ходе битвы с троянцами отдавшему свои доспехи другу Патроклу, впоследствии убитому троянским героем Гектором, забравшим эти доспехи себе. Новое вооружение специально заказала у Гефеста мать Ахиллеса, морская богиня Фетида (гл. XVIII). Любопытно отметить, что французский поэт говорит прежде всего о мече, между тем как доспехи греческого героя состояли из средств защиты — щита, брони, шелома и поножей, средством нападения были преимущественно пика и длинноствольные копья (дроты), так как в сражении воины участвовали стоя на колесницах позади возниц, лук со стрелами и, наконец, меч, который употреблялся только спешившимися всадниками в ближнем бою.

Как Гектора вдоль стен безжалостно влачить. — Герой троянцев Гектор, которому покровительствовал бог Аполлон, убил друга Ахиллеса Патрокла и многих других греческих воинов, поэтому Ахиллес был к нему особенно жесток: убив его, он «обнажил» его тело, т.е. снял с него доспехи и, привязав за ноги к своей колеснице, протаскивал вокруг стен Трои. Ахиллесом в его действиях руководила

Паллада Афина, обманом уговорившая Гектора сразиться с Ахиллесом, а не уклоняться от битвы. Право героя на отмщение поощряла и богиня Гера, но надругательство над телом убитого было поступком, недостойным героя, поэтому в конце концов Ахиллес, побуждаемый Зевсом, вернул тело Гектора родителям, Приаму и Гекубе, для погребения.

Лозунг **«Войны мы больше не хотим»** в русском тексте Ахматовой приобретал особый злободневный для 1950-х гг. смысл. Гюго и в годы республики 1848—1851 гг., и в годы империи Наполеона III и своего изгнания говорил о другом: *«И братьям помогать мы примемся своим, / Чтoб подлость искупить, содеянную нами»*. Поэт имел в виду внутреннюю политику Франции — подавление восстания и зверскую расправу с рабочими, восставшими в 1848 г., и внешнюю политику — он считал необходимым вывод французских войск из Римской республики, куда они были введены для восстановления светской власти Папы («Речь по Римскому вопросу», 1849).

И вот, изгнанник, я без усталости тружусь. — Гюго стал изгнанником после государственного переворота 2 декабря 1851 г., осуществленного Луи Бонапартом, до этого занимавшим пост главы Французской республики, где и сам Гюго был членом парламента. После переворота вышел приказ об аресте писателя, ему пришлось перейти на нелегальное положение, бежать из Франции. Какое-то время он жил в Брюсселе, где написал памфлет «Наполеон Малый». Затем, после протеста бельгийского правительства, переехал на английский остров Джерси, а в 1855 г. на более отдаленный остров Гернсей. Неприятие политики Наполеона III выразилось во многих стихах Гюго этих лет, в его политических памфлетах: в защиту осужденного на

смерть Джона Брауна, восставшей Польши, критских патриотов, угнетенных турками, и пр. Им были написаны книга «Возмездие», сборник «Созерцания» (в 2 т.), «Четыре вихря духа», «Песни улиц и лесов», «Вся лира», «Легенда веков» (в 3 т.), а в 1860-е годы романы «Отверженные» и др. Изгнание продолжалось 19 лет и закончилось 2 сентября 1870 г., в день падения империи Наполеона III, когда Гюго, приветствовавший свободу и республику, сел в поезд, идущий в Париж.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н.В. Королева. «И вот чужое слово проступает...»</i>		
О переводах Анны Ахматовой	5	—
ПЕРЕВОДЫ		
<i>Рейнер Мария Рильке. Одиночество.</i>	71	598
<i>Антеру ди Кенталь. Заре</i>	72	598
<i>Петр Павел Рубенс. Письма</i>		
I. Испания — Рим	75	599
II. Художник.	101	604
III. Письма к Карлтону	133	614
IV. Гуманист	150	616
V. Письма к Пейреску	162	619
VI. Письма к Валавэ	208	629
VII. Письма к Дюпюи	238	635
<i>Уильям Шекспир. Макбет</i>		
(Отрывок из III картины I действия)	261	639
Из книги «Рукою Пушкина»	266	639
<i>Джон Ноэль Гордон Байрон. Гаяур</i>	266	639
<i>Вильям Вордсворт. Экскурсия</i>	266	640
<i>Бари Корнуолл. Марциан Колонна</i>	267	640
<i>Александр Сергеевич Пушкин. Французские</i>		
стихотворения	268	640
Мой портрет	268	641
Кж. В.М. Волконской	269	642
Куплеты	270	642
<i>Даниэл Варужан. Первый грех</i>	272	645

<i>Ежише Чаренц</i>	275	645
Газелла моей матери	277	646
В подвале Зимнего дворца	278	646
На родине	279	—
«Я вижу дали пред лицом твоим...»	279	—
Эпическое утро	280	—
Гимн любви, посвященный отважным юношам будущего	281	646
I. «Когда приходит новая весна...»	281	—
II. «Нам свыше предназначена она...»	282	—
III. «Иди по лугу юности весной...»	282	—
Наш язык	283	646
Гимн умершим	284	—
«Певцов полно, да песен тех, чтоб сердце укололи, нет...»	285	—
<i>Станислав Балинский</i> . Варшавская колядка 1939 года ...	286	647
<i>Эди Огнецвет</i> . Узбекское небо	287	648
<i>Омар Хайям</i> . «Если пьешь ты вино, только с умным дели его, друг...»	288	648
<i>Александр Николаевич Радищев</i> . Письма из ссылки к графу Александру Романовичу Воронцову	291	648
<i>Виктор Гюго</i> . Марьон Делорм (<i>Драма</i>)	383	670
<i>Виктор Гюго</i> . Стихотворения	575	689
Прощание аравитянки	575	690
«Впустите всех детей. О, кто сказать посмеет...»	577	691
Несколько слов другому	580	691
К Л. («С тростинкой хрупкою надежды наши схожи...»)	585	694
«Таким мой создан дух, что не смутил ни разу...»	586	694
Двое нищих	587	695
Сватовство Роланда	588	695
Новые дали	593	697
Комментарии	595	—

Ахматова А.

- А 95** Собрание сочинений. Т. 7 (дополнительный). Переводы. 1910—1950-е годы / Сост., подгот. текста, коммент., статья Н.В. Королевой. — М.: Эллис Лак 2000, 2004. — 704 с.

ISBN 5-88889-020-0 (т. 7, доп.)

ISBN 5-88889-029-4

В седьмом томе впервые собраны воедино переводы А. Ахматовой, сделанные ею в 1910—1950-е годы. В книгу вошли как стихотворные (Р.М. Рильке, А. ди Кенталь, У. Шекспир, В. Гюго, Д. Варужан, Е. Чаренц, С. Балинский и др.), так и прозаические переводы (П.-П. Рубенс, А.Н. Радищев).

УДК 882А1-14

ББК 84Ря44

~ ~ ~

Ахматова Анна Андреевна

Собрание сочинений

Том седьмой
(дополнительный)

Редактор *Т.А. Горькова*
Художественный редактор *В.Н. Сергутин*
Корректор *Е.И. Коротаева*

Компьютерная верстка — *А.Б. Метелкин*

Подписано в печать 20.11.2003
Формат 84x108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Академическая»
Печ. л. 22 Усл. печ. л. 36,96. Тираж 3000 экз.
Заказ 2190.

ЛР № 01716 от 05.05.2000.

Издательство «Эллис Лак 2000»
123242, Москва, Красная Пресня, д. 6/2, к. 16
Тел. 254-74-72. Факс: 254-26-11
e-mail ellisluck2000@mail.ru

ISBN 5-88889-020-0

9 785888 890202

ГУП Московская типография № 2
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций (МПТР России).
Тел : 282-81-41. 129085, Москва, пр. Мира, 105

